

Никита Юферов

СМОЛЬНИНСКОЕ

Приключения дерзких депутатов

Никита Юферев

Смольнинское

Приключения дерзких депутатов

2024

© Никита Юферев, 2024

Фотография на обложке: автор Константин Леньков,
права принадлежат Никите Юфереву. 2022

Полная хроника самого скандального муниципалитета России.

В 2019 году оппозиция выиграла выборы в петербургском муниципалитете Смольнинское. Обычные люди стали депутатами, чтобы добиться изменений. Вертикаль власти отчаянно сопротивлялась, не стесняясь в средствах, вплоть до шантажа и насилия.

Автор книги депутат Никита Юферев рассказывает о различиях в работе системных и оппозиционных политиков, махинациях на выборах и коррупционных схемах. Такие подробности можно увидеть, только оказавшись внутри системы.

На примере одного муниципалитета наглядно показана деградация политических институтов современной России.

ISBN 978-1-4457-2837-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	6
Часть первая. Выборы	9
Вам сюда нельзя	11
Что такое Смольнинское?	18
Тернистый путь в бюллетень	24
Кампания	32
День выборов	51
Часть вторая. В оппозиции	65
Как улучшить округ для жителей	67
Переговоры	72
Выборы главы муниципалитета	81
Умное голосование	87
Первые заседания	95
Совет Советов	101
Битва за бюджет	106
Депутат предложил вешать котов	119
Конкурс ГМА	122
ЛГБТ и выборы главы администрации Смольнинского ...	133
Королев	149
Контрольно-счетная комиссия	156
Коронавирус	166
«Без Единой России — не красиво»	171
Лучшая поправка — Путина отставка!	180
Мы договоримся	193
Часть третья. В коалиции	211
Нападение на муниципальный совет	213
Пропали 82 человека	231
Бюджет 2020	241
Третье чтение и Александр Пушкин	251
Двери закрываются	266
Как губернатор отобрал у нас деньги	272
«Порвали портрет главнокомандующего»	276
Куда пропал Ранков?	292

Как заманить депутатов на заседание	297
Бюджет 2021	306
Заседание за решеткой	315
Навальный	330
И.о. главы	338
Повелитель печати	346
Уголовные дела	357
На крыльце	367
Совет работает	373
Взрыв	382
Расследование взрыва	393
Роспуск	399
Часть четвертая. Война	407
Война началась	409
2 марта 2022 – Заседание совета «Нет войне!»	423
Военная цензура	432
Призраки довоенной жизни	443
У Колба все хорошо	448
Ваше обращение рассмотрено	453
Государственная измена	457
Реакция	468
Депутаты против Путина	480
Суд	486
Роспуск Смольнинского	491
Послесловие	498

*«Хочется посоветовать им повесить
и Путина, и Пушкина
и успокоиться на этом!»
Дмитрий Песков, пресс-секретарь
президента РФ*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Депутаты из муниципалитета Смольнинское обвинили президента Путина в государственной измене и потребовали отправить в отставку. Шел седьмой месяц войны, протесты в России были задавлены, поэтому выступление депутатов стало полной неожиданностью. Все российские и мировые СМИ написали про это событие.

Я был депутатом Смольнинского с 2019 по 2024 год.

Эта книга — попытка зафиксировать опыт, который я получил, изнутри наблюдая, как в России деградируют политические институты. Это история о замечательных людях: об отважных, равнодушных гражданах, которые пошли во власть, чтобы добиться изменений.

Вы прочитаете о событиях, которые произошли в Смольнинском: о том, как депутатов взорвали во время заседания, как муниципальный совет в полном составе оказался в каталажке, о надругательстве над портретом верховного главнокомандующего и уголовных делах, о ЛГБТ-заговоре, о Навальном, о протестах против «обнуления» и против войны.

В книге подробно рассказано, что такое муниципалитет, как он функционировал, откуда в бюджете брались деньги и как тратились (спойлер: деньги безбожно разворовывались). О системной работе, которую наша команда вела, чтобы победить коррупцию и поставить муниципалитет под контроль жителей. Раскрыта специфика депутатской деятельности, чтобы вы не думали, что муниципальные депутаты занимались только тем, что свергали Путина и дрались с полицией. В основном, мы были сосредоточены на том, чтобы сделать жизнь в Смольнинском лучше.

Книга состоит из четырех частей.

Первая часть посвящена выборам. Вы узнаете, как обычные люди в футболках, кедах и джинсах стали депутатами. Я подроб-

но описал, как проходила избирательная кампания в 2019 году. Это самая интересная часть книги, потому что агитация и общение с избирателями — лучшее, что есть в политике. Мне в принципе нравилось быть депутатом, но во время выборов я кайфанул больше всего! Полтора месяца с утра до вечера общался с жителями Смольнинского и, поверьте, они — классные!

Вторая часть книги посвящена склокам и скандалам, которые происходили в муниципальном совете. Вместо того, чтобы бороться против «Единой России», оппозиционные депутаты сражались друг с другом. Пример Смольнинского поможет понять, насколько важно искать компромиссы и договариваться.

В третьей части книги охвачен период, когда оппозиция смогла объединиться и стать большинством. Власть обрушила на нас грязные политические технологии и дошла до откровенного насилия.

Четвертая часть книги посвящена войне. Вы узнаете, чем занимались депутаты Смольнинского с начала войны и как решились на то, чтобы потребовать отставки Путина. Изначально четвертая часть книги была в два раза длиннее, но пришлось заняться самоцензурой и сократить текст, потому что некоторые участники событий продолжают работу в России и могут подвергнуться уголовному преследованию.

Чтобы книга не напоминала юридический трактат, я постарался наполнить ее живыми сценами, диалогами и прямой речью. Диалоги реальные! Большинство из них написаны на основе видеозаписей, которые велись на заседаниях муниципального совета. Также я использовал дневник, в который четыре года записывал содержание разговоров с другими депутатами. Записывал, как правило, в тот же день, пока детали не забылись. Прямая речь в книге используется, если есть подтверждение, что человек сказал конкретные слова. Это не художественное произведение, а книга о реальных событиях, словах и поступках.

Желаю приятного чтения!

Никита Юферев

Часть первая. Выборы

ВАМ СЮДА НЕЛЬЗЯ

Муниципальные выборы проводятся раз в пять лет. Депутаты, чьи полномочия подходят к концу, должны собраться на заседание муниципального совета и назначить выборы.

Когда решение принято, у кандидатов есть 20 дней, чтобы собрать и подать в избирательную комиссию огромный комплект документов, которые необходимы, чтобы попасть в бюллетень. Если предыдущие депутаты договорятся никому не говорить, что решение о назначении выборов принято, скроют этот факт хотя бы на неделю, это существенно сократит срок подачи документов для оппозиции.

Большинство муниципальных советов в Петербурге состояло из депутатов «Единой России» и депутатов, подконтрольных районной администрации. Они принимали решение о назначении выборов, его подписывал глава муниципалитета и публиковал в муниципальной газете. Весь тираж газеты прятали в сейф.

Когда оппозиционный кандидат, пропустивший срок подачи документов, подавал в суд из-за того, что информация о выборах была скрыта, представитель муниципалитета показывал суду экземпляр официальной газеты со словами: «Все было опубликовано в СМИ, кандидат сам не позаботился, чтобы найти общедоступную информацию».

19 июня 2019 года наша команда узнала, что заседание совета, где будут назначены выборы, может состояться во второй половине дня. Я направился в муниципалитет, чтобы добыть копию решения или, как минимум, стать свидетелем того, что депутаты подняли руки, решение принято, выборы назначены, отсчет пошел.

Я зашел в здание муниципалитета и увидел стеклянные

дверцы, как на проходной в метро, рядом с которыми гордо восседала властительница этих мест – пожилая охранница.

– Вы куда? – спросила она.

– На заседание, – ответил я.

– А, так вы депутат?

– Почти, – тихо сказал я и громко кивнул. Я действительно депутат, только будущий. Бабушка открыла двери, я вошел. Тут же возникло первое затруднение. «Направо или налево?» – подумал я, – «В какую сторону пошел бы депутат, придя на заседание?»

– Направо в зал заседаний, – сказала охранница. В этот момент я понял, что депутаты предыдущего созыва настолько редко посещали муниципалитет, что охранница не узнавала их в лицо. Ее не удивило, что «депутат» плохо ориентируется в здании и не знает, куда идти. Я дошел до зала заседаний. Дверь была заперта. Пришлось вернуться к охраннице.

– Там закрыто, – сказал я, – Может, я дату перепутал?

– Нет, заседание будет сейчас. Зайдите к Светлане Андреевне, она откроет зал.

– К Светлане Андреевне?

– Да, к Заичкиной, начальнице аппарата, – ответила охранница и я почувствовал в ее голосе неуверенность. Она посмотрела на меня оценивающим взглядом. Я, как всегда, был одет в толстовку и джинсы, на ногах – кроссовки, за спиной рюкзак.

– Вы точно депутат? – охранница порылась в бумагах и извлекла листок, на котором были напечатаны фотографии двадцати действующих депутатов, – Как ваша фамилия?

– Моя фамилия Юферев. Я будущий депутат!

Глаза охранницы округлились.

– Какой будущий? Вам нельзя сюда! Уходите!

– В смысле, нельзя? Я зарегистрирован в Смольнинском, – я достал паспорт, – Пришел посмотреть как депутаты – мои представители – решают судьбу округа. Почему нельзя?

– Не положено! Сказано не пускать! – охранница вскочила со стула, схватила меня за локоть и потянула в сторону выхода.

Я решил не двигаться с места. Конечно, я не стал бы драться с женщиной, тем более с пожилой, но она не была уверена в моем миролюбии. Охранница фыркнула и достала телефон.

— Светлана Андреевна! — сказала она в трубку, — Тут пришел какой-то! То ли депутат, то ли не депутат. Что с ним делать? Он не уходит.

Светлана Андреевна что-то ответила. Бабуля положила телефон и злорадно посмотрела на меня:

— Сейчас с тобой разберется Заичкина!

В этот момент в здание вошли двое мужчин в спортивной одежде.

— Здравствуйте! — сказали они, — Разрешите пройти!

Бабуля посмотрела на мужчин. Перевела взгляд на меня. Потом снова посмотрела на них. Сравнение ей, очевидно, не понравилось. Стекло дверцы не открылось.

— А вы кто такие? — спросила охранница.

— Мы депутаты.

— Ага, «депутаты»! — передразнила охранница, — Депутаты! Удостоверение у вас есть?

Мужчины пошарили в карманах, но безуспешно. Удостоверений у них не было. В этот момент к посту охраны подошла девушка — приятное лицо, большие глаза, длинные волосы.

— Светлана Андреевна! — взревела охранница, — Трое рвутся внутрь! Что с ними делать?

Светлана Андреевна посмотрела на меня, затем — на моих коллег по несчастью. Мужчины развели руками:

— Светлана Андреевна! Не пускают!

— Пропустите их, — сказала Заичкина, — Это депутаты.

— Спасибо, Светлана Андреевна! — сказали депутаты, заходя внутрь. — В зале заседаний?

— Да! Идите туда, сейчас секретарь откроет. Чаще на заседание надо ходить, господа депутаты, вас сотрудники в лицо не узнают.

Хорошая шутка. Все засмеялись: депутаты, Заичкина, охранница. Я тоже засмеялся и пошел в след за депутатами по коридору.

- Стойте! – крикнула Заичкина, – Вы куда идете?
- На заседание муниципального совета. Хочу посмотреть, как работают депутаты.
- Жителям нельзя, – Заичкина развела руками.
- Почему нельзя?
- Не положено.
- Кем не положено?
- Заседание закрытое.
- От жителей закрытое?!
- Да! Я не могу вас пустить в муниципалитет.
- Спасибо, я уже внутри.

Муниципалитет – это самая близкая к людям власть. Двери должны быть открыты для жителей, а депутаты не имеют права принимать решения тайно. Я зашагал к залу заседаний. Заичкина и охранница побежали за мной.

- Покиньте муниципалитет, – сказала Заичкина.
- Надо вызывать полицию, – причитала бабуля.
- Что вы скажете полиции? – спросил я, – «Срочно приезжайте, жители пришли посмотреть как работают депутаты?»

Дверь была открыта. Я увидел, как в зал заседаний вошли глава муниципалитета Григорий Ранков, его заместитель Юрий Савин, депутатка, которая работала в поликлинике, двое депутатов, которых не пускала охранница, и еще двое человек (сейчас я уже не помню точно, кто это был). Один депутат отодвинул меня от двери. «Нельзя, значит нельзя!» – весело сказал он.

Дверь закрылась. Заичкина и охранница победно ликовали.

Муниципальный совет Смольнинского состоял из двадцати депутатов. По федеральному закону, заседание можно считать правомочным, если на нем присутствовало не менее половины, т.е. десять депутатов. Я видел как в зал заседаний зашли семь человек. Предположим, что все они депутаты. Этого количества было недостаточно для принятия легитимных решений. Тогда я не мог понять, почему меня не пускали. Но сейчас уверен, что депутаты предыдущего созыва настолько не интересовались делами муниципалитета, что не ходили на заседания, а кворум ри-

совался фиктивно. Депутаты могли приехать раз в год, поставить подписи во всех листах регистрации на заседаниях, якобы проведенных за это время, и с чувством выполненного долга отправиться в экскурсионный тур, организованный муниципалитетом. Меня не пустили внутрь, чтобы никто не увидел, что решения муниципального совета принимаются незаконно: только семью депутатами, без кворума.

Заичкина, убедившись, что я нейтрализован, скрылась в приемной. Я остался стоять в коридоре под закрытой дверью. С охранницей.

– Заседание началось, тебя никто не пустит. Ты уйдешь, нет? – спросила она.

Мне нужно было решение о назначении выборов.

– Нет, – ответил я и ударил кулаком в дверь: «БУМ!»

– Извините! – крикнул я и ударил кулаком еще раз – «БУМ! БУМ!» – Уважаемые депутаты! Вы забыли впустить своего избирателя! Откройте дверь, пожалуйста! «БУМ!»

Сил я не жалел, дверь тряслась, голоса во мне было очень много. Шум получился изрядный. Из кабинетов выглядывали сотрудники муниципалитета. Я продолжил колотить дверь:

– Вспомните федеральный закон о местном самоуправлении! – кричал я. – «Заседания представительного органа проводятся открыто!» Откройте, пожалуйста, дверь!

– Уйди ты уже! – причитала охранница. Мне было жалко ее. Начальство дало ей тупое задание: никого не пускать. Она это задание провалила и, очевидно, ей потом достанется от начальства.

Я продолжил шуметь. В какой-то момент мне показалось скучным стучать по двери кулаком. Я начал стучать ногой. Охранница зажала уши руками и сделала шаг назад. Правильно, вдруг я буйный.

Очевидно, депутатам стало не комфортно. Зашелкал замок, дверь открылась, из нее выглянул Юрий Савин – заместитель главы муниципалитета. У него были проблемы со спиной, поэтому он ходил большую часть времени, опираясь на трость. Савин

всегда смотрел на пол, его шея не позволяла поднять голову вверх. Я с уважением относился к людям, которые, несмотря на проблемы со здоровьем, не опускают руки, стараются жить полной жизнью и многого добиваются. Таким человеком, несомненно, был Юрий Савин. К сожалению, он не всегда использовал свои способности во благо общества.

– Идет заседание, – сказал Савин, – Вы мешаете, молодой человек.

– Извините, – сказал я, – Я хочу пройти внутрь, чтобы посмотреть, как депутаты заседают. Я не буду никому мешать.

– Это невозможно, – тихо сказал Савин.

– Почему?

– Заседание закрытое.

– Вы принимаете решение о назначении выборов?

Савин ответил не сразу.

– Вы знаете, молодой человек, мне очень тяжело разговаривать с вами стоя. Пойдемте в приемную, там есть диван.

Он усадил меня на диван в приемной главы муниципалитета. Или Савин обладал врожденным талантом общения с людьми, или я был слишком наивен. За 15 минут он узнал, кто я, какую партию представляю, зачем пришел в муниципалитет и зачем наша команда планирует участвовать в выборах. Беседу он вел спокойно, по-дружески. Не помню, как так получилось, но я выдал ему все планы. Савин авторитетно обещал отправить мне на электронную почту скан принятых на заседании решений. «Сегодня же», – заверил Савин тихим, спокойным голосом.

Я очнулся на крыльце муниципалитета с визиткой Савина в руках. Естественно, никаких решений мне не отправили. На визитке были указаны недействующие номера телефонов. Вести беседу с интеллектуально одаренным человеком – это вам не в дверь ногой колотить. Меня обманули как котенка.

Однако у нашей команды возросла уверенность, что назначение выборов состоялось. На следующей неделе удалось получить копию решения через городскую избирательную комиссию.

Мы перешли на следующий этап квеста: зарегистрироваться на выборах в качестве кандидатов.

ЧТО ТАКОЕ СМОЛЬНИНСКОЕ?

Санкт-Петербург поделен на 111 муниципалитетов, разных по территории и численности населения. В самом центре города находится муниципалитет Смольнинское, в котором живут 90 тысяч человек.

На территории Смольнинского расположены Ратуша, в которой работает правительство Санкт-Петербурга, и главное управление полиции. Администрация губернатора занимает многочисленные помещения Смольного (бывшего Смольного института благородных девиц).

Смольнинское — центр притяжения городской и федеральной элиты. В нем живут депутаты Законодательного собрания, члены правительства, криминальные авторитеты, известные актеры и певцы. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко прописана в муниципалитете и является избирателем. Концентрация богатых и влиятельных людей на квадратный километр зашкаливает.

Президент Путин предложил переселить в Смольнинское офис Верховного суда России. Возможно, на территории муниципалитета появится федеральный орган судебной власти.

В 2014 году «Единая Россия» и подконтрольные ей силы выиграли выборы в муниципальный совет Смольнинского. В этой книге не будем оценивать, насколько честно прошли те выборы. Важно, что одним из депутатов стал школьный учитель информатики Григорий Ранков. Когда-то он был молодым и симпатичным, увлекался бальными танцами и был помощником депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга от оппозиционной партии «Яблоко» — Михаила Амосова.

Амосов позже вспоминал, что тетя Ранкова состояла в партии «Яблоко» и попросила пристроить своего племянника. Одна-

ко, не почувствовав карьерных перспектив, молодой Ранков вместе с тетей быстро перешел в правящую партию «Единая Россия» и сразу стал депутатом.

К сожалению, в те времена в муниципальном совете Смольнинского не было оппозиции, поэтому вся деятельность была скрыта от посторонних глаз. Заседания депутатов проводились за закрытыми дверями, что, конечно, нонсенс для представительного органа власти. «Единая Россия» практиковала такое во многих муниципалитетах города.

Доподлинно не известно, как Ранкову это удалось, но депутаты избрали его главой муниципалитета. Известно, что после этого Ранков приобрел каждому депутату по дороговому смартфону. За счет бюджета.

Спустя некоторое время Ранков назначил главой местной администрации – исполнительного органа муниципалитета – своего человека: Наталью Смирнову. Депутаты муниципального совета принимали бюджет и правила, а местная администрация по этим правилам расходовала бюджет, нанимала подрядчиков, принимала выполненные работы и реализовывала муниципальные программы. Смольнинское стало полностью подконтрольным Ранкову.

Карьера Ранкова чуть было не закончилась из-за досадного недоразумения. Сотрудник муниципалитета, чрезмерно ретивый чиновник, выявил незаконный захват земли: во дворах были построены гаражи, без согласования и оформления. Составили списки таких гаражей, их владельцев и приняли решение о сносе. В последний момент Ранков проверил, чьи гаражи собрались сносить. Одна фамилия показалась ему знакомой: Матвиенко. Незаконный гараж принадлежал мужу спикера Совета Федерации (третьего по значимости человека в государстве). Гараж оставили в покое.

«Единая Россия» – партия путинских чиновников. У них нет идеологии. Ее заменяют политическая целесообразность, деньги и указания президента. Партия монолитна только со стороны.

Внутри идет нешуточная борьба за влияние и за контроль над муниципальными и государственными бюджетами и активами.

Везение Ранкова закончилось, когда он примкнул не к той группе влияния. У его патрона произошел конфликт со спикером Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вячеславом Макаровым (председателем городского отделения «Единой России»).

Спикер Макаров показал, кто в доме хозяин, и натравил Контрольно-счетную палату Санкт-Петербурга – главных городских аудиторов – на Ранкова и муниципалитет Смольнинское.

В борьбе за деньги и влияние один член «Единой России» раскрыл махинации другого члена «Единой России». Так мы узнали, что происходило в нашем муниципалитете. Проверка длилась полгода. Аудиторы нашли 520 нарушений на 95 млн. рублей.

Например, деньги, выделенные на муниципальную программу «По профилактике терроризма и экстремизма», были потрачены на экскурсию в Казань (республика Татарстан) с посещением Театра оперы и балета, контактного зоопарка, парка бабочек и концерта балканской музыки «Эмир Кустурица и Горан Брегович на одной сцене». Сотрудники муниципалитета, в том числе глава администрации Наталья Смирнова, поехали в этот увлекательный тур сами.

Экскурсий было много. Депутаты и чиновники съездили в Кизи и в Великий Устюг, в гости к Деду Морозу.

Показательна история с закупкой билетов на различные мероприятия. Жители округа получали их бесплатно. Но ничего бесплатного не бывает: муниципалитет закупал билеты через посредника, по завышенной цене. Аудиторы обнаружили, что билеты на фестиваль флористов обошлись муниципалитету в 700 тысяч рублей. Если бы билеты закупались напрямую у организаторов, минуя посредника, то они стоили бы 78 тысяч рублей – в девять раз дешевле. Руководил фирмой-посредником Михаил Романович Ранков – папа главы муниципалитета.

Также аудиторы обнаружили, что муниципальное имущество продавали значительно дешевле реальной стоимости.

Были претензии к официальной газете. Раз в год муниципалитет заключал контракт (стоимостью несколько миллионов рублей) на выпуск и распространение ежемесячной бесплатной газеты, в которой публиковали принятые советом решения, объявления о мероприятиях и интервью с уважаемыми жителями. Также на первой странице крупным планом печаталась фотография спикера Макарова (какими бы натянутыми отношениями были, все муниципалитеты в городе делали это). Аудиторы обнаружили, что большинство жителей Смольнинского никогда не видели муниципальную газету, фактически услуги по выпуску и распространению не оказывались. Фотография спикера Макарова не попадала в каждый дом, хотя деньги за это из бюджета были уплачены.

В благоустройстве округа тоже нашли нарушения. Муниципалитет оплачивал посадку одних растений, а высаживались другие – подешевле. Были оплачены работы по вырубке деревьев, которые на самом деле никто не вырубил. Восстановили газоны и вымостили территорию плиткой, но фактически площадь проделанных работ была меньше, чем указано в контракте.

На муниципальных закупках обнаружили признаки сговора. В конкурсах участвовали и побеждали связанные между собой организации, а готовить конкурсную документацию для муниципалитета наняли бывшего сотрудника фирмы-подрядчика.

В целом, ситуация была печальная. Но не удивительная. Большинство муниципалитетов Санкт-Петербурга ходили на закрытый клуб для обогащения. Десятки таких Ранковых по всему городу разграбляли муниципальные бюджеты и Счетной палате до них не было никакого дела, потому что они не конфликтовали со спикером Макаровым. Ранкову не повезло оказаться в конфликте не на той стороне.

Оправдания Григория Ранкова звучали неубедительно. Судя по всему, осознав, что против многостраничного отчета аудито-

ров, подкрепленного документами о закупках, ему противопоставить нечего, Ранков решил пойти во встречную атаку. «Что происходит мне понятно: они ведут информационную войну!» – заявил он журналистам. Ранков угрожал подать на аудиторов в суд и обвинил в том, что во время работы в муниципалитете они «потратили десятки метров туалетной бумаги».

В августе 2018 года аудиторов сменили следователи. Сотрудники главного следственного управления и отдела по борьбе с экономическими преступлениями вошли в здание муниципалитета Смольнинское и конфисковали контракты на благоустройство. В тот же день задержали главу местной администрации Наталью Смирнову, которая отвечала за выбор подрядчика и приемку работ.

Как заявили следователи, деньги были украдены при благоустройстве дворов. Муниципалитет искусственно создал условия для победы нужной компании. Контракт заключили на сумму 80 млн. рублей. Из них работы стоимостью 9 млн. рублей не были выполнены, но руководство муниципалитета сделало вид, что все сделано, акт выполненных работ подписали и перевели деньги подрядчику.

Доля Смирновой составила 1,4 млн. рублей. Суд признал ее виновной во взяточничестве, но в тюрьму не отправил. Смирнова получила два года условно. Ей запретили занимать государственные и муниципальные должности.

В этот момент произошел карьерный взлет заместителя Смирновой – Александра Федоровича Колба. Он был полковником ФСБ, которого после выхода на пенсию отправили просиживать штаны на не пыльную должность заместителя главы администрации. Когда начальница «пошла по статье», Колб автоматически занял ее место и стал и.о. главы администрации Смольнинского.

Ранков отделался легким испугом. Он остался главой муниципалитета и не стал фигурантом уголовного дела. По результатам проверки на Ранкова составили два протокола об административном правонарушении: за грубое нарушение бухгалтерского

учета и нецелевое использование бюджетных средств. По мнению аудиторов, Ранков как должностное лицо допустил ситуацию, при которой бюджетные средства использовались не по назначению, а бухгалтерская отчетность искажена более, чем на 10%.

Вот такой муниципалитет был в Смольнинском. Бюджет разворовывался. Депутаты и чиновники ездили по экскурсиям. Папа Ранкова продавал муниципалитету билеты в девять раз дороже номинала. Глава администрации брала взятки, а Ранков втянул муниципалитет в центр грызни между различными кланами «Единой России». Интересы жителей были отодвинуты на задний план.

Мы собрали команду, способную победить на выборах 2019-го года, чтобы выгнать жуликов из муниципалитета.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ В БЮЛЛЕТЕНЬ

Через неделю после битвы с охранницей я принес в Избирательную комиссию Смольнинского все документы, необходимые, чтобы стать кандидатом.

В коридоре увидел странную сцену. Девушка в длинной юбке в горошек стояла, схватившись руками за голову.

— Ярослав, это все очень сложно, — сказала она, — я не понимаю, зачем нужно столько документов, и заполнила их неправильно. Можно я лучше пойду домой?

Ярослав что-то усердно писал в кипе бумаг, переворачивал страницу и снова писал. Он ответил:

— Нельзя, нам нужны кандидаты в каждый округ. Сейчас мы исправим ошибки, тебе надо только сдать.

Девушка вздохнула и обреченно села на стул.

— Ну какой из меня депутат, я в этом ничего не понимаю, — продолжила она попытке отпроситься от выполнения общественных обязанностей. Девушку звали Марина Леонидовна Шпринг, а ее документы исправлял активист Ярослав Костров. Я подумал, что у конкурентов хороший настрой: чем меньше они хотят стать депутатами, тем больше шансов, что победит наша команда. Но сначала надо было попасть в бюллетень.

Избирательная комиссия Смольнинского расположилась в муниципальном досуговом учреждении. На время предвыборной битвы ей дали кабинет, предназначенный в мирное время для занятий по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям. На стенах висели схемы и плакаты по оказанию первой медицинской помощи, был отдельный стенд с противогазами. На одном столе лежал манекен, на котором можно тренировать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание.

За самым большим столом, заваленный бумагами, сидел председатель комиссии Пушкарев. Напротив входа расположилась секретарь. В темном углу, как затаившийся паук, сидел юрист, которого председатель комиссии нанял в качестве консультанта по фальсификациям. Он был известен тем, что часто организовывал махинации на выборах и даже написал брошюру, в которой учил членов избирательных комиссий устраивать провокации, чтобы удалить с избирательного участка независимых наблюдателей, способных предотвратить манипуляции при подсчете голосов.

Со стены за работой комиссии наблюдал огромный портрет Владимира Путина.

Избирательные комиссии формировались непрозрачно. Формально членов комиссии направляли политические партии и общественные объединения граждан. На практике это была имитация, потому что списки членов избирательной комиссии составлялись в администрации района¹ (исполнительной властью).

Очень часто в избирательные комиссии попадали бюджетники (медсестры или учителя), подконтрольные администрации. От результатов выборов зависела премия, которую учительница получала по основному месту работы, ее карьерные перспективы. Администрация района не стеснялась оказывать давление и выделять поощрения для достижения результата. Деньги на это тратились бюджетные.

Например, Участковая избирательная комиссия №2259 была сформирована на территории муниципалитета Смольнинское

¹ Администрация района и администрация муниципалитета — это разные органы власти, формально они никак не связаны. Администрация муниципалитета — это муниципальный исполнительный орган. Администрация района — это часть городского правительства. На территории района расположены несколько муниципалитетов. Главу администрации района назначает губернатор.

в 2023 году. Из восьми членов комиссии все восемь работали в государственной школе №178. Руководил комиссией заместитель директора школы, т.е. один и тот же человек руководил людьми и во время работы комиссии, и по основному месту работы, распределяя премии. Ни о какой независимости членов избирательной комиссии в такой ситуации не могло быть и речи.

Иногда встречались идейные фальсификаторы – члены комиссии, которые получали удовольствие, когда проигрывал оппозиционный кандидат. Они, как правило, оправдывали свои махинации тем, что «демократы хотят развалить Россию». Член избирательной комиссии Смольнинского (фамилия удалена) видела свою миссию в том, чтобы «не допустить победы пидарасов». Об этом она заявляла открыто.

Путинская вертикаль беззастенчиво контролировала подсчет голосов и фактические задачи избирательных комиссий сильно отличались от тех, что прописаны в красивых законах. Избирательные комиссии нужны были, чтобы помогать власти бороться с оппозицией во время выборов, а не для обеспечения прозрачности голосования.

На территории Смольнинского были десятки участковых избирательных комиссий (УИК). Во время выборов они занимались выдачей бюллетеней и подсчетом голосов. Над ними стояла избирательная комиссия Смольнинского, которая организовывала муниципальные выборы в целом, регистрировала кандидатов, суммировала результаты голосования со всех УИКов и объявляла победителей.

Избирательную комиссию Смольнинского сформировали при Ранкове. На пост председателя он провел своего человека: Константина Пушкарева, молодого юриста, не очень талантливо, но исполнительного.

Чтобы оппозиционный политик победил на выборах, ему важно провести яркую кампанию, найти сторонников и убедить их прийти на избирательные участки. Но не менее важно (и, наверное, более сложно) преодолеть бюрократические препоны,

которые устраивала избирательная комиссия для желающих зарегистрироваться кандидатом.

В каждом муниципалитете Петербурга была своя избирательная комиссия. Большинство из них старались сделать все возможное, чтобы не пустить оппозицию на выборы. Среди комиссий была распространена практика, когда документы оппозиционных кандидатов «терялись». Если потерять один документ из длинного списка, который сдавался кандидатом, то весь комплект документов признавался неполным, кандидата снимали с выборов.

Наша команда сдавала документы парами. Два кандидата приходили в избирательную комиссию, включали диктофон и видеокамеру. Один кандидат подавал в комиссию документы, вслух проговаривал, какой документ сдавал. Второй кандидат снимал процесс на видео. Потом менялись. Важно было на камеру зафиксировать, какие документы сданы.

Наши юристы думали, как сделать так, чтобы члены избирательной комиссии не нашли возможности отказать нам в регистрации. В свою очередь, члены избирательной комиссии и специально нанятый консультант, думали, каким образом отказать, чтобы это выглядело более или менее законным. Избирательная комиссия хотела, чтобы кандидатами стали только заранее согласованные люди.

Комиссия отказалась включить мою фамилию в бюллетень и выдала официальное решение, в котором была указана причина. Якобы я не сдал решение партии «Яблоко» о моем выдвижении кандидатом. Конечно, я его сдавал, но в комиссии эту бумажку вынули из моего личного дела и «потеряли». Не знаю, на что они надеялись, ведь у нас была видеозапись. Эту бумагу я отдал лично в руки секретарю комиссии. Кроме того, мы составили опись документов, на которой она поставила подпись, что документы приняты, в том числе тот, который я якобы не сдавал.

Кандидаты от нашей команды получили отказы также из-за неправильного названия округа. В документах мы указали, что

выдвинуты, например, по «МНОГОмандатному избирательному округу №240». А комиссия называла его «ПЯТИмандатный избирательный округ №240». По мнению комиссии, это была грубейшая ошибка.

В комплект документов входила предвыборная декларация о доходах и имуществе. Два наших кандидата получали пособие от государства. Они указали размер и название пособия, но комиссия отказала в регистрации, потому что они не указали источник пособия. Хотя такого требования в законе не было.

По той или иной причине комиссия отказала каждому члену нашей команды. Нам помогали хорошие юристы. Мы обжаловали решение комиссии Смольнинского в Городской избирательной комиссии Санкт-Петербурга. Закон считал городскую комиссию выше по статусу. Она могла отменить решение муниципальной комиссии.

Городская комиссия состояла из людей спикера Макарова и, конечно, любила пуститься во все тяжкие. Там сидели настоящие виртуозы фальсификаций. Но так получилось, что в Центральной избирательной комиссии России (ЦИК) хотели провести хотя бы одни выборы в Петербурге без скандалов и плевать хотели на спикера Макарова. ЦИК была выше по статусу и способна отменить все решения городской комиссии. Поэтому, чтобы не подставляться, засучив рукава, городская комиссия пачками восставливала кандидатов, получивших отказ в муниципалитетах.

Не сразу, но все же удалось убедить городскую комиссию отменить решения об отказе. Членов нашей команды зарегистрировали кандидатами и включили в бюллетень. Но не всех. Несколько бойцов спасти не удалось.

Один наш коллега совершил непростительную глупость. Члены комиссии убедили его, что один из документов, которые он принес, на самом деле сдавать не надо. Смеялись над нашими бестолковыми юристами, посоветовавшими документ сдать. Коллега поверил комиссии и не стал сдавать этот документ. Через несколько дней комиссия отказала ему в регистрации. Потому что для регистрации не хватило одного документа. Угадайте, какого.

Члены избирательной комиссии – не защитники честных выборов и не дают хороших советов оппозиционным кандидатам. Их задача: помочь выиграть тем, кто сейчас у власти.

Дела у «Единой России» в Смольнинском тоже шли не очень гладко. Единороссы продолжили грызню друг с другом. Конфликт за деньги и влияние перешел в некое подобие конкуренции на выборах между членами одной партии. «Единая Россия» под давлением спикера Макарова не поддержала выдвижение команды Ранкова. Ранков и его команда решили идти без поддержки партии – самовыдвиженцами. Фактически против «Единой России».

Учитывая, что Ранков контролировал избирательную комиссию муниципалитета, у команды Макарова было мало шансов зарегистрировать своих кандидатов с первой попытки. Комиссия Смольнинского отказывала им так же, как отказывала нам. Отказ получил даже лидер «Единой России» в Центральном районе (соратник спикера Макарова). Городской избирательной комиссии пришлось вмешаться, чтобы макаровские единороссы попали в бюллетень.

Отличительной особенностью выборов 2019 года стало обилие самовыдвиженцев.

Было два способа стать кандидатом. Во-первых, от какой-нибудь партии, которая выдвигала кандидатов и оформляла соответствующее решение об этом. Второй способ: выдвинуть свою кандидатуру самостоятельно: собрать подписи жителей муниципалитета и принести подписные листы в комиссию. Это хороший вариант для кандидатов без политических предпочтений. А также для кандидатов, которые хотят скрыть свои политические взгляды от избирателей.

В 2019 году рейтинги «Единой России», особенно в центре Санкт-Петербурга, были низкие. Многие единороссы стеснялись своей партии и пошли на выборы в качестве самовыдвиженцев. Они считали, что если в бюллетене будет указано, что они связа-

ны с «Единой Россией», то много голосов получить не удастся. В народе кандидаты, которые скрывали от избирателей членство в «Единой России», стали называться «самоМЕДВЕЖенцы» (символ «Единой России» – медведь).

Чтобы зарегистрироваться кандидатом в Смольнинском, самовыдвиженец должен был собрать около 15 подписей жителей (плюс-минус одна подпись, в зависимости от избирательного округа). Это мало. На первый взгляд, казалось простым делом. Но сложности наступали потом, когда приходило время доказывать избирательной комиссии, что собраны настоящие подписи настоящих жителей.

По странному стечению обстоятельств, у команды Ранкова, участвующей как «самомедвеженцы», не было никаких проблем с этим этапом. Остальным самовыдвиженцам комиссия отказала в регистрации по подписям.

В подписном листе избиратель должен оставить не только свою подпись, но и фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес, а также дату, когда он ставит свою подпись. Сделать это нужно идеально правильно. Например, избиратель, который живет на улице 3-я Советская, в подписном листе указал адрес «ул. 3 Советская». Без буквы «-я». Комиссия посчитала, что невозможно определить, какой конкретно человек поставил подпись, потому что такого адреса не существует, и не пустила кандидата на выборы.

Другого кандидата не пустили из-за почерка. Избиратель указал в подписном листе дату подписания «26.06.2019». Комиссии показалось, что нули слишком похожи на девятки и подпись избиратель поставил «26.96.2919». Несуществующая дата! Подпись признали недействительной.

За кандидата подписались два брата, с одинаковыми фамилиями и отчествами, проживающие по одному адресу. Несмотря на то, что имена у братьев разные, комиссия решила, что это один человек подписался два раза, а значит одна из подписей недействительная, потому что два раза нельзя.

Напомню, избирательная комиссия Смольнинского занялась

подобным крючкотворством, когда Центральная избирательная комиссия России обещала провести в Петербурге первые образцово показательные честные выборы. Никогда такого не было – не получилось и в этот раз. Местные царьки по всему городу не пускали оппозиционных кандидатов. Дошло до того, что кандидаты из двадцати пяти муниципалитетов подписали открытое письмо к главе ЦИК с требованием распустить избирательные комиссии и провести выборы заново.

Представьте футбольный матч, в котором ваша команда играет против действующего чемпиона. У вас лучшие футболисты и вы настроены на победу. Но выясняется, что главный судья активно играет против вас. И боковые судьи тоже. Сначала от вас скрывают, где и когда состоится матч. Потом вас не пускают на стадион. Потом судьи пинают мяч в ваши ворота, участвуют в нападении, выдают вам красные карточки, не замечают нарушений со стороны противника и даже ставят вам подножки. А в конце игры, если счет окажется в вашу пользу, прибавят противнику голов, чтобы тот гарантированно победил.

Это не особенность муниципалитета Смольнинское. Это распространенная практика по всей России.

В 2019 году в битве за 20 депутатских кресел в Смольнинском захотели принять участие 186 человек. Среди них представители «Единой России», КПРФ, ЛДПР, «Яблока», «Справедливой России», нескольких мелких партий, существующих только на бумаге, и десятки самовыдвиженцев. Из 186 кандидатов избирательная комиссия Смольнинского отсеяла 49.

У нашей команды были отличные юристы, на этапе регистрации мы потеряли всего несколько человек. Остальные, с боем, были зарегистрированы. Пришло время заняться самым интересным: агитацией и общением с избирателями.

КАМПАНИЯ

В парадной было душно, из окон доносился шум машин с Греческого проспекта. Я и кандидат Анна Киселева стояли перед закрытой дверью квартиры.

- Давай, ты начнешь, я еще не умею, – прошептал я.
- Нет, ты первый! – Киселева ткнула меня локтем в бок.
- Я никогда этого не делал.
- Я тоже. Сейчас научишься.
- Хорошо, я начну, а ты продолжишь.
- Может, никого нет дома, мы зря волнуемся.

Я позвонил в квартиру. Мы услышали шаркающие шаги, в дверном глазке блеснуло.

– Кто там? – раздался интеллигентный голос пожилой женщины.

– Здравствуйте! – сказал я, – Мы кандидаты в муниципальные депутаты, пришли обсудить с Вами проблемы округа.

– Кандидаты? В депутаты? От какой партии?

– Нас выдвинула партия «Яблоко», – сказала Киселева.

– «Яблоко»? – бабуля задумалась на секунду, а потом зычным голосом проорала: – ИДИТЕ НАХУЙ!!!

Это был наш первый опыт общения с избирателями.

Муниципальный депутат в Смольнинском не получал зарплату. Это общественная нагрузка, которую надо как-то совмещать с основной работой. Может быть поэтому предыдущие депутаты не очень часто появлялись в муниципалитете, не контролировали, как тратился бюджет, и пустили дела на самотек. Но наша команда была мотивирована не деньгами, а идеями.

Штаб придумал отличный лозунг избирательной кампании: «Время идей, а не время вождей». Под этим лозунгом, мы – обычные граждане в футболках и джинсах – пошли менять

власть. Мы хотели перемен и предлагали избирателям поддержать нас.

Избирательные округа были пятимандатными: избиратель мог поставить в бюллетене сразу пять галочек. Пять кандидатов, которые получили больше голосов, становились депутатами от одного округа.

В Смольнинском было четыре избирательных округа. Я не следил, как члены нашей команды работали в других округах, а полностью сосредоточился на избирательном округе №240, в котором партия «Яблоко» выдвинула пять кандидатов, включая меня.

На этапе регистрации комиссия зарубила одного. Осталось четверо. Нам было выгодно наладить совместную агитацию. Если бы каждый агитировал только за себя, то чисто физически он смог сагитировать в четыре раза меньше избирателей.

План кампании был такой:

- кандидаты находят деньги на выборы;
- кандидаты ходят по квартирам и общаются с избирателями, в процессе избиратель получает из рук кандидата визитку и буклет;
- штаб распространяет газету о кандидатах по всем почтовым ящикам избирательного округа;
- перед самыми выборами штаб распространяет по почтовым ящикам открытку с фотографиями и фамилиями всех четырех кандидатов.

Работу штаба оплачивала партия «Яблоко», штаб выполнял организаторские функции. Все остальное делали кандидаты.

Первой задачей кандидатов было найти деньги на печать визиток и буклетов, на печать и разноску газеты, на печать и разноску открыток. Я работал экономистом, кандидат Киселева – инженером, кандидат Палюга – программистом (мы считали его толстосумом), а кандидат Горнов – матросом. Мы были обычные люди со средними доходами, у нас не было богатого дяди или влиятельного покровителя, который мог финансировать избирательную кампанию. Деньги решили найти при помощи фандрайзинга.

Фандрайзинг – это возможность поучаствовать в политической жизни для тех, у кого нет возможности заниматься политической лично, но есть деньги и желание влиять на происходящие в стране процессы. Мы написали несколько постов в социальных сетях с предложением поддержать избирательную кампанию любой удобной суммой. Люди откликнулись! Маленькими платежами от большого количества людей мы почти собрали необходимую сумму. Это очень воодушевляло! Фандрайзинг показал, что людей, которые разделяли наши идеи, много.

Партия «Яблоко», видя наши успехи, неожиданно перечислила недостающие средства, хотя с самого начала обещала этого не делать. Вопрос с финансированием кампании был решен.

Штаб помог напечатать визитки: сделали красивый дизайн, с четкими, хорошо читаемыми шрифтами. На моей визитке с лицевой стороны напечатали мою фотографию, фамилию, имя, личный номер телефона и пояснение, зачем я хочу стать депутатом. На обратной стороне разместили информацию о нашей команде: четыре маленькие фотографии и четыре фамилии (Горнов, Киселева, Палюга, Юферев).

Также сделали предвыборный буклет формата А4. Внутри были прописаны наши предложения по развитию муниципалитета, а на лицевой стороне размещена фотография избирательного округа №240, сделанная с квадрокоптера. Наш округ был восхитительный, с историческими домами конца XIX – начала XX века, сложными фасадами, поэтому фотография получилась красивая.

Буклет заказали с высоким качеством печати. Он стоил дорого. Из-за этого в команде возникли споры, стоит ли тратить кучу денег на дорогие буклеты. Однако практика показала, что идея была удачной. Избиратели были в восторге от фотографии округа. К буклету относились не как к очередной рекламной макулатуре. Люди брали его в руки и внимательно рассматривали, искали на фотографии свой дом и дома знакомых. Особенно приятно было увидеть наши буклеты, повешенные избирателями на стену, как украшение квартиры. Некоторые даже вставили буклет в рамку.

Избирательная комиссия не была бы избирательной комиссией, если бы не вставляла палки в колеса. Во многих муниципалитетах города у оппозиционных кандидатов изымали агитацию. Комиссия изобретала предлог, по которому признавала образец агитации незаконным, и полиция на этом основании конфисковывала весь тираж прямо в типографии.

Избирательная комиссия Смольнинского угрожала изъять нашу агитацию. Мы хотели, чтобы наши буклеты, прежде чем их сдадут в переработку, сначала попали к избирателям. Полиция приходила в штаб, но мы не хранили там агитационные материалы.

Штаб провернул целую спецоперацию. Все делалось секретно. Типографию нашли в другом городе, доставку в Санкт-Петербург организовали в автомобилях, арендованных в последний момент. Дату и адрес доставки засекретили даже от кандидатов.

В день доставки мне сообщили, во сколько привезут материалы, но куда конкретно — сообщили только за час до приезда машины. Я встретил ее на парковке в промзоне на окраине города, быстро покидал тяжелые коробки себе в багажник. Каждый кандидат получил упаковку визиток и чертову кучу коробок с буклетами.

Можно было приступить к поквартирке.

Кандидаты обходили округ, стучались в каждую квартиру и, если кто-то открывал, рассказывали о команде и идеях, с которыми шли на выборы. В конце разговора избиратель получал визитку с личным номером телефона кандидата и списком фамилий, за который мы предлагали проголосовать.

Никто из членов команды до этого не занимался поквартиркой. Первые несколько дней я ходил вместе с кандидатом Киселевой. Вдвоем не так страшно, мы могли друг друга поддерживать. За это время мы поняли, с чего лучше начинать разговор, какие из наших предложений находят наибольший отклик у избирателей и где взять достаточно наглости, чтобы заниматься поквартиркой.

Представьте себя на месте избирателя. Вы, уставший, пришли с работы, вам хочется уделить внимание ребенку, собака просится гулять, надо поужинать. Вы жарите кабачки и в этот момент раздается звонок в дверь. Парень и девушка, которых вы никогда в жизни не видели, пытаются с вами познакомиться, рассказывают про проблемы муниципалитета, новые детские площадки и какие-то выборы. Какие выборы — кабачки подгорают! Требовалась недюжинная изобретательность, чтобы избиратель захотел отвлечься от своих дел и заинтересовался нашим визитом.

Когда мы поняли, что натренировались и способны ходить поквартирку в одиночку, кандидат Киселева и я разделились. Так мы могли сагитировать в два раза больше людей.

Кандидат Горнов постоянно обещал, что «завтра обязательно выйдет агитировать», но все время находилась причина, по которой он не мог этого сделать. Нас с Киселевой это злило, потому что, пока кандидат Горнов занимался своими делами, мы вдвоем агитировали за всех. Втроем мы могли сагитировать в полтора раза больше избирателей.

Кандидат Палюга честно сказал, что у него завал на работе и первые недели он не сможет уделить избирательной кампании ни капли времени. Он предложил компенсировать свое отсутствие деньгами и оплатил работу почтальонов, которые разносили наши агитационные газеты (между прочим, в избирательном округе проживали 23 тысячи человек и почтальоны положили газету в каждый почтовый ящик). Это походило на честную сделку и на кандидата Палюгу мы решили не сердиться. А когда он смог взять отпуск на работе, то не вылезал из округа и агитировал с утра до вечера.

Штаб обозначил важное правило: обход парадной нужно начинать с последнего этажа, постепенно спускаясь ниже. Всегда была вероятность нарваться на тех, кто мог проявить агрессию (мы называли таких людей «неадекват»). Если кандидат нарвался на неадеквата, а потом поднялся вверх, чтобы стучаться в квартиры на следующем этаже, то неадекват фактиче-

ски отрезал кандидату выход из парадной и мог напасть. Люди попадались разные. Во время агитации кандидат должен был заботиться о безопасности и всегда иметь возможность сбежать от раздраженного избирателя.

В одной парадной я начал агитацию с первых этажей. Большинство квартир были закрыты, жители — на работе. Наконец, я позвонил в дверь, которую открыл молодой мужчина. Я представился и протянул ему визитку, предложил поддержать нашу команду.

Я заметил, как у мужчины затряслись руки. Поскольку это был не первый день поквартирки и я встречал всяких людей — я имею ввиду ВСЯКИХ людей — его нервозность меня не удивила. Мало ли, у человека проблемы, а я вторгся в его пространство со своей агитацией. Я решил не надоедать ему (в конце концов, визитку он взял), извинился за беспокойство и пошел вверх по лестнице на следующий этаж.

Вдруг я услышал голос:

— Вам нельзя здесь агитировать.

Мужчина говорил очень тихо. Когда я повернулся, чтобы посмотреть на него, он отвел взгляд, спрятал глаза.

— Это наша парадная. Чужим здесь ходить нельзя.

Юристы объяснили нам, что закон разрешал проводить предвыборную агитацию в парадных. Более того, людям, которые препятствовали предвыборной агитации, грозил штраф.

— Уходите сейчас же! — сказал молодой человек.

Даже если бы я захотел, то уйти не мог, потому что он встал на лестнице и перегородил выход. В этот момент я вспомнил про рекомендацию штаба, как не попадать в такие ситуации, но я в нее уже попал.

Молодой человек был ниже меня ростом и, в целом, производил интеллигентное впечатление. Но очень напрягало, что у него тряслись руки, странно бегал взгляд и дрожал голос. Если бы он боялся меня, то не вышел бы из квартиры и не перегородил бы пути отступления. Он как будто боролся с собой. Но почему человек так странно себя вел?

– Давайте, я не буду вас больше беспокоить, – примирительно предложил я, – Вы пойдете к себе, займетесь своими делами, а я раздам визитки вашим соседям и сразу уйду.

– Нет, – молодой человек был категоричен. – Вам нельзя раздавать здесь визитки. Этой мой дом. Моя территория. Агитируйте в другом месте, здесь можем агитировать только мы.

И тут до меня дошло! Это был кандидат от конкурирующей команды Павел Безумов. Он защищал свою территорию. В странном поведении появилась логика. Кандидат Безумов не был неадекватом. Очевидно, опасности он не представлял. Я погрозил указательным пальцем:

– Если Вам можно тут заниматься агитацией, – сказал я, – то и мне можно.

Я развернулся и пошел вверх на следующий этаж, начал звонить в квартиры. Кандидат Безумов сбежал по лестнице на пролет ниже. Я продолжал агитацию, не обращая на него внимания, но краем уха слышал, как он разговаривает с кем-то по телефону.

Я стоял на предпоследнем этаже и беседовал с милой избирательницей про собачьи экскременты. Некоторые хозяева выгуливали своих питомцев прямо на тротуаре и не убирали за ними. Конечно, это вопрос культуры. Но еще это вопрос инфраструктуры. На улицах Смольнинского не было стоек со специальными пакетами, урна для собачьих экскрементов и практически отсутствовали площадки для выгула собак. Несмотря на то, что у муниципалитета не было полномочий решить эту проблему, избирательницу этот вопрос очень интересовал и мы обсуждали, как депутаты могут помочь.

Послышался шум, топот ног по лестнице. На площадку вбежал Ярослав (активист, который в коридоре избирательной комиссии уговаривал девушку сдать документы и стать кандидатом в депутаты), запыхавшийся, злой и потный. За его спиной стоял кандидат Безумов. Они оба встали между мной и выходом из парадной.

«Да что ж такое!» – подумал я, – «Второй раз за полчаса! По своей глупости».

Ярослав был звездой нашего муниципалитета. Типичный пример районного активиста. Если где-то неправильно высаживали деревья, он появлялся и устраивал скандал, начинал учить, как их высаживать правильно. Он устраивал инспекции района, громко требовал от чиновников засыпать лужи и чинить поврежденные заборы и скромно называл себя «лучшим другом Центрального района». Ярослав собрал команду активистов «Центральный район за комфортную среду обитания (движение Ц)», которые забрасывали жалобами местных чиновников по вопросам благоустройства.

В целом, деятельность Ярослава я считал и считаю полезной. Но у каждой монеты две стороны. У Ярослава был специфический темперамент. Он ругался матом в общественных местах, мог самовольно уничтожить чужое имущество или даже напасть на человека из-за пустяковых разногласий и избить.

Во время поквартирки я попал в дом, жители которого жаловались, что Ярослав оставил их двор без ремонта. Жители добились ремонта много лет, писали жалобы и ходили на прием к чиновникам. Подрядчик должен был уложить новую брусчатку. Однако Ярослав где-то прочитал, что брусчатка вредит фундаментам исторических зданий. Эта очень спорная мысль овладела им настолько, что узнав, что рабочие начали ремонт, Ярослав прибежал на место, устроил скандал, организовал кипучую деятельность, чтобы остановить ремонт. Чиновники решили, что проще прислушаться к Ярославу, чем бороться против него. Жители остались без ремонта, со старым асфальтом. При этом, сам Ярослав не жил в этом доме.

Ярослав и Безумов были кандидатами по моему избирательному округу №240, но избирательной кампании не вели. «Меня и так все знают», — говорил Ярослав.

Команда Ц шла на выборы с оппозиционной повесткой. Но оппозиционной их повестка была только по отношению к Ранкову. Главу района Мейксина Ярослав не ругал, а хвалил. Когда конкуренты хотели снять Мейксина с должности, Ярослав выступил с длинным заявлением, какой Мейксин хороший глава

района, что ему рано уходить, так много хороших проектов он должен закончить во благо района. Критики в адрес губернатора мы тоже не слышали. На вопросы про отношение к президенту Путину и его политике Ярослав всегда уходил от ответа, заявляя, что политикой не интересуется, что ему важнее заниматься благоустройством района.

В целом наша команда считала (потом эти опасения подтвердились), что Ярослав тесно сотрудничал с администрацией района. Мы видели, что в его задачу входило изображать из себя оппозицию, но не такую, которая могла бы навредить главе района или кому-то повыше. Он мочил только Ранкова, но политически не был самостоятельной фигурой, и его победа на выборах означала бы победу районной администрации.

Вокруг себя, под вывеской движения Ц, Ярослав собрал команду активистов, которых уговорил участвовать в муниципальных выборах. Мы считали их главными конкурентами за голоса оппозиционных избирателей.

— А ну убирайся отсюда! — закричал на меня Ярослав. Я с удивлением смотрел на него. С удивлением восприняла ситуацию избирательница, с которой мы обсуждали собачий вопрос.

— Сейчас мы договорим, — показал я рукой на избирательницу, — И я готов к разговору с вами.

— А в чем проблема? — спросила избирательница.

Из-за спины Ярослава выглянул Безумов и сказал:

— Он проник в нашу парадную и агитирует против нас!

Избирательница, увидев кандидата Безумова, своего соседа, сразу изменила отношение ко мне.

— Так вы против Безумова?! — спросила она. — Тогда уходите! Мы его всем домом поддерживаем.

Я поднял руки. Продолжать агитацию в этой парадной было, очевидно, бессмысленно и могло привести к эскалации конфликта. Ярослав был доволен моим решением. С видом победителя он уступил дорогу.

— Пойду агитировать в соседнюю парадную, — подразнил я.

– Только попробуй! – крикнул Ярослав, – Мы вызовем полицию.

Естественно, я пошел в соседнюю парадную, отлично провел там время, перешел в следующую. Полиции не было. Ярослав и Безумов меня больше не преследовали, поэтому я мог полностью посвятить себя общению с избирателями. Я планировал перейти в следующий дом, когда увидел процессию, которая шла по 2-й Советской улице.

Первым шел Ярослав. Он показал на меня пальцем двум полицейским, которые шли за ним. Сзади шел Безумов. Я подумал о времени, которое потеряю и вместо агитации проведу в объяснениях с полицией.

Полицейские подошли, представились. Я тоже представился и показал удостоверение кандидата в депутаты.

– Говорят, вы тут нарушаете, – сказал полицейский.

– Нарушает! – подтвердил Ярослав.

– Вламываетесь на частную территорию, – сказал полицейский.

– Вламывается! – подтвердил Ярослав. Кандидат Безумов молчал, мне казалось, что он чувствовал себя неловко.

– Я агитирую, – сказал я, – У кандидата есть право общаться с избирателями. Я не вламываюсь на частную территорию, потому что парадная – это не его частная территория, – я показал пальцем на Ярослава.

Полицейский устало вздохнул:

– Пройдемте в отделение!

– Мне некогда, – сказал я, – Надо агитировать.

– Давайте вы не будете сопротивляться и пройдете в полицию без нашей помощи, – настойчиво предложил полицейский.

Я согласился. Мы медленно, поскольку полицейские никуда не спешили, пошли в 76-ой отдел полиции на Мытнинской улице. По дороге я доказывал полицейским, что с их стороны не совсем корректно препятствовать агитации, а уж тем более неправильно, что полиция помогает моим конкурентам. Полицейские кивали, но молчали. Для них мы были проблемой, на которую

надо реагировать, но при этом не понятно как, чтобы не вызвать лишней шумихи вокруг 76-го ОП.

Знали бы они, как в будущем мы (депутаты Смольнинского) и они (полицейские 76-го ОП) будем вместе – регулярно и мощно – врываться в федеральные новости!

В полиции Ярослав написал на меня заявление, после этого их с кандидатом Безумовым попросили покинуть здание. Меня полиция не отпустила, я сидел на стуле и ждал, что будет дальше. В помещение вошли двое полицейских, им явно была в тягость случившаяся ситуация.

– Никита Андреевич, – сказал мне полицейский, – на Вас поступило заявление от Ярослава Кострова. Сейчас мы вместе напишем объяснительную.

Он достал бланк и письменные принадлежности.

– Давно вы знаете Ярослава Кострова? – спросил полицейский.

– Я знаю, что он активист. Мы виделись лично только один раз, когда подавали документы в избирательную комиссию.

Полицейский выронил ручку.

– Он что? – полицейский говорил тихо, почти шептал, – Он тоже станет депутатом?

– Если за него проголосуют, – развел я руками, – Мы с ним конкуренты, он мешает мне агитировать. И вы, кстати, тоже.

Полицейский шумно втянул воздух через нос.

– Андрей! – обратился он к своему коллеге – Ярослав собрался стать депутатом...

Коллега закрыл глаза и прошептал: «Не дай Бог!». Мне пожелали удачи на выборах и отпустили на свободу. Я пошел продолжать квартиру.

Избирательная кампания – самая интересная часть жизни муниципального депутата. Я бы с радостью повторил этот опыт – как негативный, так и позитивный – еще и еще. Мы встретили тысячи людей, уникальных и интересных.

На 6-й Советской улице дверь мне открыла пожилая интеллигентная дама. Она пожаловалась, что стоимость коммунальных услуг слишком высока и ей очень тяжело оплачивать счета из своей маленькой пенсии. Я посоветовал оформить субсидию на оплату коммунальных услуг.

Мы разговорились. Штаб настаивал, чтобы кандидаты не тратили на общение с одним избирателем больше нескольких минут, но дама была таким интересным рассказчиком, что мы проговорили больше часа. Она любила Смольнинское и много знала о его истории. Я прослушал увлекательную лекцию, кто построил тот или иной дом на 6-й Советской улице и как сложилась судьба этих людей после Революции. Одни успели уехать в Европу, других убили большевики или бросили в тюрьму.

На Суворовском проспекте я зашел в квартиру к пожилому мужчине. Он, узнав что я кандидат, отвел меня в гостиную и попросил сыграть на пианино. В его представлении, это был тест, с помощью которого можно отличить культурного человека.

Тест я провалил. Однако на стене рядом с пианино, на самом видном месте висел буклет, который распространяла наша команда — с фотографией Советских улиц. Оказывается, пару недель назад кандидат Киселева заходила в эту квартиру и виртуозно сыграла фортепьянную пьесу-багатель Людвига ван Бетховена «К Элизе» и несколько этюдов. Дедушка обещал проголосовать за всех нас.

В одной из квартир дверь мне открыла рыжеволосая проститутка. Практически голая. Уж могла бы накинуть халат! На мое предложение обсудить проблемы округа, она ответила, что не живет в округе и не голосует, она здесь работает. Мою визитку она не взяла, но зато вручила свою. Я очень консервативный человек и живую проститутку увидел впервые в жизни, поэтому встреча запомнилась хорошо. Кандидат Киселева делилась историями, когда двери открывали голые мужчины.

Один раз дверь открыл мужчина, в очках, с усами, очень недовольный моим визитом. Я представился и уже открыл рот,

чтобы задать вопрос про проблемы муниципалитета, как мужчина перебил:

– Мне не интересны детские площадки. И партию «Яблоко» я не люблю. Вам нравится Навальный? – спросил он.

– Да, – ответил я, – я очень уважаю то, что он делает.

– Принимается, – сказал мужчина, – Следующий вопрос. Представьте, что вас избрали. Вы приходите в первый день в свой кабинет и видите на стене портрет Путина. Ваши действия?

– Сниму портрет, – ответил я, – Портретам действующих политиков не место в общественных учреждениях, это пахнет культом личности.

– Хорошо, я за вас проголосую. Дайте мне Вашу визитку.

Он взял визитку, я не успел даже сказать до свидания, как дверь захлопнулась. Я развернулся, чтобы постучать в соседнюю квартиру, но мужчина снова открыл дверь:

– Дайте еще три визитки, – сказал он, – Отдам жене и родителям.

В дом на Греческом проспекте я попал в последние дни избирательной кампании. Был вечер, на улице смеркалось. В парадной было темно, по какой-то причине света не было. Я включил фонарик на телефоне и поднялся на лифте на последний этаж. Начал звонить в квартиры. Но никто не открывал. Люди соглашались поговорить через закрытую дверь, но открывать двери незнакомому мужчине, который стоит в темноте с фонариком, и которого сложно разглядеть в дверной глазок – опасались. Мне не удалось раздать ни одной визитки и ни одного буклета. Кроме того, я растянул лодыжку, когда спускался в темноте по лестнице.

Я спускался ниже и ниже, звонил в каждую квартиру. Вскоре я обратил внимание на странный хлюпающий звук. Как будто лягушка прыгает в воду. Но этот звук повторялся каждую секунду. Еще я услышал звук ножниц. Он доносился с этажа ниже. Спускаясь по лестнице, увидел, как среди темноты была нараспашку открыта дверь в одну из квартир. Из проема лился туск-

лый свет. В квартире на табуретке, склонившись над большим металлическим тазом, сидела женщина с ножницами и стригла. Ножницы чик — и что-то с хлопом падало в таз.

Я подошел к двери. Женщина взглянула на меня и как ни в чем ни бывало продолжила стричь. В ногах стоял таз, наполненный заполненный стриженной печенкой.

— Бог в помощь, — сказал я и представился. Мы разговорились. Женщина продолжила свое увлекательное занятие и говорила. В жизни ее особенно интересовали две вещи. Первое, она составляла архив всех газет, которые встретила на своем жизненном пути. Вообще всех. Вся квартира была заставлена стопками газет с человеческий рост.

Вторая жизненная миссия женщины заключалась в том, чтобы спасти котов. Котов среди газет не было. Коты жили в подвале дома, а также в подвале соседнего дома и в подвале еще одного дома. Периодически женщина ходила с тазом печенки по подвалам и кормила своих подопечных. Она была другом этих котов и очень их любила. Но у котов был враг. Другая женщина из соседнего дома пыталась прогнать их из подвалов, потому что, по ее мнению, коты гадили и устраивали антисанитарию. Война между женщинами длилась много лет с переменным успехом. Я предложил несколько способов решения проблемы. Решения ей понравились.

Женщина взяла меня за руку и повела знакомить с соседями, рассказывать про прекрасного кандидата в депутаты. Многие двери были открыты, люди взяли мои визитки и обещали проголосовать.

Я попросил Анну Киселеву поделиться впечатлениями об избирательной кампании 2019 года. Текст ниже принадлежит ее перу:

Блеск и нищета Суворовского проспекта.

«Поквартирка — залог успеха муниципальной кампании», именно так завещал кандидатам начальник избирательного

штаба Максим Кац: «Ваша задача – ходить по квартирам, а мы, как предвыборный штаб, позаботимся обо всем остальном».

Поквартирка, так поквартирка. На случай, если кто не знает, ты обходишь методично по порядку каждый дом, абсолютно все квартиры и помещения, звонишь, представляешься, рассказываешь о программе и просишь проголосовать за себя и за ребят в команде. Звучит просто, а на деле это несет в себе целый букет открытий чудных.

Выходя на тропу агитации, я чувствовала себя вполне уверенно. Я уже несколько лет занималась общественной деятельностью, прошла тренинги для кандидатов, была в прекрасной физической форме. Позже выяснится, что это был пакет новичка.

Политика была со мной с самого детства: мама и бабушка каждый выборный цикл принимали участие, как агитаторы или наблюдатели, мне были интересны политические новости, а курс политологии в университете произвел на меня ошеломляющее впечатление.

Самым интересным для меня в муниципальной кампании была метаморфоза, когда ты из наблюдателя превращаешься в актора. Но я не угадала, действительность превзошла все мои ожидания, как это часто бывает в России. Если бы надо было описать одним словом полученный мною опыт – это было бы слово «удивление».

И удивил меня Петербург.

Я родилась и выросла в Смольнинском, почти с каждым домом или улицей в моем избирательном округе у меня связана история или воспоминание. Здесь жили мои одноклассники, в этой парадной живет одноклассница моей мамы, в этом доме жил первый муж моей бабушки, в этом дворе находилась первичная партийная организация, куда на собрания ходила моя прабабушка. Мне казалось все таким знакомым.

Но когда я начала обходить дом за домом, заходить в каждую квартиру, все оказалось иначе. Самое большое впечатление на меня произвел дом 1879 года постройки на углу Суворовского проспекта, по адресу 8-ая Советская, 17–19.

Пятиэтажный дом, угловой классического желтого цвета и белой лепниной, с эклектичными фасадами, выполненными в псевдоклассическом стиле, дополненными сандриками, гирляндами, тягами и кронштейнами, с коммерческими помещениями на первом этаже. Газпром, в рамках программы «Любимому городу», щедро поставил богатые дубовые двери в парадные по Суворовскому проспекту.

Парадные (те, что по главной дороге) с историческими дубовыми дверями, посвежившие после косметического ремонта, — это такое казарменное рококо, лепнина отремонтирована, но все элементы сглажены и не проработаны. В результате чего лица у амуров стали одутловатыми, а сами немного похожими на пришельцев. Расположение молдингов обусловлено скорее регламентом, нежели чувством композиции и ритмом архитектуры. Но зато все чисто и светло. Ни с кем из жильцов пообщаться не удалось, никто не захотел выходить из зоны комфорта за пределы своих квартир.

Но есть в этом доме парадная, в которую можно попасть только со двора. И тут уже совсем другой жанр и колорит. Дворовые фасады гладкие желтые, измученные регулярными протечками кровли с бухтящей штукатуркой, изрезанные проводами и коммуникациями, с частично выбитыми окнами. Как только вступишь в эту парадную, все органы чувств начинают кричать об опасности, а голове пульсирует одна мысль: «Беги!».

Здесь темно даже днем и непонятно от чего, не то окна такие грязные, что свет не пропускают, не то глубокий, темно-зеленый, бутылочный цвет стен забирает его весь, ничего не отражая. Все стены исписаны черными граффити иероглифами и чем-то измазаны, не то кровью, не то рвотой, возможно, всем вместе понемногу. Ступени стертые и изношены, лифта, разумеется, нет. Двери никакие не закрываются, ни в парадную, ни в квартиры. В квартиры я не рискнула заходить. Уклад жизни сильно напомнил описания Петербурга начала XX века, когда от бедности работники снимали не комнаты, а углы. С жителями пообщаться тоже не удалось. Жильцов я нашла, а диалог

не сложился, то ли по причине незнания русского языка постояльцами, то ли по причине сильного наркотического опьянения. Возможно, имело место сочетание обоих этих факторов.

Вот такие два разных мира в границах одного дома, у одних действительно все благополучно, у других даже солнца не видно.

Анна Киселева, 2023 год

Мы встретили тысячи людей, абсолютно разных, и обсудили все: от живых изгородей до глобальных проблем мироздания. Были избиратели, которые интересовались только хозяйственной повесткой, моими предложениями по благоустройству округа, делились своими идеями, как сделать наш муниципалитет лучше. Но большинство встреченных мною избирателей узнавали о существовании муниципалитета впервые, от меня. Приходилось объяснять, что это такое, чем занимается муниципальный депутат, в каком состоянии находится наш муниципалитет сейчас и как наша команда предлагает его изменить. Люди с удивлением узнавали, что должны получать бесплатную муниципальную газету и что можно получить от муниципалитета бесплатный билет в театр или на экскурсию.

По моим ощущениям, подавляющей части избирателей были не интересны хозяйственные вопросы. Для них важно было узнать мое отношение к действующей в России власти. Основным вопросом от избирателей к кандидату в муниципальные депутаты звучал так: как вы относитесь к Путину? Я честно говорил, что выступаю против Путина и что его политика вредит стране. Мои рассказы про то, как мы увеличим количество деревьев на улицах и улучшим детские площадки, все равно сводились к обсуждению настоящего и будущего России.

Что интересно, вопрос про отношение к Путину задавали не только оппозиционно настроенные избиратели. Для избирателей-путинистов тоже было важно, как кандидат относился к президенту. Часто мы находили общий язык по поводу благоустройства, но узнав что я против Путина, избиратель-путинист читал мне небольшую нотацию, что я ничего не понимаю, что

слишком молодой, что посмотрелся видео в интернете, что Путин – спаситель России, и всех оппозиционеров надо, если не посадить, то, как минимум, выгнать из страны. Это случилось не часто, но несколько горячих сторонников Путина попадались мне каждый день.

В общем, новые скамейки, кусты сирени, брусчатка во дворе и детские танцевальные кружки не интересовали избирателей так, как отношение кандидата к Путину и к «Единой России». Политические вопросы стали определяющим фактором на муниципальных выборах в Смольнинском в 2019 году.

С утра до позднего вечера я встречался с избирателями. За полтора месяца сделал всего несколько выходов. Это очень вдохновляющий опыт, однако к концу у меня случилось эмоциональное выгорание.

Сейчас я спокойно пролистываю сообщение от неизвестного абонента с предложением меня убить или изнасиловать лопатой. В 2019 году я был начинающим политиком, кожа еще не загрубела, и проклятья и угрозы, которые иногда говорили люди, действовали угнетающе.

Слова поддержки от избирателей звучали в десятки раз чаще, чем негатив (это не преувеличение). Люди поддерживали нашу команду и наши идеи, но психика, не подготовленная к публичной политике, почему-то концентрировалась на негативе.

В последний день агитации – самое ценное для кандидата время, когда нужно сделать последний рывок, найти как можно больше сторонников, возможно, того последнего, чьего голоса может не хватить – я сел на скамейку в Некрасовском саду и закрыл лицо руками. До слез не дошло, но кандидат Юферев был близок к тому, чтобы разреветься как маленькая девочка. За несколько минут до этого добрая старушка с 7-й Советской улицы прокляла меня, моих детей и всю семью, а потом пыталась ударить меня тростью. Она считала противников Путина предателями России и очень эмоционально защищала свои убеждения.

Полтора месяца я практически не видел жену, не видел детей, возвращался поздно, когда уже все спали, а уходил рано. И ради чего? Ради этой доброй старушки?

Я подумал, что надо позвонить жене. Но потом решил не грузить ее негативом. Позвонил кандидату Киселевой. Анна Сергеевна не захотела разговаривать, она решила использовать последний день агитации по максимуму, посоветовала мне попить кофе и скушать эклер. И отключилась — ее ждали избиратели. Вообще-то очень хотелось, чтобы меня пожалели! Я обиделся на Киселеву и безответственно закончил избирательную кампанию на семь часов раньше срока. Отметил это чашкой кофе и двумя эклерами. И пошел домой.

На следующий день был день тишины, когда агитация запрещена, а послезавтра главный день — день голосования, когда решится, напрасными ли были наши усилия или избиратели поддержат нашу команду.

ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Мы закрыли наблюдателями все избирательные участки. Запрос на честные выборы был так велик, что люди выстраивались в очередь, чтобы иметь возможность поработать в день выборов над честностью и прозрачностью. На избирательных участках сидело по 10–12 наблюдателей от разных партий и кандидатов, они сменяли друг друга, делали замечания комиссиям, если что-то шло не по закону.

Я занимался наблюдением за выборами с 2008 года, каждые выборы проводил на каком-нибудь избирательном участке в качестве наблюдателя. В день выборов от меня, как от кандидата, не было никакой пользы (агитация в день выборов запрещена), я решил не изменять традиции и занялся наблюдением. Утром я проголосовал за нашу команду, обошел избирательные участки, пожал руки наблюдателям. После этого выбрал себе избирательный участок, где планировал провести весь день и всю ночь, если подсчет голосов затянется.

Председатель участковой комиссии насмехалась надо мной. «Нас своим присутствием почтил целый кандидат!» — шутила она. Она была удивлена присутствием кандидата на участке, потому что, обычно, кандидат — это серьезное лицо, в пиджаке, галстук, у него есть дела поважнее, чем целый день следить, не украли ли выборы. Нормальный кандидат уверен в своей победе: он заранее договорился с администрацией, сколько голосов ему нарисуют в итоговом протоколе.

Когда председатель УИК вешала объявление на стену избирательного участка, она обращалась ко мне с насмешкой: «Ну что, депутат, все по закону я делаю?» Или когда опечатывали урны для голосования: «Ну что, депутат, нравится тебе наша урна?».

В целом, такое поведение председателя комиссии намного лучше, чем я наблюдал в предыдущие выборы. Обычно предсе-

датели старались посадить наблюдателей в дальний угол избирательного участка, откуда ничего не видно, а стремление подойти поближе или банальный поход в туалет называли попыткой мешать избирательному процессу и вызывали полицию. Полиция была рада вышвырнуть с участков оппозиционных наблюдателей.

В этот раз, хоть с насмешками, но председатель советовалась со мной и демонстрировала, что все проходит честно.

Один избиратель устроил скандал, когда ему показалось, что камера видеонаблюдения снимала происходящее в избирательной кабинке. Это нарушало тайну голосования, и он написал письменную жалобу в избирательную комиссию.

Председатель комиссии отказалась принимать жалобу (она по закону обязана ее зарегистрировать в специальном журнале и рассмотреть). Мы, наблюдатели, с интересом наблюдали, как председатель комиссии бегала от избирателя по всему избирательному участку, а избиратель, махая жалобой, бегал за ней. Догнал.

С жалобой в руках, вся красная, практически в слезах, председатель подбежала ко мне и начала обвинять в том, что я устроил эту провокацию. Потом, успокоившись, объяснила, что им дали задачу честно провести голосование и подсчет голосов. А если будет хотя бы одна жалоба, то председателя комиссии лишат премии. Она просила меня поговорить с избирателем, чтобы он забрал жалобу.

Жалоба действительно была необоснованна, камера была повернута в другую сторону и не снимала происходящее в кабинке. Мы с избирателем вышли на улицу, чтобы обсудить произошедшее, и он признался, что подал жалобу не потому, что увидел нарушение, а «чтобы они не расслаблялись».

Запрос на честные выборы в 2019 году был сильным.

Во время подсчета голосов председатель разрешила мне сесть рядом с собой. Я был очень удивлен! Обычно председатель УИК брал бюллетень и вслух называл фамилии, напротив

которых стояли галочки, но сам бюллетень присутствующим не показывал. Это самое узкое место в подсчете голосов: председатель мог вслух назвать не те фамилии, которые отмечены в бюллетене.

Но в тот раз председатель разрешила мне смотреть, правильные ли фамилии она называет. Установка Центральной избирательной комиссии дошла до самых низовых комиссий (кроме ИКМО¹). УИКи в избирательном округе №240 в тот день работали честно.

По результатам подсчета голосов я победил на этом участке. Отношение председателя ко мне изменилось. В ходе оглашения бюллетеней, осознав, что фамилию Юферев приходится произносить подозрительно часто, она с удивлением смотрела на меня. Потом вместо презрительного «депутат», она стала называть меня на «Вы» и «Никита Андреевич». После подсчета предложила пройти в ее кабинет, где угрожала накормить бутербродами и пирожками, напоить кофе. Я счел это неуместным и вежливо отказался.

Прежде чем везти протокол в ИКМО Смольнинское для подведения итогов по всему избирательному округу, председатель отвела меня в сторонку и сказала фразу, которая, несмотря на стремление провести в тот раз честные выборы, отлично характеризует избирательную систему России:

– Никита Андреевич, – сказала председатель УИК, – что же вы сразу не сказали, что всерьез собираетесь стать депутатом? Я бы Вам ДВАДЦАТЬ ГОЛОСОВ НАКИНУЛА.

Получив копию итогового протокола на своем УИKe, я поехал в здание районной администрации. В день выборов туда переехали все комиссии муниципальных образований Центрального района, в том числе избирательная комиссия Смольнинского. В администрации района стоял специальный компьютер, через

¹ ИКМО – избирательная комиссия муниципального образования

который можно ввести результаты в единую информационную систему ГАС «Выборы». Попадание результатов голосования в эту систему считалось одним из важных этапов подведения итогов.

В коридоре напротив кабинета, занятого комиссией, висели огромные итоговые протоколы по избирательным округам. Председатели УИКов привозили протоколы с результатами голосования, чтобы записать их в большой протокол по избирательному округу. Сумма голосов со всех УИКов давала результат по избирательному округу.

В коридоре было многолюдно, толпились кандидаты и наблюдатели. Когда я пришел, данные поступили не со всех участков и большой протокол по избирательному округу №240 был заполнен только на половину. Цифры были обнадеживающие. На каждом УИКе вперед вышли три члена нашей команды – Киселева, Палюга и я. Это воодушевляло.

Председатели УИКов продолжали прибывать, цифры все время обновлялись.

Напротив протокола по избирательному округу №238 я встретил членов нашей команды, шедших по этому округу – кандидата Балтрукова, кандидата Кузнецову, кандидата Чеботаря и кандидата Горбунова. Судя по поступающим цифрам, эти четверо провели самую впечатляющую кампанию и мощно обходили конкурентов на всех УИКах. Главным конкурентом по избирательному округу №238 был Ранков и его самомедвеженцы. Они остались далеко позади. Я был очень рад за наших ребят и начал поздравлять с «предварительной победой».

Кандидат Кузнецова сидела на подоконнике и улыбалась:

– Погоди, Никита, – сказала она, – Пока не поступили данные по военной академии. Есть избирательный участок, на который пригнали курсантов и они голосовали строем, по команде. Рано радоваться!

Действительно, все было хорошо, пока не приехал протокол с избирательного участка №2233. В тот день наблюдатели отметили небывалую активность на этом участке. На его территории расположена Военная академия. Весь день организованно, стро-

ем голосовали военные. Их было слишком много. Наблюдатели попросили военных показать паспорта, что те охотно сделали. Оказалось, что военные не прописаны в Санкт-Петербурге, они были зарегистрированы как избиратели в Псковской области, Тульской области, Дагестане и т. д. Позже в ходе судебного разбирательства выяснилось, что у 2/3 военных отсутствовали данные о регистрации. Они не имели права голосовать на муниципальных выборах в Смольнинском.

Формально участие в выборах – это не обязанность, а право. Никто не мог заставить избирателя прийти и проголосовать, если он этого не хотел. Но врио начальника академии генерал-майор Косоротов издал приказ от 31 июля 2019 года №807 «О подготовке, организации и проведении Единого дня голосования 8 сентября 2019 года» и обязал командиров подразделений обеспечить «100-процентную явку всех категорий военного электората».

Генерал-майор Косоротов потребовал от подчиненных предотвращать «политические провокации» и назначил ответственных за «минимизацию риска возникновения повышенного внимания со стороны сторонних наблюдателей и левосторонних (либеральных, деструктивных) политических сил (оппозиции) в ходе проведения Единого дня голосования». Более откровенного вмешательства в выборы со стороны руководства Военной академии сложно представить. Интересная деталь, по этому избирательному округу депутатом хотел стать сотрудник Военной академии полковник Антонович.

Мы раздавали избирателям визитки со списком наших фамилий, чтобы они могли взять их с собой на избирательный участок и вспомнить, за каких кандидатов проголосовать. Военным нужные фамилии озвучили устно.

Сразу запомнить пять незнакомых фамилий довольно сложно, поэтому результаты голосования на участке №2233 распределились по алфавиту. Большинство военных вспомнили фамилию кандидата на букву А – Антоновича – 759 голосов. Вторую фамилию, за которую надо было проголосовать, запомнили

не все, кандидат на букву В – Важенин – получил на том участке значительно меньше: 470 голосов. Фамилию кандидата на букву З – Заичкину (начальница аппарата, которая не пускала меня в здание муниципалитета) вспомнили еще меньше: 451 голос. Бедному Ранкову не повезло: его фамилию на букву Р курсанты совсем не запомнили: 157 голосов.

Голосования на УИК №2233 хватило, чтобы опрокинуть результаты выборов во всем избирательном округе №238. Несмотря на оглушительную победу нашей команды на всех остальных УИКах, курсанты вывели в депутаты самомедвеженцев Антоновича и Важенина. Из нашей команды по избирательному округу №238 мандаты получили только трое: Балтруков, Кузнецова и Чеботарь. Курсанты испортили результат нашего кандидата Горбунова, ему не хватило 38 голосов, чтобы стать депутатом.

В моем избирательном округе №240 уверенным лидером была кандидат Киселева. Она больше и упорнее всех ходила поквартирку. На втором месте был я, на третьем – кандидат Палюга. К сожалению, кандидат Горнов практически не участвовал в предвыборной кампании и сильно отстал по количеству голосов. Вложи он больше времени и усилий в поквартирку – у нас было бы на одного хорошего депутата больше.

Четвертым пришел кандидат Безумов, пятой – кандидат Фадеева. Она представляла движение Ц, но выдвинулась от коммунистической партии. В России есть большая прослойка людей, в основном пожилых, кто по старой советской традиции голосует за КПРФ. Это практически гарантированные голоса.

Лучший друг Центрального района Ярослав Костров понадеялся на свою популярность, не вел избирательную кампанию и голосов ему не хватило.

В избирательном округе №239 выиграл только один член нашей команды Радислав Полуйков. В избирательном округе №241 никто из команды «Яблока» не пришел к победе из-за того, что были большие проблемы с агитационными материалами и поквартиркой.

Таким образом, по предварительным результатам из итоговых протоколов, вывешенных в коридоре, даже с учетом голосования курсантов наша команда могла рассчитывать на семь мандатов. Семь депутатов из двадцати! Крупная фракция в совете! Мы считали, что это победа.

«Единая Россия» была разгромлена. Никто из депутатов предыдущего созыва не выиграл вновь. Ранков набрал в два раза меньше голосов, чем на предыдущих выборах, и проиграл.

Результат голосования выглядел так: семь депутатов «Яблока» (наша команда), шесть депутатов от движения Ц, три депутата от Штаба «Наш дом – Смольнинское». Условную команду Путина представляли только четыре человека: двое от «Единой России» – Шавлов и Воронина (из всех победителей они набрали меньше всех голосов), и двое самомедвеженцев – Антонович и Важенин.

Шестнадцать из двадцати мест в муниципальном совете Смольнинского заняли оппозиционеры.

Когда данные со всех избирательных участков были внесены в итоговый протокол, мы начали получать поздравления. Многие наблюдатели пришли с участков, чтобы узнать результат и обнимали кандидатов, чью победу отстаивали на участках весь день. Мы радовались, поздравляли друг друга, знакомились с будущими коллегами по муниципальному совету и ждали, когда ИКМО Смольнинское официально подведет итоги выборов.

Председатели УИКов должны были внести данные о победителях в единую информационную систему, а потом ИКМО должна была проголосовать, чтобы утвердить формальное решение, кто из кандидатов стал депутатом по результатам выборов.

Но прошел час, а данные в систему не вводили, комиссия не подводила итоги. Председатель Пушкарев бегал по коридору с какими-то бумагами и на вопрос «когда?» – отвечал, что процесс до конца не завершен, как только завершится, так сразу подведут.

Прошло еще два часа. Ничего не изменилось. Мы с удивлением увидели, как члены ИКМО стали расходиться по домам. Что это значит? Из кабинета выскочил председатель, закрыл двери на ключ. На вопрос, куда он собрался и когда будет подведение итогов, он крикнул через плечо, что подведение итогов обязательно будет, но пока возникли сложности. И убежал.

Мы были в растерянности. Мы провели целый день на избирательных участках, устали, были физически вымотаны. В коридоре администрации не было стульев, многие сидели на подоконниках, часть победителей сидела на полу.

Победившие кандидаты от движения Ц предложили пойти домой. Ну здравствуйте! Уйти домой с чем? С неопределенностью?

Кандидат Кузнецова – самый опытный политический боец из нашей команды – рассказала, что такая ситуация уже была в Петербурге несколько лет назад. Тогда победители ушли по домам, не дождавшись объявления результатов. Ночью избирательная комиссия собралась, переписала протоколы и утром объявила победителями совсем других людей.

– Если передумали стать депутатами, идите домой, – сказала Кузнецова, постелила куртку на пол и легла спать.

Большинство победивших кандидатов решили последовать ее примеру. Мы провели ночь на полу в коридоре, под дверью избирательной комиссии. Губернатор Петербурга заявил, что город в день голосования подтвердил звание культурной столицы!

Ночью комиссия не собиралась. План наших оппонентов нетрудно было угадать. В день выборов председатели участковых комиссий были мотивированы на то, чтобы не получить ни одной жалобы, чтобы продемонстрировать ЦИК, что выборы в Петербурге наконец-то прошли честно. Но поскольку результаты выборов власть не устраивали, надо было сделать наоборот: задним числом симитировать кучу жалоб, объявить, что были нарушения, и под этим предлогом пересчитать бюллетени.

Бюллетени хранились в подвале администрации района, где никаких наблюдателей, естественно, не было. Власти могли сде-

лать с бюллетенями все, что хотели. Например, нарисовать нужное количество галочек за нужных кандидатов. Мы были уверены, что после пересчета таких бюллетеней результаты выборов станут другими. Даже наше ночное дежурство на полу никак не могло этому помешать, была бы политическая воля.

На следующий день появился выпавшийся Пушкарев. Толпа пропустила его в кабинет и хлынула внутрь. Кабинет был большой, но нам было тесно. Большинство не влезли и остались наблюдать из коридора.

Задержку в подведении итогов Пушкарев объяснил, тем, что председатели УИКов пока не могли ввести данные в ГАС «Выборы». Однако в тот же день проходили выборы губернатора и данные в систему были введены незамедлительно. В ту же самую систему, теми же самыми председателями.

Члены ИКМО Смольнинское были взволнованы натиском толпы, из кабинета не было выхода, люди требовали подвести итоги. Член комиссии по фамилии Вантула начала кричать, чтобы мы не мешали комиссии работать. По ее словам, мы сами отодвигали срок подведения итогов. Чтобы успокоить собравшихся, она объявила, что уже обзвонила всех председателей УИКов и вызвала их для внесения данных в систему.

В этот момент из-за другого стола раздался громкий голос Ольги Гортинской. Эта замечательная женщина была назначена в ИКМО от партии «Яблоко». Несмотря на то, что остальные члены комиссии всячески противодействовали ее работе, она старалась помочь. Помочь не только кандидатам от «Яблока», а вообще всем. Гортинская пошла в комиссию защищать честные выборы. Конечно, в одиночку против остальных членов комиссии Гортинская не могла много сделать, но иногда мы получали от нее ценную информацию.

– Никто не приглашен! – громко сказала Гортинская.

Журналисты стали пробираться сквозь толпу к столу Гортинской, фотоаппараты и камеры направились в ее сторону. Гортинская рассказала, что никто никому не звонил. Когда она

попросила список телефонов, чтобы самостоятельно, как член комиссии, всех обзвонить — ей отказали.

В этот момент в кабинет протиснулась полиция. Полицейские потребовали от толпы выйти в коридор и не мешать комиссии работать. В коридоре стоял глава района Мейксин вместе со своей заместительницей, ответственной за политические процессы. Мейксин пообещал, что председатели УИК соберутся на следующий день и введут данные в систему. По закону районная администрация не имела права указывать комиссии, что ей делать, но Мейксин не скрывал, что администрация полностью контролировала избирательный процесс. Мы смотрели на Мейксина такими глазами, что он решил нас задобрить и принес пирожки.

Председатель партии «Яблоко» Эмилия Слабунова обратилась в Следственный комитет, прокуратуру и ЦИК России с требованием принять меры к тем, кто не вносит результаты выборов в систему. История вышла на федеральный уровень. Общественное давление нарастало.

Председатели УИКов начали приезжать вечером. Ночью результаты выборов в Смольнинском были введены. Наблюдать за этим процессом приехала Ольга Покровская — член городской избирательной комиссии.

Первый этап был пройден. Остался последний: Пушкарев должен был собрать избирательную комиссию муниципалитета и официально подвести итоги выборов, признать нас депутатами. Но он этого не делал.

История получилась громкой. На полу в коридоре сидели избранные, но не утвержденные комиссией, депутаты Смольнинского. Нас было достаточно для проведения правомочного заседания муниципального совета. Кворум имелся. Социальные сети облетела фотография под заголовком «Избранный муниципальный совет Смольнинского заседает на полу в ожидании подведения итогов выборов».

ЦИК России из Москвы беспомощно требовал подвести итоги выборов, но местные жулики итоги не подводили. Это был позорный день для всей избирательной системы России.

А потом был следующий позорный день. А потом еще один.

Мы не уходили, социальные сети гудели, избиратели приходили поддержать нас, приносили чай, пиццу и бутерброды. Члены ИКМО были в растерянности, они не понимали что делать. Несколько дней никто из кураторов внутренней политики Петербурга не мог принять решение: фальсифицировать выборы или нет. Их состояние характеризует следующий эпизод.

Одна из самых одиозных подрядчиц муниципалитета Смольнинское Полина-Тереза Давыдова, материально заинтересованная в победе команды Ранкова, случайно опубликовала переписку с ним. Чудесным образом в ее сторис в Instagram высветился текст сообщений из WhatsApp. Журналисты выложили скриншоты в открытый доступ. Это немного приоткрыло, каким образом власть рефлексировала над результатами выборов.

«Гриша, что решили. Отменить или нет?» – спросила Полина-Тереза.

«Мейсин сказал не делать этого» – ответил Ранков, очевидно имея ввиду главу района Максима Мейксина.

«А какова стратегия?»

«Важенину предложили стать главой. Но состав то неуправляемый...», – ответил Ранков, – «Ездили к нему. У него нет такой уверенности. Смотрели списки».

Полина-Тереза ответила тремя сообщениями:

«Вы партизан», «Очень хитрый», «Надо ЛП в помощь».

ЛП – это Любовь Павловна Совершаева, вице-губернатор Петербурга, ответственная на тот момент за внутреннюю политику в городе: выборы, борьбу с оппозицией и другие политические процессы.

Дошло до смешного. Обычно фальсификации проводились в пользу «Единой России», а оппозиция выходила протестовать. Но что-то пошло не так. Чтобы подготовить общественное мнение к пересчету, 11 сентября – на третий день подведения итогов (или на третий день НЕподведения итогов) «Единая Россия» решила провести митинг за честные выборы в Смольнинском.

Ранков занялся самодеятельностью. Такая глупость не могла быть согласована в высоких кабинетах и это была его личная инициатива: он подал официальную жалобу с требованием отменить результаты выборов в Смольнинском на том основании, что в бюллетене название партии «Единая Россия» не было выделено жирным шрифтом. Не кризис в экономике, не санкции, не тотальная коррупция стали причиной их поражения, а просто шрифт был не жирный. При этом формально Ранков избирался не от партии, а самовыдвиженцем.

Претензия к шрифту была не единственной. Перов, один из проигравших кандидатов, озвучил в СМИ версию, что в Смольнинском были использованы «разработки в области нанотехнологий из американских военных лабораторий». Перед подсчетом голосов галочки якобы перемещались по бюллетеню от одних кандидатов к другим.

Избирательная комиссия Смольнинского должна была обратиться и решить, что же делать с выборами: подвести итоги и утвердить нашу победу или удовлетворить жалобы проигравших и результаты выборов отменить.

После трех дней, проведенных на полу в коридоре, избранные муниципальные депутаты впервые составили совместное письмо (в последствии это стало узнаваемым жанром). Из шестнадцати оппозиционных кандидатов, победивших в Смольнинском, только кандидат Бархатова не подписала это обращение. Пятнадцать победителей обратились к председателю Центральной избирательной комиссии России с требованием подвести итоги выборов:

«8 сентября в Санкт-Петербурге прошли муниципальные выборы. Жители округа «Смольнинское» свой выбор сделали. По результатам честного и открытого подсчета голосов на участковых избирательных комиссиях победили кандидаты «Яблока», движения Центральный район за комфортную среду обитания и самовыдвиженцы.

Однако избирательная комиссия МО Смольнинское, получив

соответствующие результаты от участковых комиссий, исчезла! Третьи сутки после дня голосования итоги голосования не подведены, результаты выборов не утверждены. ИКМО Смольнинское скрывается от кандидатов. Волеизъявление жителей округа игнорируется!

В то же время бюллетени без надлежащей охраны были обнаружены в подвале Администрации района. Почти сутки они находились в свободном доступе и теперь мы считаем их скомпрометированными. По поступающей информации, готовится пересчет этих скомпрометированных бюллетеней. Результаты выборов могут быть изменены! Волеизъявление жителей предлагается перечеркнуть при помощи преступных махинаций избирательной комиссии муниципального образования и фальсификации бюллетеней.

Мы выражаем недоверие ИКМО Смольнинское! Единственное решение, которое они обязаны принять – это подвести итоги голосования на основании первоначальных протоколов, поступивших от УИК и внесенных в систему ГАС «Выборы» в ночь с 9 на 10 сентября.

Мы призываем вас потребовать от ИКМО Смольнинское незамедлительно подвести итоги голосования и утвердить результаты выборов! Нельзя допустить, чтобы воля жителей округа была сфальсифицирована при повторном пересчете».

На четвертый день власти сдались!

Не то, чтобы совсем сдались. У них появился план, как действовать в случае проигрыша на выборах. На протяжении всей книги вы сможете узнать, как они этот план реализовывали.

12 сентября 2019 года избирательная комиссия Смольнинского утвердила результаты выборов. Воля избирателей была услышана, мы ее отстаивали и официально стали депутатами.

Мы получили больше поздравлений, чем непосредственно в день выборов. Сотни сообщений от избирателей и наблюдателей. Даже журналисты, которые старались сохранить беспристрастность, поздравляли с победой и желали успехов в депу-

татской работе. Все были воодушевлены, что в самом центре Петербурга, в Смольнинском, победила оппозиция.

Ох, как мы в этом ошибались!

Часть вторая. В оппозиции

КАК УЛУЧШИТЬ ОКРУГ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ

Избиратели решили, что ни одна фракция не получила большинства в совете. Депутаты должны были договориться и сформировать коалицию.

Чтобы утвердить годовой бюджет округа, принять правила благоустройства, оказания услуг в области культуры и досуга, избрать нового главу муниципалитета и главу местной администрации, достаточно 11 голосов из 20. У «Яблока» было семь, нужно было найти еще четыре. Мы приступили к переговорам.

Заместитель спикера Макарова – Сергей Соловьев («ЕР»), сам пригласил депутата Кузнецову – лидера нашей маленькой фракции – в свой офис в Законодательном собрании города. Любопытно было послушать, какие планы «Единая Россия» имела на муниципалитет Смольнинское.

Помимо Соловьева и Кузнецовой на встрече присутствовал депутат ЗакСа Тетердинко («ЕР»). Единороссы предложили сформировать коалицию. Они полностью контролировали четырех депутатов Смольнинского: Шавлова, Воронину, Важенина и Антоновича. Их четыре голоса и семь голосов депутатов «Яблока» в сумме давали большинство.

Главной целью этой коалиции, по их мнению, была дележка бюджетов и должностей. Кузнецова должна была стать главой муниципалитета. Единороссы предложили преподнести это, как победу оппозиции. Голосование за главу тайное, никто бы не узнал, что оппозиционный глава появился в результате договорняка с «Единой Россией».

В качестве условия единороссы хотели должность главы администрации Смольнинского и контроль над расходованием бюджета. Такая коалиция ничего бы не поменяла, кроме фасада:

бюджет расходовался бы, как раньше, практически не доходя до жителей.

Мы единогласно отвергли такое предложение.

Избиратели проголосовали за перемены. Шестнадцать депутатов избрались как представители оппозиции. Мы считали естественным сформировать широкую коалицию: семь депутатов от «Яблоко», шесть депутатов Ц и трое от Штаба «Наш дом – Смольнинское» (ШН).

Наша фракция предложила депутатам Ц и ШН заключить письменное соглашение о коалиции. Если лечить только симптомы, болезнь не уйдет. Мы считали, что изменения в муниципалитете должны быть системными. В соглашении важно было прописать общие цели коалиции, принципы работы и основные задачи. Соглашение предполагалось опубликовать, чтобы избиратели могли видеть, чем мы планируем заниматься и справляемся ли со своими обязательствами.

В Петербурге город забрал себе большую часть полномочий муниципалитетов. Из основных осталось благоустройство (дворов и нескольких зеленых зон), а также культурный досуг жителей (разные кружки и экскурсии).¹ Было еще полномочие обеспечивать нуждающихся жителей дровами, но это было совсем не актуально.

¹ Еще одним важным полномочием была опека. Специалисты опеки следили за благополучием детей в семьях и согласовывали сделки с недвижимостью, чтобы при продаже квартир не ухудшались жилищные условия проживающих в квартире детей. Это было полномочием города, которое передали в муниципалитеты. Из городского бюджета выделялась субсидия на функционирование отдела, правила работы опеки тоже утверждал город, о своей работе они отчитывались перед городом. Муниципалитет не мог вмешаться и никогда не считал опеку по-настоящему своей. Просто так получилось, что опека числилась в муниципалитете

Наше предложение по коалиционному соглашению было сконцентрировано на четырех основных темах: благоустройстве, досуге, менеджменте и бюджетном контроле. В ходе поквартирки мы общались с избирателями и взяли их мнение за основу.

Мы считали, что при голосовании все депутаты коалиции должны руководствоваться следующими принципами: нацеленность на решение проблем округа, открытость депутатов и муниципального совета для жителей округа, ответственность депутатов перед избирателями, неприятие любых проявлений коррупции, системный подход при решении вопросов местного значения, отстаивание принципов местного самоуправления в структурах государственной власти. Это значительно отличалось от принципов, которыми руководствовались депутаты в предыдущем созыве.

С моей точки зрения, в перечисленном списке ключевым был «системный подход». Многие депутаты нашего совета избрались как районные активисты. Например, на своем пути они встречали дыру в асфальте и заваливали чиновников жалобами, чтобы привели асфальт в порядок. Это важная работа. Но отправить жалобу мог любой житель округа. Задача депутата: принимать такие правила работы для чиновников, чтобы муниципалитет самостоятельно следил за состоянием асфальта и ремонтировал его планово, а не только когда кто-нибудь застревал в дыре и ломал ногу. В отличие от активизма, статус депутата позволял добиться не точечных, а системных изменений.

В области благоустройства мы предложили обеспечить доступность среды для маломобильных групп; использовать крупномерные деревья при озеленении; составлять комплексный план озеленения дворовых территорий совместно с жителями муниципалитета; заменить пластиковые детские площадки на современные, безопасные и максимально интерактивные с естественной цветовой гаммой; заменить металлические заборы на зеленые изгороди; установить крытые велосипедные парковки; бороться с нелегальной парковкой автомобилей

на газонах. Мы предлагали сделать Смольнинское максимально зеленым и комфортным.

Первое, что депутаты могли сделать, это увеличить расходы на благоустройство в бюджете следующего года и увеличивать их каждый год не менее, чем на величину инфляции. Деньги на это были, о чем расскажу в одной из следующих глав. Также предлагалось создать трехлетние адресные программы благоустройства муниципалитета и заниматься благоустройством системно, а не просто обрабатывать поступающие жалобы. В идеале, чтобы каждый житель округа мог зайти на сайт муниципалитета и посмотреть, в каком году будет отремонтирован его двор и какие работы планируются.

В области досуга и культуры мы хотели не допустить того разгула коррупции, существовавшего при предыдущем составе депутатов. При закупке билетов и организации мероприятий исключить посредников и безумные наценки.

Кроме того, нужно было разобраться с «активом», который прикармливали предыдущие власти. Ранков собрал команду сторонников, которые за счет муниципалитета ездили в дорогие экскурсии, а за это всячески хвалили Ранкова и «Единую Россию». При этом подавляющее большинство жителей даже не знало, что имеет право на бесплатные билеты.

Наша команда предложила каждый год увеличивать финансирование культурно-досуговых мероприятий. Но с одним условием: сначала муниципальный совет должен утвердить Положение о культуре и досуге, которое определило бы правила расходования денег на эти цели, чтобы у муниципальных чиновников не было возможности подкармливать «актив» в обход остальных жителей и завышать закупочные цены. Мы подготовили длинный перечень мер, которые хотели внести в коалиционное соглашение.

Двадцать лет назад Смольнинским руководил достойный человек – Грант Аракелов. Он создал досуговое учреждение «Зеленый слон», которое проводило занятия танцами, детские занятия по карате, фитнес для пожилых, шахматную школу, курсы

французского языка и тому подобное. Каждый мог выбрать кружок по душе. Работа «Зеленого слона» полностью финансировалась муниципалитетом. Для жителей Смольнинского занятия были бесплатные.

Но Смольнинское было огромным по территории, а помещения «Зеленого слона» располагались только в одной части муниципалитета. Мы предложили найти помещение и открыть дополнительное отделение в противоположном конце Смольнинского, ближе к Невскому проспекту, чтобы всем жителям стало удобно посещать «Зеленый слон».

В сфере контроля за расходованием бюджетных средств мы предложили создать Контрольно-счетную комиссию, которая бы состояла из депутатов и следила, как местная администрация расходует выделяемые деньги, насколько честно проводятся конкурсы при закупках, выполняются ли заявленные работы на самом деле. Фактически мы предлагали создать новый институт, главная задача которого: контролировать, чтобы муниципальные деньги доходили по назначению, на нужды жителей, а не оседали в карманах муниципальных чиновников. Опять таки, это должна быть системная работа.

В целом депутаты из фракции Ц и фракции ШН с одобрением отнеслись к нашим предложениям.

Однако в создании коалиции возникли сложности. Должность главы муниципалитета была одна. А желающих руководить — несколько. К тому же «Единая Россия» предложила заключить соглашение не только нашей фракции. Если мы, «Яблоко», это предложение отвергли сразу, то коллеги из других фракций рассматривали все варианты.

ПЕРЕГОВОРЫ

Под оппозиционными лозунгами в выборах участвовали три команды: наша команда, выдвигавшаяся от партии «Яблоко», команда Штаба «Наш дом — Смольнинское» (ШН) и команда Ц под руководством активиста Ярослава.

На первый взгляд, три оппозиционные команды, чтобы не конкурировать друг с другом, на этапе выборов должны были заключить соглашение и поделить округа, чтобы идти в битву против «Единой России» одной мощной колонной. Такая идея предлагалась, но у нее был существенный и решающий недостаток: мы могли договориться о чем угодно друг с другом и расставить кандидатов по округам, но у избирательной комиссии муниципалитета были свои планы. Комиссия была безмерно рада, если бы оппозиционные кандидаты сами снялись с выборов. Никто не мог дать гарантии, что оставшихся кандидатов допустят до регистрации или не вычеркнут из бюллетеня в ходе кампании. Избиратели могли остаться вообще без оппозиционных кандидатов в бюллетене. Поэтому три оппозиционные команды конкурировали не только с «Единой Россией», но и друг с другом.

Однако эта тактика принесла результат. В совете появилось три оппозиционные фракции. Осталось только договориться.

Переговоры с депутатами Штаба «Наш дом — Смольнинское» были успешны: мы нашли взаимопонимание с депутатами Серой и Захаровым. Мы договорились не по всем вопросам, но по большинству принципиальных решили голосовать совместно.

Елена Бархатова, третий депутат от ШН, была решительно настроена против сотрудничества с «Яблоком» и не просто отказалась работать совместно, но пыталась отговорить от этого двух своих коллег.

У Бархатовой не было проблем с регистрацией во время выборов, она единственная не подписала письмо в Центральную избирательную комиссию с требованием утвердить нашу победу, препятствовала созданию оппозиционной коалиции. К тому же она работала учительницей в государственной школе, а значит ее премия зависела от воли администрации района. Команда ШН не проводила никакого отбора кандидатов, были поддержаны все, кто пожелал идти на выборы под единым брендом, кандидаты прослушали несколько лекций, получили помощь с оформлением документов и агитационных материалов, но в целом не были связаны со Штабом какими-то обязательствами.

Мы стали подозревать, что депутат Бархатова была специально направлена администрацией района изображать оппозиционного кандидата. Это очень умный ход: использовать кандидатов с двойным дном в ситуации, когда опросы показывали победу оппозиции, но при этом сверху была спущена команда не фальсифицировать выборы. Мы могли только догадываться, сколько таких кандидатов было отправлено.

У нас получилась коалиция из девяти депутатов: семь от «Яблока» и два ШН. Это меньше половины. Все понимали, что без участия депутатов Ц коалиция не сложится.

Первую неделю мы не могли понять, что думают сами депутаты Ц, поскольку они не шли на контакт и не участвовали в переговорах. Вместо них на переговоры приходил Ярослав, который проиграл выборы, но утверждал, что уполномочен говорить от имени всех депутатов Ц. Мы в шутку называли Ярослава «двадцать первый депутат».

Депутат Кузнецова предложила устроить большую встречу, чтобы пришел не только Ярослав, но и его депутаты. Мы очень хотели узнать, что они думают о совместной работе.

Встреча состоялась в кафе на территории Смольнинского. Пришли пять депутатов Ц и один Ярослав. Депутат Гудков (Ц) по какой-то причине отсутствовал.

Депутаты Ц молчали. Даже во время общей встречи переговоры вел Ярослав. Главным требованием было, чтобы депутат

из команды Ц стал главой муниципалитета. Вторым — чтобы заместителем главы тоже стал депутат из команды Ц. Я даже перхнулся чаем, от такой наглости. Депутаты Ц молчали, будто им было запрещено говорить. Мы молчали, ошарашенные «конструктивной» позицией наших партнеров.

— Наша фракция крупнее вашей, — сказала депутат Кузнецова, — у нас семь депутатов.

Ярослав ответил, что у «Яблока» получилось избрать семь депутатов, потому что оно использовало избирательные технологии. Поэтому у нас нет права претендовать на участие в управлении муниципалитетом. Депутаты Ц, напротив, много сделали для Смольнинского, все жители их знали, в отличие от депутатов «Яблока», у которых не было поддержки.

Тот факт, что команда «Яблока» получила на выборах на 49% больше голосов избирателей, чем депутаты Ц, Ярослава не смутил. Он продолжил считать нас неполноценными депутатами, которым надо сначала поработать под мудрым руководством Ц, прежде чем заявлять какие-то требования. К тому же фракция Ц не намного меньше «Яблока» и состояла из целых шести депутатов.

— Мы видим только пять, — сказала депутат Кузнецова.

— Депутат Гудков не смог прийти.

— Это мы видим. Ему не интересны переговоры?

Ярослав уклончиво объяснил, почему депутат Гудков не присутствовал на переговорах, так и не раскрыв причину, но особо подчеркнул, что отсутствие депутата Гудкова не помешает нам договориться, потому что он, Ярослав, уполномочен говорить от имени всех шести депутатов Ц.

Мы так не думали.

После подведения итогов выборов мы составили карту избранных депутатов. На ней было два лагеря. С правой стороны листа располагался оппозиционный лагерь, в который мы поместили семь депутатов «Яблока». С левой стороны листа располагался провластный лагерь. В него мы поместили двух депутатов от «Единой России»: Шавлова и Воронину, а также двух само-

медвеженцев, близких к районной администрации: депутатов Антоновича и Важенина.

Трех депутатов от ШН мы поместили в оппозиционный лагерь. Но по результатам переговоров фамилия депутата Бархатовой начала перемещаться в сторону провластного. Счет 5:9 в пользу оппозиции.

Депутаты Ц располагались посередине. Мы не понимали, к какому лагерю они принадлежат, поскольку ничего о них не знали. Обо всех, кроме депутата Гудкова. Это был пожилой мужчина с седой бородой. В отличие от других депутатов Ц, занимавшихся активизмом и завоевавших сердца избирателей своей кипучей деятельностью по благоустройству района, депутат Гудков выиграл выборы иначе.

У Гудкова была большая собака, с которой он много лет гулял по улицам Смольнинского. Собака была очень красивая и привлекала к себе внимание, жители подходили посмотреть на нее и почесать за ушком. Никто не знал, как зовут дедушку. Все знали его как «дедушку с той самой красивой собакой».

Когда Гудков решил участвовать в выборах, он напечатал и распространил листовку, на которой он сидел в кресле, а рядом сидела его известная собака. На листовке была надпись крупными буквами: «Борис ГУДКОВ. Вы меня знаете».

Этого оказалось достаточно, чтобы стать депутатом. На одном из первых заседаний совета депутат Гудков пошутил: «Я выборы не выигрывал, их выиграла моя собака!»

Работал депутат Гудков в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Он был управляющим нескольких многоквартирных домов, расположенных в Смольнинском. Мы собрали небольшое досье. Оказалось, к работе Гудкова было много претензий. Он задерживал оплату поставщикам электроэнергии. Дома, находившиеся под его управлением, обслуживались с нарушениями в области благоустройства. Многочисленными нарушениями. Обычно администрация штрафовала за такое и заставляла привести все в порядок, но удивительным образом, это не распространялось на депутата Гудкова. Была ли у него какая-то полити-

ческая договоренность с администрацией — мы не могли знать наверняка. Но Гудков был под угрозой получить большое количество крупных штрафов. Это уже крючок, при помощи которого можно манипулировать депутатом.

В советское время Гудков работал «советником» за рубежом. Неблагонадежных к такой работе не подпускали. Выезд за границу, а тем более на работу, нужно было заслужить. В целом, человек, подготовивший для нас досье на Гудкова, охарактеризовал его емкой фразой: «старый приспособленец».

Мы подвинули депутата Гудкова поближе к провластному лагерю. Ярослав мог сколько угодно надувать щеки и говорить, что может вести переговоры от имени Гудкова, но мы были уверены, что переговоры от имени Гудкова вел только Гудков. Не с нами в кафе, а в других кабинетах.

Осталось понять, какие взгляды у пяти депутатов Ц, сидевших за столом напротив.

— Кого вы хотите видеть главой муниципалитета? — спросила депутат Кузнецова.

— Нашего депутата Викторию Фадееву, — Ярослав показал на нее рукой и перечислил заслуги: Фадеева давно живет в Смольнинском, Ярослав ее хорошо знает и уверен в ней, она написала много жалоб, молодая многодетная мама, сейчас безработная, много времени может уделять муниципалитету.

От себя добавлю, что у депутата Фадеевой огромные красивые глаза. Она избралась вместе со мной в избирательном округе №240.

Депутат Балтруков обратился к депутату Фадеевой:

— Раз вы претендуете на такую высокую должность, может, вы расскажете что-то о себе? Чем вы планируете заниматься, если станете главой?

Депутат Фадеева посмотрела своими большими глазами на Ярослава. Он кивнул.

— Работать, — сказала депутат Фадеева, — Я буду работать на благо нашего муниципалитета, чтобы жители чувствовали улучшение.

Возникла пауза. Нам предлагалось проголосовать за утверждение Фадеевой на должность главы муниципалитета и мы ожидали предвыборной речи. Как минимум, краткий план или принципы, на которых будет строиться работа. Мы внимательно смотрели на Фадееву и ждали продолжения. Фадеева молчала.

– Вы единственная представитель коммунистической партии в нашем совете, – депутат Кузнецова обратилась к депутату Фадеевой, – Мы представляем демократическую партию. Как вы себе представляете наше голосование за коммунистку?

Фадеева закатила глаза и начала объяснять, что она никакая не коммунистка, что она просто выдвинулась от коммунистической партии, чтобы не собирать подписи, никогда в партии не состояла и коммунистическую идеологию не поддерживает.

Однако в избирательном бюллетене было буквами написано, что Фадеева представляет коммунистов. Большинство избирателей голосовали за нее как за коммунистку, а теперь она от этого отказывалась. Такая политическая гибкость отталкивала. Не было гарантии, что, став главой при помощи наших голосов, Фадеева будет проводить ту политику, о которой мы, возможно, сегодня договоримся.

Ярослав добавил, что «Яблоку» пора перестать тащить везде политику, а надо сосредоточиться на «реальных делах».

Мы же считали, что должность главы Смольнинского – политическая. Во-первых, Смольнинское не простой муниципалитет, а самый центральный. И самый богатый. Если мы изберем Фадееву как оппозиционную главу муниципалитета (мы можем избрать только оппозиционного главу муниципалитета, за других «Яблоку» просто не будет голосовать) к ней будет привлечено внимание.

Тот факт, что в Смольнинском «Единая Россия» проиграла выборы, это уже пощечина городской власти. Если в дополнение к этому мы сможем избрать оппозиционного главу, то прокуратура, Следственный комитет, Счетная палата – все органы,

работающие в тесной связке с администрацией района и правительством города, будут под лупой искать нарушения в каждом документе, который глава подписывает.

Мы спросили Фадееву, готова ли она к такому и есть ли у нее защита от наезда со стороны местного прокурора. Даже Ранков был близок к тому, чтобы сесть после проверки Счетной палаты. А у него были покровители.

За Фадееву ответил Ярослав. Он попросил нас не сгущать краски, ничего такого по, его мнению, случиться не должно, Фадеева со всеми найдет общий язык. А если на нее наедут, то он лично встанет в пикет напротив офиса губернатора.

Нашим кандидатом на пост главы была депутат Кузнецова. Во-первых, у нее был управленческий опыт: она возглавляла Санкт-Петербургское региональное отделение партии «Яблоко». Поскольку решения в партии принимались коллегиально (голосованием), ее опыт работы был релевантен. Основная задача главы муниципалитета: проводить заседания совета, а затем реализовывать коллективно принятые решения.

Также за Кузнецовой стояла федеральная партийная организация. Конечно «Яблоко» — не самая влиятельная партия, но, в случае атаки на муниципалитет, способна привлечь федеральное внимание, в том числе средств массовой информации. А публичность — лучшая защита.

Ярослав был категорически против кандидатуры Кузнецовой. Остальные представители Ц молчали.

Мы пришли на встречу, чтобы договориться. Наш депутат Балтруков уточнил, есть ли у Ц другие кандидатуры на пост главы и кого они хотят видеть в должности заместителя главы муниципалитета.

— Заместителем мы хотели бы видеть Елену Мишкинис, — Ярослав представил нам другого члена своей команды. Он рассказал, что депутат Мишкинис недавно переехала в Смольнинское, но быстро влилась в команду Ц, и они ей доверяют. По мнению Ярослава, Мишкинис могла стать отличным заместителем, но если по какой-то причине депутат Фадеева не сможет

стать главой, то второй в очереди на пост главы команда Ц видит депутата Мишкинис.

Депутат Мишкинис представилась, рассказала о сферах своего интереса: благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство и экология. Брюнетка, кровь с молоком, она сидела, сложив руки на стол, и показалась нам нерешительной.

Мы ничего не знали про депутата Мишкинис, кроме того, что она работала на молокозаводе, а ее папа имел долю в этом бизнесе. У нас не было причин относиться к ней негативно и мы могли рассмотреть ее кандидатуру на пост главы, если бы наши партнеры показали готовность к компромиссу. Мы рассматривали разные варианты: сначала глава от одной фракции, через два года мы проведем перестановку и изберем главой представителя другой фракции. Или другое соглашение: глава от одной фракции, а заместитель от другой.

Но нет, наши партнеры упорствовали.

— Вы хотите, чтобы глава муниципалитета и его заместитель были ваши, — сказала депутат Кузнецова, — А чем будет заниматься наша фракция?

— Вы лично можете возглавить комиссию по патриотическому воспитанию! — великодушно предложил Ярослав.

Никаких договоренностей достичь не удалось.

Было два варианта, почему команда Ц вела себя нахраписто и не шла на компромисс.

Первый вариант: они просто глупые, упрямые и не способны на конструктивный разговор. Второй вариант заключался в том, что команда Ц чувствовала сильную переговорную позицию. Если для «Яблока» они были единственным вариантом, с кем можно заключить коалицию, то у них, судя по всему, был выбор.

Провластный лагерь не сидел без дела и тоже пытался создать коалицию. У «Единой России», как у «Яблока», была слабая переговорная позиция: после того, как наша фракция отказалась от коалиции с единороссами, команда Ц стала для них единственным вариантом. Шесть депутатов из провластного

лагеря плюс пять депутатов Ц — большинство. Одиннадцать голосов.

Депутаты Ц могли потребовать наилучших для себя условий и от «Яблока», и от «Единой России», а потом выбрать самый выгодный.

— А сколько было разговоров, что в Смольнинском победила оппозиция, — сокрушался я. — Неужели Ц договорились с единороссами?

— Узнаем на первом заседании, — сказала депутат Кузнецова.

ВЫБОРЫ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛИТЕТА

7 октября 2019 года муниципальный совет Смольнинского провел первое заседание в новом составе. Зал был полон. Пришли жители Смольнинского, чтобы посмотреть, как работают их избранники. В отличие от заседания, когда предыдущие депутаты заперлись и мне пришлось стучать ногой в дверь, в этот раз впустили всех желающих.

Зал заседаний Смольнинского располагался в старинном здании. Потолок был сводчатый, построенный из кирпича арочным способом. В центре зала стоял большой стол, за которым сидели депутаты. Во главе стола было кресло председателя муниципального совета (главы муниципалитета). Сзади стояли флаги: России, Санкт-Петербурга и Смольнинского. Рядом с председателем располагался небольшой стол, за которым секретарь вела протокол заседания. Вдоль стен стояли кресла зрителей, а за ними висели стеклянные полки, заполненные всевозможными кубками, медалями, грамотами и наградами, выигранными муниципалитетом.

Среди присутствующих выделялся Ярослав. Его не пустили за депутатский стол, но он сел за спинами депутатов Ц и раздавал указания.

Депутат Балтруков поставил на стол оборудование для аудио и видеозаписи. Он решил выкладывать в Youtube все заседания совета Смольнинского, чтобы жители не выходя из дома могли посмотреть, как работают депутаты. Депутаты всех фракций поддержали Балтрукова. Новый совет был настроен работать открыто.

По закону на первом заседании председательствовал предыдущий глава муниципалитета. Ранков вошел в зал с недо-

вольным лицом. Бледный, круги под глазами. Проиграть выборы обидно, но вдвойне обидно проиграть их после пяти лет работы и набрать в два раза меньше голосов, чем на предыдущих выборах. Тем более обидно проиграть «всякому сброду» — так городской эстеблшмент называл новых депутатов Смольнинского.

Сев на место председателя, Ранков предложил начать.

Депутаты испуганно смотрели друг на друга. Каждый стал депутатом впервые и никто не знал, как себя вести, что можно, а чего нельзя. Судя по всему, Ранков этого тоже не знал. В его обязанности входило следить за соблюдением регламента, но по его действиям, по тому, как он вел заседание, мы поняли, что за предыдущие пять лет Ранков даже не удосужился прочитывать регламент.

Ранков не зарегистрировал депутатов, присутствующих на заседании. Голосования Ранков проводил не поименные, как это предписано Уставом, а просто считал поднятые руки, и вообще не очень разбирался в процедуре. Он даже поставил в повестку вопрос, не набравший для этого достаточно голосов. Как он проводил заседания последние пять лет, можно только догадываться.

На первом заседании депутаты должны были решить, кто станет главой муниципалитета вместо Ранкова. А также, кто станет заместителем.

Муниципальные депутаты не получали деньги за свою деятельность. Как правило, у большинства была основная работа. Депутатские обязанности мы исполняли по вечерам. Для таких бесплатных депутатов в законе был специальный термин: депутаты на непостоянной основе.

Глава муниципалитета и его заместитель могли исполнять обязанности на постоянной основе, т.е. полностью посвятить себя муниципалитету и получать за это зарплату. Депутаты должны были выбрать главу и заместителя из своего состава.

Поскольку переговоры о создании коалиции провалились, мы подозревали, что депутаты Ц нашли общий язык с «Единой Россией» и выберут своих людей на две основные долж-

ности. Тогда о нашем существовании забудут на следующие пять лет.

Избиратели отправили нас добиваться изменений и мы не могли сдаться. Заменить главу-единоросса на другого человека, которого поддерживала «Единая Россия», означало поменять шило на мыло. Без разницы, какая у главы фамилия: Ранков или Фадеева.

Надо было действовать решительно и нестандартно.

Поскольку депутаты Ц не хотели договариваться с нами, мы решили их заставить. Операция называлась «Принуждение к партнерству».

В Уставе муниципалитета написано, что для избрания главы (и заместителя) нужно выполнить одновременно два условия:

- 1) как минимум 11 депутатов должны проголосовать за кандидата (у коалиции Ц и «ЕР» было достаточно голосов),
- 2) в голосовании должны принять участие минимум 14 депутатов, иначе выборы признавались несостоявшимися.

Наша фракция состояла из 7 депутатов. Если мы не принимали участие в голосовании, то оставалось 13. Без голосов фракции «Яблоко» второе условие соблюсти не получалось. Избиратели дали нам достаточно полномочий, чтобы заблокировать выборы главы муниципалитета. На первом заседании фракция «Яблоко» объявила, что воспользуется блок-пакетом.

Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Первой, но не последней в нашем совете. Депутаты были ошарашены и молчали. Потом началось обсуждение. «Как это вы не будете голосовать?», «Что это значит?», «Вы обязаны проголосовать».

В ответ наша фракция предложила продолжить переговоры и сформировать коалицию с нашим участием.

Депутат Марина Шпринг (та самая девушка в длинной юбке в горошек, которую несколько месяцев назад я увидел у избирательной комиссии и которая не хотела быть депутатом) произнесла речь, в которой требовала от «Яблока» не блокировать голосование, а поддержать депутата Фадееву на должность главы. Депутат Шпринг сказала, что уверена в порядочности своей по-

други, потому что «хорошо ее знает и прошла с ней очень долгий путь».

Депутат Важенин, избравшийся при помощи курсантов, взял слово и открыто рассказал о переговорах, которые вел с депутатами Ц. По словам Важенина, они «встречались и обсуждали общие интересы». Переговоры проходили под предводительством Ярослава, присутствовали все депутаты Ц, два единоросса, два самомедвеженца и один депутат Захаров от ШН (что особо расстраивало, потому что переговоры между единороссами и депутатами ШН мы отметили даже в самом плохом гипотетическом сценарии).

В голосовании приняли участие все провластные депутаты и депутаты Ц, а также два депутата от ШН. Депутаты «Яблока» не взяли бюллетень. Один депутат от ШН тоже не взял бюллетень, потому что не видел смысла.

Вскрыли урну для голосования. В ней находилось 12 бюллетеней. Уже на этом этапе можно было остановиться и признать выборы несостоявшимися, потому что требовалось 14 бюллетеней. Но наши коллеги решили публично продемонстрировать, как дружно они голосуют. Большинство голосов оказалось за Фадееву, два воздержавшихся.

У «Единой России» и депутатов Ц была договоренность и общий кандидат на должность главы муниципалитета. Победа оппозиции в Смольнинском не случилась.

Выборы заместителя главы проводить не стали.

А что Ранков? В начале заседания он был уверен, что работает в Смольнинском последний день и завтра станет безработным. Когда фракция «Яблоко» объявила о блокировке, первая эмоция, появившаяся на лице Ранкова была: «А что, так можно было?». Думаю, в тот вечер он впервые в жизни ознакомился с Уставом муниципалитета Смольнинское.

– А кто соберет следующее заседание? – спросил Ранков.

– В соответствии с Уставом, – сказала депутат Кузнецова, – предыдущий глава исполняет обязанности до избрания нового главы.

– Вы хотите сказать, я тут до следующего заседания буду мучиться? – удивился Ранков. Он объявил, что соберет следующее заседание, но «по Уставу вести следующее заседание будет депутат Гудков, как самый старший по возрасту». В Уставе, конечно, такого не было. Вести следующее заседание должен был Ранков.

Ранков был ошарашен! Сидел и моргал удивленными глазами. Мне кажется, к тому времени он уже смирился с поражением на выборах и хотел перелистнуть эту страницу как можно скорее.

У решения заблокировать выборы главы были очевидные имиджевые недостатки. СМИ не раз написали, что депутаты «Яблока» оставили главой единоросса, проигравшего выборы. Депутаты Ц давали на этот счет едкие комментарии: про то, что «Яблоко» предало избирателей и реализует совместный с Ранковым секретный план.

Мы считали, что поступили правильно. Избиратели проголосовали за победу оппозиции. Мы не могли допустить, чтобы главой снова стал человек, поддержанный «Единой Россией».

Ранков достался нам по наследству, его можно было сместить в любой момент, как только мы достигнем соглашения в переговорах. А вот избавиться от нового главы было бы невозможно: депутаты Ц получили бы свое, единороссы – свое, у фракции «Яблока» не осталось бы рычага, чтобы влиять на принятие решений.

Но факт остается фактом: применив блок-пакет, наша фракция оставила Ранкова в кресле главы. До избрания нового. Мы блокировали голосование на следующем заседании. И на следующем. И планировали заблокировать дальше, пока депутаты Ц не согласятся на переговоры.

Но они считали, что главу можно избрать без нас. Дружным голосованием с «Единой Россией». Их коалицию было видно невооруженным взглядом: депутаты Ц и единороссы согласованно голосовали по всем вопросам, при этом полностью

отказывались поддержать инициативы, предложенные «Яблоком».

Мы продолжали настаивать на переговорах, но никто на них не приходил. Мы решили подождать, когда депутаты Ц созреют. Коалиции не вечны. Может быть, через некоторое время удастся убедить депутатов Ц порвать с «Единой Россией» и сформировать коалицию с нами. А пока мы готовились работать в меньшинстве. В конце концов, нас было всего семь депутатов из двадцати.

УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Пока депутаты Смольнинского пытались составить коалицию, проводили первые заседания, начался судебный процесс, в котором проигравшие кандидаты пытались оспорить результаты выборов и нашу победу.

Партия «Единая Россия» доминировала в российской власти. Иногда им даже не нужно было фальсифицировать выборы, чтобы победить. На выборах в Государственную Думу побеждал кандидат, набравший в округе большинство голосов. Например, кандидат от «КПФР» набирал 20% голосов, демократ 15% голосов, представитель партии либеральных демократов 15%, представитель партии «Справедливая Россия» 15%, а за единокорса голосовали 35% избирателей. Набрав только треть голосов, победителем становился единокорс. Таким образом «Единая Россия» получила конституционное большинство в Государственной Думе – больше 70% депутатских мандатов.

Команда Алексея Навального, лидера российской демократической оппозиции, предложила консолидировать протестные голоса. Независимо от политических предпочтений, избирателям предлагалось проголосовать за самого сильного конкурента «Единой России». Если вторым по опросам в округе шел коммунист, то всем надо было проголосовать за коммуниста, чтобы он набрал больше голосов, чем единокорс. Это давало шанс разрушить монополию «Единой России».

Команда Навального назвала проект «Умное голосование» и создала IT-инфраструктуру. Избиратель мог зарегистрироваться в системе, оставив свои контактные данные. За несколько дней до выборов ему приходила фамилия кандидата, который, по данным команды Навального, имел наибольшие шансы победить единокорса. За такого кандидата избирателю предлагалось проголосовать.

У «Умного голосования» был существенный недостаток. Не все демократы готовы проголосовать за коммуниста. И не все коммунисты будут голосовать за демократов. Коммунисты вообще не прислушивались к рекомендациям Навального. К тому же, избирательные комиссии так отсеивали кандидатов, что выбирать приходилось между плохим кандидатом, самым плохим кандидатом и очень плохим кандидатом. Однако никто не предложил ничего лучше, чтобы разрушить монополию «Единой России».

Социологи исследовали, что на муниципальных выборах 2019 года поддержка «Умного голосования» давала кандидатам дополнительные 7% голосов, которые оказывали влияние на итоговый результат.

В 2019 году «Умное голосование» поддержало на выборах в Смольнинском команду «Яблока». Однако кандидаты, которые не вели кампанию, не занимались агитацией и не ходили по квартирке, не смогли победить, несмотря на поддержку «Умного голосования».

«Умное голосование» поддержало Радислава Полуйкова, который избрался в совет Смольнинского от «Яблока» по избирательному округу №239. Его конкурентом на выборах была Анастасия Колб – дочка исполняющего главы администрации Смольнинского Александра Колба. Напомню, он возглавил исполнительную власть в муниципалитете после того, как его начальница была осуждена за взятку.

Дочка Колб тоже интересный персонаж. Любительница яркой одежды и маминой косметики, она, несмотря на юный возраст, успела поработать советником губернатора Георгия Полтавченко («ЕР»), и помощницей депутата Законодательного собрания Виталия Милонова («ЕР»). В 2019 году дочка Колб решила начать собственную политическую карьеру и попыталась стать депутатом в муниципалитете своего папы. Не получилось. Несмотря на все усилия, выборы она проиграла.

Результаты выборов дочка Колб оспорила в судебном порядке. Ее заявление было зарегистрировано в суде в день

подведения итогов выборов. В иске она написала, что ее оппоненты (победившие кандидаты, в том числе депутат Полуйков) вели незаконную агитацию в день голосования. Агитация заключалась в том, что в интернете работала страница «Умное голосование», которая, по мнению дочери Колб, «оказывала психологическое давление на избирателей и привела к искажению их действительного волеизъявления».

Обычно противники Алексея Навального доказывали, что «Умное голосование» не оказывает влияния на результаты выборов, поэтому избирателям не надо прислушиваться к его рекомендациям, поскольку «голосовать по-умному» бессмысленно. Более того, избиратели портили себе карму, если, будучи, например, сторонниками демократии, голосовали за кандидата-сталиниста. Всем противникам «Умного голосования», утверждающим, что оно не работает, нужно было обязательно посетить заседание суда. Дочка Колб и ее юрист (по совместительству мама) страстно доказывали, что «Умное голосование» работает очень хорошо.

— Любой избиратель, даже находясь в кабинке для голосования, мог зайти на сайт и получить электронную агитку. Вследствие такого завуалированного принуждения избиратели не могли осуществить осознанный выбор, — объяснила в суде дочка Колб, — Так сложилась уникальная ситуация, которая привела к подрыву стабильного функционирования представительной демократии.

Мама Колб убеждала суд, что проект администрировался американцами и намекала на иностранное финансирование. По ее мнению, Америка вмешивалась в российские выборы, поскольку сервер «Умного голосования» находился на территории Соединенных Штатов. Мы потом долго шутили, что списки победителей на выборах в муниципалитете Смольнинское утверждал лично президент Трамп.

Этот судебный процесс можно было назвать анекдотом, если бы не одно важное обстоятельство: ответчиком по делу выступали не победившие депутаты. По мнению дочери Колб и ма-

мы Колб, избирательная комиссия не учла все обстоятельства и незаконно объявила нас победителями. Ответчиком была избирательная комиссия муниципального образования, контролируемая Ранковым.

Ответчик признал требования иска. Избирательная комиссия согласилась, что выборы были нечестными. На вопрос, почему после выборов избирательная комиссия приняла, как они теперь полагали, незаконное решение, представитель избирательной комиссии ответил: «В тот момент был серьезный прессинг со стороны многих кандидатов, мы испытывали стресс и хотели поскорее завершить кампанию». И истец, и ответчик доказывали суду, что результаты выборов должны быть отменены.

Депутаты, победившие в избирательном округе №239, присоединились к процессу в качестве заинтересованных лиц. Любое решение по делу могло затронуть их законные права. Депутаты от «Яблока», Ц и ШН наняли юристов и стали участниками процесса.

Юрист Николай Лаврентьев, представлявший в суде интересы депутата Полуйкова, напомнил, что «Единая Россия» тоже опубликовала на сайте партии список кандидатов. И в день тишины, и в день голосования информацию с сайта не убрали, со списком «Единой России» мог познакомиться любой желающий.

Юристы отметили, что победившие депутаты набрали разное количество голосов. Разница была в 42%. Получается, что воля избирателей, если и была трансформирована «Умным голосованием», то трансформирована выборочно.

До подведения итогов выборов претензий к «Умному голосованию» у избирательной комиссии не было. К материалам дела было приобщено публичное заявление главы Центральной избирательной комиссии России, что она не увидела нарушений в проекте Навального.

Суд интересовало, проводилась ли агитация на сайте «Умного голосования» по просьбе кандидатов. Мама Колб ответила, что это не имело никакого значения, по воле кандидатов прово-

дилась агитация или без их воли: «Главное, что агитация была незаконной и привела к искажению волеизъявления».

Представитель избирательной комиссии попросил суд отменить итоги выборов, потому что, по его мнению, «Умное голосование» оказало на избирателей такое сильное воздействие, что нет никакой возможности достоверно определить их волю.

Представитель избирательной комиссии добавил: «В силу того, что система „Умное голосование“ была размещена в интернете, она стала привлекательной для молодежи как нечто, говоря современным языком, хайповое или, можно сказать, „куул“. В подавляющем большинстве избиратели даже не знали кандидатов. Они голосовали по рекомендации сайта».

Мама Колб добавила: «Все известные люди, с которыми работают жители, оказались за бортом! Я лично пыталась посмотреть в сети „Интернет“, какое отношение имеют избранные депутаты к муниципальному образованию, и не нашла ничего, чтобы они что-то делали и хоть как-то общались с жителями».

Такое ничем не подтвержденное заявление задело депутатов. Депутата Хрщоновича (фракция Ц) оно задело настолько, что он принес целую кипу бумаг: вырезки из газет, рассказывающих о его успехах как активиста, переписку с чиновниками по различным проектам в области благоустройства, информацию о том, что он дважды становился победителем районного конкурса по благоустройству. Депутат Хрщонович наглядно опроверг утверждение, что депутатами стали никому неизвестные люди.

Особый колорит ситуации придавало то, что дочка Колб, мама Колба и даже папа Колб, возглавляющий администрацию, не были жителями муниципалитета Смольнинское.

Однако депутат Хрщонович, на мой взгляд, несколько переусердствовал в попытке доказать свою непричастность к «Умному голосованию»: на суде он стал признаваться в неприязни к Алексею Навальному. Это добавляло подозрений, на самом ли деле команда Ц избралась как оппозиция, потому что в суде под присягой Хрщонович говорил обратное.

Избиратели, которые были вызваны как свидетели, рассказали суду, что приняли решение за кого голосовать по результатам личных встреч с кандидатами и по результатам их активности. При этом свидетель, приведенный в суд депутатом Хрщоновичем, начал критиковать Навального и возмущаться, почему Навальный до сих пор не в тюрьме. Избиратель Хрщоновича заявил, что про «Умное голосование» узнал из передачи Владимира Соловьева (это один из главных путинских пропагандистов, обычно его передачи смотрит весьма специфичная публика).

Двое избирателей, выступивших в суде, сказали, что не видели, чтобы дочка Колб проводила встречи с избирателями и вела какую-либо агитацию. В ответ дочка Колб заявила, что ведет блог в Instagram, у нее 6200 подписчиков и поэтому она хорошо известна в городе.

Суду не удалось услышать ни одного избирателя, чью волю исказило «Умное голосование». Даже избиратель, приведенный дочкой Колб, который, казалось бы, должен выступить в защиту ее позиции, заявил, что зарегистрировался в «Умном голосовании» из любопытства. А голосовал за кандидатов от партии «Справедливая Россия», которых не было в рекомендациях «Умного голосования» по Смольнинскому.

Еще одним аргументом семейства Колбов было письмо Путину: тридцать жителей Смольнинского обратились к президенту с требованием разобраться в итогах выборов и угрожали выйти на митинг. Журналисты ЗАКС.Ру связались с несколькими из них. Оказалось, что это были, в основном, пенсионеры. Они поддержали на выборах команду Ранкова, который регулярно устраивал для них экскурсии и походы в театр, а вновь избранных депутатов они не знали.

Само письмо было составлено в здании муниципалитета. Муниципальные чиновники запугали пенсионеров, что новые депутаты запретят экскурсии за счет бюджета. Это была наглая ложь, но несколько десятков человек поверили и подписали письмо, выразив недоверие новым депутатам и результатам выборов. Распространял эту ложь Виталий Гапон, который был ча-

стью команды Ранкова и работал в муниципальном досуговом учреждении «Зеленый слон». Гапон хотел стать депутатом в избирательном округе №239, но проиграл выборы.

Дочка Колб заявила суду, что Навальный в своей агитации возбуждал рознь к социальным группам «члены партии Единая Россия» и «замаскированные члены партии Единая Россия». По ее мнению, Навальный в видеороликах и статьях рассказывал о коррупционных преступлениях, совершенных единороссами, и тем самым разжигал к ним ненависть.

В качестве примера она привела несколько фраз, которые ее возмутили. В одной Навальный называл единороссов злодеями, в другой говорил, что формальный лидер партии Дмитрий Медведев украл миллиарды рублей, используя благотворительные фонды. Мама Колб в качестве примера озвучила фразы Навального о том, что среди единороссов могут быть «отборные воры», а монополия партии власти губит страну.

Формально дочка Колб в «Единой России» не состояла. Она не пояснила, каким образом истории, рассказанные про коррупцию в среде единороссов, могли повредить лично ей.

Представитель избирательной комиссии, который выступал в качестве ответчика, сказал, что решение суда имеет эпохальное значение. «Сегодня вопрос решается не о том, будут ли выборы в МО „Смолянинское“ зафиксированы или отменены», – утверждал представитель комиссии, – «Сегодня решается вопрос, что будет через два года в Государственной Думе и Заксобрании». По мнению ответчика, если суд признает законность «Умного голосования», то через два года эта технология будет использоваться на федеральных и региональных выборах. (Немного позже российские власти запретили «Умное голосование» и заблокировали доступ на сайт проекта с территории Российской Федерации).

Несмотря на единую позицию истца и ответчика, суд решил выборы не отменять.

По закону проигравшая сторона оплачивала издержки участников процесса. В том числе, гонорары юристов. Дочка

Колб отказалась это делать. Свой отказ она обосновала тем, что возложение на нее судебных издержек – это «своеобразные санкции» за занятую позицию. Более того, чтобы не платить издержки, дочка Колб сообщила, что нигде не работает, объявила себя малоимущей и даже обратилась за этим статусом в центр социальной защиты.

ПЕРВЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Первые заседания – это парад эмоций, некомпетентности и надувания щек. Новоиспеченные депутаты не понимали, как начать парламентскую работу, но каждый изображал из себя эксперта. Депутаты с уверенным видом говорили про вещи, в которых не разбирались, щедро приправляя речи дешевым популизмом.

Так я оцениваю первые заседания сейчас, спустя несколько лет работы депутатом. Но в то время я был сражен знаниями и уверенностью, которые излучали наши коллеги, особенно депутаты Бархатова, Мишкинис и Гудков. Девяносто процентов из того, что они говорили, было самоуверенным бредом, но я этого не знал и чувствовал себя не подготовленным к депутатской работе.

Наша фракция поставила перед собой четыре практические цели. Мы считали возможным их добиться, находясь в меньшинстве: 1) принять нормальный бюджет, 2) поставить толкового менеджера распоряжаться этим бюджетом (для этого надо провести честные выборы главы администрации Смольнинского), 3) принять правила, по которым будут работать глава администрации и по которым будут расходоваться бюджетные деньги, 4) наладить контроль за соблюдением правил и расходованием денег.

На первых заседаниях мы предложили ряд подготовительных, организационных инициатив, без принятия которых дальнейшая работа была бы затруднительна.

В первую очередь, это регламент заседаний муниципального совета. По действовавшему регламенту, доставшемуся от предыдущего созыва, у депутатов не было вообще никаких прав.

Депутаты не могли поставить вопрос в повестку дня без разрешения главы муниципалитета. В некоторых ситуациях регламент требовал от депутатов получить разрешение главы ад-

министрации (исполнительного органа). Складывалось впечатление, что предыдущие депутаты были детьми, за которыми нужен постоянный надзор со стороны взрослого. Или двух. Нам такой надзор был не нужен. Особенно надзор со стороны Ранкова и папаши Колба.

По старому регламенту депутаты были лишены всех процедурных полномочий. Зато глава муниципалитета эти полномочия имел.

Депутат Кузнецова полностью переписала регламент и устранила недостатки. Заседания объявлялись открытыми, чтобы ни одному жителю не пришлось ломиться в закрытую дверь. Закрытыми заседания могли быть только в исключительных случаях, когда рассматривался персональный вопрос.

Новый регламент разрешал видео-, аудио- съемку, присутствие журналистов. Заседания переносились на 19–00, чтобы и депутатам, и работающим жителям было удобно их посещать. Но самое главное, новый регламент возвращал депутатам права, которые были изъяты в пользу главы муниципалитета. Мы могли сами формировать повестку дня, могли назначать заседания и даже проводить их без участия главы. Это был отличный подробный документ, над составлением которого работали, в том числе, партийные юристы.

До первого заседания от коллег-депутатов не поступило ни одного комментария и ни одного вопроса. Не было получено ни одной правки. Мы рассчитывали, что новый регламент понравится всем. Но в ходе заседания коалиция Ц и «ЕР» проголосовала против. Главная причина: регламент предложила фракция «Яблоко».

Это, конечно, было странно: депутаты Ц и «ЕР» проголосовали против документа, который наделял их самих правами, которых у них раньше не было. Они настолько далеко зашли в противопоставлении себя «Яблоку», что провалили даже полезную для себя инициативу.

Но депутат Кузнецова не сдавалась. Она вносила проект регламента на каждое заседание.

В последующие разы наши оппоненты стали мотивировать свои отказы. Сначала им не хватало пояснительной записки. Затем не хватало сравнительной таблицы, где было бы построчное сравнение положений нового и старого регламента. Ни одно из этих требований не было предусмотрено старым регламентом, по которому мы продолжали работать. Наши коллеги раз за разом придумывали причину отказа, чтобы не допустить принятия советом яблочной инициативы. Но депутат Кузнецова методично исполняла каждое их требование. Потому что, если депутаты Ц не хотели забрать себе полномочия у Ранкова, то наша фракция этого хотела.

Вместе с Ц против принятия яблочной инициативы боролись единокороссы. На одном из заседаний депутат Шавлов предложил отправить новый регламент на проверку в Комитет территориального развития Санкт-Петербурга (этот орган отвечал за взаимодействие городских властей с муниципалитетами). Депутат Шавлов сказал, что почти весь документ не соответствовал законодательству. На вопрос, какие конкретно пункты и какому законодательству не соответствовали, Шавлов ответил, что он не юрист и мы все тут низкоквалифицированы, чтобы самостоятельно разрабатывать «ТАКИЕ документы», и надо спросить мнение городских чиновников.

С большим скрипом, удалось убедить коллег принять регламент только через 2,5 месяца после начала работы. Это был хороший системообразующий документ и, как показала практика, без него депутаты не смогли бы работать, когда в будущем Ранков попытался заблокировать работу муниципального совета.

В конце концов, депутаты Ц понимали, что новый регламент нужен. Нужен им самим. Они превозмогли себя и утвердили одну инициативу фракции «Яблоко».

С другими инициативами было хуже.

Мы заранее рассылали депутатам проекты документов, чтобы к заседанию собрать и учесть все замечания, но не получали обратной связи. Депутаты Ц приберегали свои поправки и заме-

чания, чтобы высказать в ходе заседания: в присутствии жителей, журналистов и видеокамер они заявляли, что «Яблоко» в своем документе не учло вот это, не подумало об этом, сформулировало плохо и лучше сформулировать по-другому.

Намного конструктивнее было бы заранее прислать замечания. Мы могли их учесть до голосования и получить хороший консенсусный документ. Но депутатам Ц важно было продемонстрировать, что депутаты «Яблока» ничего не умеют, ничего не понимают, хорошо, что есть они — депутаты Ц — которые могут показать этим глупышкам, как надо работать.

Депутаты Ц не внесли ни одного системного документа, но с удовольствием критиковали наши предложения, откладывали, забалтывали и требовали дополнительной проработки, в которой, естественно, участия не принимали.

Положение о депутатских комиссиях депутат Балтруков вносил дважды. Этот важнейший документ формировал архитектуру депутатских комиссий и распределял полномочия между ними.

Каждый депутат не мог быть экспертом по всем вопросам, поэтому в советах формировались профильные комиссии. Например, депутаты, которые интересовались культурой, входили в комиссию по культуре и готовили проекты решений по этому вопросу. Комиссия по благоустройству помогала совету решать вопросы благоустройства. Комиссия по бюджету в рабочем порядке согласовывала с финансовым департаментом вопросы, связанные с деньгами, и помогала совету разобраться с принятием бюджета.

Потребовалось два заседания, чтобы согласовать Положение о депутатских комиссиях. Хотя депутаты могли это сделать перед первым заседанием, просто направив Балтрукову свои предложения по электронной почте. Но критиковать «Яблоко» на публике всегда приятней.

Депутаты Ц отказались создавать комиссию по доступной среде и комиссию по городской мобильности. Это две важные проблемы, в решении которых совет мог принять активное уча-

стие. Но создание этих комиссий предложило «Яблоко» и большинство депутатов демонстративно не поддержало.

Я предложил совету принять законодательную инициативу о видеотрансляциях. Большинство муниципальных советов в Петербурге сформировались в результате сфальсифицированных выборов, поэтому целиком состояли из единороссов и их союзников. Особенно удручительной была ситуация на Петроградской стороне, личном феоде спикера Макарова. Заседания муниципальных советов проводились в закрытом режиме, жители понятия не имели, чем занимались их депутаты, как голосовали. Во многих муниципалитетах жителей просто не пускали на заседание совета. Это была общегородская проблема. Нужно было системное решение, способное сделать муниципалитеты открытыми для жителей.

Несколько лет назад политик Александр Шуршев разработал законопроект, обязывающий муниципалитеты транслировать заседания муниципальных советов на сайтах, чтобы жители, при желании, могли посмотреть видео, кто из депутатов ходит на заседания, как голосует, насколько активно отстаивает интересы избирателей. Законопроект о видеотрансляциях был внесен в Законодательное собрание, получил одобрение всех необходимых комиссий, включая юридическую. И был похоронен. О нем забыли.

Надо было напомнить. У муниципального совета Смольнинское были полномочия, чтобы повторно внести законопроект в Законодательное собрание. Я предложил депутатам сделать это. Предложение было отклонено. Потому что инициатором был я, член фракции «Яблоко».

Депутаты из Ц забаллотировали принятие Положения о досуговых мероприятиях, устанавливающее правила распределения бесплатных билетов и организации муниципальных праздников. Также депутаты Ц не поддержали законодательную инициативу о создании зеленых зон на месте аварийных зданий. Причина отказа была в том, что автором инициатив был депутат фракции «Яблоко» Балтруков.

Если сравнить проекты решений, которые вносили депутаты различных фракций, то можно увидеть, что фракция «Яблоко» и депутаты Ц понимали депутатскую работу по-разному.

Мы разрабатывали и вносили на рассмотрение совета системные документы: регламент заседаний, порядок оказания услуг муниципалитетом в области культуры, правила благоустройства, положение о полномочиях депутатских комиссий и т. д. Документы устанавливали правила, по которым муниципальные чиновники должны работать. Также мы вносили городские законодательные инициативы, способные поменять ситуацию не только в нашем муниципалитете, но и в Петербурге в целом.

Наши коллеги из Ц, даже став депутатами, продолжили заниматься районным активизмом. Они вносили на рассмотрение совета тексты писем в различные инстанции с требованием решить ту или иную проблему на территории муниципалитета. Например, стало известно, что в одном из домов работал незаконный хостел, который мешал жителям. Депутаты Ц предложили муниципальному совету направить об этом жалобу прокурору. В их понимании, это называлось «настоящей депутатской работой, которой яблочники должны поучиться». Конечно, я проголосовал «за», туристические услуги должны оказываться с соблюдением закона и с уважением к жителям дома, где размещается хостел. Но нужно ли участие сразу двадцати депутатов, чтобы согласовать и отправить одну жалобу? Повторюсь, чтобы писать жалобы не обязательно становиться депутатами. Депутатские полномочия нужны, чтобы менять правила.

По итогам первых заседаний мы обнаружили себя в ситуации, когда большинство в совете отклоняет и критикует наши предложения только потому, что они наши. Но поскольку альтернативных документов никто не вносил, совет со скандалами и ссорами, но работал над нашими документами.

СОВЕТ СОВЕТОВ

Я — страшный жмот! Особенно, когда дело касается бюджетных денег. Не хочется пускать на ветер ни копейки, если ее можно потратить с пользой.

Когда мы начали рассматривать бюджет Смольнинского, то увидели строчку о выплатах в Совет муниципальных образований Санкт-Петербурга. В городе 111 муниципальных образований и все они были объединены в добровольную ассоциацию. Фактически это был Совет, состоящий из муниципальных советов: Совет советов.

Рядовых депутатов туда не приглашали, мероприятия устраивались для глав муниципалитетов. Из бюджета муниципалитета ежегодно уходили деньги на оплату фуршетов, банкетов и слетов муниципальных деятелей. Главы регулярно встречались, обнимались, дарили цветы ветеранам муниципальных войн, обменивались почетными грамотами. За пять лет (срок наших полномочий) Смольнинское планировало потратить на эти торжества полмиллиона рублей.

Я внимательно изучил, чем занимается Совет советов, и не увидел ничего, что могло бы оправдать расходование таких денег. Помимо банкетов, Совет советов якобы оказывал методическую и консультационную помощь. За время, прошедшее с момента выборов, нас (депутатов) поддерживали разные организации, проводили обучение, предоставляли информацию (причем, совершенно бесплатно). Но никакого контакта с Советом советов у нас не было. О его существовании мы узнали, когда началось рассмотрение бюджета и мы увидели стоимость членского взноса.

Когда я просмотрел учредительные документы Совета советов, глаза мои полезли на лоб. В уставе было прописано, что его члены, т.е. муниципалитеты, в том числе Смольнинское, несли

субсидиарную ответственность по обязательствам. Совет советов имел право брать кредит в банке, покупать недвижимость в ипотеку. Они могли купить дорогое здание, а мы должны отвечать за оплату. Ответственность распределялась пропорционально взносу, а взнос зависел от размера бюджета. Смольнинское было самым богатым муниципалитетом, поэтому пропорция ответственности у нас получалась самая большая.

Более того, в уставе был пункт, что даже после выхода из Совета советов бывший член нес subsidiарную ответственность в течение двух лет. Это был абсолютно незаконный пункт, у меня возникли большие вопросы, как такой устав мог быть зарегистрирован в налоговой инспекции и о чем думали депутаты, которые согласились взвалить на муниципалитет такие обязательства.

Я внес проект решения, где предлагал выйти из Совета советов, отказаться от всех subsidiарных обязательств и для надежности отменить решение предыдущих депутатов о вступлении в эту странную ассоциацию. А сэкономленные полмиллиона распределить на другие цели: на благоустройство и культуру.

На заседание совета Смольнинского пришел Исполнительный директор Совета советов. Он планировал отговорить нас от выхода.

По регламенту рассмотрение вопроса начиналось с выступления автора. Я должен был озвучить депутатам аргументы о том, какую пользу принесет решение о выходе из Совета советов. Но Ранков наплевал на регламент и дал слово Исполнительному директору.

Дяденька был очень простой и откровенный.

– У муниципалитетов больше пятидесяти различных полномочий, – начал он, – Есть полномочия по терроризму и экстремизму.

В этот момент присутствующие начали улыбаться, потому что полномочия были по ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ терроризму

и экстремизму, а не по осуществлению этих увлекательных направлений деятельности.

Дяденька продолжил:

– Мы сделали методические рекомендации, – он потряс в воздухе брошюрой, перед ним лежала целая стопка с печатной продукцией. – Также мы сделали рекомендации по коррупции, – он потряс в воздухе другой брошюрой. Учитывая, что большинство муниципалитетов беспощадно разграблялись, такие брошюры должны пользоваться спросом. Ранков закрыл лицо рукой.

– У вас висят наши грамоты! – представитель Совета советов показал рукой на полки с наградами муниципалитета. – Мы проводим основной конкурс: конкурс по благоустройству, и по итогам конкурса выпускаем журнал. Журнал кладем на стол губернатору! – представитель сделал торжественную паузу, чтобы присутствующие прониклись важностью этого достижения.

– Еще члены Совета учредили награды. Грамоты. Орден за заслуги для депутатов, – он показал красивую коробочку с орденом. – Почетный знак и медаль «20 лет самоуправления». Кто-нибудь получил из вас?

– Я! – сказал Ранков.

– Только вы? – удивился представитель Совета советов. – Значит, вы пожадничали. Не захотели купить своим депутатам...

По залу пошел шум. Несколько депутатов даже ахнули.

– Медаль продается? – вежливо спросил я.

– Любая медаль стоит денег, – авторитетно ответил представитель Совета советов и повертел образец в руках, демонстрируя товар. – Мы разве при коммунизме живем? Хотелось бы, но пока нет.

Под конец своей речи представитель вспомнил, что руководство Совета советов входит в городскую комиссию по бюджету и может заявлять там позицию от имени муниципалитетов. После чего выразил готовность ответить на вопросы.

Прежде чем начнутся прения, мне все же хотелось озвучить свои аргументы, как автору рассматриваемого документа.

Но Ранков был решительно настроен не соблюдать регламент и сразу перешел к вопросам.

Депутат Шпринг сказала, что у нее не вопрос, а ремарка. Ей не показалось, что у Совета советов есть какая-то полезная экспертиза. Депутат Мишкинис спросила, почему на мероприятия Совета советов ходят только главы муниципалитета, а обычных депутатов не пускают.

— Все упирается в средства, — ответил представитель, — Мы проводим мероприятие и приглашаем 400 человек. Я трачу на организацию этого съезда 500 тысяч примерно. Потому что надо фуршет организовать! А депутатов у нас 2000. Поэтому можем только 400 человек пригласить. Не больше.

— Только что прошли выборы, мы все новые депутаты, — сказала депутат Мишкинис, — Но никаких методичек мы от вас не получали. Вы говорите, что проводите семинары, оказываете помощь. Нам Совет советов ничего не предоставил. Нам никакой помощи не было.

Депутат Мишкинис подняла болезную тему. Все депутаты Смольнинского не имели депутатского опыта и это накладывало отпечаток на работу. По некоторым вопросам чиновники муниципалитета водили нас за нос. У нас не хватало элементарных знаний, чтобы распознать обман.

Представитель задумался. Он думал. Думал. Молчал. Пауза затянулась.

— Я провел три семинара, — наконец заговорил он, — И ответил на вопросы глав муниципалитетов. Вашего не было. Если бы он был, он бы довел до вас эту информацию.

Ранков сделал каменное лицо и никак не прокомментировал.

В зале присутствовали избиратели. Депутатам в силу специфики работы свойственна небольшая театральность. Поэтому жертву, в лице представителя Совета советов, в тот день хорошо прожарили. Но я не уверен, что он это понял.

— Книжечки эти я оставляю вам, — хлопнул он по стопке муниципальной макулатуры, — Можете их почитать.

— А медали? — спросили депутаты.

– А медали – нет!

Ранков упорно не давал мне слова. Депутат Балтруков напомнил ему про регламент и что надо дать слово автору проекта решения, которое мы в тот момент рассматривали – т.е. депутату Юфереву. Ранков дал слово депутату Гудкову.

– Мы с вами только избранны, – сказал депутат Гудков, – Всему вынуждены верить на слово. Единственный человек, который может дать какой-то отзыв и отклик – это Ранков. Пусть расскажет об этом Совете советов.

Ранков предоставил себе слово. Он рассказал, что в Совете советов ему оказывали неоценимую помощь: даже всегда отвечали на телефонные звонки. В чем заключалась помощь и по каким вопросам он обращался, Ранков рассказывать не стал.

Воздержался только депутат Важенин, все остальные проголосовали за выход из Совета советов. Подписка на красочные журналы и фуршет для главы муниципалитета не стоили пол-миллиона рублей. Даже единороссы были с этим согласны.

Совет советов был создан в 2005 году. Главой Смольнинского в те годы был Грант Аракелов. Когда власти начали загонять муниципалитеты в Совет советов, Аракелов сражался как лев, держался как триста спартанцев и Смольнинское вошло в Совет советов последним – в 2012 году. А в 2019 году первым вышло.

В течение нескольких месяцев примеру Смольнинского последовали еще несколько муниципалитетов.

БИТВА ЗА БЮДЖЕТ

Политические баталии и карьерные разборки на тему, кто же возглавит муниципалитет, были, конечно, интересными. Но главная задача депутатов, то ради чего нас избрали жители Смольнинского: выделить деньги на нужды округа — принять бюджет и контролировать его исполнение.

Никто из двадцати депутатов не имел дела с утверждением муниципального бюджета. В совете были два депутата с отличным финансовым образованием и опытом работы, но этого не хватало, чтобы сразу после избрания погрузиться в сладостный и тернистый мир бюджетного процесса.

Изучать бюджетное законодательство и процесс принятия бюджета приходилось на ходу. Чиновники администрации пользовались нашей неопытностью и пытались ввести депутатов в заблуждение или напрямую обмануть в отношении некоторых цифр, обоснования затрат или наших полномочий. Чиновники уверяли, что депутаты не имели право знать дополнительную информацию, которую мы пытались запросить в администрации, или менять цифры бюджета, которые нам не понравились.

Мы не верили никому и старались разобраться. За несколько месяцев большинство депутатов стали экспертами по бюджету. Настолько, что могли проконсультировать депутатов из других муниципалитетов.

По закону проект бюджета формировала местная администрация (т. е. Колб) и представляла его на утверждение депутатам. Бюджет утверждался сроком на календарный год.

В Смольнинском в течение года муниципалитет мог потратить порядка 250 млн. рублей. Часть потратить на благоустройство, часть — на досуг жителей, часть — на опеку, часть — на зарплаты чиновникам и т. д.

Депутаты могли согласиться с предложенным бюджетом и утвердить. Могли перераспределить деньги между статьями расходов. Дальше исполнением программ и проектов, на которые депутаты выделили деньги, занимался исполнительный орган: местная администрация.

Депутаты могли не принять бюджет, если он сильно не нравился и администрация не смогла убедить большинство депутатов, что деньги будут расходоваться правильно.

Если бюджет не принять, ничего страшного не случится. Налоги и субсидии продолжают поступать на счет, но администрация не сможет потратить их сразу. Тратить придется постепенно: каждый месяц не больше 1/12 от последнего утвержденного бюджета. Если прошлогодний бюджет был 240 млн. рублей, то в текущем году, если бюджет не принят, администрация могла каждый месяц тратить не больше 20 млн. рублей.

Деньги в бюджет Смольнинского поступали из нескольких источников.

Первый источник — это налоги от предпринимателей и предприятий, зарегистрированных в округе. Раньше муниципалитет получал также часть налога на имущество физических лиц, но потом городские власти забрали этот доход.

Второй источник — неналоговые поступления: доходы от штрафов, от сдачи в аренду муниципального имущества и межбюджетные трансферты.

Межбюджетные трансферты — это деньги, которые передавались в бюджет муниципалитета из городского бюджета Санкт-Петербурга. Например, город передал в муниципалитеты полномочия по опеке и каждый год переводил деньги на осуществление этой деятельности. Также город мог дать дотацию на осуществление важного проекта или помочь сбалансировать бюджет в тяжелой финансовой ситуации.

Муниципальный бюджет принимался в трех чтениях. В первом чтении депутаты утверждали три суммы: доходы, расходы и дефицит/профицит. Муниципальный совет публиковал проект

бюджета и назначал публичные слушания, в ходе которых жители могли задать вопросы или высказать свою позицию. Позиция жителей, озвученная на публичных слушаниях, носила рекомендательный характер.

Во втором чтении депутаты вносили поправки, перераспределяли деньги между статьями бюджета. В третьем чтении исправляли грубые ошибки (такое иногда бывало). Потом глава подписывал бюджет и публиковал в муниципальной газете. С нового года администрация могла тратить деньги.

Если налогов по факту собиралось меньше (или, наоборот, больше) или, если возникла необходимость перекинуть деньги между статьями, депутаты могли откорректировать бюджет.

Деньги, которые не удалось потратить до конца года, оставались на казначейских счетах. Остатки переносили на следующий год.

Колб внес на рассмотрение совета многостраничный проект бюджета Смольнинского на 2020 год. Это был наш первый бюджет!

К разделу «Доходы» вопросов не было. Из 252 млн. рублей 202 млн. поступали от малого бизнеса (малый бизнес был основой местного самоуправления – курицей, которая несла в кассу муниципалитета золотые яйца, мы ее очень любили и берегли).

23 млн. рублей доходов были субсидией, которая поступала из бюджета Санкт-Петербурга на опеку. Опекой должен был заниматься город, но так получилось, что он передал эти полномочия в муниципалитеты и каждый год компенсировал расходы.

26 млн. рублей были штрафы, которые муниципалитет планировал собрать за различные нарушения. В администрации работал прекрасный специалист по штрафам, он ходил по Смольнинскому и искал нарушения правил благоустройства. Смольнинское собирало штрафов в разы больше, чем другие муниципалитеты! 10% от годового бюджета приносил один сотрудник (депутаты попросили администрацию чаще его премировать).

Битва за зарплаты.

Больше четверти бюджета Колб хотел потратить на содержание чиновников. Каждый четвертый рубль!

Депутаты «Яблока» считали, что 68 млн. на зарплаты, скрепки и офисную бумагу — это очень много! Наша команда обещала избирателям, что часть денег, которые тратились на зарплаты чиновникам, будут направлены на благоустройство и озеленение.

Количество чиновников администрации Смольнинского составляло 48 штатных единиц. По факту, заполнено было 38, а из сэкономленных на пустых вакансиях денег в конце года платили большие премии руководству администрации и сотрудникам. Мы предложили сократить пустые вакансии, а сэкономленные 9 млн. рублей потратить на благоустройство округа.

В дополнении к чиновникам из администрации муниципалитет тратил деньги на чиновников муниципального совета. Аппарат муниципального совета под руководством Заичкиной составлял 14 штатных единиц.

Депутаты не получали зарплату за депутатскую деятельность и работали в других местах. При этом Колб предложил выделить 11,5 млн. рублей, чтобы 14 человек на зарплате помогали депутатам раз в месяц провести заседание.

По факту, в аппарате на тот момент работали четыре человека. Остальные вакансии не были заполнены и использовались как «премиальная шкатулка» для Ранкова и его секретарей, в которой муниципалитет не нуждался. Мы предложили срезать 6 млн. рублей и увеличить финансирование благоустройства.

Еще 2 млн. рублей Колб предложил потратить на избирательную комиссию Смольнинского. Погодите, скажете, вы! Выборы же прошли! Зачем тратить на избирательную комиссию? Но такой уж у нас закон, что муниципальные выборы проводили раз в пять лет, а председатель комиссии Пушкарев получал зарплату каждый месяц, хотя никакой работы у него не было.

Колб предложил депутатам выделить на зарплату Пушкареву примерно 1 млн. рублей. На тот момент мы были ограничены

трудовым законодательством и не могли в ходе рассмотрения бюджета просто отобрать зарплату у председателя комиссии (Мое предложение перестать тратить народные деньги на зарплату сотрудника, который не делает буквально НИЧЕГО, удалось протолкнуть через наш совет только спустя 8 месяцев). Но мы могли срезать деньги, которые Колб запланировал на закупку товаров и услуг на нужды избирательной комиссии. Нет выборов — нечего закупать! Фракция «Яблоко» предложила срезать у избирательной комиссии 1 млн. рублей, чтобы направить на благоустройство.

В целом, муниципальный совет мог сэкономить 16 млн. рублей на содержании чиновников, чтобы потратить эти деньги на скамейки, качели и деревья для всех жителей Смольнинского!

Чиновники администрации и сочувствующие им депутаты пытались доказать, что резать расходы на чиновников нельзя, потому что «работа встанет», «работы много, людей мало». Они описали сценарии катастрофы, которая «обязательно наступит, если сократить расходы на чиновников». Особо усердствовали депутат Бархатова, быстро нашедшая общий язык с администрацией, депутат Мишкинис и, конечно, депутаты от «Единой России». Никаких доказательств высокой загруженности чиновников не приводилось. Все требовали от фракции «Яблоко» обосновать сокращение расходов.

Все что угодно, лишь бы не спускать в трубу деньги налогоплательщиков. Депутат Кузнецова и я пришли в середине рабочей недели в 11 часов дня в муниципалитет, чтобы познакомиться с сотрудниками. Из 38 штатных единиц, указанных в штатном расписании администрации Смольнинского, на месте мы обнаружили... 18 человек. Двое отсутствовали по уважительной причине (учеба и больничный). Итого 20 человек. А где остальные 18 сотрудников, перегруженных работой?

В некоторых отделах стояло меньше столов, чем указано сотрудников. Чьи-то друзья, родственники и знакомые получали зарплату в муниципалитете, но у них не было даже рабочего стола.

Депутаты распределяют народные деньги. Делать это нужно бережно, по-хозяйски. Налогоплательщики доверили нам распорядиться деньгами, в первую очередь, для улучшения среды обитания: дорожек, скамеек, детских площадок, зеленых зон. Депутаты не должны во всем верить администрации и давать столько денег, сколько администрация просит.

Ежегодно правительство Санкт-Петербурга на своем большом калькуляторе высчитывало, сколько каждый муниципалитет должен потратить на содержание чиновников. На 2020 год город определил норматив для Смольнинского в пределах 26 млн. рублей. Это на всех: на главу муниципалитета, главу администрации, чиновников совета и чиновников администрации, скрепки, бумагу, автомобили, компьютеры и оргтехнику.

Чиновники муниципалитета требовали 68 млн. рублей. В 2,6 раза больше норматива!

Депутаты «Яблока» считали, что при обсуждении расходов на чиновников муниципальный совет должен идти не с конца (хотелок самих чиновников), а с начала: от норматива. Когда Колб будет кричать: «Мы хотим 68 млн. — обоснуйте сокращение!», муниципальный совет обязан сказать в ответ: «Вот вам 26 млн. по нормативу. Хотите больше — **ОБОСНУЙТЕ ЗАТРАТЫ СВЕРХ НОРМАТИВА!**»

В ходе обсуждения на нескольких заседаниях мы смогли убедить большинство депутатов, что совет может и обязан затребовать у Колба обоснование расходов. На следующем заседании выяснилось, что Колб отказался предоставлять документы. Совет решил, что без документов рассматривать бюджет неправильно и дал Колбу дополнительное время, чтобы одуматься и предоставить документы.

В ответ Колб сообщил, что закон о персональных данных запрещает передавать депутатам информацию о кадрах и заработной плате. Это был блеф. Никто не планировал узнавать и разглашать информацию о зарплатах конкретных сотрудников, просто депутаты хотели понять, как на практике распреде-

лялся зарплатный бюджет. Нельзя голосовать за бюджет с секретными статьями. Каждая бабушка в Смольнинском должна знать, на что тратились бюджетные деньги, до последней копейки.

В сумме Колб проигнорировал три депутатских запроса о кадровых вопросах. Большинство депутатов решило, что Колбу было что скрывать. Дошло до того, что совет перенес дату второго чтения бюджета, чтобы дать Колбу последний шанс предоставить информацию.

Битва за досуг

Несколько миллионов Колб хотел потратить на профилактику экстремизма, борьбу с наркотиками, обучение правилам дорожного движения и прочие вещи, на которые муниципалитет не имел никакого влияния. Этими проблемами занимались федеральные органы власти, у которых были огромные бюджеты. С экстремизмом боролась всемогущая Федеральная служба безопасности, за обучение правилам дорожного движения отвечала Государственная инспекция безопасности дорожного движения, а с наркоманией боролся Роснаркоконтроль. Формально, мы могли выделить деньги на это. Но нужно ли?

Обычно муниципалитет для галочки заказывал брошюры (например, против экстремизма), их клали на подоконник в здании муниципалитета и брошюры лежали там годами.

При рассмотрении бюджета депутаты «Яблока» увидели, что Колб предложил опять потратить деньги на бесполезные брошюры. Мы предложили сократить финансирование по этим статьям на 2 млн. рублей, а деньги направить на новые детские площадки.

На поддержку спорта Колб почему-то попросил в три раза меньше денег, чем на военный патриотизм. Конечно, у полковника ФСБ свои приоритеты, но большинство депутатов было настроено поддержать детские и взрослые спортивные мероприятия.

На «военно-патриотическое воспитание» Колб попросил 6 млн. рублей. Мы хотели переформатировать содержание и название этой статьи бюджета. Почему все время патриотизм связывают с войной? Почему воспитание – военно-патриотическое? Почему нельзя заниматься воспитанием молодого поколения в духе патриотизма, любви к Родине, но без войны? Часть депутатов хотела убрать военную составляющую, но несколько депутатов Ц (не все), единороссы и особенно полковник Антонович резко выступили против такой реформы.

Из 6 млн. военно-патриотических рублей Колб хотел потратить 86% на развлечение «актива» и только 14% на все остальное. Активом была небольшая группа людей, которые первыми получали бесплатные билеты на всевозможные поездки, когда их начинали раздавать. В ответ «актив» изображал народную любовь и поддержку Ранкову, администрации и «Единой России». Поездки «актива» в Псков, в Тулу и за границу в общей сложности должны были обойтись в 5,2 млн. рублей. На действительно важные воспитательные мероприятия, в которых участвовало большое количество человек (в память о блокаде Ленинграда, возложение венков и автобусные экскурсии для детей) оставалось только 0,8 млн. рублей.

Фракция «Яблоко» не поддерживала такие приоритеты. Все поездки за пределы Петербурга и области нужно было исключить. Мы жили в самом центре великого города с уникальной историей, богатом достопримечательностями. Мы предложили сэкономить 5 млн. рублей и сформировать резерв, чтобы потратить его на благоустройство или, в последствии, на массовые мероприятия, если Колб сможет такие подготовить. Местное самоуправление потому и называется местным, что должно оказывать услуги на месте, а не по всей стране.

Аналогичная ситуация была по статье «Досуг». Колб просил на нее 17,5 млн. рублей, из которых 8,5 млн. рублей планировал потратить на туры в Изборск, Ярославль, Сортавалу и на экскур-

сию «История и судьба Русской Финляндии». Безумно дорогие экскурсии для маленького количества людей.

Например, тур по Русской Финляндии – это двухдневная поездка с проживанием, питанием и СПА! Депутат Балтруков обнаружил, что Колб завысил цену в три раза по сравнению с аналогичным предложением на booking.com. Фракция «Яблоко» предложила срезать такие экскурсии и сэкономить 8,5 млн. рублей.

Распределение бесплатных билетов среди жителей было несправедливым. Фактически билеты раздавались в порядке живой очереди. Все дорогие билеты получали те, кто заранее знал о начале раздачи. При этом информирование было поставлено плохо. В муниципалитете отсутствовали закрепленные на бумаге нормы распределения. Статистика по частоте использования экскурсий не велась. Сотрудники отдела культуры, которые отвечали за распространение билетов, рассказали депутатам, что обнаружили жителей, которые за год пользовались муниципальными билетами более 10 раз! При этом большинство из 90 тысяч жителей Смольнинского даже не подозревало, что можно получить бесплатные билеты.

Цены на билеты и экскурсии при покупке завывались в разы. Чиновники закупали оптом значительно дороже, чем в розницу.

Например, Колб предложил купить автобусную экскурсию в Академию имени Штиглица. В 2019 году, если бы вы поехали туда на такси бизнес-класса, то заплатили бы за дорогу 500 рублей, за билет 900 рублей и за экскурсионное обслуживание 175 рублей. Итого 1575 рублей. Колб хотел, чтобы депутаты дали ему денег из расчета по 4350 рублей за одного участника – в три раза дороже.

Тур в Пушкинские горы «Там русский дух.., там Русью пахнет» предлагалось закупить за 13080 рублей. При том, что аналоги стоили при двухместном размещении 6500 рублей. Я тоже очень люблю Александра Пушкина, с удовольствием ездил

(за свой счет) в его родовое поместье. Но не в 2 раза дороже рынка!

Я предложил срезать культурный бюджет почти в два раза — на 31,5 млн. рублей. Такова была общая стоимость всех безумных расходов, которые запланировал Колб.

Даже внутри нашей фракции возникли разногласия по моей поправке. Согласен, «депутаты срезали расходы на культуру в два раза» — звучит слишком радикально. Пришлось бы долго объяснять избирателями, почему мы так поступили.

При обсуждении культурного бюджета в зале собрался «актив», который мы хотели лишить дорогостоящих экскурсий. Члены «актива» подняли шум, стучали ногами, не давали провести обсуждение и материли депутатов. Организовали это чиновники администрации и Полина-Тереза, которая руководила спектаклем прямо в зале совета.

Я был убежден, что мои избиратели поддержат наведение порядка в расходах. Проще и веселее было бы сжечь 31,5 млн. на центральной площади: в сожжении такой крупной суммы могли принять участие больше жителей Смольнинского, чем в дорогостоящих экскурсиях.

Депутаты предыдущих созывов не установили никаких правил, по которым муниципалитет мог оказывать услуги жителям в области досуга и культуры. Чиновники сами определяли, какую экскурсию им хочется закупить и по какой цене. Депутат Балтруков разработал проект Положения о досуге и культуре, которое могло ограничить чиновников и привести к более справедливому распределению культурного бюджета между жителями округа. Балтруков предложил целый набор мер, чтобы увеличить охват жителей и снизить стоимость билетов.

Если бы Положение удалось принять, впоследствии совет мог бы проголосовать за возвращение 31,5 млн. рублей в культурный бюджет. К сожалению, коалиция из депутатов «Единой России» и депутатов Ц не поддержала Положение о досуге и культуре. Голосов для принятия не хватило.

Битва за благоустройство

В одном депутаты были единодушны: чем больше денег удастся направить на благоустройство – тем лучше.

Колб просил депутатов выделить на благоустройство 77 млн. рублей. Наша фракция предлагала увеличить финансирование до 108,5 млн., перераспределив деньги с дорогостоящих экскурсий и расходов на чиновников. Но были проблемы.

Первая проблема, с которой мы столкнулись: Колб просил деньги просто: «на благоустройство». Не было никаких проектов, расчетов затрат. Он хотел получить 77,0 млн. рублей одним куском. В качестве обоснования депутатам прислали сырую таблицу, в которой не сходились итоговые цифры.

После утверждения бюджета Колб хотел сам решить, как распределить эту сумму. Депутаты, по его мнению, должны были крупными мазками определить пропорции в бюджете (столько денег на зарплаты, столько – на благоустройство, столько – на досуг), а непосредственно саму программу благоустройства и озеленения администрация распишет самостоятельно, не советуясь с депутатами.

Фракция «Яблоко» предложила в рамках принятия бюджета разделить программу благоустройства на несколько отдельных программ и по каждой из них прописать в бюджете конкретную сумму. Какая часть бюджета благоустройства будет потрачена на озеленение, сколько потратить на детские площадки, сколько на уличные тренажеры – депутаты пропишут отдельной цифрой в бюджете. А не все одним куском.

Предложение о реформировании бюджета поддержало большинство депутатов. Совет перекроил утвержденную форму бюджета и сделал ее более жесткой. Эту реформу я считаю одним из самых важных достижений муниципального совета шестого созыва.

На просьбу представить план благоустройства, администрация ответила: «В связи с функционированием портала „Наш Санкт-Петербург“ и необходимостью оперативной отработки по-

ступающих на него сообщений, перспективный план по благоустройству на ближайшие годы не формируется».

Портал «Наш Санкт-Петербург» — это городской сайт, на котором можно было оставить жалобу на любую городскую проблему: ямы во дворе, мусор, разбитые окна и другие неприятные вещи. Некоторые проблемы устранялись быстро, на некоторые приходили отписки в стиле «проблем не обнаружено». Портал был популярен. Активисты из фракции Ц любили соревноваться, кто больше жалоб отправит через портал. На портале велся рейтинг муниципалитетов по скорости ответа на запросы и количеству обработанных заявок.

План Колба по благоустройству был прост: обрабатывать поступавшие жалобы. Как рефлекс в эксперименте с собакой Павлова: звоночек зазвонил — рефлекс сработал. Жалоба поступила — ремонт начали. Вместо плановой работы — латание дыр.

Администрация откровенно расслабилась при предыдущих депутатах и воспринимала утверждение бюджета как формальность. Фракция «Яблоко» не планировала работать таким образом. В конце концов, бюджет — это главный финансовый документ.

К сожалению, многие поправки к бюджету, которые вносила фракция «Яблоко», не набрали нужного количества голосов из-за того, что депутаты Ц и «Единой России» голосовали против поправок, либо воздерживались.

Я предложил депутатам зарезервировать все спорные суммы. Они бы остались в бюджете, но Колб не смог бы их тратить. Когда Колб предоставит запрошенные документы, обоснует необходимость расходов и придумает нормальные экскурсии и мероприятия, тогда совет откорректирует бюджет и даст нужное финансирование из созданного резерва. Семь депутатов «Яблока» проголосовали за мою поправку, но опять оказались в меньшинстве. Поправка не прошла.

К третьему, окончательному чтению бюджета совет подошел практически с первоначальными цифрами. Оставался последний вариант: проголосовать против непрозрачного бюджета. Это

позволило бы администрации получать бюджетные деньги, но не одним куском, а частями: по 1/12 каждый месяц.

Единороссы, Бархатова и чиновники уговаривали депутатов войти в положение и проголосовать «за» принятие бюджета. Фракция «Яблоко» убеждала проголосовать «против». Судьба бюджета была в руках депутатов Ц. Депутаты Ц колебались.

Заседание было жарким. «Актив» скандировал, чтобы дали денег на экскурсии. Я стучал рукой по столу и кричал, глядя на депутатов Шпринг и Мишкинис, что ответственность за разворованные деньги будут нести они – депутаты Ц, что они будут сообщниками и пособниками коррупционеров, если проголосуют за расходование народных денег, не понимая на что.

После продолжительных споров депутаты с солидным перевесом проголосовали против непрозрачного бюджета, но оставили Колбу возможность исправиться, откорректировать бюджет и обосновать расходы.

Важно сказать, что депутаты «Яблока» надеялись, что корректировкой бюджета займется не Колб. Мы хотели заменить его на чиновника, более подходящего для работы с новым муниципальным советом. Конечно, у губернатора и «Единой России» были свои планы на эту должность.

ДЕПУТАТ ПРЕДЛОЖИЛ ВЕШАТЬ КОТОВ

У меня были сложные разговоры с избирателями. Тема была одна: почему депутаты «Яблока» оставили Ранкова в кресле главы? Он же единоросс! Почему не договорились с Ц?

Приходилось подробно объяснять, что договариваться с нами не хотели, разговоры про победу оппозиции в Смольнинском – это миф. Оппозиция в меньшинстве, а «Единая Россия» нашла союзников. Итоги выборов получились не такие радужные, как хотели избиратели. Из шестнадцати депутатов, объявленных общественным мнением оппозиционерами, голосовали как оппозиция максимум девять – меньшинство в Совете.

Не все избиратели мне верили: «Не может быть. Это Ваши догадки». Нужно было найти способ продемонстрировать.

Я задумался, как сделать так, чтобы коллегам из Ц публично пришлось выбирать, находятся ли они в оппозиции или слились с пропутинскими силами. Я вспомнил мужчину, который взял с меня обещание, что я сниму портрет Путина со стены в кабинете, когда стану депутатом.

Депутатом я стал, кабинет мне не положен. Но поснимать портреты было хорошей идеей.

Портреты Путина висели в нескольких кабинетах муниципалитета, хотя, с точки зрения закона, местное самоуправление было самостоятельным уровнем власти и не входило в государственную вертикаль. Формально Путин не был начальником муниципальных чиновников. Да даже если бы и был: когда вам захотелось повесить в кабинете портрет своего начальника – вы либо ловкий карьерист, либо вам надо обсудить это с психиатром.

Я подготовил проект решения «Об оформлении помещений муниципалитета», в тексте которого предложил убрать из муни-

ципалитета портреты президента. Посмотрим, кто из депутатов проголосует против.

Предложенный документ содержал не только запреты. Если некоторые чиновники совсем не могут работать без портрета на стене, то в документе была рекомендация (не обязанность) повесить на стену что-нибудь более нейтральное: фотографии членов семьи, выдающихся ученых, деятелей культуры или домашних животных. Например, фотографию любимого кота.

Наверное, я ошибся, когда упомянул в официальном документе про домашних животных. Уже вечером в СМИ появились заголовки, что депутаты «Яблока» предложили вешать котов. А на заседании депутаты Ц ухватились за котов, как за спасательную соломинку. Депутаты Ц утверждали, что за такой текст нельзя проголосовать, потому что писать про фотографии домашних животных не серьезно: «это не уровень депутатов».

«Если бы не коты», — говорили депутаты Ц, — «Если бы не коты...».

Что удивительно, громче всех протестовали не открытые единороссы, хотя им по должности положено защищать портреты. Громче всех против котов протестовал депутат Гудков, который избрался в депутаты благодаря листовке, где он сидит в обнимку со своей красивой собакой.

Я не видел ничего плохого в упоминании домашних животных в проекте решения. Но если депутатов не устроила какая-то фраза, то любой мог внести поправку и изменить формулировку. Это никак не изменило бы суть документа. Поправок никто из депутатов не внес.

Провели голосование. Для принятия решения не хватило голосов депутатов Ц.

Ну и ладно. Эксперимент должен быть чистым. На следующее заседание я внес тот же проект решения, но уже без котиков. Обычно обсуждение начиналось с выступления автора. Я выступил кратко. Сказал, что учел замечание про котов, высказанное коллегами на прошлом заседании, и что принятие этого решения продемонстрирует избирателям, что в Смольнинском

действительно победила оппозиция. Мне нужен был протокол с результатами голосования.

Часть депутатов стала доказывать, что Путин наш президент, а портреты — это дань уважения. Прозвучала другая реплика, что портрет Путина — это государственный символ. Конечно это не так. В законе написано, что у России есть только три государственных символа: герб, флаг и гимн. Портрет президента символом не являлся.

Неожиданно на мою сторону встал полковник Антонович.

— Да, это уже не принято, — сказал он, — Президент сам просил не вешать его портреты.

Но потом депутат Антонович проголосовал за то, чтобы портреты остались. В ходе голосования по той или иной причине все депутаты Ц не поддержали это решение.

— Решение не принято, — объявил Ранков.

Было большим ударом, что решение о портретах не поддержала депутат Серая, которая в период кампании распространяла листовки с лозунгом «Против ЕдРа» («Единой России»).

Результаты голосования были неприятные, но полезные. Теперь не надо было долго объяснять избирателям, кто в Смольнинском оппозиционный депутат, а кто нет. Достаточно было показать выписку из протокола, как проголосовал каждый из депутатов.

Вовремя не снятый портрет через год превратился в историю, в которой поучаствовала полиция, пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков, классик русской литературы Александр Пушкин и о которой написали мировые сми. Об этом вас ждет отдельная глава.

КОНКУРС ГМА

Совет депутатов утверждал бюджет муниципалитета, а распоряжалась бюджетом местная администрация. Глава администрации — это главная хозяйственная должность. Он формировал муниципальные программы, организовывал закупки, выбирал подрядчиков и подписывал контракты. От него зависели экскурсии, скамейки, организация праздников и благоустройство на территории муниципалитета. Он — главный ответственный за расходование денег, которые выделили депутаты. Наличие правильного человека на должности главы, с практической точки зрения, намного важнее, чем большинство мест в совете.

Каждый созыв депутаты выбирали главу администрации под себя. Для этого объявлялся конкурс, претенденты проходили отбор и в конце депутаты выбирали из кандидатов одного человека, с которым совет заключал контракт. Работал глава администрации до тех пор, пока после новых выборов следующие депутаты не избирали своего человека.

Фракция «Яблоко» понимала, что за пять лет через нежные руки главы администрации должно было пройти около 1,5 млрд. бюджетных рублей. Мы хотели избрать человека, которому могли доверять, что деньги он не разворует. Папашу Колба нужно было отправить на пенсию.

Намерения провластных сил были немного другие.

Чего хотели от этих выборов депутаты Ц, мы понять не могли.

В соответствии с законом Санкт-Петербурга выборы главы администрации были многоступенчатыми, очень усложненными, с наличием специальной конкурсной комиссии, которая предварительно отсеивала кандидатов. Отсеивать кандидатов — это любимое занятие любой комиссии на любых выборах.

Комиссия состояла из шести человек. Губернатор имел в ней неоправданно большое влияние. Половину членов конкурсной комиссии назначал он. Вторую половину назначал муниципальный совет. Трое представляли губернатора, трое — депутатов. Муниципальный совет мог выбирать главу администрации только из тех, кого подсунила конкурсная комиссия.

Депутаты Смольнинского еле прошли сквозь сито избирательной комиссии и понимали, как будет происходить отбор. Несмотря на политические разногласия, депутаты «Я», Ц и ШН, казалось, были едины во мнении: надо чтобы как можно больше кандидатов удалось проташить через сито конкурсной комиссии. Не важно каких они были взглядов, какие партии представляли. Выбрать главу администрации должен был муниципальный совет, а не конкурсная комиссия.

Несмотря на то, что процедура конкурса определена законом Санкт-Петербурга, мы формально должны были принять муниципальное Положение о проведении конкурса, где прописать процедуру, уже описанную в законе.

Некоторые моменты проведения конкурса были прописаны в законе не четко, поэтому в Положении мы могли их конкретизировать. Желательно в свою пользу. Предвкусая, что голосование в комиссии разделится 3 на 3 — губернаторские назначенцы против представителей совета — совет указал, что для того, чтобы претендент был представлен совету в качестве кандидата, ему достаточно набрать 50% (три голоса членов комиссии из шести). Мы хотели бы сделать достаточным два голоса или даже один, но законодательство позволяло сделать минимум три. Если три представителя совета голосовали согласованно, то втроем они смогли бы проташить всех претендентов на рассмотрение совета, сделать заседание конкурсной комиссии формальностью.

Трех голосов было достаточно только при принятии решения о представлении кандидата совету. По остальным вопросам решение конкурсной комиссии принималось большинством голосов. Мы указали в Положении, что в случае равенства голосов,

голос председателя комиссии был решающим. К тому же, прописали, что председателя комиссии, его заместителя и секретаря выбирали не члены комиссии, а назначал муниципальный совет. Мы использовали все возможные дырки в законе, чтобы отобрать у губернатора право решать, кто будет главой муниципальной администрации Смольнинского.

Совет проголосовал и направил в конкурсную комиссию трех человек: депутата Захарова, депутата Хрщоновича и меня — по одному представителю от каждой фракции. Представителя фракции «Единой России» мы решили даже не рассматривать, потому что у «Единой России» и так будут три представителя по квоте губернатора.

Мы понимали, что три представителя губернатора будут голосовать одинаково. У них был один начальник и одна цель — сделать главой администрации Смольнинского человека, удобного губернатору и «Единой России».

Напротив, трое депутатов, которые представляли в комиссии совет, принадлежали к разным фракциям. У нас были разные представления о будущем муниципалитета и довольно натянутые отношения из-за провалившихся переговоров и несостоявшихся выборов главы. Мы могли успешно противостоять губернаторским представителям, только если будем голосовать согласованно, втроем. Если хотя бы один из нас проголосует против, воздержится или просто прикинется больным и не явится на заседание, то все решения большинством примут губернаторские.

От каждого из нас зависело так много, что я пошутил в разговоре с коллегами, что даже если умру, моя жена прикатит на заседание комиссии тело в инвалидном кресле и будет поднимать мою руку при голосовании.

По процедуре конкурсная комиссия должна была собраться на первое заседание, чтобы выбрать, кого комиссия предлагает муниципальному совету утвердить в качестве председателя, заместителя и секретаря. Потом совет должен был утвердить или отклонить эти кандидатуры.

Поскольку при равенстве голосов голос председателя комиссии был решающий, он мог очень сильно повлиять на результат конкурса. Фракция «Яблоко» дала мне задание получить эту должность.

Я сидел один в зале заседаний, изучая Положение о проведении конкурса. Вторым пришел депутат Хрщонович. С ним в качестве группы поддержки пришла депутат Мишкинис, которая не была членом комиссии, но очень хотела влиять на результат.

Депутат Мишкинис с порога начала убеждать меня избрать председателем комиссии Хрщоновича. Сам Хрщонович всегда был молчаливым, не общительным и в убеждении не участвовал. Я был против, т.к. помнил о задании, которое дала мне фракция: самому стать председателем. Председатель имел решающий голос и я боялся возлагать на Хрщоновича такую большую ответственность.

Депутат Мишкинис продолжала упорствовать и приводила все новые аргументы в пользу того, каким хорошим председателем будет Хрщонович и как он честно будет отстаивать при голосовании интересы совета. Сам Хрщонович продолжал молчать и хитро улыбался.

Когда в зал зашел депутат Захаров, Мишкинис набросилась на него:

— Никита и Костя оба претендуют, чтобы стать председателем. Пусть председателем будет Костя! — сказала она, указывая на Хрщоновича, — А ты будешь его заместителем.

— Хорошо, — ответил депутат Захаров.

Так, мимоходом, депутат Захаров и депутат Мишкинис решили судьбу муниципалитета, сами того не осознавая.

В тот момент в зал зашли представители губернатора. Я не мог продолжать дебаты в их присутствии. Нельзя было демонстрировать, что у нас нет единства. Я, Захаров и Хрщонович единодушно выступили за избрание председателем комиссии депутата Хрщоновича.

Губернаторские предприняли попытку протолкнуть Трофимову (заместителя главы района), но, видя наше единство,

и имея ввиду, что окончательное решение об утверждении председателя все равно принимал совет, сдались. Депутат Хрщонович стал председателем, депутат Захаров стал его заместителем, а я стал секретарем конкурсной комиссии.

5 февраля состоялось главное заседание конкурсной комиссии. Кандидаты заранее сдали комплекты документов, надели лучшие костюмы и готовы были отвечать на вопросы комиссии. Некоторые депутаты муниципального совета пришли посмотреть на кандидатов и как комиссия будет проводить отбор. Жители округа тоже заняли места в зале.

Процедура отбора проходила в два этапа. На первом этапе комиссия рассматривала документы. В случае претензий к документам, комиссия могла большинством голосов вывести кандидата из игры и не пустить на второй этап. На втором этапе проводилось собеседование. После него комиссия должна была решить, попадал кандидат на рассмотрение совета или выбывал. На обоих этапах произошли настоящие драмы. Но обо всем по порядку.

Пришли три члена комиссии, представляющие губернатора — Трофимова, Кудрявцева и Соловьев. Пришли члены комиссии от совета — Захаров, я и председатель комиссии Хрщонович.

Хрщонович пришел в костюме-тройке и галстуке, чем очень удивил. Обычно он одевался более неформально.

Хрщонович заметно волновался. Как председатель комиссии, он должен был вести заседание, но, видимо, перенервничал: начинал говорить предложение и не мог его закончить, крепко сцепил руки и не отпускал. Он был красный и заметно потел. Не мог сформулировать вопросы, которые ставил на голосование. Мы сидели рядом. Его надо было спасать. Я печатал на ноутбуке слова, которые Хрщонович должен был сказать для протокола. Хрщонович зачитывал текст с экрана.

Кудрявцева во вступительном слове напомнила членам комиссии, что совет собрал нас, чтобы мы отнеслись к работе

не формально, а максимально дотошно проверили кандидатов. И отсеяли тех, к кому были замечания.

– Чем большим откажем, – сказал Соловьев, – тем легче депутатам муниципального совета будет принимать решение!

– Чем меньше людей мы завернем, тем меньше будет судебных разбирательств, – озвучил я напутствие, с которым совет направлял нас в комиссию: «Всех кандидатов пропускать на совет!». Пусть совет разбирается.

У губернаторских был другой план. И у Хрщоновича тоже. Не зря он сильно нервничал.

Кудрявцева первым делом предложила рассматривать документы в закрытом режиме, чтобы присутствовать могли только члены комиссии и депутаты. Председатель Хрщонович поскорее поставил это предложение на голосование, не дав мне даже закончить перечислять аргументы, почему так делать нельзя.

За рассмотрение документов в закрытом режиме проголосовали губернаторские и Хрщонович – четыре голоса. Против – двое: я и Захаров. В ходе первого голосования стало понятно, что Хрщонович голосует в пользу губернаторских, а не в пользу совета.

Хрщонович потребовал от жителей Смольнинского выйти из зала. Кандидаты тоже были изгнаны за дверь. Получилось, что комиссия рассматривала документы кандидатов, предъявляла к ним претензии, искала ошибки в отсутствие самих кандидатов. Как секретарь, я фиксировал в протоколе, что Захаров и я не согласны с происходящим. Но что толку: нас было два голоса против четырех.

Стать главой администрации Смольнинского захотели девять человек. Закон требовал от кандидатов принести в комиссию толстую папку с документами: анкету, справку об отсутствии судимости, декларацию о доходах и имуществе, в том числе на жену и детей, выписку из трудовой книжки и другие документы. Нужна была также справка о состоянии здоровья от разных врачей, включая заключение из психо-неврологического дис-

пансера. Оформление каждого из документов регламентировалось отдельной инструкцией. У комиссии было неограниченное пространство для придинок.

Рассматривать документы участников решили в алфавитном порядке.

Первым был господин Ананян. Он много лет работал главой администрации в Лесколово — муниципалитете в Ленинградской области. У Ананяна был большой стаж работы на аналогичной должности, награды и грамоты, но член комиссии Кудрявцева придралась к справке о состоянии здоровья. Справка была адресована в муниципалитет Лесколово.

— А должна быть в Смольнинское, — сформулировала претензию Кудрявцева.

Хотите верьте, а хотите — проверьте, трое губернаторских и один Хрщонович проголосовали за то, чтобы отказать Ананяну в участии в конкурсе на основании ошибки в медицинской справке. Кандидат, конечно, был здоров, но только не на территории Смольнинского.

Еще четверем кандидатам комиссия отказала по таким же мелким причинам. Я и Захаров не могли остановить коалицию, состоящую из губернаторских и Хрщоновича.

Они отказали даже члену партии «Единая Россия»: депутат Шавлов тоже подал документы для участия в конкурсе. Он захотел сменить депутатский значок на портфель главы администрации. Но у него была ошибка в оформлении трудовой книжки. Захаров и я следовали рекомендации совета пропускать всех и проголосовали в поддержку единоросса. Губернаторские кинули своего и проголосовали, чтобы не пустить Шавлова на собеседование. Так мы узнали, что единоросс Шавлов не их кандидат и они будут протаскивать на должность кого-то другого. Хрщонович опять голосовал вместе с губернаторскими и депутата Шавлова выкинули из конкурса.

Соловьев явно не рассчитывал, что проведет в Смольнинском несколько часов. Ему постоянно звонили и он оправдывался в трубку, что занят. Он просил нас не затягивать заседание.

Идея была интересной! Если бы Соловьев ушел, то губернаторские остались бы вдвоем. (Или втроем, если считать Хрщоновича, но три все равно меньше, чем четыре). Поскольку комиссия решила рассматривать документы в отсутствие кандидатов, я воспользовался правом секретаря и начал зачитывать вслух письма от кандидатов, где они давали пояснения о сданных документах. Несколько кандидатов передали из коридора очень объемные письма. Соловьев нервничал и все время поглядывал на часы. Я читал вдумчиво, не торопясь, проговаривая каждое слово.

— У нас в Законодательном собрании, — сказал Соловьев, — можно передать свой голос. Выписать доверенность и уйти. Можно я вам передам? — обратился он к Кудрявцевой.

— Нет, сидите, — строго сказала она.

Комиссия перешла к рассмотрению кандидата Королева. Мы подозревали, что он может быть креатурой губернаторских. Королев много лет проработал под руководством депутата Важенина, а незадолго до конкурса был назначен в администрацию заместителем Колба.

Первая фраза, которую все услышали, когда перешли к рассмотрению документов Королева, была: «Замечаний нет!»

— Идеальные документы! — сказал Соловьев.

— Замечательные документы! — поддержала Кудрявцева.

Мне представился шанс загнать их в трудное положение, грех было не воспользоваться.

— Коллеги, если мы к одному из претендентов предъявляем какие-то требования, — начал я издали, — то аналогичные требования надо предъявлять ко всем остальным.

— Правильно! — поддержал Соловьев.

— Если мы Ананяна не допустили, потому что у него в медицинской справке не указано, куда она предоставляется, — продолжил я, — то такую же претензию мы должны предъявить к Королеву.

Губернаторские с недоверием посмотрели на меня.

— Давайте посмотрим на медицинскую справку Королева...

Хотел бы я быть хорошим писателем, чтобы пересказать ту палитру чувств, которую увидел на лицах губернаторских. Они начали догадываться, что в справке Королева была ошибка. Возникла пауза.

– Неужели в другой муниципалитет? – удивился Соловьев. Члены комиссии начали рыться в документах, чтобы посмотреть справку Королева. Трофимова нашла первой.

– Ну хотя бы не в Лесколово, – неуверенно сказала она.

– А какая разница? – спросила депутат Мишкинис, которая присутствовала на заседании комиссии.

– В район-то попал? – спросил Соловьев.

– Никуда не попал, – ответил я. – Пустая справка.

В ней вообще не было указано, куда Королев ее предоставил.

Возникло неловкое молчание. Представители губернатора делали вид, что внимательно изучают документы, пытаюсь сообразить, какое оправдание придумать Королеву. Ошибка была той же самой, по которой полчаса назад комиссия отказала Ананяну. Пауза затянулась. Прервал ее Соловьев:

– Давайте перестанем отказывать, – миролюбиво сказал он.

– Если мы сейчас Королева пропускаем, права Ананяна однозначно нарушены, – напомнил я.

– В отличие от Ананяна, – сказала Трофимова, – справка Королева ошибочных сведений не содержит, Ананян указал другой муниципалитет, а Королев не указал никакого.

– Не придирайтесь к Королеву, – посоветовал мне Соловьев.

– Давайте не придираться ко всем, – сказал я.

– Вы нас убедили в либерализме и демократии, – сказал Соловьев, – Мы уже готовы всех утверждать.

– Но Ананяну вы уже отказали.

Кудрявцева, умная женщина с несколькими высшими образованиями (мне всегда было жалко наблюдать, как такие умные, образованные люди, далеко не заурядные, как Кудрявцева, тра-

тят свой ум и талант, защищая чужое злодейство), хмуро молчала, прикладываясь к стакану с водой. Кандидат, которого они тащили, и, я уверен, чьи документы неоднократно проверялись и исправлялись, прокололся. На мой взгляд, нарушение было незначительно. Как и у Ананяна. Но важен принцип. Губернаторские готовы были простить своему кандидату все что угодно, а остальных старались отсеять.

Естественно, они провели Королева на следующий этап. Их голосов было достаточно. Но депутаты, сидевшие в зале и наблюдавшие за работой комиссии, уже начали формировать свое мнение. Всем стало понятно, что Королева хочет продавить губернатора и ради этого переломить всех остальных.

Еще один кандидат — Овчинников. Он работал юристом в администрации муниципалитета. Поскольку выборы главы администрации, по закону, не могли быть безальтернативными, то губернатор нуждался во втором человеке, которого нужно проташить до голосования на совете, чтобы создавал видимость конкуренции. При этом человек должен быть: 1) управляемый, чтобы не снялся в последний момент и не разрушил конкурс; 2) с не самым впечатляющим послужным списком, чтобы депутаты ненароком не выбрали его главой администрации. Овчинников идеально подходил для этой роли. Поэтому комиссия пропустила его на следующий этап.

Еще два кандидата — Бакатина и Мусихин — вели переговоры с депутатами Ц до начала конкурса. Хрцонович проявил либерализм и проголосовал за то, чтобы допустить их до этапа собеседования. Таким образом, до второго этапа дошли только четыре кандидата.

Второй этап был открыт для жителей. Комиссия приглашала кандидатов по очереди. Каждый член комиссии задал по паре вопросов, но у Кудрявцевой был распечатан целый опросник и собеседование превратилось в экзамен. Лучше всех, четко и без запинки, отвечал на ее вопросы кандидат Королев.

— Он лучше всех подготовлен! — похвалил Соловьев.

– Вот именно, подготовлен, – сказал я. Я был уверен, что Королев знал вопросы заранее. Кудрявцева посмотрела на меня, но предпочла промолчать.

Губернаторские втроем легко провели Королева и Овчинникова в победители конкурса, совет был обязан рассмотреть их кандидатуры. Чтобы Мусихин и Бакатина тоже прошли, нужно было, чтобы «за» проголосовали все три члена комиссии, назначенные советом – я, Захаров и Хрщонович.

Но Хрщонович не стал голосовать «за». Он воздержался. Два голоса «за», один воздержался и три губернаторских «против». Бакатина и Мусихин были отстранены от участия в выборах.

Депутаты были в ярости! Какие-то губернаторские назначенцы фактически диктовали, кто станет следующим главой нашей администрации. Депутат Гудков не выдержал и произнес гневную речь. Он тыкал пальцем в Трофимову, Кудрявцеву, Соловьеву и Хрщоновича, обвиняя их в том, что конкурс фактически разрушен.

– С водой вы выплеснули ребенка! – в сердцах крикнул депутат Гудков и покинул здание.

Депутат Мишкинис строго смотрела на Хрщоновича и сжимала кулаки.

– С тобой мы еще поговорим, – сказала она. Думаю, ей обидно было осознавать, что самое слабое звено оказалось представителем ее фракции.

Мне понравилась реакция Мишкинис. Стало понятно, что она не знала, кто будет согласованным кандидатом от губернаторских, и что между Ц и «Единой Россией» нет договоренностей по поводу главы администрации. Во всяком случае, депутат Мишкинис в ней не участвовала. Депутат Хрщонович провалил конкурс сам, не ставя в известность свою фракцию.

Итоги дня были такими: совет получил на выбор двух кандидатов: Овчинникова и Королева, депутат Хрщонович получил всеобщее презрение.

ЛГБТ И ВЫБОРЫ ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ СМОЛЬНИНСКОГО

Заседание конкурсной комиссии длилось долго. Итоги были подведены ночью. На следующий день Соловьев выступил в СМИ. Он рассказал журналистам, что комиссия хорошо поработала и отобрала двух самых компетентных кандидатов: Королева и Овчинникова. Теперь муниципальный совет должен собраться и выбрать главу администрации. Лучшим кандидатом Соловьев назвал Королева и заявил, что конкурс прошел объективно и прозрачно.

Депутаты, присутствовавшие на заседании комиссии, были с такой трактовкой не согласны. Депутат Хрщонович забился под корягу и не давал комментариев. Как секретарь комиссии, я выступал с заявлениями о том, что конкурс прошел нечестно. В качестве доказательства я привел историю со справками Анаяна и Королева.

— Голосование было чисто политическим, — сказал я журналистам, — Мы очень недовольны. Муниципальный совет, я уверен, в ближайшее время, 12 февраля, соберется и решит, что делать с этим конкурсом. Сейчас мы ведем переговоры с членами совета. Пока большинство не собирается голосовать за эти кандидатуры.

На заседании 12 февраля по регламенту должен был выступить Хрщонович, как председатель комиссии, и доложить о результатах конкурса и кандидатах. После этого депутаты должны были выбрать между Королевым и Овчинниковым.

Я решил испортить праздник, записался для выступления и начал готовить доклад о том, как работала комиссия, что на самом деле происходило за закрытыми дверями. Депутаты

из разных фракций, присутствовавшие на комиссии, были готовы подтвердить факты из моего доклада. Комиссия продавила свои интересы настолько грубо, что даже депутат Шавлов оказался обижен ее действиями.

За четыре месяца до этого

В одном из муниципалитетов Петербурга жители избрали депутатом ЛГБТ-активиста и члена партии «Яблоко» (фамилия удалена). Он – первый депутат в России, открыто рассказавший о своей «нетрадиционной» сексуальной ориентации.

(Фамилия удалена) и его повестка произвели фурор среди защитников «традиционных ценностей». В городе началась травля. На свет вылезли городские сумасшедшие, призывавшие покарать (фамилия удалена). Различные казачьи атамань, монархисты и самозванные председатели союзов ветеранов. Политики-единороссы тоже присоединились к травле: например, все тот же депутат Законодательного собрания Соловьев.

Скандал дошел до совета Смольнинского. На одном из заседаний Ранков дал слово политическому активисту господину Перову, который в своем выступлении красочно разоблачил «ЛГБТ-заговор в Санкт-Петербурге» и требовал от депутатов принять меры. Перову очень повезло, что он не смог прийти на следующее заседание. Иначе его бы хватил удар.

Наша фракция решила поддержать (фамилия удалена) символическим жестом. Это было совместное решение семи депутатов, но честь реализовать его была предоставлена мне. Перед заседанием я поставил на свой стол три маленьких флага: флаг нашей любимой Родины – России, флаг партии «Яблоко», от которой избралась наша фракция, и радужный флаг – символ ЛГБТ движения.

С радужным флагом возникла проблема, поскольку у нас его не было, а купить его в российском магазине довольно проблематично. Депутат (фамилия удалена) принес свой флажок и светился от счастья, что семь депутатов из соседнего муниципалитета решили его поддержать.

В целом, заседание совета шло не очень конструктивно. Депутаты Ц не поддержали мою законодательную инициативу о видеотрансляциях и в очередной раз прокатили проект депутата Кузнецовой о новом регламенте. Флажки так и остались бы незамеченными, если бы не депутат Бархатова.

Примерно в середине заседания она обратила внимание на мой стол. Глаза Бархатовой округлились, она поджала губы и начала коситься на флажки, привлекая внимание других депутатов. В зале поднялся шум. Естественно, бурную реакцию вызвал только один из трех флажков. Депутаты Антонович, Гудков, Мишкинис и Бархатова решили высказать свое отношение к размещенным на столе символам. Помощник депутата Бархатовой гражданин Смоляк (пухлый мальчик, который работал на государственный холдинг Russia today) начал фотографировать. К нему присоединились другие журналисты. Папа Колб тоже вскочил с места, чтобы сфотографировать и злобно посмотреть на меня.

Депутат Антонович закричал:

— Это рекламный шаг со стороны «Яблока»!

В зале поднялся шум. Все начали говорить одновременно.

— Пропаганда ЛГБТ! — закричал Смоляк. — Трансляцию смотрят дети!

Мне и моей жене повезло, что мы разного пола. Иначе наши отношения вызывали бы возмущение у части общества и нам запретили бы создать семью. Некоторым мужчинам кажется, что если они поддержат ЛГБТ-сообщество, то сразу превратятся в геев. В этот момент, у них, видимо, распаляется воображение, в голове возникают всякие сценки сексуального характера, поднимается давление, они приходят в возбужденное состояние и начинают кричать.

У меня такой механизм не включается, поэтому мне трудно понять их бурную реакцию. Если люди одного пола любят друг друга, то посторонним не должно быть никакого дела до этого.

Я очень консервативный человек. Моя поддержка ЛГБТ-сообщества вытекает из консервативных ценностей. Самое главное — это любовь и семья! Люди должны жить в семье. Нор-

мальное состояние для человека: иметь пару и быть родителем. Не понимаю, почему защитники так называемых «традиционных ценностей» яростно препятствуют созданию новых семей. Фактически они выступают против семейных ценностей.

В тот момент мне казалось, что выставить три флага – уже достаточно, чтобы обозначить позицию нашей фракции, но депутаты Ц и «ЕР» требовали комментариев. Особенно упорствовал полковник Антонович:

– Какую смысловую нагрузку несет радужный флаг? – спросил он.

Пришлось кратко ответить:

– Это знак солидарности с теми людьми, которых сейчас в России сильно угнетают, – сказал я.

– За пять лет ни один угнетенный в муниципалитет не обратился! – гневно прокомментировал Ранков. Депутаты пошумели и перешли к следующему вопросу.

После того заседания я получил невероятное количество писем со всей России. Люди писали, чтобы поблагодарить нашу фракцию за этот символический жест.

Пока мне известно о трех официальных лицах, разместивших на своем столе радужный флаг: депутат (фамилия удалена), я и депутат Московской городской думы (фамилия удалена). Не густо для такой большой страны как Россия. Через несколько лет я прочитал опрос общественного мнения. Оказалось, что больше половины россиян поддерживали равные права. Особенно сильна поддержка среди молодежи. Но даже в самой консервативной возрастной группе «65+» за равные права выступало больше четверти.

На фоне политических баталий этот эпизод с радужным флагом быстро забылся, но спустя четыре месяца обернулся самым неожиданным образом.

За день до заседания совета, на котором депутаты должны были решить, что делать с Королевым и Овчинниковым, мне пришло несколько сообщений от избирателей.

Все сообщения содержали ссылки на публикации в пригожинских сми¹. Я получил около пятнадцати ссылок на различные сайты. Мы с женой внимательно ознакомились с публикациями, они были написаны под копирку. Пригожинские журналисты сообщили читателям, что депутат Юферев пропагандирует ЛГБТ и тем самым развращает своих собственных детей.

Лавруше на тот момент было пять лет, он был очень умный мальчишка и уже написал свою первую книгу — продолжение истории Карлсона. Коленке было чуть больше года, спокойный и невозмутимый ребенок с железным характером. Прокуратура решила проверить нашу семью и в ближайшее время к нам домой должна прийти комиссия, в которую вошли полиция и представители опеки, чтобы лишить меня и жену родительских прав.

Признаться, ощущения были неприятные. Наши политические оппоненты пустились во все тяжкие, ударили по самому больному месту: по семье и детям. Еще одно доказательство того, что ни в какие семейные ценности они по-настоящему не верят.

В разговоре с женой я назвал заказчиков этой атаки «свиньями», но сейчас понимаю, что такое сравнение несправедливо по отношению к этим милым и благородным животным. Мы с женой читали, какой опасности в нашей семье подвергаются дети и как лихо нас лишат родительских прав, когда раздался телефонный звонок. Звонили из полиции. Майор сообщил, что проводится проверка и я обязан прийти в 76-й отдел полиции, чтобы ответить на вопросы.

По случайному совпадению, полиция требовала прийти как раз во время заседания совета. Если я не приду, майор обещал разыскать и доставить меня в полицию силой. Звонки продолжались два дня, в том числе в день голосования.

¹ «Повар Путина» Евгений Пригожин, известный как создатель ЧВК «Вагнер», создал также десятки сайтов, на которых публиковались новости Петербурга, он периодически использовал их для создания шумихи и оказания политического давления на оппонентов

Надо было выбирать: либо пропустить выборы главы администрации, чтобы сходить в полицию, либо, если угрозы полиции не были блефом, прийти на заседание совета и быть забранным полицией прямо с заседания.

Со мной связались представители партии «Яблоко» и пообещали рассказать журналистам о происходящем в Смольнинском. Позвонил Максим Кац, бывший начальник нашего избирательного штаба (он еще не был популярным политиком с миллионной аудиторией, но имел связи с лидерами общественного мнения и влиятельными блогерами). Максим предложил медийную поддержку, если угроза лишения родительских прав окажется не блефом, а также обещал помочь с адвокатом.

Я связался с членами фракции. Депутат Кузнецова считала, что мы разворошили осиное гнездо, что надо спрятать детей и сделать историю максимально публичной и готовиться лучше к самому плохому сценарию. Разговоры про лишение родительских прав — это не шутки, в полицию идти не надо до тех пор, пока не пришлют официальную повестку, лучше прийти на совет, но помалкивать. Она и другие депутаты смогут без моего участия рассказать про конкурсную комиссию. Депутат Балтруков также считал, что публичность — лучшая защита. Все сошлись во мнении, что отступать нельзя и на совет надо прийти.

Пока мы обсуждали, какую линию поведения выбрать, в пригожинских сми было опубликовано письмо прокуратуры. Заместитель прокурора Центрального района Лариса Бортникова обратилась в полицию для проведения проверки депутата Юферева (т.е. меня) по статье 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». У этого письма был также второй адресат: органы опеки. Заместитель прокурора Бортникова просила направить представителей опеки к нам домой.

Вскоре было опубликовано само заявление, на основании которого возбудилась зампрокурора Бортникова. Оказывается 1 ноября 2019 года (за четыре месяца до конкурса по выборам главы администрации) в прокуратуру через интернет-приемную

поступило заявление №224121/12051. Автор заявления сообщил (орфография и пунктуация сохранены):

«30-го октября на заседании муниципального совета муниципальный депутат Юферев Никита Андреевич выставил радужный флаг, обозначив ситуацию поддержку ЛГБТ сообщества. Свидетелями стали десятки горожан. (ссылка на видеозапись). Также данный депутат предлагал снять портрет верховного главнокомандующего Владимира Путина. Считаю, что таким образом в муниципальном совете происходит пропаганда ЛГБТ-движения».

Дальше заявитель попросил «принять меры к противоправным действиям по пропаганде и насаждению нетрадиционных сексуальных отношений», а также выразил опасения за двух несовершеннолетних детей, которых депутат своими действиями «может развращать». Заявитель попросил «направить сотрудников МВД и органы опеки в адрес Юферева Н. А. для проверки ситуации».

Заявление в прокуратуру было направлено от имени госпожи Шляковой – жены Ярослава, а в качестве контактной информации бы указан e-мэйл самого Ярослава.

Сразу после публикации этих сведений Ярослав и его жена публично сообщили, что никогда не обращались в прокуратуру с таким заявлением. Более того, в тот же день они направили в прокуратуру заявление, что никогда не просили проводить никаких следственных действий в отношении Юферева и его семьи, и что заявление, на основании которого прокуратура и полиция предпринимала следственные и проверочные действия, было фальшивым. Ярослав и его жена потребовали срочно прекратить преследование меня и моих детей.

Возникли серьезные вопросы к профессиональной этике зампрокурора Бортниковой. Она получила фальшивое заявление, заверила его своей подписью и направила для проверки в полицию и органы опеки. Причем фальшивое заявление она получила в ноябре, а вспомнила про него только через четыре месяца – за пару дней до выборов главы администрации.

Не было сомнений, что атака была спланирована. Организовать такое могли (и имели мотив) только два человека: заместитель спикера Соловьев или глава Центрального района Мейксин. Ни у кого больше, из вовлеченных в происходящее в Смольнинском, таких ресурсов не было.

Кто из них двоих это сделал, я так и не понял. С одной стороны, Соловьев уже был замечен в натравливании полиции и опеки на политических противников. С другой стороны, несколько лет спустя, депутат Марина Шпринг рассказала мне, что глава района Мейксин тогда намекнул ей в разговоре, что скоро в совете станет на одного яблочного депутата меньше.

Соловьев в разговоре с журналистами заверил, что у него в муниципалитете нет никаких личных интересов.

— Но как человек государственный, — сказал он, — я ориентирован на наших коллег из Смольного (*офис губернатора — прим. Н.Ю.*). Мы за стабильность, за нормальный подход.

Тем не менее, Соловьев допустил, что интерес полиции к моей семье в день выборов главы администрации может быть неслучайным:

— Такое внимание привлечено к муниципальному образованию Смольнинское! — сказал Соловьев, — Может быть, кто-то из оппонентов дал такую информацию. Могу предположить, что заказчик был. Кто это? Трудно сказать, там много сил влияния.

На следующий день я забрал Лаврентия из детского сада. Жена с младшим сыном были надежно спрятаны, но у старшего были планы с дедушкой. Несмотря на некоторую душевную тревогу, я считал происходящее банальным блефом и Лаврентия мы прятать не стали. Я должен был пойти на заседание совета, а сына оставить с дедушкой.

Мы с Лаврентием медленно поднимались по лестнице, когда услышали голос дедушки. Он что-то громко рассказывал. Поднявшись на четвертый этаж, мы увидели интересную картину. Спинай к двери стоял дедушка и, активно жестикулируя, говорил, что «детей здесь нет, Юферева здесь нет, они тут не живут»,

и что он нас даже в лицо не знает. Перед дедушкой стояли двое полицейских и два человека с видеокамерами. Когда вы в последний раз видели визит полиции в сопровождении сразу двух видеокамер? Позже я увидел опубликованное видео.

Дедушка говорил очень громко, внимание полицейских и «журналистов» было сосредоточено на нем. К нам они стояли спиной. Лаврентий смотрел на меня испуганными глазами, но, слава Богу, молчал. Я приложил палец к губам, показав ребенку, что надо быть тихим. Дедушка нас увидел, но не задержал взгляд, чтобы не привлекать внимание к нашему появлению. Он заговорил еще громче. Мы развернулись и медленно, стараясь не шуршать и не топтать, спустились по лестнице.

Выйдя из парадной, мы побежали за угол к припаркованной машине. Уже сидя в машине, ребенок расплакался: «Папа, кто это?», «Зачем они пришли?», «Почему я не могу поиграть с дедушкой?». Я вытирал Лаврентию слезы и думал, что ответить, чтобы не напугать сильнее. Я корил себя, что из-за моих политических увлечений у ребенка случится психологическая травма. Ну ладно, занялся политикой, но, в конце концов, не обязательно было приводить ребенка туда, где его могли поджидать полицейские. Какая беспечность!

— Скоро дедушка придет и вы пойдете гулять, — я не нашел ничего лучшего, чтобы сказать.

Через полчаса пришел дедушка.

— Все свободно, — сказал он и посмотрел на меня крайне неодобрительным взглядом, — Они ушли, я проверил вокруг.

Лаврентий и дедушка пошли гулять в парк, подальше от дома, а я, придавленный чувством вины, пошел на заседание совета.

В зале было многолюдно. Заседание планировалось скандальным и зрители заранее заняли места. Все желающие не поместились в зал, люди толпились в коридоре. Королев по-хозяйски сел за один стол с депутатами: рядом с Ранковым.

Заседание началось с поздравления. Активист Перов набро-

сился на депутата Хрщоновича, чтобы вручить благодарственную грамоту «За победу над навальнистами и ЛГБТ».

Главным вопросом были выборы главы администрации. Точнее, в повестке оказалось два альтернативных вопроса. Докладчиком по первому был депутат Хрщонович: о том, что нужно выбрать главу администрации из двух кандидатов, предложенных конкурсной комиссией. Второй проект решения внесла депутат Кузнецова: о том, что конкурс прошел нечестно и его нужно провести заново.

Депутат Бархатова расчехлилась окончательно. Она принесла документы из Комитета территориального развития, чья представитель Кудрявцева участвовала в заседании конкурсной комиссии.

Депутат Бархатова зачитала вслух текст, который ей написали в Комитете, убеждая депутатов, что мы обязаны выбрать главу администрации из двух предложенных кандидатов и не имеем права отменить конкурс. Она апеллировала к тому, что юристы Комитета территориального развития лучше нас знали, как мы должны проводить наш конкурс, потому что они разбирались в законодательстве, а мы — якобы нет.

Депутат Бархатова предложила исключить из повестки дня проект депутата Кузнецовой о новом конкурсе.

Что отрадно, мнение депутатов от «Яблока» и депутатов Ц совпадало: конкурс проведен нечестно, его итоги депутатов не устраивали. Совместным голосованием Ц и «Яблока» мы оставили вопрос Кузнецовой в повестке дня. К сожалению, депутат Серая не поддержала нас.

В результате голосования получилось так, что в повестку дня были внесены оба проекта решений: проект Хрщоновича и проект Кузнецовой набрали достаточное количество голосов, чтобы быть рассмотренными на заседании.

Первым выступил председатель конкурсной комиссии Хрщонович. Он читал доклад по бумажке. Смысл доклада сводился к тому, что заседание конкурсной комиссии было правомочно, надо выбирать между Овчинниковым и Королевым.

Депутат Кузнецова указала на ошибки комиссии при принятии решений. Я сообщил коллегам, что как секретарь комиссии, не считаю действия комиссии законными, комиссия грубо нарушила права нескольких кандидатов:

– Если мы сейчас выберем главу администрации, то кандидаты, чьи права были нарушены, пойдут в суд и через суд будут отменять результаты выборов. Есть вероятность, что мы останемся без главы местной администрации. С Колбом! Конкурс надо проводить заново.

Депутат Гудков рассказал, что пробыл на заседании комиссии от начала до конца и наблюдал за происходящим.

– Комиссия выглядела абсолютно жалко, абсолютно не квалифицированно и абсолютно не представляла, что нужно делать, – сказал депутат Гудков. – За дверью стоят претенденты, а в это время комиссия разбирает их документы, слюнявят бумажки, быстро и судорожно. Претензии к кандидатам были смешные. Меня тоже не пускали в депутаты все инстанции, абсолютно все – в итоге меня Памфилова зарегистрировала (*имеется ввиду Центральная избирательная комиссия России – прим. Н.Ю.*). Поэтому я представляю, что это такое. Единственная последовательная линия была у депутата Юферева, который говорил, что чушью не нужно заниматься, не нужно валить людей, которых мы не знаем, не изучили, давайте их слушать. Но комиссия все это благополучно забаллотировала, задавила. Вопросы, которые комиссия задавала, – смеху подобны. Я не понимаю, кого комиссия оценивала: хозяйственного руководителя или знатока истории. Не было задано ни одного вопроса, знает ли он, как смета составляется, как составляется дефектная ведомость, а как в этой смете найти липу. Этого не было. А ему именно этим надо будет заниматься. Работа комиссии была бездарной, никчемной, она привела к печальному результату, когда мы, кроме двух человек, никого не увидим.

Депутат Мишкинис поддержала выступление Гудкова:

– Мы с депутатом Шпринг, так же как депутат Гудков, присутствовали на комиссии. Многие принятые решения нас повер-

гали в шок. Было предложено рассматривать документы без участия кандидатов. Они стояли за дверью, а комиссия сама додумывала, как их документы трактовать, вместо того, чтобы задать кандидатам вопрос. Это не дело. Так не должно быть.

Депутат Кузнецова предложила не выбирать главу по итогам конкурса:

– Вокзал от нас не уезжает и мешки хватать не надо, – сказала она. – Мы можем никого не выбрать, поправить Положение о конкурсе, учесть все замечания, которые у нас возникли, чтобы у комиссии было меньше возможностей волонтаристски решать.

Депутат Шпринг тоже решила выступить:

– Благодаря тому, что всех кандидатов зарубили, – сказала депутат Шпринг, – нас лишили возможности выбора. Мы можем проголосовать за двух замечательных кандидатов. Но может быть, те, которых не допустили, были еще лучше. Нужно провести повторный конкурс. Допущены должны быть все! Придирки к документам не должны быть причиной отказа.

Настроение совета было понятно. Несмотря на разногласия по многим другим вопросам, депутаты «Яблока» и Ц сошлись во мнении, что нужно проводить повторный конкурс.

Но депутат Бархатова отработывала номер до конца:

– У нас же сроки! – сказала она, – Мы депутаты уже шесть месяцев, а что мы сделали за эти шесть месяцев? Главу не выбрали, главу местной администрации тоже сейчас провалите, бюджет не принят. Где реальная работа?...

– Если у Вас нет реальной работы, – прервала депутат Мишкинис, – это не значит, что ее нет у других.

– У нас нет задачи принять любой бюджет, – сказал депутат Балтруков, – Наша задача: принять хороший бюджет. Тот факт, что мы не приняли бюджет – это плохая оценка работы администрации, которая не смогла подготовить хороший бюджет. Это заслуга совета, что мы остановили расходование средств по плохим муниципальным программам. И работаем над тем, чтобы принять нормальный бюджет. Не идеальный, но хотя бы

хороший. То же по главе администрации: надо принимать решения, которые будут хорошими для жителей. А не потому, что нас поджимают сроки и мы прямо сегодня якобы должны выбрать любого главу администрации. Это безответственно для совета торопиться там, где не надо торопиться.

Я внимательно наблюдал за реакцией депутатов: они кивали словам Балтрукова. Настрой совета был понятен. Я сидел рядом с депутатом Бархатовой и видел, как она стала пунцовой, со злости откинула от себя бумаги и, глядя на Ранкова, проворчала: «Я умываю руки!». Ей тоже стало понятно, как проголосуют депутаты. Прения закончились. Можно было переходить к голосованию.

Но Королев попросил слова. Мы очень демократичный совет, почему бы не выслушать кандидата. Королев подготовил целую презентацию. Наконец-то пригодился гигантский дорогой телевизор, висящий на стене, на который Ранков потратил кучу бюджетных денег.

Королев сказал много красивых слов: как он хорошо будет заботиться об округе, сделает бюджет прозрачным, во всем будет советоваться с депутатами и даже пообещал отчитываться перед нами каждый месяц. К сожалению, мы ему не верили. Представители губернатора слишком грубо его проталкивали.

— Вы посмотрите, кто и какими методами его тащит, — сказал я совету.

Также на мнение депутатов повлияла ситуация, с которой столкнулась моя семья. Депутат Захаров сказал, что Королев как кандидат ему очень нравится, но он не будет за него голосовать, потому что «на некоторых депутатов сейчас оказывают очень некрасивое давление» и под давлением такого решения принимать нельзя.

Высказаться решил депутат Важенин. Это одно из немногих его выступлений, обычно на совете он молчал. Важенин сказал, что знает Королева двадцать лет, они работали тесно с 2000-го года.

– Подчеркну его порядочность и компетентность, – похвалил Королева депутат Важенин. – Второе: мне не понятны высказывания депутата Юферева на тему того «посмотрите, кто его тащил».

– А вы посмотрите, кто его тащил, – сказал я.

– Его тащили люди, которые достигли чего-то! Авторитетные люди! – сказал депутат Важенин, – А молодежь, которая только пришла в политику и начинает: а за вас кто-то там, тогда мы против вас... Это позиция неконструктивная. Если за него голосует кто-то из серьезных людей, то вы голосуете против, я так понял вашу позицию. В финал вышли два человека. Мы должны сделать выбор, – закончил выступление депутат Важенин.

Слово дали второму кандидату – Овчинникову.

– Я не готовил никакой речи, – сказал Овчинников, – И я не умею говорить. Тем более публично. Но я умею работать. Я работал тут восемь лет юристом. Еще с позапрошлого созыва. Я знаю все нормы и правила, как вести работу. Собственно все.

– Есть вопросы? – спросил депутатов Ранков.

Овчинников не хотел отвечать на вопросы:

– Я так понимаю, что конкурс может закончиться не в мою пользу. А мне здесь еще работать!

Такая целеустремленность кандидата вызвала смех в зале. Все понимали, что Овчинников – технический кандидат. Понимал это и сам Овчинников.

– Зачем же вы участвуете в конкурсе? – раздался вопрос. – Снимите свою кандидатуру и тогда конкурс сам собой рассосется.

– Мне пришлось пройти много этапов, готовиться, участвовать в отборе, – ответил Овчинников. – Как я от этого откажусь теперь?

– Если нет больше вопросов... – сказал Ранков и обратился к председателю конкурсной комиссии Хрщоновичу, – тогда, Константин Вадимович, ставьте кандидатуры на голосование.

– Сами ставьте на голосование, – ответил Хрщонович.

Возникла неловкая пауза. Ранков задумался. Хрщонович задумываться не стал.

— Хорошо! — сказал Ранков. — Я поставлю на голосование. Кто за то, чтобы назначить главой местной администрации кандидата Королева Владимира Михайловича? Прошу голосовать! Кто за?

«За» проголосовали только четыре депутата: Антонович, Воронина, Важенин и Бархатова. Против проголосовали четырнадцать депутатов: фракция «Яблоко» в полном составе, Гудков, депутаты Ц и даже депутат Шавлов от «Единой России», вспомнив незаслуженную обиду, когда его в числе первых губернаторские выкинули из конкурса. Воздержались двое депутатов ШН: Захаров и Серая.

Ранков поставил на голосование кандидатуру Овчинникова. За технического кандидата не проголосовал никто.

Два кандидата набрали в сумме четыре голоса. Никто не был избран главой администрации. В таком случае депутаты обязаны были провести второй тур.

Мы проголосовали еще раз. Результаты голосования не изменились. Фактически депутаты проголосовали против нечестно проведенного конкурса. Поскольку решение не было принято, конкурс был завершен.

Депутат Кузнецова предложила внести изменения в положение о конкурсе: дать поручение Контрольно-счетной комиссии провести работу над документом и учесть все выявленные на практике недостатки. Восемнадцать депутатов проголосовали за разработку нового положения о конкурсе.

Наши оппоненты слишком явно и грубо продавливали Королева, чем оттолкнули от его кандидатуры большинство депутатов. Давление на мою семью из-за злосчастного конкурса многие оценили как действия за гранью. Это тоже не пошло на пользу Королеву. Мне кажется, в итоге они сами поняли, что передавили.

После финального голосования не было ни одной публикации про моих детей, полиция перестала звонить. Мы с женой

немного нервничали, зная как методично может работать государственная машина и органы опеки. Мы не знали, что происходит с нашим делом.

Через неделю я вместе с адвокатом пошел в полицию. В первую очередь, чтобы разузнать, в каком состоянии находилось следствие, насколько серьезная опасность угрожала нашей семье.

Нас провели к сотруднику полиции, который до проведения конкурса настойчиво звонил мне и требовал явиться. Я представился. Адвокат тоже начала представляться, но полицейский не дал ей закончить, замахал руками и сказал фразу, которую оппозиционеру в России приятно услышать.

– Никита Андреевич, вы нам нахрен не нужны! – сказал он.

КОРОЛЕВ

Большинство депутатов отказалось выбирать главу администрации из двух кандидатов и решило откорректировать положение о конкурсе, чтобы провести новый конкурс, честнее и законнее, чем предыдущий.

Королев был не доволен и охарактеризовал поведение депутатов как «правовой нигилизм». Он публично начал стыдить депутатов, которые ранее пообещали ему поддержку, но в итоге проголосовали против. «Переобулись!» – сказал Королев.

На следующий день Королев официально обратился к Ранкову, как председателю муниципального совета, и потребовал признать выборы состоявшимися, а себя – победителем. Королев сообщил, что считает себя избранным главой администрации: «Я, Королев В. М., получил большее число голосов по отношению к числу голосов за Овчинникова В. В. [...] Соответственно я, Королев В. М., избран на должность главы местной администрации».

В качестве обоснования он сослался на Федеральный закон о выборах, согласно которому победитель на выборах определялся простым большинством голосов. Если Ранков не назначит его на должность, то Королев угрожал подать в суд.

Письмо служило еще одним подтверждением, что депутаты поступили правильно. Письмо было юридически безграмотным, а безграмотный глава администрации в Смольнинском не нужен. Королев ссылался на Федеральный закон о выборах, который распространялся на всеобщие выборы, в которых участвуют избиратели. Выборы главы администрации не подпадали под действие этого закона. Они регулировались другим законом: о местном самоуправлении. Процедура формально называлась не «выборы», а «назначение на должность».

Депутаты совета направили Ранкову официальную позицию, где предостерегали от сомнительных, с юридической точки зрения, шагов и требовали отказать Королеву. Ранков забился под корягу и никаких действий не предпринимал.

Через неделю Контрольно-счетная комиссия подготовила проект нового положения о конкурсе. Мы устранили все подводные камни, о которые споткнулись в предыдущем конкурсе.

По закону мы не могли отменить главную проблему: участие трех представителей губернатора. Но, например, мы прописали, что работа конкурсной комиссии проходит только в форме собеседования и что проверка документов происходит в присутствии кандидата. Отдельно пришлось прописать право кандидата давать пояснения и отвечать на вопросы.

По предложению Контрольно-счетной комиссии совет решил дополнительно провести антикоррупционную экспертизу нового положения о конкурсе. Это означало, что его принятие откладывалось, но лучше было не спешить с таким важным документом, а соблюсти все процедуры. Чтобы наши оппоненты не смогли потом отменить новое положение в суде по процедурным причинам.

Учитывая угрозу судебного разбирательства с Королевым, совет решил четко обозначить свою позицию. Депутаты дружно проголосовали за необходимость провести новый конкурс. У давления со стороны «Единой России» и губернатора нашелся неожиданный плюс: под давлением депутаты «Яблока» и депутаты Ц голосовали согласованно. Не по всем вопросам, но по выборам главы администрации мы нашли общий язык.

Произошедшее подтолкнуло депутатов «Яблока» и депутатов Ц к сближению. По крайней мере, мы перестали ощущать себя антагонистами. Я пошутил, что губернаторским надо продолжать в том же духе, глядишь через пару месяцев они смогут сколотить из нас крепкую коалицию.

Вскоре Королев подал в суд на совет.

Королев прочитал в старом положении о конкурсе следующую фразу: «В случае если ни один из кандидатов не набрал

более половины голосов от числа избранных депутатов, проводится следующий тур голосования». После первого голосования депутаты провели следующий тур, который не изменил результат голосования, но Королев призвал суд обязать депутатов провести еще один тур.

Он хотел, чтобы мы голосовали до бесконечности: пока из трубы не повалит белый дым, как при выборах Папы Римского. Видимо, Королев решил взять депутатов измором. Но превратить четыре голоса в одиннадцать было непросто.

Трофимова в районной администрации проводила совещание за совещанием. Наши оппоненты подключили районную прокуратуру и зампрокурора Бортникову, но это не помогло. Усилий и ресурсов, чтобы поставить Королева на должность, было потрачено много. Поскольку в российских судах есть «телефонное право», к решению проблемы привлекли Смольнинский районный суд.

До этого Смольнинский суд не принимал участия в борьбе против депутатов (хотя в дальнейшем стал важным инструментом). В случае с иском Королева суд принял решение, прямо противоречащее закону. Судья обязала муниципальный совет принять решение о назначении на должность главы администрации в течение 30 дней.

Как такое решение должно выглядеть, суд не уточнил. Он не мог этого сделать в принципе. Заставить депутатов проголосовать за что-то конкретное суд не уполномочен.

Для принятия решения нужно одиннадцать голосов. Как заставить конкретного депутата поднять руку, если в федеральном законе написано, что никто не может заставить депутата голосовать, даже суд?

Судья установила запрет на проведение нового конкурса. Само собой, решение мы обжаловали в городском суде, но на какое-то время администрация муниципалитета осталась в руках Колба и Королева, которые продолжали лихорадочно тратить муниципальные деньги по своему усмотрению.

Фактически это была победа губернаторских и «Единой России». Пока депутаты не проведут новый конкурс, они не смогут избрать главу администрации и поставить расходование бюджета под контроль совета. Наши оппоненты, Колб и Королев УЖЕ контролировали администрацию и казначейский счет, поэтому им было выгодно как можно дольше оттягивать судебное разбирательство, чтобы новый конкурс не начался.

В ходе судебного разбирательства обнаружилась одна интересная деталь. В Уставе муниципалитета должность заместителя главы администрации предусматривалась в единственном числе. Заместитель должен быть один.

Колб исполнял обязанности главы, поскольку его начальница пошла по статье за коррупцию. Но формально он числился не руководителем, а заместителем. Королев тоже числился заместителем. Один из них был лишний.

Муниципальный совет (голосами депутатов «Яблока» и Ц) привел штатное расписание в соответствие Уставу. Если в Уставе написано, что должность заместителя предполагается одна, то и в штатном расписании она должна быть одна.

Естественно, Колб и Королев были не довольны таким решением. Депутаты потыкали палкой под мягкое кресло. Руководители администрации Смольнинского впервые открыто саботировали решение, принятое депутатами. Колб и Королев официально отказались приводить штатное расписание в соответствие Уставу.

Колб потребовал, чтобы депутаты изменили Устав и прописали в нем несколько должностей заместителей, а не одну, потому что... им очень удобно работать вдвоем и положения Устава им мешают.

Совет отказался.

В ситуацию вмешалась заместитель прокурора района Бортникова. Она написала длинное письмо, в котором умудрилась договориться до того, что «Уставом должность предусмотрена

в единственном числе, но количество должностей Уставом не ограничено». Юридическое словоблудие. Прокуратура района открыто покрывала беззаконие.

Мы долго шутили, что Конституция России предусматривает должность президента. Но количество президентов в Конституции не прописано, поэтому сколько их у нас — никто не знает. Возможно, количество президентов прописано в штатном расписании Кремля.

Мнение прокуратуры — это лишь мнение. Решение совета о приведении штатного расписания в соответствие Уставу принял муниципальный совет, большинством голосов, кворум имелся, глава муниципалитета Ранков решение подписал, оно вступило в силу.

Только суд мог остановить или отменить решение совета. Никто в судебном порядке решение не оспорил. Оно действовало, руководство исполнительной власти просто отказалось его исполнять. Теоретически, прокурор мог заставить Колба, но этим прокурором была Бортникова.

Я решил оспорить позицию прокуратуры. Если вы не согласны с решением заместителя районного прокурора, можно написать жалобу ее начальнику. Если он не удовлетворит вас своим ответом, то можно писать в городскую прокуратуру с жалобой на районную.

Спустя несколько месяцев, потратив тонны исписанной бумаги, мне удалось продраться через цепочку прокурорских начальников и получить ответ от прокурора Санкт-Петербурга. Он признал правоту депутатов: один из заместителей работал в Смольнинском незаконно. Выводы Бортниковой прокурор признал «неверными».

Но делать он ничего не стал.

Решение совета по-прежнему не исполнялось.

Спустя три месяца, у меня на руках была позиция Генеральной прокуратуры России, что бездействие Бортниковой и других петербургских прокуроров не оправданно, им было предписано

срочно принять меры, чтобы обязать администрацию Смольнинского исполнить решение совета.

Потребовался год упорной переписки.

Бортникову заставили предпринять меры прокурорского реагирования. Она написала несколько протестов и предписаний в администрацию Смольнинского.

Чтобы остановить активность прокуратуры, Колб подал в суд на муниципальный совет. После этого Бортникова сообщила мне, что ничем не может помочь депутатам до окончания судебного разбирательства. К тому времени Смольнинский районный суд уже стал филиалом «Единой России» по нейтрализации депутатов Смольнинского, поэтому Колб выиграл суд.

Параллельно шла судебная тяжба по результатам конкурса. Королев пытался заставить совет выбрать главу из двух кандидатур.

По Уставу глава муниципалитета представлял интересы совета в судах. Ранков выбрал юристов, которые представляли интересы совета в суде против Королева, поэтому перспективы судебного разбирательства были для депутатов самые неутешительные. Смольнинской районный суд обязал депутатов выбрать между Королевым и Овчинниковым.

Депутат Балтруков предложил найти юристов, которые бы защищали интересы совета, и обещал оплатить расходы. Решение было принято голосами депутатов «Яблока» и депутатов Ц (снова две фракции проголосовали совместно!). Балтруков привлек двух замечательных юристов Евгения и Юну, которые отстаивали интересы депутатов, не оглядываясь на мнение Ранкова.

Впоследствии они представляли наши интересы в более сорока процессах между депутатами и Ранковым, депутатами и Колбом, депутатами и прокуратурой, депутатами и Королевым. Юна и Евгений стали лучшими специалистами по муниципальному праву, потому что такой объем судебной практики для юриста могли обеспечить только муниципальные войны в Смольнинском.

Юна и Евгений оспорили решение Смольнинского суда по иску Королева в городском суде.

Жалоба в вышестоящий суд подавалась через Смольнинский суд, аппарат которого, удивительное дело, всячески препятствовал этой простой процедуре. Происходили мало понятные происшествия, терялись доверенности, дело возвращалось, но, наконец, все документы добрались до городского суда и состоялось заседание.

Королев подготовился (ему помогали сразу три юриста), но свою позицию обосновать не смог. В ходе процесса Королев заявил суду, что надо заставить депутатов голосовать столько раз, сколько потребуется, чтобы депутаты сдались и сказал ему «Любо!»¹.

Королев не смог объяснить суду, почему совет должен выбирать только из двух кандидатов, а не может, например, провести новый конкурс. Королев предположил, что с прошлого голосования настрой совета изменился. В этом он, возможно, был прав. Он сильно испортил отношения с советом, так что в новом голосовании имел бы все шансы не набрать даже четыре голоса.

Наши юристы выступили с четкой позицией: голосование по кандидатам состоялось, никто не набрал необходимого числа голосов, поэтому нужен новый конкурс. Это простая и понятная даже на обывательском уровне позиция коррелировала с законодательством. Городской суд отменил решение Смольнинского суда. Королеву было отказано. Дорога к новому конкурсу была расчищена.

¹ «Любо» — это одобрение, получаемое в старину во время схода казацких войск, где некоторые решения принимались с элементами демократических процедур

КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНАЯ КОМИССИЯ

Команда «Яблока» шла на выборы с важной задачей: победить коррупцию в муниципалитете. Нужно было добиться, чтобы все бюджетные деньги тратились на нужды жителей округа, а не на новую дачу или машину муниципального коррупционера.

Рассчитывать на Контрольно-счетную палату Санкт-Петербурга было бесполезно. Они проводили проверки разных муниципалитетов, но потрошили только тех, кто был негоден спикеру Макарову. Городские журналисты иногда проверяли какую-нибудь закупку в Смольнинском, но делали это редко. Бюджетные деньги тратились практически бесконтрольно.

Решение проблемы должно быть системным. Нужно было создать институт, который мог на постоянной основе отслеживать расходование муниципальных денег. Причем не только в период наших депутатских полномочий. Мы хотели заложить институциональную основу, чтобы антикоррупционная работа велась и при следующих депутатах.

Фракция «Яблоко» предложила совету создать Контрольно-счетную комиссию с широкими полномочиями, в которую войдут депутаты, готовые изучать конкурсную документацию и отслеживать коррупционные риски.

Совет согласился. Большинство голосов Контрольно-счетная комиссия была создана. В нее вошли депутаты Балтруков, Кузнецова, Захаров, Бархатова, Гудков и я. Муниципальный совет избрал меня председателем комиссии.

Поскольку совет поддерживал Контрольно-счетную комиссию как институцию, члены комиссии решили сделать ее ключевым рабочим органом совета и попросить у депутатов не только право контролировать закупки, но и другие полномочия. Мы хо-

тели забрать у Ранкова и аппарата столько полномочий, сколько совет позволит унести.

Член КСК Гудков, как опытный функционер, понимал, что благодаря КСК сможет повысить свое личное влияние в совете. Несмотря на то, что депутат Гудков любил на публике критиковать фракцию «Яблоко» и меня лично, он много сделал, чтобы убедить совет в том, чтобы усилить КСК. Совместная работа в комиссии помогла мне и депутату Гудкову наладить хорошие личные отношения.

В итоге совет поручил Контрольно-счетной комиссии:

- контролировать муниципальные закупки,
- согласовывать заключение контрактов с единственным поставщиком,
- проверять проекты нормативно-правовых актов на соответствие действующему законодательству (депутаты договорились не голосовать за проекты нормативно-правовых актов, если по ним отсутствует заключение Контрольно-счетной комиссии),
- контролировать исполнение решений совета,
- проверять проект бюджета муниципалитета (депутаты договорились не рассматривать бюджет, если не будет заключения двух комиссий: Планово-бюджетной и Контрольно-счетной).

Росту влияния Контрольно-счетной комиссии сопротивлялась депутат Бархатова. Она вошла в комиссию, чтобы отслеживать, какие документы и решения мы готовим.

Работа КСК началась с конфликта. Депутаты, которым мы пришли на смену, откровенно разбаловали муниципальных чиновников. Предыдущий совет никого не пытался контролировать и, если муниципальным чиновникам требовалось что-то утвердить на уровне совета, то эта процедура была лишь формальностью.

С новыми депутатами такие номера у Колба не проходили. Если в Уставе было прописано, что Администрация муниципалитета подконтрольна и подотчетна совету, то мы требовали отчета и намеревались наладить контроль.

Колб в принципе не мог понять, как такое может быть, что какие-то депутаты хотят его контролировать. Кто мы вообще такие, чтобы требовать отчета?! Он привык тратить муниципальные деньги самостоятельно.

Мы запрашивали у Колба документы, а он отвечал: «Вы не имеете права знать эту информацию!». Мы посылали ему подробное обоснование со ссылками на законы и Устав, почему он обязан предоставить документы. В ответ Колб сообщал, что по его авторитетному мнению, депутаты нарушают «закон». Какой конкретно закон и как нарушают, папаша Колб не сообщал.

Один раз Колб устроил довольно хитроумную провокацию.

Колб любил тратить деньги без конкуренции. Якобы у него не получалось найти поставщика при помощи конкурса, поскольку на торги приходил только один поставщик. С ним единственным Колб заключал контракт. В большинстве случаев эта ситуация с отсутствием конкурентов была искусственно создана, а имя единственного поставщика было известно задолго до объявления конкурса.

Совет обязал администрацию согласовывать с КСК любые контракты, заключаемые с единственным поставщиком, и предоставлять документы на проверку.

Колб отказывался предоставлять документы. Кроме одного раза, когда он прислал на согласование контракт на новогодние подарки.

По давней традиции Смольнинское дарило подарки маленьким жителям муниципалитета. Конечно не всем, а только тем, чьи родители отстояли длинную очередь на раздачу. Несмотря на организационные неудобства, такая акция была популярна у жителей.

На Новый год надо было закупить 1000 подарков. Колб написал такое техническое задание, что ни один поставщик, не имеющий связи с администрацией, даже бы не подумал заявляться на конкурс. В итоге появился единственный поставщик, с которым Колб планировал заключить контракт.

По условиям контракта, цена одного подарка составляла 1300 рублей. Это был стандартный новогодний набор из 1 кг конфет. Член КСК депутат Балтруков нашел в магазине точно такой же набор за 600 рублей. Производитель, внешний вид, наполнение подарка и артикул совпадали.

Получалось, что Колб хотел закупить подарки оптом в два раза дороже, чем в розницу! Колб прислал контракт в КСК на согласование, заранее зная, что мы не захотим его согласовывать.

Комиссия оказалась перед неприятным выбором. С одной стороны, если мы согласуем такой контракт, то фактически разрешим растрату бюджетных денег на заведомо коррупционную сделку.

С другой, если КСК не согласует контракт, дети лишатся новогодних подарков. «Актив», прикормленный администрацией, уже был готов поднять вой по этому поводу. Никто из депутатов, входящих в комиссию, не планировал быть Гринчем, который украл Рождество.

Лишить детей новогодних подарков или согласовать коррупцию? Надо отдать должное, Колб придумал отличную провокацию.

Я предложил согласовать заключение контракта. Члены комиссии во время голосования воздержались, решение о согласовании не принято. Я поставил на голосование вопрос: отказать в согласовании. Депутаты воздержались и это решение тоже не было принято, о чем я письменно сообщил Колбу.

Мне кажется, отказ принимать решение — это фирменный стиль депутатов Смольнинского. Подарки Колб закупил втридорога без нашего разрешения, дети были рады.

Совет также наделил КСК полномочиями по контролю за исполнением решений. С момента избрания совет напринимал много решений и мы проанализировали, насколько хорошо они исполнялись.

Оказалось, что из 82 решений не исполнены 14.

Безобразие. Мы, депутаты, ломали копья, устраивали друг другу скандалы, интриговали, искали компромиссы, чтобы по каждому решению набрать большинство голосов, необходимое для принятия, а потом выстраданные решения просто не исполнялись.

Контролировать исполнение должен был глава муниципалитета Ранков и аппарат. Для этого выделялись бюджетные деньги на содержание сотрудников.

Совет был возмущен тем, что Колб и Ранков не исполняли свои трудовые обязанности. Мы подробно обсудили каждое не исполненное решение.

Совет поручил КСК контролировать исполнение решений на постоянной основе. Нам отдали одно из важнейших полномочий главы муниципалитета, с которым Ранков не справился. Что ж, члены КСК (кроме Бархатовой) с радостью бы забрали себе все полномочия Ранкова!

Самой главной задачей КСК было контролировать, как тратятся деньги. В начале мы решили посмотреть контракты, которые заключались при предыдущих депутатах: за несколько месяцев до нашего избрания.

Результаты не удивили. Огромные деньги тратились с нарушением закона. Комиссия направила несколько жалоб в Федеральную антимонопольную службу — специальный орган, обязанный следить за соблюдением законодательства о конкуренции и закупках. ФАС подтвердила выводы комиссии, что администрация Смольнинского нарушила на сумму 77 млн. рублей (это весь бюджет благоустройства в 2019 году и треть всего бюджета), бюджетные деньги потрачены Колбом с нарушением закона.

Стало понятно, почему Колб отказывался предоставить закрывающие документы по закупкам, несмотря на неоднократные запросы. Можно представить, какие интересные подробности мы могли обнаружить, получив доступ ко всей документации. Колбу было, что скрывать.

КСК проанализировала закупки, исполнителем по которым была организация АНО «Наш Суворов». В 2019 году эта контора оказала муниципалитету услуги по проведению праздников на сумму 5 млн. рублей. Организатором мероприятий была Полина-Тереза Давыдова.

Технические задания на закупки были составлены так, что победить на конкурсе могло только АНО «Наш Суворов». Не буду утомлять вас подробностями, но в документах на закупки было все, что могло ограничить конкуренцию и помочь выиграть контракт нужной организации. Там были прописаны нереальные сроки, если заранее не знать, кто выиграет этот подряд. Также была необходимость при организации мероприятий использовать чудо-оборудование. Например, в одном из контрактов было требование использовать электрический генератор, работающий не на бензине или дизеле, а на чае. Акты выполненных работ Колб от нас скрывал, но деньги за услуги перечислил. Получается, Полина-Тереза смогла заставить генератор превращать чай в электричество.

Помимо муниципальных контрактов АНО «Наш Суворов» занимался другим бизнесом. Например, участвовал в организации ежегодного фестиваля «Суворов фест». Полина-Тереза была директором этого фестиваля. Помимо Полины-Терезы в организационный комитет фестиваля входили Ранков и депутат Важенин.

Контрольно-счетная комиссия обнаружила, что в ноябре 2019 года, муниципалитет закупил у единственного поставщика АНО «Наш Суворов», без конкурса, 1000 билетов на итоговый концерт фестиваля «Суворов фест». На эти цели потратили 700 000 рублей. Ситуация некрасивая: глава и депутат Смольнинского были членами организационного комитета фестиваля, билеты на который муниципалитет скупал в больших объемах.

В открытых источниках была обнаружена еще одна интересная закупка. Каждый год муниципалитет дарил подарки для пожилых жителей к Дню Победы. Обычно, это был набор полотенец, плед или упаковка хорошего чая.

Как новогодние подарки для детишек, подарки к Дню Победы были муниципальной «скрепой». Это святое! Депутат не мог усомниться в необходимости таких подарков.

Есть известная цитата, которую приписывают писателю Салтыкову-Щедрину: «Если заговорили о патриотизме, значит, что-то украли или собираются украсть».

На День Победы Колб решил купить подарочные наборы на сумму 1,5 млн. рублей. В набор вошли чай и кофе, характеристики были подробно описаны в техническом задании. Колб решил закупить их по цене 1200 рублей за штуку. Точно такие же наборы были найдены в магазине за 900 рублей. Разница 300 рублей. Кто-то очень хотел заработать на ветеранах, прикрываясь патриотизмом и Великой Победой.

Заявки на конкурс прислали шесть поставщиков.

Один поставщик указал в заявке, что массовая доля влаги в поставляемом кофе составляла 6%. Заявка поставщика была признана не соответствующей, администрация ему отказала, потому что в техническом задании было прописано «не более 6%». Но ведь 6% входит в требуемый диапазон, скажете вы. Все верно! Входит! Но администрация требовала, чтобы поставщик указал в заявке диапазон, а не точное значение.

В техническом задании чиновники администрации прописали требование ко времени растворения кофе в зависимости от температуры воды. Один поставщик указал, что продолжительность растворения его кофе в горячей воде при температуре 96–98 градусов Цельсия составляла ровно 0,5 минуты. Это значение укладывалось в диапазон, который требовала администрация: $\leq 0,5$ минуты. Но администрация решила, что такой кофе не подходит, потому что поставщик указал точное значение, а не диапазон.

По таким причинам отказ получили пять из шести участников конкурса. Я уж молчу, нужно ли муниципалитету нормировать время растворения кофе и массовую долю влаги.

К сожалению, у КСК не было полномочий, чтобы заставить администрацию разорвать контракты, которые уже были за-

ключены. Мы могли лишь выявить коррупционные риски и сообщить об этом в Федеральную антимонопольную службу и прокуратуру.

Иногда КСК удавалось заставить администрацию отказаться от заключения контракта.

В открытых источниках мы обнаружили, что администрация планирует заключить контракт на благоустройство округа на сумму 36 млн. рублей. Папаша Колб хотел спустить половину годового бюджета благоустройства на один контракт. Техническое задание было составлено таким образом, чтобы никто посторонний не захотел участвовать.

Члены КСК написали жалобы во все возможные инстанции. К нам присоединились также депутаты, не состоящие в комиссии. Администрация решила не рисковать и отменила конкурс. Мы записали этот случай к себе в достижения.

Благоустройство – широкое поле для коррупции. На взятке при благоустройстве погорела предыдущая глава администрации.

Или чужой опыт ничему не учит, или Колб считал, что его, полковника ФСБ, никто не тронет. При благоустройстве администрация заключала очень подозрительные контракты.

Например, Колб и Королев, которого Колб назначил курировать благоустройство, решили провести работу по ремонту и устройству газонов на территории муниципалитета.

Контракт на сумму 8,9 млн. рублей. Согласно техническому заданию, работы должны быть проведены на 13900 кв. метрах муниципальных газонов. При этом исполнитель зачем-то должен вынуть весь старый грунт (а это 1668 кубических метров грунта), погрузить его на грузовики (167 КамАЗов), вывести на специальный полигон для утилизации. Взамен привезти 167 грузовиков нового грунта, распределить по территории и засеять травой. На этом ремонт газона заканчивался.

Никто так и не увидел 167 грузовиков, полных земли. Жители домов, возле которых проходило «обновление» газонов,

сообщили депутатам, что старую землю подрядчик просто перекопал мотоблоком, грунт никуда не вывозил. Но 8,9 млн. бюджетных рублей было освоено.

В какой-то момент Колб решил избавиться от КСК. Он подал в суд требование отменить решение совета о Контрольно-счетной комиссии и ее полномочиях.

Рассматривал иск не Смольнинской районный суд, где сложно было рассчитывать на объективность, а городской суд Санкт-Петербурга. Благодаря стараниям депутата Балтрукова и его юристов в первой инстанции решение совета о создании КСК устояло. Мы планировали продолжить контролировать расходы бюджета, мониторить исполнение решений и выносить мозг папаше Колбу проверками и требованиями о раскрытии информации.

КСК была создана не на ровном месте. В качестве образца мы взяли положение о контрольно-счетной комиссии, многие годы действовавшие у наших соседей – в муниципалитете Финляндский округ, расположенном на другой стороне Невы.

Этот муниципалитет был под властью «Единой России». Контрольно-счетная комиссия Финляндского округа работала не так активно, как наша, но во всяком случае, существовала. Прокуратура проводила проверку законности и по результатам позволила комиссии Финляндского округа продолжить деятельность.

Мы скопировали их Положение, добавили туда ссылки на Федеральный закон и поменяли название «Финляндский округ» на «округ Смольнинское». Правда, кроме членов фракции «Яблоко», о плагиате никто не знал.

Любое решение, которое вносила наша фракция, заранее готовилось с учетом того, что придется защищать его в судах. Поскольку положение из Финляндского округа уже несколько лет действовало, прошло все проверки и устояло в результате разбирательств с прокуратурой, мы думали, что нашей комиссии ничего не грозит. Разве суд может признать один и тот же текст

незаконным в Смольнинском и одновременно законным на другом берегу Невы – в Финляндском округе?

КОРОНАВИРУС

В Смольнинском шла борьба всех против всех и не понятно было, кто на чьей стороне: слишком много акторов и сюжетных линий. Стороннему наблюдателю сложно было разобраться в этой политической мешанине. Весной 2020 года появился еще один действующий персонаж: коронавирус.

В начале пандемии смертность была очень высокая, доктора не знали, чем и как лечить новую болезнь. В Санкт-Петербурге был объявлен карантин, улицы опустели, люди сидели по домам. В это время борьба за должность главы администрации Смольнинского находилась в самой острой фазе.

Перед первым коронавирусным заседанием никто не понимал, что делать. С одной стороны, надо самоизолироваться и соблюдать карантин, чтобы не подвергать опасности себя и других. С другой: местное самоуправление должно продолжать работу. Коронавирусные ограничения, введенные в городе, не касались работы государственных и муниципальных органов власти. Правительство Санкт-Петербурга лишь рекомендовало держаться на расстоянии не менее полутора метров от соседнего депутата.

В тот вечер я подошел к зданию муниципалитета. Дверь была заперта. Подошли еще несколько депутатов. Мы позвонили в звонок. Дверь приоткрылась, но встречать депутатов на крыльцо вышел не вахтер, а глава муниципалитета Ранков. С бутылкой водки в руках.

Мы поздоровались. Учитывая ситуацию с коронавирусом, обошлись без крепких рукопожатий и дружеского похлопывания по плечу. Впервые я увидел Ранкова таким довольным, он улыбался и шутил. Бутылка водки была открыта.

— Для дезинфекции! — сказал Ранков, — Подставляйте руки!

Он поливал из бутылки, а мы мыли руки водкой. Прямо на крыльце муниципалитета. Когда депутатские руки стали кристально чистыми, в бутылке оставалась еще половина.

– А теперь – внутрь! – сказал Ранков.

Мы зашли в здание. В зале заседаний расположились на расстоянии друг от друга и начали ждать, будет ли кворум. Присутствовали только семь депутатов (пять от «Яблока» и два Ц). Для кворума нужно было десять. К тому времени больных в депутатском корпусе еще не было и у нас теплилась надежда, что кто-то из депутатов просто опаздывал.

В тот день я еще раз пожалел, что мы оставили Ранкова исполнять обязанности главы муниципалитета: Ранков мог быть очень полезен в другом месте. Например, он стал бы отличным тамадой на свадьбах и поминках. В ожидании кворума Ранков взвалил на себя обязанность развлекать депутатов и сделал небольшой доклад о состоянии дел с коронавирусом в Израиле. По мнению главы Смольнинского, в сильном распространении болезни на территории Израиля были виноваты ортодоксальные евреи, потому что не подчинялись светским законам. А также левые активисты, потому что действовали назло власти.

Через 15–20 минут стало ясно, что кворума не будет, полномочного заседания не состоится. Ранков не расстроился и предложил заказать пиццу и сбегать за коньяком. Ранков был в очень хорошем расположении духа. Депутаты с сомнением отнеслись к мерам профилактики коронавируса при помощи алкогольных напитков. Все отправились по домам – на самоизоляцию.

Вместе с тем, важно было заменить Колба на ответственного и профессионального главу администрации. Папаша Колб не устраивал ни депутатов «Яблока», ни большинство депутатов Ц. Наши фракции совместно запланировали на ближайшем заседании объявить новый конкурс.

Судя по всему, Колбу нравилось занимать руководящее кресло. 23 марта 2020 года он подписал распоряжение №34, «приостанавливающее проведение заседаний муниципального

совета». Свое решение он оправдал борьбой с коронавирусом и фактически использовал пандемию, чтобы препятствовать проведению конкурса.

Это был настоящий переворот. По Уставу совет регламентировал деятельность администрации, Колб подчинялся совету и не мог вмешиваться или препятствовать нашей работе. Он нарушил сразу несколько законов. И превысил должностные полномочия. Как если бы председатель Правительства России запретил Государственной Думе работать, повесил на здании замок и не пускал депутатов внутрь.

Мы были удивлены, что у депутатов внезапно появился начальник. Мы оценивали это как приступ мании величия, поразивший Колба, и боялись, что болезнь начнет прогрессировать. На территории муниципалитета находилось Правительство Санкт-Петербурга, Главное управление полиции и огромное количество других государственных служб. Мы опасались, что папаша Колб захочет «приостановить» и их работу.

Депутаты «Яблока» и Ц обратились к своим избирателям, в СМИ и прокуратуру. Распоряжение Колба было незаконным, он сам это прекрасно понимал. Со стороны выглядело так, будто старый руководитель администрации настолько крепко вцепился в кресло, что мешал выборам нового руководителя.

Колб включил заднюю передачу. Незаконное распоряжение №34 он не отменил, но никто, в том числе его подчиненные, распоряжение не исполняли. Мы продолжили работу. Депутатов выпускали в здание муниципалитета. Пока.

Количество заболевших и умерших росло. Хотя борьба с коронавирусом не относилась напрямую к обязанностям муниципалитета, мы могли кое-что предпринять. Денег в бюджете было достаточно.

В Смольнинском проживало больше 16 тысяч человек старше 60 лет – они подвергались самой серьезной опасности. Порядка 20 тысяч человек жили в коммунальных квартирах, где сложно соблюдать санитарные меры и режим самоизоляции.

Совет разработал список мер, которые муниципалитет мог бы предпринять. Полномочия по их реализации были только у исполнительного органа: администрации. Депутаты направили Колбу предложения по защите жителей Смольнинского от коронавируса.

Мы предложили организовать горячую линию, чтобы разъяснять жителям, какую помощь и в каком ведомстве они могут получить в связи с коронавирусом и что делать в случае заболевания.

У муниципалитета было три лишних автомобиля – мы предложили использовать их в качестве социального такси. Также предлагалось сотрудничество с крупными волонтерскими организациями, чтобы помочь с доставкой продуктов одиноким пожилым людям. Городское правительство предписало пожилым не выходить из квартир, у них не было возможности сходить в магазин самостоятельно, а платные сервисы по доставке продуктов мог позволить себе не каждый пенсионер.

В начале пандемии цены на маски выросли в десятки раз. Мы предложили закупить 50 тысяч масок и раздать их жителям округа. Совместно со специалистами из Роспотребнадзора нужно было разработать план-график санитарной обработки придомовой территории, подъездов и – по заявкам от жителей – помещений общего пользования в коммунальных квартирах.

Для координации действий на уровне муниципалитета, а также для согласования наших планов с городским оперативным штабом, мы предложили создать рабочую группу из нескольких депутатов, главы муниципалитета и главы администрации.

Эти меры поддержали 17 депутатов, включая депутатов «Яблока», Ц, ШН, открытых и латентных единороссов. Удивительно, как общая опасность может объединить политических противников.

Колб отказался. Он сообщил, что телефоны в администрации и так работают, а информация про коронавирус публикуется на официальном сайте. Единственное, что Колб сделал: огоро-

дил детские площадки сигнальной лентой и заказал их санитарную обработку. Для этих целей администрация заключила контракт на 600 тысяч рублей.

Депутат Полуиков запросил цены у различных фирм и обнаружил, что санобработку можно было сделать за 360 тысяч – в 1,6 раза дешевле.

Поскольку у депутатов не было возможности самостоятельно тратить бюджетные деньги в обход главы администрации, то на практике мы смогли реализовать только горячую линию. Она пользовалась спросом у жителей, депутаты и помощники по очереди дежурили у телефона и предоставляли информацию тем, кто звонил.

Больше всего коронавирусные ограничения ударили по депутату Гудкову, которому было 72 года. Городские власти обязали его самоизолироваться дома. Совет не досчитался одного депутата.

Гудков был членом Контрольно-счетной комиссии и я очень переживал, что его отсутствие скажется на кворуме. Эту проблему мы решили при помощи видеосвязи. Второй раз пригодился огромный дорогой телевизор, который Ранков заказал на стену зала заседаний. Впервые в истории Смольнинского депутат проголосовал через интернет.

В тот день Контрольно-счетная комиссия голосовала за новый устав муниципальной газеты, а также одобрила проект решения, подготовленный комиссией по культуре: совету предлагалось включить в список памятных дат, на основе которого проводились культурные мероприятия, День памяти жертв политических репрессий.

«БЕЗ ЕДИНОЙ РОССИИ — НЕ КРАСИВО»

Прошло восемь месяцев с тех пор, как избиратели доверили нам округ, а правящую коалицию так и не удалось сформировать.

У «Яблока» все еще оставалась опция договориться с «Единой Россией». Голосами семи депутатов «Яблока» и четырех депутатов, контролируемых «ЕР», мы могли избрать депутата Кузнецову на пост главы муниципалитета. Взамен мы должны были назначить Королеву главой администрации.

Помимо должности главы, которую бы получила наша фракция, у этого плана были два больших жирных плюса: Ранков покинет муниципалитет, а Колб из руководителя превратится в заместителя и, мы надеялись, уйдет на свою фсбшную пенсию.

Некоторые федеральные руководители партии «Яблоко» в частных разговорах подталкивали нас к такой договоренности. «Вы проявите договороспособность», — говорили они, — «Вместо скандалов муниципалитет займется реальной работой».

Но от союза с «Единой Россией» пахло политиканством и обманом избирателей. Мы обещали перемены. Нас избрали как альтернативу. Отдав администрацию и управление муниципальными деньгами Королеву — ставленнику губернатора и «Единой России» — мы своими руками проголосовали бы за то, с чем обещали бороться.

Все депутаты фракции отвергали этот вариант. Мы продолжили блокировать выборы главы муниципалитета и надеяться, что рано или поздно удастся договориться о коалиции с депутатами Ц.

Депутат Шавлов («ЕР») к тому времени практически превра-

тился в главного оппозиционера и, на мой взгляд, даже перешеголял в этом нас. Такое помешательство случилось с Шавловым после того, как губернаторские провалили его кандидатуру на конкурсе по выборам главы администрации. Шавлов обиделся и начал поддерживать инициативы «Яблока» и даже попытался организовать переговоры между собой, «Яблоком», Ц и ШН о создании широкой коалиции.

Наша фракция не сильно ему доверяла, но с ним была одна важная точка соприкосновения: депутат Шавлов, как и мы, хотел поскорее провести новый конкурс по выборам главы администрации.

Депутаты «Яблоко» очень ответственно относились к посещаемости заседаний: почти всегда мы присутствовали всемером. Но оставались в меньшинстве. Обычно другие депутаты в ходе голосования дружно проваливали наши инициативы.

Однако 7 мая 2020 года случилось неожиданное. На заседании присутствовали только 13 депутатов, что достаточно для принятия решений, но расклад сил при голосовании был в пользу фракции «Яблоко».

Присутствовали два депутата от ШН, два депутата Ц, одна Бархатова, депутат Шавлов и семь депутатов «Яблока». Нас было 7 из 13 – большинство! Впервые наши оппоненты провалили явку и дали «Яблоку» возможность сформировать повестку и принимать нужные для округа решения.

Семь депутатов «Яблока» были готовы назначить новый конкурс на главу администрации: определить дату, время и заново выбрать членов конкурсной комиссии. После демарша Хрщоновича было сложно доверить комиссию кому-то из Ц. Мы очень хотели сформировать конкурсную комиссию полностью из членов нашей фракции.

И тут началось! Все депутаты умели считать до 13. Все понимали, что семь депутатов «Яблока», которые всегда голосовали совместно, примут те решения, которые считали нужными, без оглядки на других депутатов.

Депутаты Мишкинис и Бархатова начали возмущаться. Сегодня конкурс они объявлять не хотели: «Состав совета не полный, не все депутаты присутствуют на заседании». Наша фракция, напротив, не боялась обидеть депутатов-прогульщиков. Надо ходить на заседания!

Нежелание объявлять новый конкурс было так велико, что депутат Бархатова угрожала покинуть заседание. Она закатила истерику, кричала и так эмоционально себя накрутила, что в итоге реализовала свою угрозу и выбежала из зала. Осталось 12 депутатов. Депутатов «Яблока» по-прежнему было семь. Сбежав, депутат Бархатова увеличила наше относительное большинство.

Идея эффектно сбежать с заседания понравилась другим депутатам. Мишкинис и Шпринг, не долго думая, тоже покинули зал. Но вот незадача: депутатов осталось десять, что все еще достаточно для принятия решения о конкурсе. Через несколько минут, после не сложных арифметических вычислений, обе депутатки Ц понуро вернулись в зал.

Им на выручку пришли двое депутатов ШН: Захаров и Серая.

Эта маленькая фракция имела решающее влияние на принимаемые решения. В большинстве случаев, если депутаты Захаров и Серая не поддерживали инициативу «Яблока», голосов гарантированно не хватало. Депутаты ШН прекрасно понимали, что нужны нам, и торговались, постоянно повышая ставки. Сначала мы получили их поддержку, пообещав избрать председателями комиссий. Депутат Захаров стал председателем Планово-бюджетной комиссии. Депутат Серая стала председателем Комиссии по культуре. Потом аппетиты стали расти. Чтобы удержать депутата Серую в составе еще не созданной коалиции, мы были вынуждены пообещать ей должность заместителя главы муниципалитета, при условии, что мы договоримся о коалиции с Ц. Потом депутат Серая захотела, чтобы ее гипотетическая должность была оплачиваемая, чтобы получать зарплату из муниципального бюджета.

В тот день депутаты Серая и Захаров осознали, что решение о составе конкурсной комиссии «Яблоко» может принять без сложных переговоров с ними. Они заявили, что объявлять конкурс в такой ситуации было... «некрасиво». Мы так и не поняли, чего им не хватило для настоящей «красоты» – открытых и латентных единокороссов, которые прогуляли, или депутата Бархатовой, которая сбежала с заседания.

Депутаты Ц и ШН хором требовали отложить решение о конкурсе до следующего заседания. Мы не соглашались и предлагали проголосовать. Поэтому двое депутатов Ц – повторно, и двое депутатов ШН – впервые в истории, покинули зал заседаний.

Осталось восемь депутатов, кворум сбежал. Заседание было закрыто, конкурс – не назначен.

Это один из позорных дней в истории Смольнинского: семь депутатов прогуляли заседание, еще пять спаслись бегством после того как осознали, что остались в меньшинстве.

У наших коллег были скрытые мотивы, чтобы сбежать с заседания. После месяцев затишья, вновь начались переговоры.

И депутаты Ц, и депутаты ШН хотели использовать голосование по составу конкурсной комиссии в качестве переговорного рычага. Это был очень мощный рычаг, потому что наша фракция не скрывала, что считала конкурс и должность главы администрации намного важнее всего остального. Важно было заменить Колба на честного человека, готового к сотрудничеству.

Депутат Мишкинис хотела возглавить конкурсную комиссию, чтобы обменивать свои голосования во время конкурса на нашу договороспособность. Депутаты ШН тоже хотели войти в конкурсную комиссию, чтобы повысить влияние. Прошлый конкурс на примере Хрщоновича показал всем, насколько важен голос одного члена комиссии.

Все участники переговоров боялись упустить свое, рос градус недоверия. Как ни парадоксально, желание идти навстречу друг другу ссорило депутатов еще сильнее.

Если с депутатами ШН все было понятно – мы просто должны будем удовлетворить их очередное требование, то с депутатами Ц переговоры шли намного сложнее.

Поведение депутата Хрщоновича во время конкурса на главу администрации привело к конфликту внутри фракции Ц, который они тщательно от нас скрывали. Депутатов Ц на переговорах представлял уже не Ярослав, а Мишкинис.

Наши предложения по благоустройству и культуре она оценивала положительно, за некоторыми исключениями, которые она предложила «обсудить» позже. Требование избрать на должность главы депутата Фадееву было снято, депутат Мишкинис требовала избрать главой себя.

Это изменение было подозрительно. Нас интересовало, является ли это позицией всей фракции Ц или депутат Мишкинис умело надувает щеки и представляет на переговорах только саму себя.

Мы предложили провести большую депутатскую встречу. Собрать в одном месте не только переговорщиков, а всех депутатов «Яблока» и Ц, чтобы каждый по очереди высказал мнение о том, как должна выглядеть коалиция. Было важно увидеть, сколько депутатов приведет с собой Мишкинис.

9 мая в офисе партии «Яблоко» состоялась встреча. Пришли семь депутатов «Яблока». Из пяти депутатов Ц пришли только трое: Мишкинис, Шпринг и Безумов. На вопрос, а где Фадеева и Хрщонович, депутат Мишкинис ответила, что они очень заняты, но она уполномочена говорить от их имени тоже.

Мы не были в этом уверены. К тому моменту депутаты Ц перестали голосовать как команда, они начали голосовать вразнобой. На заседаниях совета не появлялся их предводитель Ярослав. Раньше он сидел в зале и руками показывал своим депутатам, как голосовать, за что получил прозвище «заслуженный дирижер фракции Ц».

Мы догадывались, что депутаты Мишкинис, Шпринг и Безумов вышли из-под опеки Ярослава и откололись от его догово-

ренности с «Единой Россией» и администрацией. Три депутата выбрали нас в качестве возможных союзников. Мы испытывали к ним симпатию.

После восьми месяцев знакомства можно было сказать, что политические взгляды трех депутатов в целом совпадали с нашими. Они выглядели оппозиционно настроенными по отношению к Путину и обеспокоенными направлением, в котором катилась страна.

Мы были рады, что депутаты Ц наконец-то пришли на переговоры. Это уже было достижение. Наш план по блокировке голосования сработал.

С другой стороны, в переговорах было много странного.

Во-первых, на итоговую встречу пришел господин Ермолаев, которого Мишкинис представила как своего советника. В тот день позицию Ц озвучивали вдвоем Ермолаев и Мишкинис, двое других депутатов молчали.

Мы изучили биографию Ермолаева, его последним местом работы была Администрация президента. Надо обладать особым тактом, чтобы на переговоры с такими отбитыми оппозиционерами, как мы, привести советника из Администрации президента.

Во-вторых, их было только три депутата, вместо обещанных пяти. Трое от Ц плюс семь от «Яблока» давало в сумме 10 депутатов. А для коалиции нужно минимум 11. Значит, придется включать в переговоры депутатов ШН и один Бог знал, что еще они могут потребовать в этот раз.

В-третьих, депутаты Ц пришли, чтобы поставить ультиматум: «Яблоко» своими голосами должно обеспечить избрание депутата Мишкинис главой муниципалитета и только после этого, возможно, если получится, наши партнеры будут готовы обсуждать все остальное. Зафиксировать обязательства на бумаге под подпись наши партнеры отказались. По их мнению, депутаты «Яблока» просто должны на следующем заседании избрать Мишкинис главой муниципалитета. Точка.

После объявления ультиматума наши партнеры встали из-за стола и покинули помещение для переговоров.

Через неделю состоялось очередное заседание совета.

По сравнению с предыдущим, на которое не пришли семь депутатов и сбежали еще пять, в этот раз явка была высокой. Были мобилизованы все депутаты, подконтрольные «ЕР» и администрации района.

Депутат Мишкинис позаботилась, чтобы у «Яблока» была возможность исполнить ультиматум, и внесла вопрос о выборах главы муниципалитета. Также в повестке оказался вопрос об объявлении конкурса на главу администрации и выборы конкурсной комиссии. В этот раз «Яблоко» в меньшинстве, а значит принимать решение о составе конкурсной комиссии стало «красиво».

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, я попросил слово. Фракция доверила мне сделать небольшое объявление. Я сообщил публично, что фракция «Яблоко» прекращает попытки договориться с Ц. Мы не готовы исполнять ультиматумы и не видели интереса у депутатов Ц к обсуждению коалиционной политики.

Восемь месяцев мы пытались сформировать коалицию, но в тот день наша фракция публично сообщила избирателям, что договоренности с Ц не достигнуты. И мы не видели, каким образом можно их достичь. Однако мы подтвердили готовность вести диалог с каждым депутатом индивидуально.

Выступая с ответным словом, депутат Мишкинис сказала, что в текущей ситуации не видит смысла проводить голосование по главе муниципалитета и добровольно сняла вопрос с повестки дня.

Дальше все было скучно и прогнозируемо. При голосовании за членов конкурсной комиссии по выборам главы администрации большинство голосов набрали депутат Мишкинис, депутат Захаров и депутат Серая.

Не зря они срывали кворум на прошлом заседании, убегая из зала. Пришли депутаты, контролируемые администрацией

и «ЕР», и отдали им свои голоса. Кандидаты от нашей фракции не вошли в конкурсную комиссию. Но в конце концов, нас изначально было всего 7 депутатов из 20!

Самое интересное, что защищать в судах право Мишкинис, Захарова и Серой заседать в конкурсной комиссии должен был депутат Балтруков и юристы, которых он оплачивал. Наши партнеры воспринимали это как должное, потому что знали, что мы были заинтересованы в новом главе администрации.

Кроме того, в конце заседания, наши партнеры пожаловались, что процедура проведения конкурса очень сложная с юридической точки зрения и попросили нас «не бросать их», чтобы они не наделали ошибок. Ради получения политического рычага на переговорах, они отстранили от организации конкурса людей, которые досконально разбирались в процедуре и юридических тонкостях, а потом начали просить помощи! Это классический пример, когда политиканство вредило общему делу.

Новый конкурс должен был состояться через полтора месяца.

Однако был и позитив! Даже на том сложном заседании удалось найти точку соприкосновения. Я предложил сэкономить в бюджете муниципалитета более миллиона рублей в год и внес этот вопрос в повестку дня.

В Смольнинском существовала муниципальная избирательная комиссия. С момента создания в 1999 году по 2017 год ее председатель не получал зарплату и в период между выборами имел право работать в другом месте.

В 2017 году предыдущие депутаты назначили председателем избирательной комиссии Константина Пушкарева и решили платить ему зарплату. Очень спорное решение. Выборы проводились раз в пять лет, Пушкарев все это время не делал никакой работы, но получал деньги из бюджета.

Я предложил совету упразднить оплачиваемую должность. Технически председателем комиссии оставался Пушкарев, но денежную компенсацию он мог бы получать только во время выборов. Все остальное время он мог строить карьеру в другом месте.

Я особо подчеркнул и отразил эту мысль в проекте решения, что трудовые гарантии должны быть соблюдены: действующий председатель должен иметь право отработать полагающиеся по закону два месяца и получить все денежные выплаты, положенные при сокращении. Несмотря на то, что Пушкарев попил нам крови во время выборов, мы не ставили перед собой цели как-то ему отомстить. Мы просто хотели сократить неоправданные расходы.

Пушкарев присутствовал на заседании и не возражал против такого решения. Он даже внес несколько поправок о соблюдении трудовых прав работника, с которыми депутаты согласились.

Депутаты приняли решение единогласно.

Кроме того, на том заседании удалось забрать у аппарата одну важную функцию и передать ее Контрольно-счетной комиссии.

Прокуратура района завалила муниципальный совет обращениями, протестами и предложениями. Никогда еще деятельность муниципальных депутатов не удостоивалась такого пристального внимания прокурорских работников. Бортникова стряпала письма как горячие пирожки. Законом был установлен четкий срок для их рассмотрения.

Ранков и сотрудники аппарата совета: глава аппарата, юристы, советники — получали зарплату за организацию деятельности депутатов. В частности, они должны были готовить ответы на требования прокуратуры, но ничего не делали. Просто сканировали прокурорские письма и пересылали депутатам. Мы называли аппарат совета «большим почтовым отделением».

Прокурорских писем, на которые муниципальный совет не ответил, скопилось довольно много и я предложил совету поручить эту работу Контрольно-счетной комиссии.

Депутаты согласились единогласно.

ЛУЧШАЯ ПОПРАВКА – ПУТИНА ОТСТАВКА!

Путин правил Россией уже 20 лет.

Но в Конституции было одно маленькое препятствие для узурпаторов. Там было сказано, что никто не может занимать президентский пост более двух сроков подряд. Конечно, было бы лучше, если вместо «двух сроков подряд», там было написано «двух сроков всего», но, хотя бы в усеченном виде, ограничение президентских сроков все же существовало.

В начале 2020 года Путин выступил с программной речью и заявил, что пришло время улучшить Конституцию. Среди прочих поправок, он предложил убрать из Конституции слово «подряд». Должно получиться, что никто не имеет право занимать должность Президента больше двух сроков.

Это было интригующее предложение. У стороннего наблюдателя могло сложиться обманчивое впечатление, что Путин, находящийся на четвертом сроке, решил сам себе запретить избираться президентом. Все начали гадать, на какой пост он уйдет и каким образом будут перераспределены властные полномочия.

Думали, что Путин возглавит Государственный совет и этот орган сосредоточит в себе всю власть: Путин будет руководить Россией как председатель Государственного совета, а должность президента станет техническая, как у английского короля.

С юридической точки зрения «Единая Россия» могла принять поправки очень быстро, депутатов в Государственной Думе у них хватало. Но любой автократ должен демонстрировать широкую народную поддержку своих решений. Поэтому Путин обнародовал следующий план. Целое представление, политическое шоу.

Сначала создать комиссию по поправкам, в которую войдут известные и уважаемые в обществе деятели. Юристы, экономисты, певцы, писатели, артисты, спортсмены и проч. Все эти уважаемые люди соберут предложения по поправкам, обсудят их, составят единый текст.

Потом этот текст пройдет утверждение депутатами. За него проголосуют депутаты 85 субъектов федерации. Потом за него проголосуют депутаты Государственной Думы и сенаторы. Закон, вносящий изменение в Конституцию, будет принят. Но с одним условием! Он вступит в силу только после одобрения народом.

Закон о референдуме прописывал довольно сложные процедуры и результат мог быть непредсказуем. К тому же, референдум мог не состояться, если явка составит менее 50%. Проводить референдум было слишком рискованным.

Поправки решили одобрить «голосованием». Это что-то вроде общероссийского праздника с засовыванием бюллетеней в урны, но без наблюдателей и четких правил, регламентированных законом. Если «голосование» покажет, что народ России поддерживает изменения, то президент подпишет Указ о вступлении поправок в силу. Страна получит новую Конституцию.

Работа закипела. Рабочую группу завалили поправками, поступило больше тысячи предложений и в результате родился документ, который по объему превышал саму Конституцию. Там упомянули все, в том числе вещи, которые в Конституцию можно было не вносить.

Например, что государственную пенсию нужно индексировать, ведь без поправки в Конституции это сделать практически невозможно. Что минимальный размер оплаты труда должен быть не ниже прожиточного минимума. Без поправки в Конституции, очевидно, этого не добиться. Качественная медицинская помощь тоже не оказывалась только потому, что этого обязательства не было в Конституции.

Среди поправок появилось упоминание Бога. И что дети — это очень важно. Что брак — это союз между женщиной и жен-

щиной. Что русские — государствообразующий народ России. Что наш народ победил в войне и что надо чтить память предков и защищать историческую правду.

Сам процесс сбора поправок стал предметом народных шуток. Предлагалось закрепить в конституции рецепт борща или установить минимальную цену на российскую нефть. Были предложения официально закрепить статус Деда Мороза и чтобы летом во время ремонта не выключали горячую воду.

В итоге многостраничный документ был внесен на рассмотрение Государственной Думы. Из предложенного текста, большая часть которого была популистским мусором, депутаты отклонили примерно половину. Но добавили свое. Самую главную поправку — то ради чего все затевалось — внесла депутат Госдумы Валентина Терешкова («ЕР»), первая в мире женщина-космонавт, герой Советского союза. В 1966 году она впервые стала депутатом Верховного совета СССР и с тех пор активно занималась общественно-политической деятельностью. В 2020 году эта бодрая 83-летняя женщина вышла на трибуну Государственной Думы и выступила с короткой речью.

Она предложила «обнулить» президентские сроки Путина. Ограничения на два срока в Конституции останутся, но Терешкова предложила отдельно прописать, что отсчет этих двух сроков начнется с момента принятия поправок. Это позволит Путину вновь выдвигаться на президентский пост в 2024 году. С точки зрения обновленной Конституции пятый и шестой срок Путина станут для него первым и вторым.

Процедура предполагала голосование депутатов региональных парламентов. В том числе в Санкт-Петербурге. В день, когда обнуление рассматривалось в Законодательном собрании Санкт-Петербурга, я поехал к Мариинскому дворцу, чтобы принять участие в акции протеста. Там собиралась отличная компания политически активных горожан.

Нужно было распечатать плакат. У меня был готовый макет со словами «Лучшая поправка — Путина отставка!». Я зашел

в копи-центр и попросил распечатать с флэшки одну страницу. Сотрудники копи-центра сказали, что «такое» печатать запрещено.

– Кем запрещено? – удивился я.

– Наше руководство запретило печатать политические лозунги, – ответили сотрудники. Я потребовал текст запрета. Через несколько минут ребята принесли распоряжение руководства семи копи-центров, устанавливающее политическую цензуру. Акция уже начиналась, у меня не было времени качать права и я побежал в другой копи-центр. Но там тоже отказались печатать антипутинский плакат, сославшись, «что это запрещено».

Плакат был мне нужен. Я пошел в третий копи-центр. За прилавком стояла молодая девушка, других посетителей не было.

– Нужно распечатать оппозиционный плакат, – сказал я с порога, – У вас нет запрета на такое?

– О чем плакат? – спросила девушка.

– Против обнуления.

Девушка посмотрела по сторонам, в помещении мы были одни.

– Давайте, с удовольствием, – сказала она. Я протянул флэшку. Через минуту она выдала свежий плакат с надписью «Лучшая поправка – Путина отставка!». Я достал кошелек:

– Сколько с меня?

– Бесплатно! – ответила девушка, – Такое – бесплатно. Удачи!

Конечно, своими плакатами нам не удалось убедить единосроссов из Законодательного собрания проголосовать против поправок в Конституцию, их утвердили. Но мы использовали каждую возможность привлечь внимание к проблеме. Несколько участников акции были задержаны полицией за то, что стояли слишком близко друг к другу.

Изначально голосование назначили на 22 апреля 2020 года. Чтобы к 9 мая у страны была новая Конституция и это можно было отметить красивым парадом.

Но вмешался коронавирус. Люди умирали тысячами, пришлось ввести карантин. Планы Путина по новой конституции были поломаны. Однако пропагандистская машина работала, весь государственный аппарат был заряжен, чтобы провести голосование. Несколько месяцев по всем телеканалам, со страниц газет и уличных билбордов рассказывали, что без принятия этих судьбоносных поправок страна не могла развиваться, это просто чудо, что нас до сих пор не захватили американцы и геи. Чудо, что мы до сих пор живы, и надо как можно скорее принять поправки. А тут вдруг «судьбоносное» голосование пришлось отложить. На неизвестный срок. И все это время враги России могли безнаказанно разрушать наши традиционные ценности, потому что старая конституция это им позволяла.

В начале лета Путин все же назначил дату голосования: 1 июля 2020 года. Когда об этом стало известно, российская оппозиция, как всегда, раскололась на два лагеря.

Одни считали, что нельзя принимать участие в этом действии, под названием «голосование». Оно не подчинялось никакому закону, не имело четких правил, не было референдумом и оппозиционные избиратели, пришедшие на участки, только легитимизируют происходящее, а результат потом все равно нарисуют. Что конечно было правдой. Результаты, которые должны выдать избирательные комиссии, были спущены заранее.

Была вторая часть оппозиции, которая утверждала, что принимать участие обязательно надо. Потому что если мы не придем и не проголосуем против, то Путину даже не придется фальсифицировать результаты. В конце голосования будут открыты урны и там будут только бюллетени «за». Не надо облегчать работу фальсификаторам. Я и мои коллеги по фракции поддерживали второй подход. Видишь урну для голосования — суй бюллетень.

За месяц до «голосования» по Конституции я приехал к зданию муниципалитета. Должно было состояться заседание совета. Вопросов накопилось много. Половина из них — претензии прокурора, который взялся за наш совет по полной.

Мы с коллегами по фракции обсуждали, нужно ли Смольнинскому отреагировать на то, как власть активно проталкивает принятие поправок.

С одной стороны, в полномочия муниципалитетов Петербурга входили цветочки, скамейки, детские площадки и поздравления на новый год. Принятие поправок – это не вопрос муниципального уровня. К тому же муниципальный совет ни разу не делал политических заявлений, мы не были уверены, согласятся ли другие депутаты выразить политическую позицию.

С другой стороны, обнуление Путина и ряд поправок полностью переформатировали правовую систему в стране, в том числе делали муниципальную власть, которая по старой Конституции формально оставалась независимой от государственной власти, частью единой системы. Депутат Кузнецова и депутат Балтруков настаивали, что мы должны воспользоваться трибуной, чтобы официально выразить несогласие с обнулением. Все депутаты фракции «Яблоко» поддержали этот план.

Проблема была в том, что до заседания осталось несколько минут.

Обычно предложения в повестку нужно направить заблаговременно, чтобы депутаты успели прочитать и провести консультации с юристами (как часто делали мы) или своими политическими кураторами (если мы говорим о единороссах), подготовить замечания и поправки. Иногда, в исключительных случаях, регламент разрешал вносить вопрос непосредственно перед заседанием.

Это был как раз такой случай. Мы хотели не просто утвердить заявление, а успеть напечатать его в муниципальной газете до дня «голосования», чтобы жители смогли узнать позицию своих депутатов. Выпуск газеты занимал довольно много времени, поскольку ответственным за поиск типографии и распространение был Колб. Если мы примем заявление на следующем заседании, то жители округа его даже не успеют прочитать. Принимать заявление надо было на текущем заседании.

Фракция доверила мне написать проект решения. Времени до заседания оставалось мало. Текст получился кратким и начинался с лозунга «Лучшая поправка — Путина отставка!». Помимо собственно текста заявления регламент требовал оформления других сопутствующих документов, но к началу заседания я успел.

В начале заседания муниципальный совет приступил к голосованию за постановку вопросов в повестку. Депутаты работали активно, вопросов было много. Депутаты включили уже 20-й вопрос в повестку дня, когда я предложил 21-м пунктом принять короткое заявление.

Члены «Единой России» Шавлов и Воронина воздержались. Против был только депутат Важенин, но он всегда голосовал против моих предложений, потому что они мои. Большинством голосов без лишнего обсуждения вопрос был внесен. Мы закончили процедурные голосования и приступили к рассмотрению вопросов по существу.

Шел четвертый час заседания, депутаты начали разбегаться. Только наша фракция всегда присутствовала от начала и до конца в количестве семи депутатов. Нам выгодно было ставить свои вопросы в конец заседания, когда наши оппоненты не выдерживали напряженной работы и уходили домой отдыхать. В таких случаях наши семь депутатов, которые в начале заседания были в меньшинстве, к концу заседания могли стать большинством.

Когда мы подобрались к 21-му вопросу о поправках в Конституцию, в зале присутствовали 11 депутатов, один Ранков, который вел заседание, и человек десять-пятнадцать жителей.

Ранков дал мне слово:

— Жалко, что депутат Бархатова ушла, — начал я, — Два дня назад было назначено голосование по поправкам в Конституцию. Считаю, нельзя обойти эту тему стороной, это важное для страны решение. Предлагается муниципальному совету принять заявление по этому поводу и опубликовать его.

Депутаты нашли в бумагах проект решения и прочитали текст заявления муниципального совета Смольнинского:

«Лучшая поправка – Путина отставка!»

01 июля назначено голосование по одобрению поправок в Конституцию России. Изменение в Конституцию направлено на решение одной задачи – обеспечение пожизненной власти Владимира Путина и его приближенных. Эта поправка цинично спрятана за многословием декоративных обещаний.

Пенсии, защита детей, суверенитет и прочее – это лишь ширма, за которой спрятано нежелание Владимира Путина упустить власть.

Провалы в экономике, кризис в здравоохранении, внешней политике, слом социальных лифтов – все это следствие 20 лет правления путинской группы. Без сменяемости власти невозможно развитие страны!

Мы призываем жителей Санкт-Петербурга проголосовать ПРОТИВ изменений в Конституцию».

Ранков предоставил слово депутату Балтрукову:

– Я поддерживаю заявление, – сказал Балтруков, – Считаю, что оно замечательно составлено. Конечно, лучше смотрелось бы просто первое предложение «Лучшая поправка – Путина отставка!» и подпись: глава муниципального образования Смольнинское.

В зале раздался смех. Депутат Мишкинис с улыбкой посмотрела на Ранкова и спросила:

– Вы готовы подписать?

– Григорий Михайлович, не подписывайте! – сказал депутат Шавлов.

– Согласно закону и Уставу! – ответил Ранков.

Депутат Мишкинис тоже захотела высказаться:

– В целом смысл вашего текста мне нравится, – сказала она. – Но мне не нравятся некоторые формулировки. В целом за идею – ДА! Но формулировки – нет!

– Что конкретно вам не нравится? – спросил я. – Хотите сделать текст жестче?

– Я понимаю, что такое политический хайп, – ответила Мишкинис, – Но лучше, когда все по делу.

– А здесь все по делу! – перебил ее депутат Чеботарь.

– Это ваше мнение, – ответила Мишкинис, – Для меня тут слишком много политического хайпа.

– Елена, – сказал депутат Чеботарь, – вопрос сейчас стоит так: Вы за пожизненного Путина или против пожизненного Путина?

– Я против пожизненного Путина, – уверенно сказала депутат Мишкинис.

– Ну и все! Голосуйте! – сказал Чеботарь.

– Коллеги, ставлю на голосование? – уточнил Ранков.

– Конечно! – ответили ему депутаты.

Заседание длилось долго, депутаты устали, но у всех было приподнятое настроение из-за перспективы того, что полковник ФСБ Колб опубликует в муниципальной газете текст за подписью члена «Единой России» Ранкова с заголовком «Лучшая поправка – Путина отставка!».

Из зала раздался голос Смоляка, помощника депутата Бархатовой. Маленький провокатор обратился к депутату «Единой России» Шавлову: «Алексей Валентинович, поднимайте руку „За“!» Учитывая, что депутат Шавлов после конкурса на главу администрацию по многим вопросам начал откалываться от «Единой России» и часто поддерживал инициативы «Яблока», все посмеялись.

– Бархатова специально ушла, чтобы не голосовать, – сказала депутат Мишкинис.

Восемь депутатов проголосовали «за». Воздержались депутаты Фадеева и Мишкинис, которая в ходе голосования повторила свой предыдущий комментарий: «Смысл мне нравится, формулировки – нет». Не понимаю, зачем она оправдывалась. Своим голосом она помогла внести вопрос в повестку дня, не сбежала с заседания во время голосования, чем сохранила

кворум, достаточный, чтобы «Яблоко» провело решение, и не проголосовала против. Самое главное, что она публично, под протокол сказала, что против пожизненного Путина. Лично я был благодарен депутату Мишкинис за эту позицию.

Против проголосовало ноль. Депутат от «Единой России» Алексей Шавлов не стал голосовать против. Все были умными людьми и понимали, что спектакль с «голосованием» затеян только ради того, чтобы оставить Путина у власти, а не ради развития страны.

– Решение принято, – объявил Ранков.

В зале раздались аплодисменты.

До этого наши политические высказывание носили эмоциональный характер и не были заранее подготовлены, поскольку усилия мы концентрировали на муниципальных проблемах. Заявление по поправкам в Конституцию – это первое целенаправленное политическое высказывание по федеральной повестке, которое сделали депутаты Смольнинского.

Кроме того, впервые в Смольнинском политическое заявление было сделано не от имени отдельного депутата или фракции, а официально утверждено на заседании муниципального совета.

Мы не были уверены, что Ранков подпишет заявление. Закон обязывал его подписать и передать на опубликование, но различные причины могли помешать члену «Единой России» поставить свою подпись под текстом, который начинается фразой «Лучшая поправка – Путина отставка!».

Через неделю аппарат Совета передал мне копию решения №82. Вместо двух подписей Ранков поставил только одну. Он подписал решение совета о том, что совет утверждает текст заявления. Но сам текст заявления Ранков не подписал.

Что ж, будем считать это компромиссом. Главное, что решение принято, подписано, вступило в силу и теперь должно быть опубликовано на сайте и в официальной газете муниципалитета.

Муниципальную газету выпускал Колб. Она была слишком официальной, больше походила на формальный отчет о проделанной работе и не ценилась читателями.

В моем избирательном округе жил пожилой господин, который с нетерпением ждал нового тиража и забирал сразу несколько экземпляров. На мой вопрос, зачем читать много одинаковых газет, пожилой господин ответил, что муниципальную газету он не читает, а использует как бесплатный наполнитель для кошачьего туалета.

Депутат Балтруков предложил сделать газету интересной, чтобы она из официального листка превратилась в инструмент для формирования муниципального сообщества. Депутаты эту идею поддержали и назначили Балтруков главным редактором. Он успел выпустить несколько интересных выпусков. Работа главного редактора не оплачивалась, но Балтруков посвятил этому проекту много времени.

За техническую и финансовую сторону вопроса, по-прежнему, отвечал Колб. Он должен был заключать контракты на печать и распространение газеты и взаимодействовать с типографией.

Одним из основных предназначений муниципальной газеты была официальная публикация решений муниципального совета. Решение №82 против поправок в Конституцию, как и все остальные решения, планировалось опубликовать в следующем номере, который в соответствии с графиком должен был выйти незадолго до дня «голосования».

Балтруков, как обычно, подготовил макет и направил Колбу для передачи в типографию. Заявление о поправках было сверстано на первой полосе, крупными буквами.

Полковнику Колбу не нравилось заявление совета! Очень не нравилось. Вместо того, чтобы напечатать газету, он напечатал письмо депутатам и Ранкову, что отказывается выпускать газету, содержащую такие заявления. Колб потребовал отменить решение совета, объявил его незаконным и отказался исполнять. Колб сообщил, что газета с решением №82 напечатана не будет.

Это был настоящий акт политической цензуры, причем Колб не постеснялся осуществить его официально на бланке администрации, за своей подписью. Полковник ФСБ был очень уважаемым человеком, но даже у него не было права объявлять решения депутатов незаконными и вмешиваться в работу муниципального совета. Это мог сделать только суд.

Также Колб не имел права вмешиваться в работу редакции газеты. Его функции были чисто технические. Колб не мог вычитывать содержание газеты и цензурировать. Он бесцеремонно превысил должностные полномочия и, как считали наши юристы, нарушил четыре статьи федерального законодательства, в том числе уголовного. Мы обратились с жалобами в Роскомнадзор (ведомство, отвечающее за соблюдение законодательства о сми), Следственный комитет и в прокуратуру.

Сам факт того, что муниципальный совет выступил против поправок в Конституцию, прошел относительно незамеченным в прессе. Но полковник ФСБ, который цензурирует решения представительного органа власти и защищает право Путина на обнуление – это история, которая содержит интересный конфликт. Есть завязка, есть противоборствующие стороны, есть нарушение законодательства и за развитием событий тоже интересно следить: какова будет реакция правоохранительных органов на цензуру (на этот счет, конечно, ни у кого не было иллюзий, но формальный ответ они должны были сформулировать).

Журналисты начали звонить своему коллеге – редактору газеты депутату Балтрукову. Стали появляться публикации. Надо отдать должное Колбу: он мастер незапланированного политического пиара!

Колб понял, что привлек общественное внимание к проблеме, которую, наоборот, хотел скрыть. Макет газеты был отправлен в типографию.

Но типографию выбрал Колб.

Это было некое ООО «Виктория». В начале главы я рассказал, как копи-центры отказались печатать мой плакат против по-

правок. Директор типографии пошел по той же дорожке и отказался печатать газету, до тех пор, пока в ней будет заявление против поправок. Об этом он сообщил официально главному редактору Балтрукову.

Директор типографии самовольно присвоил себе полномочия главного редактора и потребовал согласовывать с ним содержание номера. Он отвечал за технический процесс производства газеты и не имел права редактировать и цензурировать материалы.

Балтруков направил в правоохранительные органы жалобы на воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста. Однако на рассмотрение жалоб закон отводил 30 дней, а «голосование» должно было состояться через неделю. Нашим цензорам достаточно было просто потянуть время и напечатать тираж после объявления результатов голосования.

Конечно, заявление одного из 111 муниципальных советов Санкт-Петербурга, опубликованное в муниципальной газете, которую традиционно никто не читает, не изменило бы результатов «голосования». Но удивительно, что система настолько не терпела альтернативной точки зрения, что готова была простить любое нарушение закона тем, кто отстаивал интересы действующей власти. Ни Колб, ни директор типографии не понесли никакого наказания.

В статье 29 Конституции написаны два слова: «Цензура запрещается». Роскомнадзор, Следственный комитет и прокуратура закрыли глаза на акт неперекрытой цензуры. Главный редактор и депутаты получили отписки на свои жалобы.

В глазах системы Колб, руководство копи-центров, директор типографии не совершили никаких преступлений, а напротив — предотвратили. Они стояли на страже интересов президента Путина.

Конституцию поменяли. Путин получил право остаться у власти еще 12 лет.

МЫ ДОГОВОРИМСЯ

Многие месяцы наша фракция блокировала выборы главы муниципалитета, надеясь, что удастся переманить нескольких депутатов на свою сторону.

Поступок Хрщоновича во время конкурса имел разрушительные последствия не только для муниципалитета, но и для фракции Ц. Часть депутатов Ц была возмущена его действиями.

Мне доподлинно не известны процессы, происходившие внутри, но в один прекрасный день Ярослав публично отчислил из движения Ц трех депутатов Смольнинского: Мишкинис, Шпринг и Безумова. Фракция Ц перестала существовать.

Для «Яблока» это были хорошие новости. Депутаты Мишкинис, Шпринг и Безумов были оппозиционно настроены, хотели провести честный конкурс и выбрать хорошего главу администрации. Они определенно нравились нашей фракции, несмотря на сложную историю взаимоотношений и взаимные обиды.

Три депутата порвали с Ярославом и могли договариваться о коалиции только с нами, а мы — только с ними. И у них, и у нас не было выбора. Никто не мог сказать, когда и на каких условиях мы договоримся. Но все понимали, что договоримся.

За несколько дней до заседания 8 августа 2020 года Ранков направил депутатам письмо. Он потребовал себе право вето на решения, принятые муниципальным советом. В ответ я отправил ему е-мэйл, в котором посоветовал уволить юристов, подказавших написать такую глупость.

Ранков начал заседание с обсуждения своего письма и возмущался тем, что «некоторые депутаты» ему слишком грубо отвечают.

— Давайте, вы официально отзовете письмо, в котором требуете право вето, — предложил я Ранкову.

Он отказался и неожиданно предложил обсудить ситуацию кулуарно, а сейчас перейти к заседанию. Но эту тему он только что поднял сам!

Меня очень беспокоили притязания главы на право вето. В федеральном законе о местном самоуправлении сказано, что глава муниципалитета, исполняющий полномочия главы администрации, имел право отклонить решения муниципального совета и не подписывать их, по своему усмотрению. Но в Смольнинском администрацию возглавлял Колб. Ранков не был «главой муниципалитета, исполняющим полномочия главы администрации».

По нашему Уставу глава муниципалитета исполнял полномочия председателя муниципального совета. Ранкову право вето не полагалось.

Поскольку Ранков отказался отозвать письмо, муниципальный совет был обязан официально ответить. У меня заранее был подготовлен проект решения с цитатой из федерального закона, которая доказывала, что Ранков не может налагать вето на решения, принятые депутатами.

Депутаты большинством голосов утвердили текст официального ответа. «За» проголосовали депутаты «Яблока» и Экс-Ц. Против была Бархатова, остальные воздержались. Решение принято. Совет отверг притязания Ранкова на право вето.

Теперь надо было официально уведомить об этом Ранкова. По Уставу письмо от имени совета направлялось за подписью главы. Получилось, что Ранков должен сам себе направить письмо о том, что он глубоко ошибается.

Как председатель КСК, я следил за исполнением принятых решений и через некоторое время в качестве подтверждения получил подписанную копию письма Ранкову от Ранкова.

Коллекция политических анекдотов пополнилась еще одним бриллиантом. Над тем, что Ранков сам себе пишет письма, потешались даже единокороссы. У меня не было в планах выставлять его посмешищем, но, в конце концов, никто не заставлял Ранкова требовать право вето.

На этом же заседании Ранков решил сделать отчет главы за предыдущий год. Мы давно требовали от него исполнения этой обязанности, но он постоянно оттягивал. Дело в том, что депутаты по итогам отчета могли признать работу главы неудовлетворительной. Две неудовлетворительные оценки — и можно начинать процедуру лишения главы полномочий.

Ранков зачитал по бумажке следующие цифры: проведено 10 заседаний совета, на которых принято 47 решений; принято участие в 35 аппаратных совещаниях и 22 заседаниях комиссий, проведено 40 личных приемов. И дальше в том же духе.

— Доклад окончен, благодарю за внимание, — сказал Ранков и отложил листок с текстом.

Депутат Кузнецова поинтересовалась, как Ранков тратил деньги на содержание аппарата. Отчет был за прошедший год, большую часть которого действовали полномочия предыдущих депутатов. В Уставе написано, что совет должен утвердить смету и только после этого глава имел права расходовать деньги. Депутат Кузнецова спросила, была ли утверждена смета предыдущими депутатами.

У Ранкова не было ответа. Он обещал разобраться.

— Замечательный доклад, Григорий Михайлович! — сказал я, стараясь быть вежливым, — Единственное, чего мне не хватило в Вашем докладе, это хозяйственной части. Вы нанимаете сотрудников, заключаете договоры для работы аппарата совета. Тратите 13 миллионов. И ничего про это не рассказали.

Ранков обещал найти эту информацию.

— Для директора компании подобный отчет — это увольнение на следующий день! — сказал депутат Шавлов, однопартиец Ранкова. — Чем вы вообще занимались весь год? У вас одни встречи. Это присутствия, это не результат...

— Хорошо, не принимайте отчет! — перебил Ранков, — Тогда я подам на вас в суд!

— Почему вы заранее не разослали текст своего отчета, а выдали только на заседании? — продолжал оппозиционную деятельность депутат Шавлов.

– Я вас сейчас не спрашивал! – нагрубил Ранков. – Я хотел ответственно отнестись и готовил до последнего.

– 2019 год, за который вы отчитываетесь, кончился семь месяцев назад, – сказала депутат Кузнецова.

Я предложил отложить принятие решения до следующего заседания. Мы поставим Ранкову оценку по итогам работы позже, когда он включит в отчет ответы на вопросы депутатов: по смете, по сотрудникам, по хозяйственной деятельности. Если чиновник потратил 13 миллионов, он должен подробно отчитаться, на что.

– Причины невыполнения бюджета! – дополнил список вопросов депутат Шавлов, – Григорий Михайлович, не надо на меня коситься!

– Я на вас не кошусь!!! – закричал Ранков.

– Злой взгляд, я боюсь, – сказал Шавлов и хихикнул.

– У меня всегда на вас такой взгляд!!

Депутат Гудков попросил слова:

– Вы знаете, я уже в зрелом возрасте. Слушал в свое время доклады членов ЦК КПСС и Политбюро. Много обо всем – и ни о чем! Тут то же самое. Вода сплошная!

Настроение совета было понятно. Отчет Ранкова никому не понравился. Конечно, мы могли сразу проголосовать и поставить ему неудовлетворительную оценку. Но кровожадных депутатов среди нас не было. Мы дали Ранкову время на подготовку, чтобы продолжить рассмотрение отчета на следующем заседании.

Колб, Королев и еще двое сотрудников администрации, как частные лица, подали иски против совета. Также Колб подал иск от имени администрации, как органа власти.

Чтобы правовую позицию совета в суде формулировал не Ранков, Контрольно-счетная комиссия подготовила проект возражений на иск администрации и предложила совету проголосовать. Депутаты «Яблока» и Экс-Ц совместно проголосовали «за». Позиция совета была утверждена большинством голосом.

Уже не в первый раз на этом заседании фракция «Яблоко» и три депутата Экс-Ц голосовали согласованно. Это было обнадеживающе.

Иски к совету сыпались мощным потоком. Ранков имел право написать от имени совета любой отзыв, представить любую позицию, по своему усмотрению. Чтобы суд увидел правовую позицию депутатов, приходилось на каждый иск утверждать ее голосованием на заседании совета. К сожалению, совет не всегда мог оперативно собраться. Заседания проводились раз в месяц, а внеочередные заседания нужно было требовать заблаговременно, за пять рабочих дней, и переживать, будет ли кворум.

Депутат Балтруков предложил, чтобы позицию совета формулировала Контрольно-счетная комиссия. Судебные документы, утвержденные комиссией, предлагалось считать позицией всего муниципального совета, а у Ранкова появлялась обязанность их подписать и передать в суд. Вопрос подачи апелляции на судебные решения также было предложено решать на Контрольно-счетной комиссии.

Фактически Балтруков хотел забрать у Ранкова полномочия по формулированию позиции совета в суде и передать их в КСК, чтобы депутаты могли контролировать, какие документы отправляются в суд и что в них написано.

Депутат Бархатова, естественно, выступила против (однако при голосовании воздержалась). Большинство голосов решение приняли. Контрольно-счетная комиссия забрала у Ранкова важнейшее полномочие.

Депутат Полуйков хотел войти в состав Контрольно-счетной комиссии. На тот момент он уже анализировал закупки администрации. Я очень хотел, чтобы депутат Полуйков продолжил эту работу как член комиссии: он мог бы запрашивать больше документов для анализа, используя дополнительные полномочия.

Депутат Полуйков заранее уведомил депутатов, что на заседании совета будет просить включить его в состав КСК, и подготовил проект решения.

Однако Ранков вытащил из рукава домашнюю заготовку:

– Депутаты Важенин, Антонович и Воронина тоже хотят войти в состав Контрольно-счетной комиссии, – сказал Ранков и потряс в воздухе тремя бумажками, – Вот их заявления!

Неожиданный ход. Если удовлетворить заявления этих трех депутатов, то в КСК получится слишком много депутатов, симпатизирующих «ЕР», и у них появится возможность блокировать работу комиссии, срывая кворум. Конечно, я был против.

– Депутат Антонович присутствует сейчас на заседании совета? – спросил я.

– Не присутствует, – ответил Ранков.

– Депутат Воронина присутствует?

– В отпуске! – ответил Ранков.

– Это не важно! У них заявления написаны! – крикнул кто-то, насколько я помню, это был помощник депутата Бархатовой.

Поднялся гвалт. Депутаты начали одновременно высказывать свое мнение. Чтобы навести порядок в зале, Ранкову потребовалось время. Затем он поставил на голосование вопрос о включении в комиссию депутата Полуйкова. Депутаты проголосовали единогласно «За».

– Прошу и меня включить в состав КСК! – обратился к совету депутат Важенин.

– Сергей Александрович, – сказал я, – У многих комиссий проблема с кворумом. Вы состоите в нескольких комиссиях. Сколько вы посетили?

Депутат Важенин водил бровями и молчал.

– На комиссию по культуре ни разу не пришел, – сказала депутат Шпринг.

– На комиссию по потребительскому рынку тоже.

– А на КСК, может быть, буду ходить! – сказал депутат Важенин.

– Я не против включить кого угодно в любую комиссию, – сказала депутат Шпринг, – Чем больше разных мнений, тем лучше. Но технически будет проблема с кворумом, если вы будете

так же не ходить на заседания, как не ходите на комиссию по культуре.

– Буду стараться, – сказал депутат Важенин.

– Поклянитесь! – потребовала депутат Шпринг.

Депутат Важенин отказался. Я попросил озвучить мнение членов Контрольно-счетной комиссии.

– Мы не в праве отказывать, – сказала депутат Бархатова, – Предлагаю включить Важенина в комиссию.

– А я категорически против, – сказала депутат Кузнецова, – Заседания комиссии проходят постоянно. Те, кому интересно, на заседаниях присутствовали. Даже не члены комиссии. Поэтому я считаю: заявления трех депутатов о вступлении в комиссию сделаны только для того, чтобы сорвать любые заседания Контрольно-счетной комиссии, чтобы никаких решений не принималось. Администрация сейчас массово подает в суд иски против совета. Совет поручает Контрольно-счетной комиссии рассматривать эти заявления и формировать позицию. Кое-кому нужно, чтобы это поручение технически невозможно было выполнить. Предлагаю депутату, желающему войти в комиссию, который не ходил до этого вообще ни на какие комиссии, просто два раза поприсутствовать на двух ближайших заседаниях КСК. Я не готова сейчас голосовать за включение депутата Важенина.

– Мне очень важна посещаемость Контрольно-счетной комиссии, – сказал я, – Думаю, она важна для всех присутствующих здесь, потому что Контрольно-счетная комиссия – это не комиссия по потребительскому рынку, которая ни разу не собралась и никто даже не заметил. Депутат Важенин не ответил на вопрос, будет он ходить на заседания или не будет.

Я посмотрел на него.

– Это мое личное дело! – ответил депутат Важенин.

– Давайте дадим человеку право не ходить, – неожиданно сказала депутат Серая, – Не надо ограничивать, пусть будет как будет.

«Ох, ну и союзнички у нас!» – подумал я.

– Еще раз хочу напомнить, что мы поручили КСК готовить искивые заявления и возражения на иски, поданные против совета, – сказала депутат Кузнецова, глядя на Серую, – Если их не будет, нам на совете нечего будет принимать. Не будет никакого совета! Администрация ведет уже семь дел против нас.

– Коллеги! – обратился к депутатам Ранков, – Кто за то, чтобы Сергей Александрович Важенин присоединился к комиссии, которую возглавляет Никита Андреевич Юферев? Прошу голосовать!

Большинство депутатов «Яблока» и Экс-Ц проголосовали против или воздержались. «За» проголосовали семь депутатов, в том числе депутат Серая. Их голосов было недостаточно. Депутат Важенин не вошел в Контрольно-счетной комиссии.

Тогда депутат Серая подняла руку и потребовала включить в КСК себя, вместо Важенина. Депутат Бархатова была в восторге от такого хода:

– Как вам такое, дорогие яблочки?! – закричала Бархатова и расхохоталась.

– Вы будете ходить на комиссию? – спросила Кузнецова депутата Серую.

– Да, – пообещала Серая.

Большинством голосов депутат Серая вошла в состав КСК, в которой не планировала работать. На одном из следующих заседаний депутат Серая попросила исключить себя из Контрольно-счетной комиссии, совет удовлетворил ее просьбу.

Перешли к следующему вопросу. Я внес законодательную инициативу о видеотрансляции заседаний. Муниципальный совет имел право подготовить проект закона Санкт-Петербурга и обратиться к Законодательному собранию с просьбой принять его.

Ранее я уже предлагал совету выступить с инициативой о видеотрансляциях, но тогда депутаты старались отвергнуть любое предложение «Яблока» и голосов не хватило. В этот раз у меня появились новые аргументы. Плюс отношения в совете стали более рабочими.

– Надо, чтобы Законодательное собрание дополнило закон об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге, – сказал я, – Чтобы на открытых заседаниях муниципальных советов по всему городу осуществлялась видеозапись с прямой и последующей трансляцией в Интернете. Порядок такой трансляции должны утвердить сами муниципальные советы города.

Депутат Балтруков записывал заседания в Смольнинском и выкладывал в открытый доступ. Избиратели этим интересовались. В тот момент был разгар коронавируса. Прикрываясь санитарными ограничениями, Колб закрыл вход в здание муниципалитета. Видеотрансляция была единственной возможностью для людей поприсутствовать на заседании муниципального совета.

Депутат Бархатова тянула руку.

– Каждый муниципальный совет может принять свои правила, – продолжил я, – Кто-то режиссера наймет (я надеюсь, такового не будет), а кто-то поставит на стол штатив с телефоном и будет выкладывать на сайт. Денег для этого много не надо. Да ведь, Дмитрий Николаевич? – спросил я депутата Балтрукова.

– Вообще не трачу денег на это, – ответил он.

– В 2015 году Юридическое управление Законодательного собрания рассмотрело этот текст, оно дало положительное заключение. Также положительное заключение по формулировкам дала комиссия Законодательного собрания по госстроительству. Но прошло пять лет, инициатива потерялась в Законодательном собрании. Надо про нее напомнить. Время изменилось. Муниципальные советы стали открытее. Жители интересуются. Давайте дадим право всем жителям Санкт-Петербурга наблюдать за работой своих депутатов. Потому что есть места в городе, где депутаты вообще не собираются, а только глава от их имени издает бумаги. Вспомню пример, который я уже приводил. Когда назначали выборы, в которых мы с вами участвовали, я пришел под двери муниципального совета, меня сюда не пустили. Они назначили выборы, а я как житель Смольнинского, не смог тут присутствовать. Полицию обещали на меня вызвать, что я слишком громко стучусь в дверь. Если бы была видеотрансляция, то я бы не стал ломиться.

Поэтому, уважаемые коллеги, давайте обратимся в Законодательное собрание с инициативой. А они примут решение.

Я закончил доклад. Ранков дал слово Бархатовой.

— У меня есть экономическое обоснование, которое влечет данный закон, — сказала депутат Бархатова и начала раздавать присутствующим листки бумаги с распечатанным текстом и таблицами, — Если посмотреть внимательно, Никита Андреевич все красиво рассказал...

— Как всегда! — отметил я.

— Но об одном он забыл упомянуть! — продолжила депутат Бархатова, — Мы должны считать деньги! Деньги мы должны считать не свои собственные из кармана. Не на камеру с телефоном. А деньги мы должны считать бюджетные, которые закладываются в закон. В этой закупочке будут участвовать представители от партии власти, которые любят расходувать бюджетные денюжки. Плюс эти закупочки, чтобы, как предлагает Никита Андреевич, микрофончик поставить, влекут за собой увеличение штата муниципального образования. Это дополнительная должность — и это деньги опять из бюджета.

— Я, когда получила данную законодательную инициативу, специально обратилась за расценками, — депутат Бархатова тыкала пальцем в свои расчеты, — Минимальный набор на один муниципалитет: от 600 тысяч на оснащение этого мероприятия! Плюс постоянный расход на зарплату какого-нибудь человека. Если сложить для всего города: это 62 млн! На такие деньги можно посадить целый парк. Но! Вишенка на торте заключается не в этом! — депутат Бархатова начала буквально орать и бегать по залу, — Никита Андреевич сам сказал, что трансляция будет вестись только на открытых заседаниях. Его не пустили на заседание, потому что заседание сделали закрытым. Любая партия власти просто сделает все заседания закрытыми и вот эти денежки, Никита Андреевич! — Бархатова наклонилась и начала трясти бумажкой с расчетами передо мной, — Денежки полетят в трубу! Из казны!

Градус театральности зашкаливал. Депутат Бархатова обвиняла меня – самого большого на свете жмота – в желании пустить на ветер бюджетные деньги.

– А жители, – продолжила кричать депутат Бархатова, – на эти деньги не дополучат ни детских площадок, ни каких-то социальных проектов. Вы лезете в карман бюджета! Зачем?!

Она сделала паузу, чтобы перевести дух. Депутат Бархатова любила эмоционально накрутить себя до самых высоких градусов. Обычно депутаты выступают сидя, не повышая голос. Никогда еще депутат не бегал по залу во время выступления. Мы встретились взглядом с депутатом Мишкинис, которая сидела напротив меня. Она развела руками.

– Не надо есть бюджет! – продолжила депутат Бархатова свое эмоционального выступления, – Никто не запрещает депутатам других муниципалитетов проводить сейчас трансляции заседаний.

– Запрещает, – сказал я. Мы общались с оппозиционными депутатами из других муниципальных образований, где от оппозиции избрались 1–2 депутата, которые были в меньшинстве. Им не просто запрещали снимать: депутаты от «Единой России» нападали во время заседания и пытались отобрать смартфоны, на которые велась видео-съемка.

– Никто не запрещает! – кричала депутат Бархатова еще громче, – Я могу вам только одно сказать, уважаемые депутаты! Эта инициатива – это просто пиар-кампания господина Юферева и партии «Яблоко»! Они хотят выйти в Законодательное собрание, в преддверие выборов сказать: «мы такие хорошие, мы за гласность»! Они водят нас за нос! Я не хочу быть дураком! – закончила свое выступление депутат Бархатова, – Призываю вас не быть дураками!

Бархатова села в свое кресло. Мы сидели рядом, я видел, как она тяжело дышала. Выступление было очень эмоциональным и далось ей тяжело.

Слово попросил депутат Балтруков.

– Это «экономическое обоснование» само вызывает массу

вопросов, — Балтруков показал листок с расчетами, который раздала Бархатова, — Я немного разбираюсь в технических вещах. В ваших подсчетах использовалось дорогое оборудование от имиджевого производителя. Если хотелось получить сумму побольше, то можно, конечно, использовать это оборудование. На самом деле, для трансляции заседаний есть масса провайдеров облачных сервисов. В муниципалитете подключен интернет. Облачное видео-наблюдение с выкладкой на сайт стоит в пределах 500–1000 рублей вместе с архивом. Дополнительная штатная единица, чтобы раз в месяц нажать пару кнопок, наверное, тоже не нужна, — депутат Балтруков специально говорил тише и спокойнее, чем обычно (мы только что увидели, какой эмоциональной может быть депутат Бархатова, и переживали за ее здоровье).

— Это ваши домыслы! — закричала Бархатова.

— Ваше экономическое обоснование — не менее домыслы, — почти прошептал Балтруков, — Конечно, можно сказать, что каждый муниципалитет создаст телеканал для осуществления видеотрансляций...

В зале захихикали.

— Для создания телеканала можно даже спутник запустить, — сказал депутат Балтруков.

Слово взял депутат Захаров.

— По поводу 600 тысяч, которые вы рассчитали, — обратился он к Бархатовой, — Мы на работе обновляли переговорную комнату. На самом деле, если ответственно подойти к процессу, коллеги с моей работы примерно такую же сумму называли. Но! Каждый муниципалитет может реализовать видеотрансляцию на такие деньги, на какие решат депутаты. Их назначили избиратели. Мне кажется, что они справятся. Могут за 600 тысяч, могут за 20 тысяч или вообще бесплатно. Инициатива правильная, у нас сейчас XXI век, предлагаю поддержать.

— Вы поймите, это пустая инициатива! — закричала Бархатова, — В ЗакСе ее просто отклонят!

— Это будет уже их мнение, — сказала Мишкинис.

– Но мы сделаем пиар-кампанию для «Яблока»! – сказала Бархатова и начала тыкать в меня пальцем. Несколько месяцев назад, на фоне противостояния «Яблока» и Ц, такой аргумент мог бы сработать, но в этот раз депутаты только пожалы печами: «ну и что!».

Этот момент наглядно показал, насколько изменилась политическая обстановка в Смольнинском. Стена между депутатами «Яблока» и депутатами Экс-Ц окончательно рухнула. Рухнула публично. Ранков насторожился. Бархатова неуверенно посмотрела на депутата Мишкинис.

– Ну, если вы голосуете за их пиар-кампанию..., – сказала Бархатова, ожидая соответствующей реакции. В ответ депутат Мишкинис отмахнулась рукой.

– Мы практически год работаем депутатами, – сказала Мишкинис, – В самом начале коллеги вносили эту инициативу, мы ее не приняли. Но в течение года я убедилась, что видеозапись совета это, во-первых, очень удобно. А во-вторых, это гласность. Я не вижу минусов.

– Видеозапись станет официальной, – сказала депутат Кузнецова, – Она сможет предоставляться в суд. К нам сейчас постоянные иски, что якобы мы не по процедуре принимаем решения. Мы сможем продемонстрировать в суде видеозапись. Иногда очень важно зафиксировать присутствие депутатов, наличие кворума. Когда запись будет официальная, это будет приниматься как доказательство в суде. Поэтому я за то, чтобы принять эту инициативу и подтолкнуть Законодательное собрание уже, наконец-то, рассмотреть. В Москве эта норма действует три года. И никто не умер, хотя муниципалитеты там беднее наших на порядок.

Московские муниципалитеты были действительно не богаты: 10–20 млн. в год. Все деньги мэрия Москвы подгрела под себя, но это не мешало московским муниципалитетам проводить видеотрансляции.

– Я хочу обратить внимание уважаемых депутатов, – сказала депутат Бархатова, на этот раз спокойно и без тени эмо-

ций, — Что в формулировках указано: только «на открытых заседаниях». Муниципалитеты, где большинство у «Единой России», просто скажут, что закрывают все заседания и трансляции никакой не будет.

Заседания муниципальных советов бывают открытыми и закрытыми. Закрыть заседание возможно, если на нем рассматриваются персональные вопросы.

— Поэтому я считаю бессмысленным данный закон, — продолжила Бархатова, — Если бы мы убрали из формулировки слово «открытых», а оставили бы просто на заседаниях, то возможно этот вариант рассматривался бы.

— Если мы уберем это слово, — ответил Балтруков, — то юристы ЗакСа скажут, что закрытые заседания на то и закрытые, что их никуда нельзя выкладывать..

— Там персональные данные, — напомнила депутат Шпринг.

— Да, снимать закрытые заседания нельзя, — продолжил Балтруков, — На этом основании отклонят законопроект.

— Мы сейчас погуглили и нашли стоимость микрофона, которую вы приводите в расчетах, — обратилась Мишкинис к депутату Бархатовой. — Вы приводите стоимость микрофона 110 тысяч. Точно такой же, как у вас, стоит от 7 тысяч до 8,5».

Так завышать цены не позволял себе даже Колб!

Большинство депутатов горячо поддерживало законодательную инициативу. Может быть, хорошо, что Ранков не давал мне слова. Все нужные слова сказали другие депутаты. Но дошла очередь и до меня.

— Уважаемые коллеги, — сказал я, — Можно ли украсть на этой закупке? Наверное, можно. Они могут украсть на любой закупке. Как на закупке детских площадок...

— На закупке чая! — добавила депутат Шпринг.

— Чай, — повторил я, — Если наши соседи, например, из Финляндского округа захотят украсть на какой-нибудь закупке — они украдут.

— У них такое же положение о Контрольно-счетной комиссии, — напомнил Ранков, — Как они украдут?

В тот момент уже стало известно, что положение о КСК мы нахально сплагатили у Финляндского округа, а Колб подал в суд на совет, чтобы признать положение незаконным.

— Оно, видимо, другое! — ответил я Ранкову. — Положение из Финляндского округа никто в суде не оспаривает... На любом вопросе местного значения жулики при желании могут украсть, — продолжил я мысль, — Это не может быть аргументом, чтобы вопрос не вносить в закон Санкт-Петербурга. Что касается формулировок: в принципе, я не против любого изменения формулировок. Но тогда у нас пропадет вся прелесть этой законодательной инициативы: она уже прошла все процедуры согласования и выверения формулировок.

Кажется все аргументы были высказаны, надо было приступить к голосованию. Но Ранков тоже решил выступить.

— Маленькая ремарочка, — сказал он, — Никита Андреевич много говорил про то заседание, на которое его не пустили. Никита Андреевич, заседание было закрыто, потому что рассматривался персональный вопрос!

Зачем он это сказал?

— Вы не можете на закрытом заседании рассматривать вопрос о назначении выборов — это нарушение закона, — ответил я, — Поговорите со своими юристами, Григорий Михайлович. Они вас постоянно подставляют!

Ранков что-то пробурчал в ответ и поставил законодательную инициативу на голосование.

Четырнадцать депутатов были «за», в том числе депутат Шавлов из «Единой России» и депутат Гудков. Против голосовали только Важенин и Бархатова. Депутат Хрщонович воздержался. Решение принято.

Бархатова сидела мрачнее тучи. И дело даже не в том, что она не смогла убедить депутатов провалить мой проект. А в том, что она увидела, как депутаты Экс-Ц Мишкинис и Шпринг защищали инициативу «Яблока». Пару заседаний назад это невозможно было вообразить. Бархатова увидела зарождающуюся коалицию.

Дальше рассмотрели вопрос, внесенный депутатом Балтруковым. Он предложил от имени совета написать жалобу на цензуру. Администрация отказалась печатать решение совета №82 (против поправок в Конституцию).

Главный редактор газеты обязан ставить в номер решения совета. Для их публикации создавалась муниципальная газета. Но Колб и Королев всячески сопротивлялись публикации решения против поправок в Конституции. Они сорвали целых два выпуска газеты подряд и публикацию других решений совета.

Главный редактор считал, что они с использованием должностного положения принуждают его отказаться от распространения информации, что, в соответствии с законом, было одним из признаков цензуры и уголовным преступлением. Балтруков предложил совету направить жалобы в Следственный комитет и полицию. Поскольку Ранкову выпала честь быть главой муниципалитета, то жалобы должны пойти за его подписью.

— А если выяснится, что это ложный донос? Кто отвечать будет? — нервно спросил он, — Я или вы?!!

— Вы, конечно, — сказала депутат Мишкинис. Да, тяжело быть главой совета, в который не удалось избраться, и депутаты которого в большинстве не разделяют твоих политических позиций.

— Отвечать будут те, кто проголосовал! — выкрикнул из зала чей-то помощник.

— Так! — сказала депутат Кузнецова, — Это требует пояснения! Товарищи депутаты, в законе Российской Федерации есть прямое указание, что ни один депутат за свое голосование на совете не может быть подвержен ни уголовной, ни административной, ни какой-либо другой ответственности.

Кузнецова знала, о чем говорила: это черными буквами прописано в статье 40 федерального закона о местном самоуправлении: «Депутат, член выборного органа местного самоуправления не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и другие действия, соответствующие статусу депутата».

Несмотря на этот закон, позже, в 2022 году, депутатов Смольнинского, голосовавших за отставку Путина, оштрафуют и подвергнут преследованию. А нашего коллегу Алексея Горинова из московского муниципалитета за антивоенное высказывание, сделанное в ходе заседания, посадят в тюрьму на семь лет. Но это случится через два года. А пока мы верили, что законы в России хоть как-то, со скрипом, но все же соблюдаются.

Депутаты проголосовали за то, чтобы пожаловаться на цензуру в правоохранительные органы. При голосовании воздержалась только депутат Бархатова.

Это было одно из самых важных заседаний в Смольнинском. В повестке дня не было ничего экстраординарного, но в тот день – на заседании 5 августа 2020 года, мы почувствовали, что интересы депутатов «Яблока» и депутатов Экс-Ц совпадают.

Десять депутатов, не сговариваясь, начали голосовать совместно. Было далеко до формальных договоренностей, коалиционного соглашения и распределения должностей, но на том заседании мы продемонстрировали единство.

Коалицию увидели депутаты ШН: Захаров и Серая. Им предстояло сделать выбор, какую из двух команд поддержать: «Яблоко» плюс Экс-Ц или команду «ЕР». Мы не сомневались, что ребята примкнут к нам.

Коалицию увидели администрация Смольнинского, администрация Центрального района и «Единая Россия». Они почувствовали, что запахло жареным, и решили перейти к по-настоящему грязным играм.

Часть третья. В коалиции

НАПАДЕНИЕ НА МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ

Наша фракция блокировала выборы главы почти год, надеясь, что несколько независимых депутатов все же созреют для коалиции. Эта тактика сработала. В коалицию вошли двенадцать депутатов. Семь депутатов «Яблока», три депутата Экс-Ц и два депутата ШН договорились, чтобы 2 сентября 2020 года избрать главой муниципалитета депутата Екатерину Кузнецову и, наконец-то, отправить Ранкова в отставку.

Фактически коалиция сформировалась раньше: на предыдущем заседании. В этот раз наши оппоненты увидели проекты документов, подтверждающие, что мы наконец договорились: за несколько дней до заседания депутат Балтруков внес на рассмотрение совета вопрос о выборах и вопрос об осуществлении полномочий главы на постоянной основе (новый глава сможет получать зарплату из бюджета за свою работу).

Наши оппоненты предприняли меры. Администрация пригнала Воронину, Антоновича, Важенина, которые не отличались прилежностью в посещении заседаний. Впервые за несколько месяцев присутствовали все 20 депутатов. Были мобилизованы «местные жители». Я специально поставил кавычки, потому что платные артисты местными жителями не были, их пригнали для изображения народного гнева.

Все началось с того, что в зал заседаний влетели двое мужчин в спортивных костюмах, головы их были закрыты капюшонами и масками. Налетчики начали задирать присутствующих депутатов, ругались матом и провоцировали драку. Депутат Балтруков снимал происходящее на видео. Один из налетчиков набросился на него, пытаясь отобрать смартфон и штатив. Депутат Балтруков вцепился в телефон и сдерживался как мог, чтобы

не ударить в ответ. Рядом стояла депутат Кузнецова, она попыталась втиснуться между Балтруковым и налетчиком.

Бить женщин не принято даже в хулиганской среде. Налетчик опешил. Он не понимал, что делать. Депутат Кузнецова применила самое страшное оружие: начала ругаться высоким женским голосом. Ситуация длилась недолго, но закончилась позорным бегством обоих налетчиков. Довольная результатом, Кузнецова, вернулась на свое рабочее место.

Вот как этот момент вспоминала депутат Шпринг:

«Тем двум гопникам, которые первыми пришли на заседание, пока мы еще были не в полном составе, нужно было нас как-то спровоцировать. Как только они вошли в масках и капюшонах и стали что-то неуверенно и нечленораздельно спрашивать, я сразу поняла: вот оно началось. Задача была напугать и сорвать заседание, но как конкретно это сделать – им инструкции не дали.

Увидев, что Балтруков все снимает на камеру, они полезли на него, завязалась потасовка. Я выбежала из зала заседания, уверенная, что Ранков заперся в кабинете, но, к удивлению, дверь оказалась открыта. Из его кабинета два выхода: первый – в приемную, второй – прямо в зал заседания. Ранков стоял у двери в зал заседания, буквально прильнув ухом, и нервно курил. Слышал и понимал он, видимо, не все. Рядом с Ранковым стояла Полина-Тереза.

Я заорала, что его наемные гопники бьют депутатов и что он должен остановить их. Его фраза «Как бьют?!» была само-разоблачительна: видимо, он не давал указаний о физической расправе. Очухавшись, они вдвоем стали кричать на меня, как я смею обвинять Григория Михайловича! Но после того, как я застучала их подслушивающими, и после их реакции у меня не было и капли сомнения, что налетчиков нанял Ранков».

Это была отличная разминка перед тем, что Ранков заготовил дальше. В тот миг, как налетчики в масках покинули зал заседаний, в него вошел широкоплечий мужик в кожаной куртке. Мы с депутатами обсуждали, пора ли вызвать полицию. В конце

концов, выборы главы – это хорошо, но безопасность важнее. Присутствие полиции на заседании могло предотвратить драки.

– Думаю, надо вызывать полицию, – сказал я.

– Да, прямо сейчас, – сказала депутат Кузнецова.

– Однозначно! – хором ответили депутаты Мишкинис и Серая.

Мужчина в кожаной куртке ходил по залу. Зашли еще несколько мужчин в куртках, которых мы никогда не видели. Они были в масках. Как никак, ковид.

В зал вошел Ранков. Он почему-то всегда приходил на заседание совета в импозантных галстуках, которые более уместно надевать на пакистанскую свадьбу.

– Григорий Михайлович, нужно вызвать полицию, – сказала Кузнецова.

– Уже нападают на депутатов, – сказала Мишкинис.

– Я все передам Колбу, он вызовет, – ответил Ранков.

Вошел помощник прокурора Центрального района Елисеев, в синей форме, украшенной золотыми побрякушками. В этот момент мужчина в кожаной курточке навис над одной из жительниц муниципалитета и громко, на весь зал, спросил:

– Не подскажите, чем я вам угрожаю?

– Отойдите от меня, – испуганно ответила женщина.

Депутаты напомнили присутствующим, что происходящее снимается на видео. Мужчина в кожаной куртке отошел от жительницы и начал требовать от депутатов предоставить ему повестку заседания. В этот момент зашли еще несколько бритых мужчин в кожаных куртках.

– Я хочу узнать о вашей работе! – агрессивно крикнул предводитель курток.

В нашем совете кричали редко (только я и Бархатова позволяли себе такое). Мы опешили. Ранков изображал искреннее удивление происходящим. Крайнюю озабоченность. Но, будучи ответственным за порядок и безопасность в помещении совета, ничего не делал, чтобы прекратить перепалки и начать заседание.

Один их курток по-хозяйски сел за депутатский стол между мной и депутатом Кузнецовой и в агрессивной форме потребовал «ответа на свои вопросы». Особой нервозности доставляло то, что банда курток ходила вокруг стола: за нашими спинами. Мы не могли держать их в поле зрения. Несколько депутатов и жителей, пришедших на заседание, достали телефоны и начали дозваниваться в полицию.

Ранков по прежнему бездействовал. Помощник прокурора Елисеев умиленно наблюдал за происходящим. Колб смотрел спектакль из коридора, заглядывая в дверной проем.

Депутаты потребовали, чтобы все посетители зарегистрировались. Это обязательное требование регламента: каждый желающий присутствовать на заседании должен вписать свои ФИО в лист регистрации.

– Григорий Михайлович, – обратилась к Ранкову депутат Мишкинис, – Вы, как председательствующий, должны решить вопрос с регистрацией.

Ранков ничего не решил. Мужчины в куртках категорически отказались регистрироваться.

В этот момент репетиция закончилась, зазвенел звонок, актеры заняли места на сцене. Предводитель банды в куртках начал спектакль.

– Вы все тут лоббируете свои интересы! – прокричал он, – Вы не занимаетесь проблемами района!

– Мы отстаиваем интересы наших избирателей, – сказал я.

– Дорогой мой, у меня монолог! – ответил предводитель курток, – Сюда пришли люди, которые хотят что-то от вас добиться! Нихера получить не могут! Вы должны согласовать с нами свою повестку! Она должна отражать наши интересы!

Жители округа, присутствующие в зале, начали возмущаться таким поведением. Монолог предводителя прерывался репликами жителей: «Почему вы срываете заседание?», «Мы никогда вас не видели!», «Из какого вы дома?». Артисту было тяжело, но он старался. В перепалку был вовлечен весь зал. Ранков,

Колб и прокурор Елисеев продолжали безучастно наблюдать за происходящим.

Вошел депутат Важенин, его радостно встретил один из банды курток. Они пожали друг другу руки и обменялись теплыми словами. Но это мы увидели потом, на видеозаписи. А пока предводитель курток сел во главу депутатского стола.

Мужчины в курточках прибывали. Вскоре в зале не осталось свободных мест, негде было даже стоять. Заседание давно должно было начаться, но банда курток рассредоточилась по залу и, следуя примеру предводителя, начала устраивать перепалки с присутствующими жителями и депутатами.

– Вы ничего не сделали! – кричал на депутатов предводитель курток, – Ничего! Не надо мне рассказывать! Жители района вас никого не знают! Вообще никого! У нас, у жителей, нет никакой информации о вас!

Царил полный хаос, все галдели, предводитель орал. В зал протиснулся депутат Антонович, он долго пробирався через толпу, заполонившую зал. Антонович пожал мне руку и хотел о чем-то поговорить, но мы даже не могли расслышать друг друга.

– Господа депутаты! – прокричал предводитель курток, размахивая повесткой заседания. – Не согласовывайте эту повестку! Она мне не нравится! Она не устраивает никого из здесь присутствующих!

Бардак продолжался уже 15 минут. И не планировал заканчиваться. Монолог предводителя курток затянулся:

– Тут сидят жители, которые все говорят: давайте этот мусор пересогласуем! – он театрально смял распечатку с повесткой дня. – Это же мусор, а не повестка дня! Она не имеет отношения к проблемам жителей района!

Мы встретились глазами с депутатом Кузнецовой. Она оптимистично улыбнулась. Было понятно, что наши оппоненты просто так не отдадут власть в муниципалитете.

Ранкова все же довели до места и усадили в кресло.

– Через пять минут я начинаю заседание, – сказал он.

– Никакое заседание с такой повесткой жителям не интересно! – прокричал предводитель курток. – Давайте согласуем что-нибудь нормальное.

– Что вы хотите конкретно? – спросил Ранков.

Мужчины в куртках резко замолкли. В зале наступила тишина.

– Мы хотим, чтобы повестка была пересогласована! – сказал предводитель. – Чтобы она учитывала интересы жителей района. Те проблемы, которые реально их волнуют. Нас интересуют проблемы района! Депутаты вообще не работают! Не был согласован даже бюджет! Зачем вас выбирали вообще! Депутаты блокируют все!

В этот момент вскочила Илона, активистка «Единой России». Она подошла к «народному трибуну» и стала подавать ему письменное заявление.

– Я сделала запрос в администрацию муниципалитета... – сказала Илона.

– Господин прокурор, обратите внимание на заявление этой женщины! – распорядился предводитель курток.

Илона повернулась к залу и начала читать по бумажке:

– Программа по благоустройству исполнена только на 13%! – крикнула она, – Это официальные цифры! Ни одна программа в Смольнинском не исполнена на 50%! Вот, посмотрите, – она подала свое прошение предводителю.

– Илона, кто исполняет программы? – спросил я.

Илона ступевалась. Она была не глупой женщиной и знала, что исполнять программы – это прямая обязанность Колба, главы исполнительного органа. Собственно, мы очень хотели от него избавиться, потому что его администрация не делала почти ничего, кроме исправного освоения средств по статье «зарплата и премии».

Нападать на Колба в планы налетчиков не входило. Они пришли стыдить депутатов. Предводитель курток быстро вмешался и начал на меня кричать: «К вам приходят люди с цифрами, а вы ничера не делаете!» – он тыкал в меня пальцем.

Опять, как по команде, поднялся гвалт. Депутат Мишкинис взяла металлический термос и начала стучать им по столу, привлекая внимание присутствующих. Все поутихло.

– Григорий Михайлович, – строго сказала она Ранкову, – Начинайте заседание!

– Ничего не начинайте! – перебил предводитель курток. – Жительница пришла к вам с проблемой. Где она в повестке дня?

Он кричал все громче и агрессивней. Накал эмоций поднялся по нарастающей.

– Где полиция?! – крикнула депутат Серая. Прошло двадцать минут после вызова, но ни одного полицейского в здании не появилось.

– НАЧИНАЮ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА! – проорал Ранков.

– НЕТ! – крикнул предводитель курток и перешел к самому главному, – Вы тут кого-то избирать собрались! Сначала вы должны решить все наши проблемы, а потом будете избирать!

Он начал хватать со стола документы, предназначенные для депутатов, и демонстративно их мять. В тот день прямая демократия в Смольнинском вышла из под контроля, хотелось вернуться в цивилизованное русло представительной демократии. Я обратился к Ранкову:

– Прошу дать поручение аппарату вызвать полицию.

– Вот так вот вы к людям относитесь! – закричал на меня предводитель курток.

– Вы срываете заседание, – сказал я.

– Коллеги! – сказал Ранков, – Начинаем заседание!

– НИЧЕГО НАЧИНАТЬ НЕ НАДО! – предводитель курток и члены банды начали кричать одновременно, – Согласуйте с жителями района то, что их интересует! Вызывайте полицию! Пусть она нас заберет! Заберет людей, выступающих за жителей района! Ни одного вопроса для жителей района не обсуждается!

Признаться, он начал утомлять. Одно и то же. Сценаристы спектакля могли бы придумать больше разнообразных реплик для этого персонажа. Снова поднялся гвалт. Сквозь него раздался крик депутата Мишкинис:

– Григорий Михайлович, что происходит? – прокричала она.

– Я не знаю, что происходит, – ответил Ранков.

– До тех пор, пока не приедет полиция, заседание я вам не разрешу начать! – предводитель курток выдвинул условие. Отделение полиции находилось в четырех минутах езды от здания муниципалитета, а главный офис городской полиции еще ближе: в 500 метрах. Но полиция, по странному стечению обстоятельств, видимо, потерялась по дороге.

Мужчины в куртках рассредоточились вокруг депутатского стола, они стояли за спинами депутатов. Наши помощники и сторонники повскакивали с мест, чтобы вклиниться между куртками и депутатами и таким образом защитить нас от возможного нападения со спины. До драки было недалеко.

Предводитель курток сидел на месте депутата Бархатовой.

– Женщина стоит, а вы сидите, – пожурил его я, – Вы занимаете ее место.

– За столом сидит достаточно молодых людей, чтобы уступить ей место, – прокричал галантный предводитель курток, показывая на других депутатов.

Продолжались мелкие стычки. Провокаторы одновременно кричали в разных концах зала. Заседание было очень далеко от начала.

– ВНИМАНИЕ! – крикнул Ранков и вскочил с места, – Внимание! Внимание! Сейчас двадцать депутатов, прокурор и аппарат перемещаются ко мне в кабинет!

Он взял бумаги со стола и направился на выход. Фактически заседание было сорвано. Агрессивная толпа захватила представительный орган власти. Депутаты начали подниматься с мест и покидать зал заседания. Мы надеялись, что в кабинете Ранкова удастся приступить к рассмотрению повестки дня.

Мы вошли в кабинет Ранкова. Несколько депутатов заняли кресла вокруг стола. Те, кто не поместился за стол, уселись на большом угловом диване.

– А прокурор где? – спросил я.

– Сейчас должен зайти, – ответил депутат Хрщонович. Трём депутатам не хватило мест. Депутат Захаров, депутат Шавлов и я решили постоять, но Ранков обещал организовать стулья. Присутствовали все, кроме депутата Палюги.

– Где Палюга? – спросил я.

В этот момент раздались крики и женский визг. «Дверь! Дверь!» – крикнул кто-то. С боем, растолкав наших помощников и сторонников, в кабинет ворвались куртки. Маневр со сменой зала заседаний не удался.

– ТАМ ЖИТЕЛИ! – закричал предводитель курток, указывая на дверь, – Там жители требуют решения своих проблем!

В углу кабинета началась драка. Несколько курток напали на Дениса Михайлова, местного жителя, который пытался преградить им дорогу, и начали бить. Стоявшие рядом быстро разняли драку.

Толпа, которая не влезала даже в зал заседания, наполнила тесный кабинет Ранкова. Люди стояли стеной, не протолкнуться, и кричали друг на друга. Громче всех кричал предводитель курток. Концентрация агрессии в помещении нарастала. Камеры и телефоны снимали происходящее. Огромный портрет Владимира Путина наблюдал со стены. Полиция пока не приехала, несмотря на десятки звонков.

– Я очень прошу, – крикнул Ранков, – остаться в моем кабинете только депутатов, сотрудников аппарата и прокурора.

– Поскольку это просьба, – ответил предводитель курток, – то мы в вашей просьбе отказываем. Мы уйдем, только если нам скажет сотрудник полиции.

Полиция не ехала. В тот момент происходили протесты в Белоруссии и часть петербургской полиции отправили в соседнюю страну, подавлять мирный протест белорусов, не согласных с тем, что Лукашенко узурпировал власть.

– Меняйте повестку дня! Никаких выборов! – кричали куртки.

Появился депутат Палюга. Он попытался пройти к столу, пробираясь через толпу, в том числе мимо предводителя курток, которому очень не понравилось, что его нежное тело кто-то случайно задел. Предводитель начал быковать на депутата Палюгу. Они стояли и смотрели друг другу в глаза. Хорошо, что депутат Палюга долго занимался боксом и умел играть в гляделки. Предводитель курток стушевался и отошел.

Активистка Илона перемещалась по кабинету с проектом повестки и подзуживала толпу. «Они хотят сегодня избрать главой Кузнецову! Это яблочница! Это же яблочница!». Илона была очень погружена в ситуацию, происходящую в Смольнинском, но даже не жила в нашем муниципалитете.

— Так вы тут поворот планируете устроить, как в Белоруссии! — предводитель курток театрально заломил руки. Он решил с самого начала повторить свой громкий монолог про то, что мы не решаем проблемы жителей, а только свои. Заканчивался первый час спектакля и, признаюсь, мы очень устали. Представление было увлекательным, но актеры повторялись. Причем за целый час они так и не удосужились сказать, какую конкретную проблему депутаты должны решить.

— Мы пришли к вам! — крикнул предводитель, — И по вашим правилам здесь игра больше не будет идти!

— В пункте «Разное» мы рассмотрим все ваши вопросы, — успокаивал его депутат Палюга.

— Я бы на вашем месте так с людьми не разговаривал, — сказал предводитель курток, — Рано или поздно найдется человек...

— Так-так! — ухмыльнулся Палюга и сделал шаг вперед.

— Я вам не угрожаю, — спохватился предводитель.

— Это угроза, — сказал Палюга.

— Это не с моей стороны! Я просто предупреждаю!

Депутат Мишкинис выглянула в окно:

— Полиция приехала!

Вошли несколько полицейских, центр протестной активности переместился к ним. Потасовки прекратились. Ранков поговорил с полицейскими и обратился к присутствующим:

– Уважаемые коллеги! Сотрудники полиции обещают поддерживать порядок. Можно переместиться в зал.

Однако предводитель курток завладел вниманием полицейских:

– Они прячутся от народа! Мы пришли на заседание в зал заседаний, как это должно быть. А они сбежали от нас, заперлись в кабинет.

Только спустя двадцать минут полицейские смогли навести порядок в кабинете Ранкова и толпа, включая депутатов, стала перетекать в зал заседаний.

Один из курток подошел к Ранкову и спросил:

– Григорий Михайлович, нам уйти или остаться?

Святая простота! Его вопрос слышали стоявшие рядом жители и депутаты. Ранков выпучил глаза и ничего не ответил. У нас не осталось сомнения, кто был организатором нападения на муниципальный совет. Фактически, чтобы сохранить свое кресло, Ранков устроил майдан в 500 метрах от Смольного.

Нападение продолжалось уже больше часа, новость о нем облетела город и в здание муниципалитета пришло еще больше людей, чтобы посмотреть на торжество народной демократии. До своего рабочего места мне пришлось буквально протискиваться сквозь толпу, набившую зал заседаний. Никогда еще заседание совета Смольнинского не пользовалось такой популярностью.

Депутаты заняли свои места. Кресло депутата Серой пришлось расчищать полицейскому, потому что его занял один из налетчиков и отказывался уходить.

Предводитель курток снова начал свой монолог, он требовал изменить повестку дня, заслушать всех присутствующих и решить их вопросы. Потом он потребовал вообще отменить заседание. Полиция молча наблюдала, прокурор потирал свои золотые часы.

Ранков попытался поставить на голосование вопрос: начать заседание сейчас или сначала выслушать всех присутствующих жителей. Это было намеренная провокация с его стороны: если

мы согласимся слушать курток, то выступать они будут до утра и фактически заседание будет сорвано. Если мы проголосуем против того, чтобы слушать курток, то получим массу публикаций, что депутаты Смольнинского отказались выслушать проблемы жителей.

– У вас есть регламент, – сказала Ранкову депутат Кузнецова, – Действуйте по регламенту.

По регламенту Ранков больше часа назад должен был обратиться к полиции с требованием вывести из зала налетчиков, срывавших заседание.

Предводитель курток решил заново повторить свой монолог, требуя заслушать всех присутствующих. Я не выдержал и подержал его предложение.

– Уважаемые коллеги! – обратился я к залу, мне пришлось кричать, – Предлагаю внести все – ВСЕ! – вопросы присутствующих в повестку дня!

– Да! – закричал предводитель курток, – Вообще все!

– Вообще все! – сказал я, – В раздел разное.

Ранков поставил на голосование мое предложение. Шестнадцать депутатов проголосовали за. Предводитель курток замолк, он был удовлетворен, потому что не знал, что раздел «Разное» рассматривается после всех остальных вопросов, в самом конце заседания. Довольный победой, предводитель сел на место депутата Вороной.

Ранков открыл заседание.

Началось скучное согласование повестки дня. Нужно было определить, в каком порядке совет будет рассматривать вопросы, поступившие заранее. Через пять минут предводитель курток заскучал и покинул помещение. Депутат Вороная наконец-то смогла занять свое место.

Прокурор попросил рассмотреть свои вопросы в самом начале. Пятым вопросом утвердили выборы главы муниципалитета. Шестым пунктом поставили вопрос о зарплате главы. Также утвердили в повестку вопросы о проведении нового конкурса на главу местной администрации и формировании новой кон-

курсной комиссии. Затем запланировали еще раз послушать отчет главы, который он неудачно презентовал на предыдущем заседании. Всего 20 вопросов.

Примерно через час, когда депутаты в третий раз утверждали бюллетень для тайного голосования по одному из вопросов, зал начал пустеть. Ушли все куртки. Все-таки наблюдать за соблюдением регламентных процедур — довольно скучное занятие для народных артистов.

Позже айтишники помогли установить личности нападавших. Оказывается, по фотографии в интернете можно найти любого человека. Куртки, пытавшиеся в тот день сорвать заседание совета, состояли в клубе байкеров в Сестрорецке. Это 35 километров от Смольнинского. Они не жили в нашем муниципалитете, но проделали этот путь, чтобы от имени жителей сорвать избрание нового главы и отставку Ранкова.

Через три часа совет дошел до рассмотрения вопроса о выборах главы.

Чтобы депутат Кузнецова была выбрана главой муниципалитета, нужно 11 голосов депутатов. Наша коалиция состояла из 12 депутатов. Однако, напомним, было второе условие: чтобы выборы были признаны состоявшимися, в них должны принять участие не менее 14 депутатов из 20.

Когда наша маленькая фракция «Яблоко» почти год блокировала выборы, мы выслушивали упреки депутатов «Единой России», Важенина, Бархатовой, Гудкова и прочих, что мы, негодяи, мешаем муниципалитету нормально работать, не верим в выборы и демократию, за деньги договорились с Ранковым оставить его в кресле главы и аналогичную конспирологическую чепуху.

Когда мы объявили, что «Яблоко» снимет блокировку, позиция наших оппонентов резко поменялась. Вы уже, наверное, догадались, что они сказали.

— Я отказываюсь голосовать, — сказал депутат Важенин, — Призываю всех разумных, кто отстаивает собственное мнение, тоже отказаться от голосования.

– Состоялись переговоры, это очень хорошо, это большой шаг, – сказал депутат Гудков. – Предлагаю переговоры продлить и отложить голосование. Я голосовать не буду!

Депутат Бархатова обвинила нашу коалицию в сговоре, потому что переговоры проводились без ее участия:

– Вы поступили очень некорректно, – сказала она, – позвав на ваше последнее совещание определенных лиц, которые сегодня показали нам пакетность вашего голосования. И мы все должны здесь собраться и попытаться договориться. Вас большинство, но учитывать нужно мнение каждого.

Депутат Балтруков предложил ей провести обсуждение прямо сейчас.

– Депутаты собрались, – сказал он, – Давайте выдвинем кандидатуры и обсудим.

– Кого вы предлагаете, Елена Николаевна? – спросила депутат Мишкинис.

– Сейчас бесполезно предлагать! – ответила депутат Бархатова, – Вы уже сговорились.

– Считаю, что выборы главы – преждевременны! – сказал полковник Антонович.

– Я хочу добавить, – депутат Гудков решил прояснить свою позицию еще раз, – Я ни под каким предлогом не оправдываю Григория Михайловича, он очень плохо работает – это я всегда говорил. Это оценка работы существующего человека. И я под ней подпишусь и проголосую. Но считаю, что отдавать «Яблоку» полную власть – преждевременно! Нужно садиться и разговаривать, рано мы начали голосовать, давайте еще будем говорить.

– Еще пару лет! – язвительно выкрикнули депутаты Мишкинис и Шпринг.

Я посмотрел на депутата Гудкова и сказал:

– Очень жалко Ранкова. Он у нас задержался. В том числе, наоборот, по нашей вине – вы все возмущенно говорили, что «Яблоко» блокирует голосование. У нас есть предложение: сегодня «Яблоко» не блокирует. Но, как мы видим, теперь у депутатов, ко-

торые всегда якобы были за выборы, позиция поменялась на диаметрально противоположную: «а давайте разговаривать», «а давайте обсуждать». Чем дальше мы разговариваем, чем дальше мы обсуждаем, тем дальше мы отдаляемся от того решения, которое могли бы принять прямо сегодня, на этом заседании: мы могли бы поблагодарить Григория Михайловича Ранкова и с почетом отправить его на муниципальную пенсию. И сделать главой депутата, избранного жителями. Поэтому, коллеги, расцениваю все попытки оттянуть, перенести, продолжить консультации – как способ оставить Григория Михайловича на своем месте. Можно сколько угодно говорить, какой он плохой, но вы хотите оставить Ранкова в кресле главы.

– Я хочу акцентировать внимание, – сказала депутат Мишикнис, – что в зависимости от ситуации, которая меняется, очень интересно меняется позиция некоторых депутатов. Я была за то, чтобы выбирать главу, и я остаюсь на этой позиции. Но некоторые депутаты, в зависимости от желания или нежелания видеть на посту главы конкретного человека, начинают лукавить и выставлять ситуацию под другим углом. Вы сидели за этим столом и говорили: «как же так, мы год не можем выбрать главу совета». Теперь же вы нашли кучу оправданий, почему сейчас выбирать главу не нужно. Почему позиция поменялась так радикально у тех, кто с пеной у рта говорил, что нужно выбрать главу совета? Проголосуйте как вы хотите, проголосуйте против, кто вам мешает.

Настрой депутатов был понятен. Пора было переходить к голосованию.

– Поступило предложение, – сказал Ранков, – включить в бюллетень Екатерину Михайловну Кузнецову. Других предложений не поступило. Пока счетная комиссия работает, мы можем уйти на перерыв!

Во время перерыва, пока готовились бюллетени для голосования, депутат Гудков считал, кто из депутатов не возьмет бюллетень. Он сидел и загибал пальцы. Каждый раз, по его подсчетам, выходило, что наберется семь депутатов, способных

заблокировать голосование, и Ранков останется в кресле. Прокорр ковырялся в телефоне, а депутат Важенин изнывал от ожидания. Наступила ночь. Депутат Воронина ушла домой: представлять интересы избирателей после 23–00 не входило в ее планы.

Голосование закончилось ожидаемо: проголосовали только члены коалиции. Все остальные, год назад рвавшие на груди рубашки, доказывая, что блокировка голосования — это мошенничество, вредит муниципалитету и жителям — все они скромненько отказались взять бюллетень.

Депутат Кузнецова набрала достаточно голосов, чтобы сменить Ранкова в кресле главы муниципалитета. Но кворум из 14 депутатов не набрался. Выборы были признаны не состоявшимися. Ранков мог вздохнуть спокойно. У «Единой России» было достаточно голосов, чтобы заблокировать голосование и оставить его в должности главы муниципалитета.

Ободренный результатами голосования Ранков предложил перейти к следующему вопросу: «Об осуществлении главой МО Смольнинское деятельности на постоянной основе».

Каждый раз, избирая главу, депутаты должны принять решение, будет ли глава руководить муниципалитетом за деньги (постоянная основа) или работать где-то в другом месте, а муниципалитетом руководить на волонтерских началах (непостоянная основа). Постоянная основа — это средний, но стабильный заработок, при этом существует запрет на работу в другом месте.

Депутаты предыдущего созыва решили, что Ранков будет получать зарплату. Это решение было принято почти шесть лет назад.

Поскольку выборы нового главы не состоялись, Ранков и депутаты «ЕР» устали на депутата Балтрукова. Он вносил вопрос о зарплате в повестку дня и они ждали, что Балтруков снимет его с рассмотрения. Но Балтруков не стал этого делать.

На вопрос депутата Бархатовой, зачем сейчас принимать решение о зарплате, если Кузнецову не выбрали, Балтруков

ответил, что депутаты имеют право принимать такие решения и предложил проголосовать «За». Но с одной поправкой: добавить частичку НЕ. Вместо фразы «глава работает на постоянной основе» указать, что «глава работает на НЕпостоянной основе».

Возникла пауза. Нашим оппонентам потребовалось время, чтобы понять, что Балтруков предлагает лишить зарплаты действующего главу. Потребовалось время и действующему главе — Ранкову.

Ранков не был загружен работой. Раз в месяц прийти на заседание — не тянет на полноценную зарплату из муниципального бюджета. Депутаты делали это бесплатно. К тому же, нам не нужен был глава, устраивавший налеты на муниципалитет и запугивающий депутатов. Была небольшая вероятность, что отсутствие зарплаты побудит Ранкова поскорее сложить полномочия и мы сможем заменить его временным председательствующим из своего состава.

У Григория Михайловича было право строить свою карьеру и собственную жизнь, а в тот момент он был ограничен рамками муниципального совета и по закону, получая зарплату в муниципалитете, больше нигде работать не мог. К тому же начало заседания продемонстрировало, что Ранков не справляется с обязанностями.

Время на обсуждение не потребовалось. Хоть мы заранее это не планировали (это был экспромт от депутата Балтрукова), большинством голосов решение было принято.

Заседание продолжилось. Ранков безучастно ставил вопросы на голосование. Коалиция большинством голосов их принимала. Наши оппоненты, оказавшись в меньшинстве и потеряв контроль над советом, были морально подавлены, физически измучены и нервно истощены.

Это было самое длинное заседание за всю историю Смольнинского. Оно началось вечером 2 сентября, длилось больше шести часов и закончилось ночью 3 сентября.

Под конец заседания депутат Шавлов, осоловевший от демократии, начал декламировать стихи Маяковского. Наизусть он не помнил, поэтому зачитывал с телефона. Когда он закончил, из зала попросили спеть.

Когда мы рассмотрели все вопросы и подошли к рассмотрению вопроса «Разное», где обещали заслушать банду курток, оказалось, что в зале никого из них не осталось. Мы так и не получили хотя бы примерный перечень проблем, которые их волновали.

В тот день фракция «Яблоко» не достигла цели. Наши оппоненты заблокировали голосование, поэтому мы не смогли заметить единоросса Григория Ранкова, с треском проигравшего выборы, на яблочницу Екатерину Кузнецову.

Однако мы сделали важный шаг: из маленькой оппозиционной фракции, чьи предложения коллеги постоянно проваливали в ходе голосования, за год мы превратились в членов коалиции, составившей большинство в совете.

Ни запугивания, ни визиты органов опеки, ни попытки подкупа, ни суды, ни нападение банды курток не смогли повернуть нас от главной цели: мы должны были выгнать «Единую Россию» из муниципалитета и доказать, что бюджет может работать на благо всех жителей, а не только присосавшихся чиновников.

В тот момент у нас появилась новая задача: уговорить еще двух депутатов присоединиться к коалиции. Получим поддержку еще двоих, и самый центральный муниципалитет Санкт-Петербурга мог полностью перейти под контроль оппозиции. В высоких кабинетах приняли решение «перевернуть этот плохо накрытый стол».

ПРОПАЛИ 82 ЧЕЛОВЕКА

– Это не шутки, – сказала депутат Кузнецова, – Надо звонить в полицию, чтобы вскрывали дверь.

Она и другие депутаты потянулись к телефонам. Мы стояли на крыльце здания муниципалитета. Заседание вот-вот должно было начаться, но дверь в здание была заперта, на звонки никто из сотрудников не отвечал, в здании стояла мертвая тишина.

Я позвонил на номер 112 – служба экстренного вызова.

– Пропали 82 человека, – сказал я оператору, – Я стою перед дверью, они должны быть внутри, но в окнах темно. Не знаю, живы они или нет.

Этот звонок и аналогичные звонки от других депутатов поставили на уши городскую полицию и управление ФСБ.

На предыдущем заседании мы приняли много важных решений, но самым важным было решение о проведении конкурса на главу местной администрации. Балтруков выиграл для совета все суды против Королева и Овчинникова, которые пытались заставить депутатов выбрать главу администрации из них двоих. Юридических препятствий для проведения нового конкурса больше не осталось. Пора было заменить папашу Колба на хорошего ответственного управленца, который бы не жил своей жизнью, а подчинялся и отчитывался перед советом – как это прописано в федеральном законе.

Напомню, ранее Королев, набрав четыре голоса, объявил себя победителем конкурса и подал на совет в суд. Смольнинский суд встал на сторону Королева. Судья приостановила новый конкурс и предложила совету продолжить выбирать из двух кандидатов. По ее мнению, мы должны были провести столько туров голосования, сколько потребуется, чтобы один из неугодных кандидатов набрал 11 голосов.

Депутаты не хотели Королева на месте главы администрации. Не хотели и Овчинникова. Совет поручил депутату Балтрукову и юристам обратиться в городской суд Санкт-Петербурга с апелляцией. В то время слава о депутатах Смольнинское еще не стала общегородской и мы могли рассчитывать на честное разбирательство в вышестоящем суде. Балтруков выиграл апелляцию: Горсуд отменил незаконное решение Смольнинского суда. Совет получил право объявить новый конкурс.

Байкеры из Сестрорецка пытались сорвать заседание, но депутаты смогли принять решение о назначении конкурса. По закону отводился определенный срок для публикации объявления. Желаям занять должность главы администрации нужно время, чтобы подготовить и сдать документы в конкурсную комиссию. Если не опубликовать объявление вовремя, то конкурс будет признан незаконным. Поэтому при назначении нового конкурса необходимо тщательно соблюдать все сроки. Наши юристы на основе сроков, указанных в законах, подготовили план-график. Чтобы конкурс был признан состоявшимся, опубликовать решение нужно было до 30 сентября.

Важно было выпустить номер муниципальной газеты к этому сроку. Важно для нас и для Смольнинского. Но не для исполняющего обязанности главы администрации Колба, который в случае успешного проведения конкурса автоматически отправлялся на пенсию.

Главный редактор муниципальной газеты заблаговременно подготовил макеты, включая объявление о конкурсе, и осаждал администрацию с требованием ее напечатать. Колб не планировал этого делать. Он не очень активен, когда дело касалось благоустройства округа, но когда кресло под самим Колбом начинало шататься, он просто фонтанировал оригинальными идеями. Администрация сначала сослалась на технические проволочки, а потом за несколько дней до последнего срока вообще расторгла контракт на печать газеты.

Правовая ситуация с муниципальной газетой была та же, что и пару месяцев назад, когда администрация отказалась пе-

чатать газету с заявлением совета по поправкам в Конституцию («Лучшая поправка — Путина отставка!»). Учредителем газеты был совет. Главного редактора назначал совет. Но технические и финансовые полномочия находились у Колба. Только Колб мог заключить контракт с типографией. Мы были уверены, что он будет держаться за свое тепленькое кресло до последнего, но даже не ожидали, что он будет действовать настолько нагло.

О расторжении контракта с типографией стало известно 24 сентября. По регламенту, чтобы отреагировать, депутаты могли потребовать созыва внеочередного заседания заблаговременно — за пять дней. Соблюдая все сроки, мы могли провести экстренное заседание только 29 сентября — за день до последнего срока публикации объявления. И проинформировали всех об этой дате.

Главный редактор предложил совету отобрать полномочия по печати газеты у Колба и передать главному редактору. Совет мог сделать это своим решением. При этом совет, по закону, не мог дать денег на контракт с типографией, потому что главный редактор Балтруков не имел права ими распоряжаться. Ему предстояло напечатать номер газеты, не потратив на это денег из бюджета. Оплатить контракт с типографией со своих счетов депутаты тоже не имели права.

Нестандартные ситуации требуют нестандартных решений. Во время избирательной кампании многие муниципалитеты публиковали решения избирательных комиссий в специальных выпусках. Для оперативности они не заключали контракты с типографией, а печатали номер газеты на стандартных листах А4 на офисном принтере. Картриджи и бумага стоили копейки и проходили по бюджетной статье на содержание офиса.

План Балтрукова был такой: собраться на заседание совета, большинством голосов передать Балтрукову полномочия по печати газеты, Балтруков сразу во время заседания должен напечатать муниципальную газету на офисном принтере, чтобы на следующий день распространить обязательные экземпляры по районным библиотекам.

Мы много обсуждали, какие подянки может устроить Колб, и сошлись на мысли, что, скорее всего, он попытается сорвать заседание. Сделать это очень просто. В его ведении находилось здание муниципалитета и Колб мог банально запереть двери на ключ, чтобы депутаты не прошли внутрь.

– Давай мы приедем за три часа до заседания, в разгар рабочего дня, и займем помещение, – предложил я Балтрукову. – Не вынесут же нас оттуда вместе со стульями.

Стыдно писать, до какого состояния доведена страна, что избранные гражданами депутаты придумывают целую специальную операцию по проникновению в здание муниципалитета, чтобы напечатать объявление в газете, чтобы скovyрнуть приросшего к креслу полковника ФСБ.

Я пришел к муниципалитету заранее. Еще издалека увидел людей, которые стояли на крыльце. Они стучали в двери и звонили в звонок, но никто не открывал.

– Закрыто? – спросил я.

– Закрыто! – ответила женщина в шубке и начала стучать в окно, по стеклу.

Было 15–30, разгар рабочего дня. Еще 2,5 часа муниципальные служащие должны были провести на рабочих местах. Я позвонил в дверь – не открывают. Люди отпросились с работы, чтобы успеть получить билеты на экскурсию или в театр для своих детей, но оказались перед закрытой дверью. Они повозмущались и коллективно решили прийти в другой день.

Мы остались на крыльце вдвоем: я и бойкая женщина в шубке. Она успела позвонить в звонок, поколотить в дверь, в том числе подошвой своего сапога, постучать в окно. Она позвонила на все телефоны муниципалитета, которые были указаны на официальном сайте, и, естественно, никто ей не ответил.

– Да что ж такое! – она топнула ногой, – Где они все?! У меня сделка срывается!

Помимо раздачи бесплатных билетов, у муниципалитета было еще одно важное полномочие: опека и дела несовершенно-

летних. При заключении сделок с недвижимостью, в которых участвовали несовершеннолетние, нужно было получить согласие отдела опеки. Специалисты опеки оценивали сделку на предмет, не ухудшит ли она жилищные условия и права ребенка.

– Банк ждет! Собственники ждут! Реэлтор ждет, пока я сделку с опекой согласую! – кричала женщина в шубке, – А их никого нет! Как это вообще возможно! Я же заранее договаривалась.

– Вахтер точно внутри есть, – сказал я.

– Тогда почему меня не пускают?

Я вздохнул.

– Давайте позвоним Ранкову и спросим.

– А у вас есть его телефон? – с надеждой спросила женщина.

– Есть. Но Ранков может не ответить на мой звонок.

Я начал звонить Ранкову, но после того как мы лишили его зарплаты, он обиделся и перестал брать трубку. Не ответил и в этот раз. Я продиктовал номер женщине. На ее звонок Ранков ответил: «Не мой вопрос, стойте дальше». Не удивительно, что он продул выборы, если общался с избирателями в таком тоне.

Женщина в шубке, бедняжка, ушла, проклиная Ранкова и муниципальную власть в целом. Частично Ранков прав: отдел опеки ему не подчинялся, входил в состав местной администрации и подчинялся Колбу. Но доступ внутрь здания в рабочее время Ранков обеспечить мог. Но не захотел. У Ранкова в подчинении был целый аппарат с кучей сотрудников, которые тоже работали в этом здании. И тоже испарились. Закрывать муниципалитет и распустить сотрудников по домам Колб и Ранков могли только совместно.

Я стоял на крыльце, когда приехал Балтруков. Он был одет не по погоде и мы договорились, что он будет караулить у черного хода, который выходил в фойе муниципального досугового

центра «Зеленый слон». Там, сидя в помещении под дверью, Балтруков хотя бы не замерзнет.

Близилось время заседания. Большинство депутатов собралось. Ситуация была нестандартной: членам муниципального совета, которых избрали жители, фактически запрещали работать. Муниципальные услуги не оказывались. Колб и Ранков просто закрыли муниципалитет. Тогда-то депутат Кузнецова предложила вызвать полицию.

— Сотрудники должны быть на месте. Мы видим, что их нет с 15:30. Никакой информации, где они — нет. Может, они там внутри в заложниках сидят с завязанными глазами и кляпом во рту. Надо звонить в полицию, а полиция пускай разбирается, где они.

Большинство из депутатов дозвонилось до полиции и оставило сообщение о пропаже 82 человек. Как только мы передали заявки, буквально в ту же минуту — дверь муниципалитета открылась изнутри.

На пороге появился Батруков, довольный как слон. Сзади шипела вахтер. Оказывается, Балтруков, когда сидел под дверью черного хода, в один прекрасный момент услышал шорох с той стороны. До этого он стучал очень громко, практически ломился, а в этот раз решил постучать интеллигентно, тихонечко. Не знаю, о чем думала вахтер, но она решила открыть дверь, чтобы посмотреть, кто там. Увидев целого депутата, она постаралась захлопнуть дверь, но депутат Балтруков уже просунул руку, затем ногу, затем проник целиком. У пожилой вахтерши не хватило сил, чтобы вернуть его наружу. Ни целиком, ни по частям.

Балтруков открыл парадную дверь. Депутаты прорвались в здание до приезда полиции. Мы заняли свои места в зале заседаний.

Приехали полицейские. Оставшееся время до заседания было проведено в беседах с нарядом полиции, подполковником полиции, начальником 76-го отделения и дознавателем. Убедившись, что заложников в здании нет, а дверь открыта, они были,

конечно, не довольны. Один из них просил больше не передавать таких заявок.

— Вы не представляете, какой шухер вы подняли. До самого верха дошло! — он указал пальцем в небо, — 82 человека пропали, блядь! (мне очень запомнилась это слово в его исполнении) Давайте. вы не будете больше вмешивать полицию в свои разборки.

— Мы до сих пор не знаем, где находятся сотрудники, — напомнил я.

— Дома они находятся! Дома! — крикнул полицейский, — Где им еще быть!

В здании появился Колб. Он узнал, что вражеская армия захватила замок и примчался. Он отказался обсудить ситуацию, только пошевелил усами и заперся у себя в кабинете. Мы приняли решение о передаче полномочий по печати газеты главному редактору, который тут же напечатал новый номер на принтере. Я взял себе один из первых экстренных экземпляров.

Потом мы рассмотрели несколько вопросов, которые не имели такой срочности, но раз уж совет собрался на заседание, было странно их не решить. Папаша Колб сидел в своем кабинете, пока мы не покинули здание.

На следующий день обязательные экземпляры газеты были направлены в библиотеки и точки распространения. Мы официально объявили о начале конкурса по выборам главы администрации.

Это был провал Ранкова и Колба.

Им надо было спасти ситуацию.

Ранков побежал в Смольнинский суд и потребовал отменить конкурс. Напомню, он как глава представляет в суде наши (советы) интересы. Судья Бондарь экстренно приостановила проведение конкурса до тех пор, пока идет судебное разбирательство. Она не рассматривала дело по существу, она не отменила наше решение, она просто его приостановила.

Фактически, это означало отмену. Судебное разбирательство длится долго. Даже если мы выиграем суд, мы проиграем время. Через несколько месяцев объявленная дата конкурса уже пройдет, никто из кандидатов не сдаст документы, потому что прием документов приостановлен судьей. Даже выиграв суд, по закону мы должны будем объявить новый конкурс с новыми датами. Ранков снова пойдет в суд и судья Бондарь (или Осипова, они вдвоем работали спецсудьями по депутатам Смольнинского) снова приостановит конкурс «до конца разбирательств». Договорившись с судьями, наши оппоненты нашли способ вечно мешать проведению выборов главы администрации.

Позже, в октябре совет отменил заблокированное судом решение о конкурсе — оно уже было бессмысленным, потому что все сроки прошли. Мы объявили новый конкурс на другую дату. Но судья Осипова экстренно его заблокировала. Все решения судей Осиповой и Бондарь мы опротестовывали в городском суде, но это занимало много времени.

Это была не простая задача: побороть судей в суде.

По закону совет мог назначить нового главу администрации не позднее, чем за два года до конца наших полномочий. Мы избрали на пять лет. Папаша Колб продержался уже год и имел все шансы продержаться оставшиеся два года. Мы были готовы сделать все возможное, чтобы поставить нормального управленца во главу исполнительного органа, и добивались этого.

Шансы были не велики: нам важно было что-то поменять, а нашим оппонентам, наоборот, не дать нам этого сделать. Затянуть. Оставить как есть. Их задача была значительно проще. Мы прогнозировали: когда нам удастся отделаться от судебных запретов, наши оппоненты будут саботировать кворум в конкурсной комиссии — ведь она на половину состоит из представителей губернатора.

Когда мы сможем проскочить и этот этап — они найдут способы сорвать заседание совета, на котором состоятся выборы. И на каждом этапе будут суды, где Ранков и Колб будут требо-

вать от судей Осиповой и Бондарь отменить любое наше решение о выборах главы администрации. В юридической возне пролетят два года и вместе с ними – возможность заменить Колба. Наши оппоненты были чемпионами по затягиванию времени.

Забегу вперед и расскажу, как развивалась история с конкурсом дальше.

Через несколько месяцев, когда в очередной раз удалось устранить судебные препятствия для объявления конкурса, в дело вмешалась районная прокуратура. Они опротестовали наше положение о конкурсе, в котором были описаны правила его проведения.

По результатам судов с Королевым и наученные горьким опытом первого конкурса, наши юристы вылизали это положение. Там просто не к чему было придраться. Но прокуратуре важно было признать положение незаконным и вынести официальный протест. Они опротестовали некоторые пункты положения. Новизна подхода была в том, что таких пунктов в нашем положении не было. Прокуратура просто придумала текст и начала его опротестовывать.

Только к весне следующего года нам удалось начать конкурс. Губернатор даже назначил трех членов конкурсной комиссии, представляющих его интересы. Но они не пришли на заседание конкурсной комиссии и, согласно закону, заседание было признано несостоявшимся из-за отсутствия кворума.

Председатель Комитета территориального развития (отвечающий за взаимодействие губернаторской администрации с муниципалитетами) даже направил в Смольнинское официальное уведомление, в котором он объявил решение совета о проведении конкурса незаконным. У председателя КТР не было такого права, потому что объявить решения совета незаконными мог только суд. Например, судья Осипова (у нее хотя бы была мантия), но никак не городской чиновник.

Мы обратились в прокуратуру в связи с грубым вмешательством государственного чиновника в деятельность органов мест-

ного самоуправления (формально в то время муниципальная власть провозглашалась независимой от государственной) и превышением должностных полномочий. Прокуратура, играя на стороне наших оппонентов, решила не наказывать городского чиновника, возомнившего себя судьей (каждое незаконное действие наших оппонентов мы обжаловали в прокуратуре, которая тоже играла на стороне наших оппонентов, но другой прокуратуры у нас не было).

Действия прокурора, Ранкова, Колба, губернаторской администрации, районного суда были скоординированными и абсолютно незаконными. Фактически, мы боролись с государственным спрутом с большим количеством щупалец. Только мы, в отличие от них, вынуждены были соблюдать законы. Оппоненты боролись с нами с использованием должностного положения, государственного аппарата и за бюджетный счет (наши расходы на юристов покрывал депутат Балтруков).

Битва за должность главы администрации продемонстрировала, что мы на верном пути. Оппоненты бросили все силы, чтобы оставить у власти в Смольнинском единороссов, проигравших выборы. О законности, процедурах, разделении властей они давно позабыли.

У нас была коалиция демократических депутатов. Большинство. Правда и избиратели на нашей стороне. Мы были настроены бороться до тех пор, пока не починим эту систему.

БЮДЖЕТ 2020

Перед следующим заседанием я связался с депутатом Балтруковым, чтобы спросить, есть ли у него аккумуляторная болгарка. Мы не были уверены, что во второй раз вахтер повторит ошибку и впустит депутатов внутрь. Возможно, чтобы попасть в здание муниципалитета, придется спилить металлическую дверь. Моя болгарка работала только от сети. Больше подходил инструмент, работающий на аккумуляторах.

– Болгарки нет, – ответил депутат Балтруков, – Есть лучше! Недавно я приобрел стенорез. С огромным диском. Я пробовал, за минуту пропиливает все что угодно – даже железобетонную стену. Можно сделать дверь в том месте, в каком захотим.

Этот диалог наглядно показывает уровень развития институтов муниципальной власти в России. Мало победить на выборах и сформировать коалицию. Нужно найти способ штурмом взять здание муниципалитета, в котором заперлась проигравшая сторона.

Не все наши коллеги были готовы спилить дверь. Часть считала, что как только мы начнем пилить, полиция нас упакует. В лучшем случае, на две недели. Не надо подставляться. Коалиции было важно присутствие каждого депутата, потому что в любой момент могла появиться возможность для соглашения с двумя дополнительными депутатами, чтобы проголосовать за замену Ранкова. Поэтому депутатам коалиции строго настроено было запрещено болеть и делать резкие движения, которые могли привести к ограничению свободы.

Но в тот день я вошел в здание муниципалитета без проблем. В зале заседаний уже сидели некоторые депутаты. Сидели жители. Сидели гости, приглашенные Ранковым. Главной интри-

гой было: появится ли Ранков. Он вошел, торжественно одетый, и бодрой походкой направился к своему креслу.

– Коллеги, давайте работать, – сказал Ранков.

– А можно лист регистрации депутатов? – спросила депутат Кузнецова.

– Конечно, можно, – ответил Ранков, – А вы что, думали, что нельзя?

– Да, – сказал я, – Бывает такое, что приходишь, а в муниципалитет не пускают, не то что лист регистрации.

В оформлении зала заседаний были нововведения. На стене мы увидели Путина. Большой портрет висел прямо по центру, над Ранковым, выше флага России и Санкт-Петербурга, наблюдая за всеми нами. Заседание проходило 7 октября – в день рождения Путина. Вот это подарочек!

– Григорий Михайлович, – обратилась к Ранкову депутат Мишкинис, – Что Путин делает у нас на стене?

– Это не моя стена, – буркнул в ответ Ранков.

Решение о размещении портрета Путина в зале заседаний принял полковник Колб. Таким жестом он хотел продемонстрировать политическое доминирование над нами, оппозиционными депутатами, сформировавшими большинство в муниципальном совете. У меня тут же появилась мысль снять этот портрет (благо я высокий и мог дотянуться без приставной лестницы), но в тот день мне показалось это не очень продуктивным. Отвергая – предлагай. Я решил, что будет намного конструктивнее не просто снять портрет Путина, а заменить его на что-то противоположное: на портрет выдающегося человека, петербуржца, патриота России, внесшего огромный вклад в развитие нашей страны. У меня был такой портрет дома и я задумал, осуществить рокировку на следующем заседании.

В повестке дня были два важнейших вопроса: выборы главы муниципалитета и бюджет на 2020 год.

Присутствовало 14 депутатов – достаточно для выборов главы. На месте были все 12 членов Коалиции и депутаты Бархатова и Шавлов.

Депутат Кузнецова сообщила, что не будет претендовать на пост главы Смольнинского, если депутаты, не входящие в коалицию, ее отвергают, и выдвинула на пост главы депутата Балтрукова. Он, фактически, уже исполнял обязанности главы в судах и отстаивал право совета провести конкурс на главу администрации. Делал это за свой счет. Против него за счет бюджета сражались Колб и Ранков.

Пора было положить этому конец.

Но депутаты Бархатова и Шавлов решили оставить Ранкова в кресле главы и не приняли участие в голосовании. Учитывая, что Ранков препятствовал проведению конкурса на главу администрации, фактически, Бархатова и Шавлов, отказавшись голосовать, помогли оставить в кресле не только Ранкова, но и Колба. Сохранить статус кво. Их это устраивало.

Депутат Бархатова, отрицающая свои связи с «Единой Россией», не просто не взяла бюллетень, а сбежала из зала заседаний и не пересекла порог до тех пор, пока мы не подвели итоги голосования, чтобы ненароком ее не признали участвующей в голосовании.

Двенадцать членов коалиции проголосовали за депутата Балтрукова. Этого было достаточно, чтобы выбрать Балтрукова главой, но недостаточно, чтобы был необходимый кворум из 14 депутатов. Снова не хватило двух голосов.

Однако вопрос с председательствующим нужно было решать. На одном из заседаний Ранков не появился. Если он начнет практиковать такое на постоянной основе, то могли возникнуть проблемы с доведением до депутатов повестки заседаний. Фракция «Яблоко» предложила избрать депутата Мишкинис, чтобы она, всякий раз, когда Ранков отсутствует, вела заседания, а также занималась формированием повестки, оповещением депутатов и другими вещами, предусмотренными регламентом.

По регламенту выбрать временного председательствующего нельзя простым поднятием рук. Поскольку это персональный вопрос, решение можно принять в ходе тайного голосования: с изготовлением бюллетеней и участием счетной комиссии. Депутат

Кузнецова предложила, чтобы, пока комиссия готовит бюллетени для голосования, перейти к рассмотрению следующего вопроса. Это было хорошее предложение, зачем тратить время на ожидание, когда можно потратить его на работу.

— Кто за? — спросила она присутствующих. Поднялся лес депутатских рук. Но Ранков был в ярости от такой наглости. Мало того, что мы лишили его зарплаты, предложили Мишкинис на пост временного председательствующего, так еще и Кузнецова ставит вопросы на голосование вместо него, Ранкова!

— Опустите руки! — закричал Ранков, — Опустите! Я ставлю вопросы на голосование! Яааааа!

Видимо, должность председательствующего была ему дорога. Мы опустили руки. Если Ранков хотел исполнять свои обязанности — пусть исполняет.

— Кто за? — спросил Ранков. Мы снова проголосовали.

Чуть позже подсчет бюллетеней показал, что совет почти единогласно возложил обязанности председателя (в отсутствие Ранкова) на депутата Мишкинис.

— А если мы вдвоем пропадем? — Ранков загадочно улыбнулся.

Мишкинис покосилась на него недоверчиво. Я не знаю, на что намекал Ранков. Возможно, это была шутка с сексуальным подтекстом, но больше походило на угрозу.

Я рассказал депутатам историю, которая произошла во время очередного заседания суда, где Ранков судился против депутатов. Я старался посещать все суды, какие мог. В перерыве Ранков подошел ко мне и шепотом стал рассказывать истории о том, как портреты муниципальных депутатов попадают на траурную доску. Я посчитал важным рассказать коллегам, под видеозапись, о таких намеках со стороны Ранкова.

Дальше по повестке шло второе чтение бюджета.

В предыдущем году мы не приняли бюджет. Депутаты сделали это намеренно. Администрация отказывалась обосновать рас-

ходы. Фактически Колб требовал от нас выделить ему деньги, а он их потратит и не будет отчитываться.

Поскольку Коалиции тогда не существовало, депутатские группы в ходе голосования по поправкам не смогли договориться и снизить расходы на самосодержание и зарезервировать расходы на благоустройство и культуру, защитив их от распила. К третьему чтению, на окончательное утверждение после всех поправок мы подошли с тем же бюджетом, который вносил Колб. По его мнению, расходы на содержание чиновников в нашем муниципалитете должны быть в 2,5 раза больше норматива, установленного правительством города. Депутаты на такое не пошли. Несмотря на разногласия, большинство проголосовало против бюджета, предложенного Колбом.

Большой пробел в законодательстве, что народные представители не могли сами разрабатывать бюджет. Мы могли только принять или не принять бюджет, который предлагала администрация. Фактически единственный вариант давления на чиновников, который был у депутатов – это угрожать не принять бюджет. Что мы и сделали в начале своих полномочий.

Округ не оставался без денег, доходы в бюджет продолжали поступать. Но Колб уже не имел права спустить все деньги в начале года, заключив несколько крупных контрактов. Он должен был тратить деньги не больше 1/12 каждый месяц.

Но даже без принятого бюджета огромная армия ненужных чиновников продолжала получать зарплаты и премии. При этом, осваивая статью на содержание чиновников, Колб практически ничего не делал по благоустройству и культуре. Исполнение муниципальных программ было на самом низком уровне. Жители заваливали администрацию жалобами на разваливающееся благоустройство. В ответ Колб писал, что ничем помочь не может: плохие депутаты не приняли бюджет.

Что ж, если отсутствие бюджета мешало Колбу исполнять свои обязанности перед жителями муниципалитета, бюджет надо было принимать. После образования коалиции – в сентябре

2020 года – мы решили все-таки принять бюджет на 2020 год, который подходил к концу.

Теперь у большинства депутатов в совете были общие представления о том, как должен выглядеть бюджет Смольнинского и какие поправки мы должны принять, чтобы изменить проект бюджета, внесенный Колбом до приемлемого состояния.

Но главной нашей целью было не дать Колбу безотчетно спустить деньги, оставшиеся до конца года. Нужно было зафиксировать предел расходов до конца года и перенести остатки на следующий 2021 год, чтобы в следующем году муниципалитет смог работать по нормальному «коалиционному» бюджету.

Как всегда, битва развернулась вокруг зарплат чиновников. В среднем, Колб тратил на чиновников 2,1 млн в месяц. Дополнительно Ранков тратил чуть больше 0,5 млн на зарплаты мифическим сотрудникам своего аппарата. Это были высокие расходы, которые совершенно не оправдывали тот ничтожный объем работы, который выполняли чиновники.

До конца года оставалось два месяца и мы решили, что трудовые споры муниципалитету ни к чему. Мы экстраполировали расходы на зарплаты до конца года, чтобы чиновники получали ту же самую зарплату, какую они получали в течение года. Никого обижать мы не планировали.

Благодаря тому, что год назад депутаты не приняли бюджет, Колб не смог потратить все деньги, и в дополнение к остаткам от 2019 года на счетах муниципалитета образовались лишние 263 млн. рублей. Если удастся принять бюджет, ограничить траты Колба, то на счетах скопится уже около 400 млн. И эти 400 млн пригодятся на следующие 4 года для закрытия бюджетного дефицита, который образовался после губернаторской реформы муниципальных бюджетов. Кубышка сгладила бы падение бюджета, которое устроил губернатор¹.

– Когда мы не приняли бюджет – это позволило не дать разворовать эти деньги, – убеждал я коллег во время заседания. – А принятие бюджета под конец года позволит сохранить от разворовывания еще больше денег.

– Никита Андреевич, – строго спросил Ранков, – Вы нас в воровстве обвиняете?

Зря он это спросил, я не планировал делать доклад о воровстве в Смольнинском, но пришлось, раз глава муниципалитета спросил.

– Хочу под камеру в очередной раз рассказать, – я решил ответить развернуто, – Наша Контрольно-счетная комиссия рассматривала контракт по благоустройству на 18 млн рублей. Из 18 млн. – половина это перевалка земли. Согласно контракту 15 сантиметров земли с наших газонов должно быть снято механическим или ручным способом, погружено на камазы, увезено из центра города на специализированные полигоны, там захоронено и обратно должны быть привезены такие же камазы, загруженные новой, свежей, чистой землей. 167 камазов должны выехать из исторического Центра Санкт-Петербурга, со всей разрешительной документацией на каждый рейс. И 167 камазов должны обратно с землей въехать. По тем адресам, на которых эти работы уже проводились, никаких камазов в сопоставимом количестве не приезжало. Привозили маленькую кучку земли, а газон просто распахивали мотокультиватором. 9 млн. рублей – псу под хвост! Дальше в этом же контракте закупили кизильник. Кизильник, у которого рыночная стоимость 500–600 рублей, купили за 1208 рублей за штуку. Оптом в 2,5 раза дороже, чем в розницу. Кустов закупили 2500 штук, на 3 млн. рублей. При этом кизильник сажали на территории муниципалитета в мертвом состоянии. Это не живые кусты, это отмершие палочки. На их место в следующем году надо будет заново сажать. 9 млн. плюс 3 – это уже 12 млн. из одного контракта – непонятно на что потрачены...

¹ Губернатор провел реформу, согласно которой собственные доходы Смольнинского снизились с 250 млн в год до 50 млн – в пять раз. Наши налоги губернатор решил изъять в бюджет Санкт-Петербурга и выдавать оттуда в виде дотаций при соблюдении условий, которые сам придумает.

– Регламент! – закричал Ранков, – Регламент! Вы слишком долго говорите!

В ходе обсуждения возник спор между депутатом Балтруковым и депутатом Захаровым. Депутат Балтруков внес поправку в бюджет 2020, предполагавшую финансирование чиновников на текущем уровне до конца года. Все средства, заложенные в проекте бюджета сверх этого уровня, предлагалось перенести в профицит – на следующий год.

Депутат Захаров почему-то был уверен, что этих денег не хватит. В зале присутствовали Ранков и руководитель аппарата Заичкина, которые могли сказать, хватит этих денег или не хватит на выплату текущих зарплат, но молчали. Депутаты предложили им прокомментировать принимаемые поправки, но они этого делать не стали. Я высказал Ранкову свое возмущение, что он не участвовал в работе над бюджетом и молча сидел в кресле.

– Просто занимает место! – сказал я.

– Ваше? – злобно сказал Ранков.

– Любого из здесь присутствующих, – ответил я и разразился эмоциональной речью, – Пускай уходит. Григорий Михайлович, сложите полномочия! Seriously. Хватит. По началу, вел себя как джентльмен, но в последний месяц начал козлить. Сложите полномочия, мы вас просим. Вы нам не нужны, – некоторые присутствующие в зале начали аплодировать, – Жители пришли на избирательные участки и сказали: Григорий Михайлович, вы пять лет управляли нашим округом, идите, пожалуйста, теперь работайте где-нибудь в школе. Жителям вы тоже не нужны...

– Все сказали?! – рявкнул Ранков. Он сидел красный как рак и отчаянно крутил в руках ручку.

– И депутаты вам сказали, что вы нам здесь не нужны, – продолжил я, – Я вас прошу: сложите полномочия по собственному желанию. Это был бы самый джентльменский поступок и выход из сложившейся ситуации.

Это был первый раз, когда мое неподготовленное и, надо признать, чрезмерно эмоциональное выступление, сорвало ап-

лодисменты жителей округа и депутатов других фракций. Кроме депутата Бархатовой, она потребовала отразить в протоколе список тех, кто посмел аплодировать.

После каждой поправки, снижающей финансирование администрации и увеличивающей профицит бюджета, депутатам буквально приходилось заставлять Ранкова проговаривать словами результаты голосования. Через некоторое время он освоился и без подсказок начал говорить «Решение принято». Просто поразительно, как этот человек руководил округом последние пять лет, если не знал даже элементарные нормы регламента.

Поскольку Колб заранее знал, что мы планировали порезать ему финансирование, он запретил финансистам муниципалитета помогать депутатам в работе над бюджетом. Думал, что мы не справимся с таким объемным документом без помощи профессионалов. Но мы сами себе профессионалы. Бюджет 2020 и все поправки сводили в огромные таблицы мы с депутатом Балтруковым во время перерыва.

Получалось так: бюджет делали депутаты, газету делали депутаты, сайт делали депутаты, суды делали депутаты, даже урны с мусором по муниципалитету двигали депутаты (Шпринг и Безумов из Экс-Ц). Мы задались вопросом: зачем муниципалитет оплачивает работу сотрудников, если депутаты способны все сделать, причем на волонтерских началах, без расходования бюджетных средств?

Шел пятый час заседания. Была почти полночь. Зрители разошлись. Я продолжал сводить принятые поправки в бюджет 2020 года. Это заняло время. Объявили перерыв. Голодные депутаты начали расползаться по зданию в поисках провианта. Депутат Шпринг сидела напротив меня и хрустела шоколадной вафлей. Вафля была маленькая и только раздодорила депутата Шпринг на разговоры о еде. Она начала вслух фантазировать, что было бы неплохо поесть сала и запить его хорошим пивом.

Разговоры о сала отвлекли меня от бюджета 2020. Но депутаты потребовали не отвлекаться, потому что ждали только, ко-

гда я закончу бюджет, чтобы проголосовать за него и разойтись по домам – на поздний ночной ужин. Поступило предложение сразу после заседания пойти в кафе и устроить депутатский прием пива.

Спустя еще час бюджет на 2020 год во втором чтении был принят. Под конец заседания я вежливо поинтересовался у Ранкова:

– Григорий Михайлович, вы никак не ответили на предложение уйти в добровольную отставку..

– Я это предложение отвергаю! – ответил Ранков и выбежал из зала.

Через несколько дней мы должны были собраться, чтобы утвердить бюджет 2020 в окончательном третьем чтении. Сохранить деньги налогоплательщиков на следующий финансовый год.

ТРЕТЬЕ ЧТЕНИЕ И АЛЕКСАНДР ПУШКИН

На заседание 16 октября я пришел заранее. Мы планировали принимать бюджет 2020 в третьем чтении и я хотел подготовиться. Кроме того, у меня был незакрытый гештальт с прошлого заседания. Тогда мы впервые увидели портрет Путина в зале заседаний и я решил заменить его на портрет выдающегося россиянина.

В детстве моя репетитор по русскому языку и литературе Татьяна Ивановна Гусева любила театрално, как бы отчаянно молля, поднять руки кверху и громко и протяжно спросить небеса: «Как можно не любить Пууушкина?!!»

Согласен. Пушкина нельзя не любить. Пушкин — наше все! Он не только великий поэт и писатель — великих поэтов и писателей Россия наплодила достаточно. Пушкин был создателем современного литературного русского языка. Если хотите, культурным отцом всех русских писателей. Без Пушкина не было бы Толстого, Достоевского, Есенина, Блока, Чехова и д. р. Вся русская литература стоит на фундаменте, созданном Пушкиным. Попробуйте почитать произведения какого-нибудь Державина или Тредиаковского, известных литераторов допушкинской эпохи — и вы с первых страниц поймете, что сделал Пушкин для русской культуры. Пушкин — петербуржец. Пушкин — патриот. Пушкин — в веках! Я считал и считаю, что вместо портретов политиков по всей стране должны висеть портреты Александра Сергеевича Пушкина.

Я снял со стены портрет Путина.

В моем портфеле, в пластиковой папке, чтобы не помялся, лежал портрет Александра Пушкина. Я принес его из дома. В конце концов, к полномочиям местного значения отнесено

развитие культуры – вот и будем двигать ее в народные массы. Аккуратно, чтобы не разбить стекло, я вскрыл раму и положил Пушкина сверху Путина. Конечно, им двоим было тесно, но Александр Сергеевич полностью заслонил собой Владимира Владимировича. Пушкин был масштабной личностью. Путин был спрятан, Пушкин засиял на стене. Удовлетворенный своей культурной диверсией, я занял депутатское место и приготовился к битве за бюджет.

Колб осознал, что зря пустил принятие бюджета на самотек. Он думал, что отсутствие на заседании специалистов, способных руками свести в таблицы депутатские поправки, парализует работу совета. Но за год мы набрались опыта, заматерели. Депутаты прекрасно справлялись с принятием бюджета без Колба и его финансовых чиновников. На третье чтение бюджета 2020 он решил прийти и отговорить нас принимать бюджет уходящего года.

В зал заседаний вошел Пушкарев и торжественно объявил, что Ранкова не будет, «он на больничном». Присутствовали 12 депутатов коалиции и депутат Шавлов. Остальные перестали посещать заседания. Стало понятно, что мы больше никогда не увидим в одном месте больше 13 депутатов, а то, не дай Бог, коалиция изберет нового главу муниципалитета.

Председательствовала депутат Мишкинис.

Бюджет на текущий год стоял первым вопросом в повестке дня. Папаша Колб весь год обвинял депутатов, что мы не приняли бюджет, из-за чего муниципалитет испытывает трудности, а теперь, под конец года, когда мы решили его послушать и принять бюджет, прибежал уговаривать, чтобы мы этого не делали.

Колб начал пугать, что в результате губернаторской реформы у нас не будет денег на финансирование муниципального досугового учреждения «Зеленый слон» и придется закрывать кружки для детей и спортивные секции. Я подумал, что для полковника ФСБ он слишком жестко критикует губернатора-единоросса. Фактически, Колб выступал с оппозиционной речью.

Колб начал убеждать нас, что нежелательно, чтобы муниципалитет становился дотационным. При переходе на дотации меняется отношение со стороны контролирующих и надзирающих органов. Проверок станет больше. (Что, положив руку на сердце, Смольнинскому не помешало бы). Колб сказал очень много правильных слов про бюджет будущего года. Предложил не принимать скоропалительных решений, а совместно поработать и «довести до ума». Проблема была в том, что мы сегодня не рассматривали бюджет будущего года. Мы рассматривали бюджет года текущего. Колб заготовил речь не по тому вопросу.

Мы не стали забегать вперед и вернули его к рассмотрению текущего бюджета. Депутаты начали задавать вопросы.

Начали с курьеза. Депутат Балтруков подал пакет поправок к бюджету. По закону Колб должен рассмотреть каждую поправку и дать свое заключение – рекомендацию совету от исполнительного органа, принимать эту поправку или не принимать. Колб дал отрицательное заключение на все поправки депутата Балтрукова. Вместо этого, он внес свои поправки и предложил депутатам ориентироваться на них.

– Александр Федорович, – обратилась к Колбу депутат Мишкинис, – Ваши поправки и поправки Балтрукова на 80% совпадают. Почему вы всем поправкам Балтрукова дали отрицательное заключение?

Действительно, большинство поправок Балтрукова и Колба совпадали. При этом Колб выдал официальное заключение, что поправки Балтрукова неправильные, и сам прислал аналогичные поправки от своего имени – они почему-то считались правильными. Папаша Колб пошевелил усами и не ответил на вопрос депутата Мишкинис. В его глазах, любая инициатива, исходящая от депутатов коалиции, была неправильной.

У меня было несколько вопросов. Колб просил нас не принимать бюджет в третьем чтении, а внести в него новые поправки.

– Разве можно после второго чтения вносить поправки? – спросил я, – Вы, как юрист с многолетним стажем, как себе это представляете? Вы предлагаете оставить все на 1/12?

– Я не эксперт в бюджетном процессе, – ответил Колб, ответственный за формирование проекта бюджета, оценку поправок к бюджету и его исполнение, – Даже не знаю, как выйти из текущей ситуации. Но надо дорабатывать бюджет.

– В третьем чтении мы можем либо принять бюджет, либо не принять, – пояснил я, – В третьем чтении поправки в бюджет мы принимать не можем по закону.

Дальше я поблагодарил Колба, что он пришел на заседание. И предложил наладить взаимодействие между администрацией и советом.

– Может быть, вы иски отзовете и начнем работать сообща? – спросил я. Колб развел руками и сообщил, что это его право – оспаривать наши решения.

Депутат Балтруков воспользовался присутствием Колба и высказал ему все. Колб в предыдущем году заключил два крупных незаконных контракта на благоустройство муниципалитета. В текущем году он тоже заключал контракты с нарушением решений совета.

– По-хорошему, – сказал депутат Балтруков в упор глядя на Колба, – Этой администрации надо ставить везде по нулю – так деньги жителей будут сохранены. Давать Вам какие-либо деньги – это будет абсолютно безответственное решение.

Балтруков был прав. Год назад депутаты говорили администрации, что надо снижать расходы на содержание. Никаких действий за год не предпринято. Если администрация считала, что депутаты глупые, то Балтруков нашел более авторитетных экспертов. Он принес на заседание письмо федерального министерства финансов, в котором было рекомендовано муниципалитетам интенсифицировать работу действующих сотрудников и срезать ставки на 5–10% минимум.

– Администрация игнорирует рекомендации министерства финансов, – констатировал депутат Балтруков, – Сейчас надо принимать бюджет. Депутаты говорят, что нужно снижать расходы на персонал. Администрация говорит, что ничего делать не будет и тут же озвучивает прогнозы, что губернатор урежет

наш бюджет, и говорит, а давайте не будем ничего снижать. А когда будем? Мы сейчас находимся в состоянии фактического разграбления бюджета со стороны администрации.

Колб сверкнул глазами, пошевелил усами и сказал:

– Не нужно применять таких слов, как «разграбление»!

Депутат Мишкинис напомнила, что мы собрались, чтобы принять бюджет только на два оставшихся месяца – до конца года. Уже наступила глубокая осень и никаких контрактов по благоустройству, про которые рассказывал Колб, все равно заключено не будет.

Депутат Кузнецова спросила Колба, почему администрация не исполняет решения совета. В частности, решение о том, что контракты, которые заключались с единственным поставщиком, должны быть согласованы на Контрольно-счетной комиссии.

– Я уже говорил, – ответил Колб, – Мы считаем положение о КСК незаконным.

– Подождите, – прервала депутат Кузнецова, – Вы можете считать все, что угодно. Решение действует?

– Оно не действует, – постулировал Колб.

– Как это? – удивился депутат Балтруков.

– Мы будем обжаловать, – пояснил Колб.

Решение было не отменено, не приостановлено судом (важно, что решение о КСК относилось к нормативно-правовым актам, которые отменить мог только Городской суд, не как обычные решения, которые могла приостановить районная судья Осипова). Колб четыре раза подавал ходатайство о приостановке решения о КСК, но городской суд отказал. Решение совета, которое наделяло Контрольно-счетную комиссию полномочиями по контролю, действовало.

Если преступник не согласен с Уголовным кодексом и обжалует его, это не значит, что пока суд по обжалованию идет, Уголовный кодекс перестает действовать и преступник может безнаказанно воровать. Колб любил называть себя юристом с большим стажем, но плыл даже в самых базовых принципах юриспруденции.

– Мы не согласны с решением городского суда, – повторил Колб, – И будем его обжаловать.

– А он точно юрист? – раздался возглас из зала.

– Сейчас решение действует, а вы его не исполняете, – сказала депутат Кузнецова.

– Решение совета действует, пока не будет принято решение суда в вашу пользу, – сказал Колбу депутат Балтруков – И вы, как юрист, это прекрасно осознаете. Администрация не может самостоятельно решать, какое решение совета исполнять, а какое нет.

Колб решил соскочить:

– Мы собрались, чтобы обсуждать законы и иски или все-таки принятие бюджета? – спросил он.

Председатель Мишкинис дала мне слово.

– Александр Федорович, – спросил я, – Вы понимаете, если вы проиграете в суде, кто будет отвечать за незаконно заключенные контракты? Я вас хочу предупредить об ответственности. Давайте уже закончим бодаться, отдавайте ключи от города и будем вместе работать на благо муниципалитета. Думаю у нас все хорошо получится – у совета, у администрации и у КСК. Прекращайте упорствовать. Вы просто оттягиваете конец, городской суд уже отверг ваши притязания.

– Все люди разные и могут ошибаться, – сказал Колб, – Судьи тоже люди.

Что и говорить, отношения между представителями избирателей и главным чиновником были специфические. Вернулись к рассмотрению бюджета.

Депутат Кузнецова напомнила, что администрация, если ее не устраивает принятый бюджет, может сразу после вступления в действие бюджета, прямо на следующий день, внести корректировку.

– В прошлом году, – напомнила депутат Кузнецова – Мы такую корректировку бюджета делали. Насколько я помню, в декабре. Это заняло 10–12 дней – быстро! До конца ноября вы еще успеете скорректировать бюджет.

– В каком плане скорректировать? – спросил Колб.

– В каком плане внесете на рассмотрение корректировку – в таком плане и рассмотрим, – ответила депутат Кузнецова, – В этом году у вас еще запас больше двух месяцев, вы имеете полное право внести на рассмотрение изменения в бюджет, если вы считаете, что сегодня мы принимаем какие-то неправильные цифры.

– Самое интересное, – сказал Колб, – Вы знаете, что они не правильные.

– Повторю еще раз, – сказала депутат Кузнецова, – Если вы считаете, что в бюджете что-то неправильно, приходите сюда с обоснованием.

– Администрация все время жалуется, что ей не хватает денег на сотрудников, – сказал депутат Балтруков, – Совет уже больше года просит администрацию рассказать военную тайну под названием «список сотрудников и кто из них чем занимается». Администрация такую информацию не предоставляет. Складывается впечатление, что некоторых сотрудников по факту нет. Вас мы знаем, – указал депутат Балтруков на Колба и Васильева, начальника финансового департамента, – По пальцам одной руки можно пересчитать сотрудников, кого мы видели.

До этого Васильев сидел, подперев голову правой рукой. Про него вспомнили и перешли к рассмотрению бюджета на текущий год. В ходе второго чтения совет оставил на зарплату главы Смольнинского 740 тысяч рублей, но сейчас Васильев озвучил другие цифры.

– По факту на текущий день выплачено 1 млн. 42 тысячи 300 рублей, – сказал Васильев.

Вот так сюрприз! Ранков, который был лишен зарплаты, продолжил платить себе деньги. При принятии бюджета во втором чтении у нас была информация, что выплаты за год составили 740 тысяч. В этот раз, буквально через неделю, мы узнали, что Ранков потратил на себя дополнительно 300 тысяч рублей.

Депутатам пришлось привести бюджет в соответствие фактически потраченным деньгам и увеличить расходы на зарплату главы на 300 тысяч, которые тот успел потратить.

Глава финансового департамента сообщил, что на текущий день на зарплаты сотрудникам аппарата муниципального совета потрачено 6 млн.192 тысячи 700 рублей. По залу прокатился раскат смеха.

— А вы оставляете 4 млн 127 тысяч 100 рублей, — сказал Васильев и улыбнулся, ему было смешно. Как ловко они нас обвели вокруг пальца.

Во втором чтении мы заложили зарплату сотрудникам аппарата, исходя из фактических расходов, плюс экстраполировали эти расходы до конца года. Итого 4 млн. рублей. Узнав об этом, аппарат экстренно израсходовал дополнительные 2 млн. рублей (около 300 тысяч на одного сотрудника). Неплохая премия!

Ранков и Заичкина перед принятием бюджет в третьем чтении распотрошили казну по максимуму. Находчивые ребята! За неделю выплатили зарплату, которой хватило бы на четыре месяца. Они бы выплатили больше, но на тот момент муниципалитет жил по 1/12 и лимитов было накоплено недостаточно.

— Сейчас по всем статьям так будет, — спрогнозировал я.

— Потрясающе! — сказала депутат Кузнецова.

— Все с ними понятно! — сказал депутат Чеботарь

Депутаты попросили руководителя аппарата пояснить, на что она потратила столько денег за один месяц.

— Что это за расходы? — спросила председатель Мишкинис. Заичкина не ответила. Она опустила глаза.

— Что это за расходы? — повторила Мишкинис. В зале была тишина, все смотрели на Заичкину, которая продолжила молчать. Руководитель аппарата не смогла найти сил, чтобы ответить.

— Давайте дальше, — сказал депутат Шавлов («ЕР»), — Почему мы в ночи тратим время на это, зачем сейчас это рассматривать?

— Алексею Валентиновичу двух миллионов не жалко, — сказала депутат Шпринг.

– Сколько у вас сейчас сотрудников, Светлана Андреевна? – спросила Заичкину председатель Мишкинис. Заичкина начала перечислять. Мишкинис загибала пальцы.

– На пятерых, – подсчитала она, – Неплохие деньги!

– Если вычесть налоги и начисления, то больше 200 тысяч за месяц на руки, – сказал я и обратился к депутату Шавлову. – Алексей Валентинович, это, между прочим, на вашей совести. Это вы не взяли бюллетень в прошлый раз. Выбрали бы главу на прошлом заседании – и эти миллионы не улетели бы из бюджета.

– Исходя их фактически занятых должностей, – продолжил Васильев, – чтобы вовремя платить зарплату и соблюдать трудовой кодекс, для аппарата совета нужно еще дополнительно порядка одного миллиона рублей.

Они фактически разграбили муниципальную казну, а теперь мы им еще денег должны дать?! Бюджетный кодекс запрещал в третьем чтении дать этот миллион. Мы могли увеличить до фактически потраченного, но дополнительных денег дать не могли.

Перешли к рассмотрению расходов администрации. Колб провернул ту же схему.

Во втором чтении депутаты заложили 24,3 млн. рублей на содержание разветвленного штата сотрудников Колба. Эта сумма была высчитана как фактически потраченные деньги на момент второго чтения плюс средняя зарплата до конца года. К третьему чтению Колб порадовал дополнительными премиями своих чиновников и потратил 24,45 млн. рублей. Он спустил все деньги, заложенные до конца года, и даже немного превысил.

Несколько дополнительных миллионов Колб экстренно потратил на содержание работников «Зеленого слона».

– Ничего не понимаю! Почему у нас факт расходится с планом? – выдал наконец депутат Шавлов, кажется, до него дошло, что произошло, – Потратили больше, чем мы запланировали.

– Приходится подгонять наши планы под их факт, – развел руками депутат Балтруков.

Расстратчики выбрали все остатки, которые мы оставили им на зарплату до конца года, и даже существенно перевыполнили. Но откорректировать бюджет в третьем чтении мы могли только до фактического исполнения. По закону мы не имели права добавить денег на зарплаты на оставшиеся два месяца. Фактически, Ранков, Колб и Заичкина оставили сотрудников без зарплаты и спровоцировали трудовой кризис в муниципалитете. Вскоре мы узнали, зачем.

Депутаты в третьем чтении приняли бюджет муниципалитета на 2020 год. Колб официально сообщил, что не намерен исполнять решение совета. Колба не интересовало, что там написано в Федеральном законе о местном самоуправлении и Уставе муниципалитета. Колб был полковник ФСБ, сам себе голова, сам себе закон.

Депутат Балтруков предложил обратиться в суд, чтобы принудить Колба исполнять бюджет. Колб сообщил, что будет расходовать деньги по-старому, не принимая во внимание принятый бюджет.

– Откуда у администрации право расходовать денежные средства вопреки решениям совета? – спросила председатель Мишкинис. Вопрос был, скорее, риторическим. Права такого не было. Расходование денег налогоплательщиков должно быть санкционировано представителями налогоплательщиков, депутатами, которых жители выбрали.

– Колб юрист, – сказал я, – Он считает, видимо, что его решения достаточно.

– А если суд решит, что он не прав? – спросила Мишкинис.

– Он сядет, – ответил я, – Это уголовная статья.

Колб был уверен в безнаказанности. Нам предстояло защитить бюджет в суде. На одном из следующих заседаний Балтруков попросил у депутатов доверенность для суда с администрацией по поводу исполнения бюджета. Депутаты единогласно

проголосовали «за». Даже депутаты Бархатова, Антонович и Хрщонович. «Спасибо, Елена Николаевна», – поблагодарила удивленная Мишкинис депутата Бархатову.

Спустя несколько дней по государственному каналу «78» показали заказной репортаж. Я решил привести его здесь дословно, как наглядный образец пропагандистской работы. Так ситуацию в Смольнинском увидело большинство жителей города.

«В муниципальном образовании Смольнинское Центрального района, кажется, наступает кадровый коллапс. Там в массовом порядке готовы уволиться рядовые сотрудники (Все эти слова сопровождалось видеорядом нападения на совет банды курток). Заявления собираются написать около 40 специалистов (Ни одного заявления по факту никто не написал). Дело в том, что им заявили, что денег нет. А потому на зарплату за оставшиеся до конца года два месяца они могут не рассчитывать. Что в наши ковидные времена для обычного человека сродни финансовой катастрофе. При более скрупулезном изучении ситуации выяснилось, что люди пострадали из-за мерзкой политической возни, затеянной местным советом депутатов в борьбе за власть над муниципальным образованием. Специальное расследование обозревателя Алексея Багина.

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ!

«Бессовестные вы люди, а не депутаты!» (кадр открылся кричащим на заседании мужчиной) «Надел он балаклаву! Я тебе быстро ее натяну на одно место!»

Жители муниципального округа Смольнинское возмущены. Народные избранники то ли не слышат, то ли делают вид, что не слышат о проблемах, о которых им жалуются вот уже полгода. Вместо конкретных решений на каждом заседании происходит одно и то же. Борьба за полномочия и склоки мундепов. Чтобы хоть как-то обратить на себя внимание, горожанам пришлось пойти на крайние меры (видеоряд с нападения на совет банды курток, как их предводитель комкает и швыряет повестку дня, сидя за депутатским столом, затем кадр сменился

и показали нападение курток на Дениса Михайлова в кабинете Ранкова).

Раньше скандалов с депутатами здесь не случалось. Неприятные метаморфозы начались недавно. На прошлогодних выборах победила оппозиция. Из 20 мест в совете 7 достались партии Яблоко, 6 – активистам движения Центральный район за комфортную среду обитания. Еще три – выдвинутым штаба [«Наш дом – Смольнинское»]. После этого жизнь в округе пошла по-другому.

(Кадр меняется и снова показывают выступление предводителя курток. Кстати, государственный телеканал для монтажа использовал видео, которое снял и выложил в Youtube депутат Балтруков, но, конечно, пропагандисты не удосужились вопросами интеллектуальных прав и даже не указали авторство видео).

«Уважаемые депутаты! (говорит предводитель) в соответствии с разъяснениями прокурора прошу вас заслушать всех жителей района с каждым вопросом. И все сюда пришли не за вашими зарплатами, не за вашими какими-то внутренними переворотами и так далее. Не за вашими флагами ЛГБТ. Мы пришли сюда за своими проблемами!»

Но, похоже, оппозиционно настроенных мундепов волнуют совсем не их прямые обязанности – делать жизнь избирателей качественнее и комфортнее. А какие-то совсем другие заботы. Например, на одном из заседаний обновленного совета народные избранники обсуждали запрет на портреты государственных деятелей в помещениях администрации. (В кадре появляется довольный Колб с портретом Путина за спиной)

Но войной с портретами мундепы не ограничились. Долго тянули с утверждением бюджета на 2020 год. И, наконец, утвердили его. Правда так, что работа администрации всего округа оказалась едва ли не парализована. Народные избранники приняли бюджет с расходами, проведенными только до октября. То есть закрыли год по финансовым отчетам. Теперь руководство не может выплачивать зарплату сотрудникам на протяжении

двух оставшихся месяцев. Более того, нечем платить подрядчикам по незавершенным контрактам.

«Последствия этого (говорит Колб): дезорганизация работы, экономическое принуждение работников уходить отсюда. Квалифицированных в первую очередь. Чтобы здесь расчистить поляну или поле для своей деятельности».

Опрометчивое решение народных избранников грозит не только сокращениями в администрации. Но и ущербом для всех жителей округа. Более 700 дворов останутся без уборки на зимний период. Не говоря о детских и спортивных площадках, расположенных на территории муниципалитета. Семьи с приемными детьми и опекуны не смогут получить положенные ежемесячные выплаты, а также проводить операции с недвижимостью (это даже не передергивание, это прямое вранье, опекунские выплаты мы не хотели, не сокращали и не имели права сокращать, поскольку они шли транзитом из городского бюджета и сотрудники отдела опеки также получали зарплату из городской субсидии). Остановится вся социально-культурная работа в округе и многое другое.

(Кадр меняется, сотрудники администрации стоят на детской площадке)

«Мы видим здесь ржавую горку, прогнивший элемент, которые требуют в идеале замены, но как минимум какого-то ремонта. (Собственно, такое состояние детских площадок было одной из причин, по которой „Единая Россия“ проиграла выборы) И стало быть, это исправить невозможно».

«До 21 года (сказал сотрудник администрации Георгий Складнев – запомните это имя, оно еще ворвется в наше повествование самым бомбическим способом) при отсутствии денежных средств это исправить будет невозможно никак».

Очевидно, говорят работники администрации, депутаты собрались их просто выжить. Нужен другой глава округа, более лояльный и либеральный. Тогда финансовые потоки станут распределять легче. Не секрет, что у большинства пришедших к власти членов совета есть свой маленький бизнес

(Тоже вранье, бизнес был только у Балтрукова, Гудкова и Вазенина), интересы которого станет лоббировать проще. Да и отношение у мундепов, часть из которых ЛГБТ активисты (кадр с ЛГБТ-активистами, на котором нет ни одного депутата Смольнинского) с сотрудниками администрации как-то сразу не сложились.

(В кадре появляется Константин Васильев – начальник финансовой службы муниципалитета):

«Себя-то они не заявляют гомосексуалистами. Они выступают за поддержку либеральных ценностей. За поддержку, как они говорят, угнетенных слоев населения в Российской Федерации. Моя семья воспитывалась в стандартных ценностях, у меня две сестры. У нас крупная семья, трое детей..»

Единственный, кто голосовал против закрытия финансового года, депутат Алексей Шавлов. Не оппозиционер-яблочник и не ЛГБТ-активист, но, говорит, в новом совете он чувствует себя... (трагическая музыка) меньшинством.

(кадр с Шавловым)

«Мне стыдно. Я хотел бы всем сотрудникам от имени совета принести извинения, попросить прощения у них и у членов их семей. И пообещать, что мы и те депутаты, которые меня поддерживают, мы обязательно защитим их интересы».

Те, кто голосовал в прошлом году за выдвижение муниципальных депутатов от оппозиции, в этом году оказались в сложном положении. Отбивать пороги с просьбами решить бытовые проблемы не стыдно, признаются местные жители (уверенно сказал диктор, не показав ни одного жителя). Неприятно другое – разочаровываться в собственном выборе.

(В кадре снова появляется мужчина, кричавший во время заседания совета)

*«Вы все люди взрослые, я закончу ***ским афоризмом: не хочешь – не лезь! Не можешь – слазь! Все!»*

Алексей Багин, Анна Ленник, Известия. Специально для телеканала 78».

«Единая Россия» готовила оправдание, чтобы полностью парализовать работу оппозиционного совета. Это очень хитро: оппозиция вас побеждает, вы саботируете работу оппозиции, используя свои связи в офисе губернатора, судах и прокуратуре, а потом выходите в сми и заявляете: ну посмотрите, кого вы выбрали, граждане! Оппозиция развалила муниципалитет!

ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ

Принятый бюджет 2020 очень не нравился Колбу. Перед следующим заседанием он запер двери муниципалитета изнутри. Депутаты снова не могли попасть в здание. Полиция отказалась приезжать на вызовы. Несмотря на то, что закон обязывал их оказывать содействие депутатам, а недопуск депутатов на рабочее место — это воспрепятствование деятельности — полиции было все равно. Представительная демократия уперлась в закрытые двери.

Ранков пропал. Обидевшись, что его лишили зарплаты, глава муниципалитета перестал исполнять свои обязанности: не организовывал заседания, не посещал их, не председательствовал и отказывался подписывать принятые советом решения.

Зато Ранков увлекся судопроизводством: он подавал иски, в которых требовал отменить принятые депутатами решения на том основании, что он сам не принимал участие в их принятии. Судьи Бондарь и Осипова удовлетворяли его ходатайства и немедленно приостанавливали действие решений совета.

Сторонникам Путина очень много прощается. Если бы оппозиционные депутаты захватили здание муниципалитета, через два часа мы бы уже сидели на скамье подсудимых в Смольнинском районном суде. Сложность нашего противостояния состояла в том, что мы были обязаны соблюдать закон, а наши противники могли его не соблюдать, если того требовала политическая целесообразность. Друзья из полиции и прокуратуры всегда приходили на помощь. Такое потворство со стороны правоохранительных органов привело к террористическому акту в центре Петербурга, но об этом в последующих главах.

А пока местный парламент был вынужден экстренно искать другое помещение. Коалиция решила, что стенорез депутата Балтрукова пока применять не стоит, чтобы формально не нару-

шать закон. Нам важно было действовать законно и этим отличаться от наших оппонентов.

Не дождавшись помощи от полиции, мы переместились в офис партии «Яблоко». Депутат Кузнецова была председателем городского отделения партии и любезно предложила совету использовать помещения в ситуациях, когда муниципалитет оказался недоступен.

Первым делом избрали председателя. До этого мы избрали постоянного председателя на время отсутствия Ранкова — депутата Мишкинис, но по просьбе Ранкова судья Осипова приостановила это решение. Ранков убедил своих друзей в районном суде, что назначение Мишкинис нарушает его права. Это, конечно, было не так: Мишкинис исполняла обязанности председателя только тогда, когда Ранков сам отказывался от своих прав и не посещал заседание. Депутат Балтруков отстаивал полномочия Мишкинис в апелляционной инстанции, но это требовало времени. Пока совет был вынужден избирать председателя на каждом заседании.

Важно отметить, что заседания Смольнинского не были посвящены целиком противостоянию с Колбом и Ранковым. Совет работал в интересах жителей: мы принимали решения по жалобам, поступавшим в совет по вопросам благоустройства и культуры, обсуждали незаконную застройку в историческом центре и требовали от надзорных органов наводить в этой сфере порядок.

Несмотря на то, что решения принимались полезные и никак не затрагивали интересы Ранкова, он бежал в Смольнинский районный суд, где требовал отменить принятые депутатами решения. Любые решения.

Например, депутаты проголосовали за вынесение благодарности Ботаническому институту им. Комарова. Институт передал для озеленения Смольнинского огромное количество саженцев: кленов, дубков, различных кустарников. Депутаты лично приняли участие в субботнике, во время которого вместе с жителями высадили растения на территории муниципалитета. Если бы

Колб организовал закупку такого количества саженцев, она обошлась бы бюджету в сотни тысяч рублей. Ботанический институт подарил саженцы бесплатно. Депутаты единогласно проголосовали, чтобы сказать институту большое спасибо и направить официальную благодарность. Через несколько дней Ранков обратился в Смольнинский районный суд и отменил решение о благодарности. Неблагодарный.

На предыдущем заседании мы узнали, что чиновники за один месяц выплатили себе премий на миллионы рублей. После чего по городскому телевидению вышел сюжет о том, что они угрожают написать заявления об увольнении.

Контрольно-счетная комиссия проверила положения, которые регулировали зарплату и премии в администрации и аппарате. Эти положения были приняты давно, еще предыдущими депутатами, и, как оказалось, не соответствовали закону Санкт-Петербурга.

В законе были прописаны основания и максимальный размер для премирования чиновников. В положениях, действовавших в Смольнинском, верхнего предела не было. Ранков и Колб могли выплатить какие угодно суммы (их ограничивал только лимит 1/12 в месяц при непринятом бюджете).

Безусловно, премировать сотрудников надо. Того же Ситникова, который отвечал за штрафы и приносил в муниципальный бюджет почти 10% всех доходов. Сотрудников нужно финансово мотивировать. Но должны быть какие-то пределы.

Контрольно-счетная комиссия подготовила новые правила выплаты зарплат и премий. Мы прописали четкие критерии оказания материальной помощи сотрудникам: смерть, лечение, утрата имущества в результате пожара, рождение ребенка и заключение брака. То есть оказать материальную помощь чиновнику можно не потому что Колб или Ранков этого захотели, а потому что чиновник действительно нуждается.

За основу были взяты документы из муниципалитета №72. Коллеги любезно поделились опытом. Муниципалитет №72 был

дотационным еще до проведения губернаторской реформы и их расходы тщательно проверялись комитетом финансов Санкт-Петербурга, поэтому муниципалитет №72 не мог вписать ничего лишнего в свое положение об оплате труда – иначе не получил бы субсидию.

Нужно было перенять положительный опыт и изменить положения о зарплатах и премиях в Смольнинском, привести их в соответствие закону Санкт-Петербурга. Депутаты проголосовали единогласно. Колб и Ранков побежали в Смольнинский суд и решения, наводившие порядок в премировании сотрудников, быстро были отменены.

Депутат Балтруков попросил у совета право подать в суд. Совет только отбивался от исков, а нужно было действовать активней и подавать иски на Ранкова и Колба, чтобы заставить этих бездельников работать и исполнять решения совета. Колб и Ранков активно продвигали в сми позицию, что оппозиционные депутаты, победившие в Смольнинском, не занимаются никакой работой на благо жителей, а погрязли в судах. При этом Колб и Ранков умалчивали, что организаторами судов были они сами.

Для наглядности депутат Балтруков продемонстрировал список текущих исков – на семи листах. Балтруков защищал интересы совета в 27-ми судебных процессах. При этом противостояние только началось, новые иски появлялись как горячие пирожки. Колб и Ранков не жалели муниципальных денег на суды против депутатов.

– Мы побеседовали с Ранковым, – сказал депутат Балтруков, – Ранков очень настоятельно просил начать подавать на него в суд. Он сказал, что пока проиграл только один иск – бывшей супруге.

– Ранков говорит неправду! – сказал я. – Он только что проиграл иск самому себе. В деле о классном чине Ранков выступал одновременно на стороне истца и на стороне ответчика. В итоге, один Ранков выиграл, а другой Ранков проиграл.

– По статистике ничья получается! – раздался голос из зала.

Депутат Балтруков продолжил:

– Двенадцать депутатов поддержали мою кандидатуру на главу муниципалитета. Хотя голосование признано несостоявшимся, это демонстрация поддержки. И я прошу у вас выдать мне доверенность, чтобы от имени совета я мог подавать в суд. Обещаю не злоупотреблять, отчитываться и информировать депутатов об использовании доверенности.

– Это очень важная доверенность, – сказала депутат Кузнецова, – Она позволит подавать в суд на Ранкова от имени совета, если Ранков не подпишет какое-нибудь наше решение.

Депутаты проголосовали единогласно. Совет решил подавать в суд ответные иски.

Прокуратура прислала в совет очередное письмо. Бортникова считала, что без участия Ранкова депутаты не имели права собираться на заседание. По ее мнению, если глава не созвал заседание, то никто вместо него эту обязанность исполнять не мог. Прокуратуре очень хотелось поставить депутатов в зависимость от Ранкова.

Нужно пояснить, что заседания совета были двух типов: очередные и внеочередные. Очередные заседания проводились каждую первую среду месяца. Время и день проведения очередных заседаний были прописаны в регламенте и не зависели от желания (или нежелания) главы созывать депутатов.

Внеочередные заседания проводились для решения срочных вопросов, когда решение необходимо принять быстро, не дожидаясь очередного заседания. Право созывать внеочередные заседания было у 1) главы, 2) заместителя и 3) группы депутатов (не менее семи).

В некоторых муниципалитетах Санкт-Петербурга право созвать заседание было даже у общественных организаций и местного священника. Прокуратура не имела замечаний к этим муниципалитетам, но в Смольнинском решила, что депутаты не имеют права работать, если Ранкова нет рядом.

В качестве реакции на позицию прокуратуры депутат Балтруков предложил изменить регламент и установить, что очередные заседания проводятся не раз в месяц, а каждую неделю: по средам в 19:00. Мы не планировали заседать так часто, но хотели иметь возможность собираться в случае необходимости без прохождения длительной процедуры созыва внеочередного заседания.

По федеральному закону, если совет не проводил заседание три месяца, это могло стать основанием для роспуска и назначения перевыборов. При этом действующие депутаты не имели права повторно избираться. Если Ранков пропадет на три месяца, то, по мнению прокуратуры, заседания совета не будут признаны настоящими заседаниями и негодных депутатов можно распустить.

Ранков, конечно, был не в состоянии придумать такую сложную схему и реализовать ее. Хотя бы потому, что не понимал законы. Штаб по противодействию оппозиционным депутатам Смольнинского возглавлял глава Центрального района Максим Мейксин при активной поддержке городского Комитета территориального развития. Правовые вопросы утрясались заместителем прокурора района Бортниковой и помощником прокурора Елисеевым, а узаконивались районными судьями Бондарь и Осиповой.

Наши оппоненты не смогли выиграть выборы, но в судах у них было все схвачено. Мы четко видели, что работу Смольнинского хотят саботировать и подвести совет под роспуск. На стороне наших оппонентов были ресурсы государственного аппарата, в том числе, прокуратура и суд, юристы и пропагандистские медиа. Но депутаты коалиции были намерены сопротивляться до последнего.

КАК ГУБЕРНАТОР ОТОБРАЛ У НАС ДЕНЬГИ

По большому счету, у совета было только два полноценных полномочия, при помощи которых депутаты могли хоть как-то изменить жизнь в округе: 1) избрание руководителя исполнительного органа – главы местной администрации, и 2) принятие бюджета на следующий год. На фоне этих двух полномочий, все остальное – мишура. Важно, как расставлены финансовые приоритеты при принятии бюджета и кто этот бюджет исполняет.

Колбу и Ранкову не нравился принятый бюджет 2020. Спор между ними и депутатами переместился в суды.

Однако подошло время принимать бюджет на новый наступающий 2021 год. Колб в очередной раз подготовил бюджет, в котором расходы на чиновников составляли львиную долю и превышали городской норматив, отсутствовала программа благоустройства и опять были заложены дорогостоящие экскурсии для «актива» вместо недорогих мероприятий для всех жителей.

Мы приготовились к сражению с Колбом, но губернатор решил нас немного развлечь и в разгар утверждения бюджета обрадовал бюджетной реформой. Она затронула интересы всех муниципалитетов Санкт-Петербурга.

Доходы бюджета Смольнинского составляли плюс-минус 250 млн. рублей в год. В основном, это были поступления от налогов на малый и средний бизнес: от упрощенной системы налогообложения и единого налога на вмененный доход, а также штрафы.

Все эти деньги губернатор отобрал.

Взамен губернатор предложил дать Смольнинскому 0,3% от налога на доходы физических лиц, собранного на территории муниципалитета.

Когда мы посчитали итоговые цифры, то ужаснулись. Ужаснулся Васильев из финансовой службы. Ужаснулся Колб. Они даже прибежали на заседание совета и Колб сделал доклад о том, какие финансовые неприятности ждут муниципалитет в результате этой реформы. Да что уж там неприятности. Это была катастрофа! Собственные доходы муниципалитета падали с 250 млн. в год до 50. В пять раз!

Чтобы мы не сильно расстроились, губернатор предлагал дотацию «на выравнивание». Она состояла из двух частей: основной (для Смольнинского это порядка 19 млн. рублей) и лотерейной.

Лотерейную часть должны были выбрать депутаты: либо получить дотацию деньгами 16,7 млн рублей, либо в дополнение к 0,3% НДФЛ получить еще 0,1% от собранного НДФЛ. С лотерейной частью дотации могло повезти и, если налога будет собрано больше, чем планировалось, то по схеме 0,1% мы сможем получить больше, чем 16,7 млн рублей. Но могло не повезти. Тогда мы бы получили меньше.

Реформа пришлась очень некстати. Муниципалитет должен был резко остановить бюджетный процесс, выкинуть в помойку проект бюджета, работа над которым всю шла, и быстренько сверстать новый. А депутаты должны собраться и решить, хотим ли мы взять лотерейную часть фиксированной суммой или процентом.

Сама реформа и скорость ее проведения можно было охарактеризовать одной фразой: финансовый погром.

Я связался с городским комитетом финансов, чтобы узнать, как они видят дальнейшее существование Смольнинского. Очевидно, что оставленных денег Колбу не хватило бы даже на зарплаты. Меня немного успокоили, что в ходе реформы город планировал выделить Смольнинскому еще одну дотацию — порядка

116 млн. рублей, чтобы мы чувствовали себя не совсем ограбленными. Но это были только слова. Ни одного официального документа о дополнительных 116 млн. в природе не существовало.

Таким образом, вместо стабильных 250 млн. в год губернатор оставлял нам стабильные 50 млн. и еще примерно 36 млн. в виде дотаций. Возможно, еще 116 млн в виде дополнительной дотации, но ее никто гарантировать не мог. В лучшем случае, это 200 млн.

И даже в этом «лучшем» сценарии только четверть нашего бюджета была полностью нашей. Три четверти — это дотации из городского бюджета, для получения которых необходимо выполнять условия, которые определял городской комитет финансов.

Муниципалитет переходил в положение полной зависимости от городского правительства. Мы теряли деньги и теряли финансовую самостоятельность. Нас бесцеремонно встраивали в «единую систему публичной власти».

Впервые Колб нашел общий язык с депутатами. Мы были едины во мнении, что реформа — это угроза для Смольнинского.

— Город убивает двух зайцев, — сказал Колб, — Во-первых, он консолидирует все доходы муниципалитетов. В свою корзинку их складывает. А во-вторых, сажает все муниципалитеты под свой финансовый контроль. Сколько с барского плеча город даст — столько и пользуйтесь. И расчеты их далеки от реальности.

Реформа проводилась в экстренном порядке. Ни Смольнинское, ни другие муниципалитеты не были к ней готовы. Даже по процедуре она проводилась с бюрократическим жульничеством (как всегда).

Губернатор внес в Законодательное собрание проект закона, в котором изначально реформы не было. Но ко второму чтению губернатор внес поправку, где была помощь для пожилых, для детей и прочие социальные блага, а заодно — отъем денег у муниципалитетов. Депутаты Законодательного собрания не могли

голосовать за предложения по отдельности. Они могли одобрить или не одобрить поправку целиком. Какие же политики, даже такие плохонькие как депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга, проголосуют против помощи старикам и детям. Реформа прошла.

Мы приготовились к тому, что в ближайший месяц совету придется беспощадно порезать расходы муниципального бюджета на 2021 год. В первую очередь, мы планировали заставить Колба уложиться в норматив на самосодержание чиновников. Потому что жить по нормативу – это главное (но не единственное) условие для получения дотаций из городского бюджета.

«ПОРВАЛИ ПОРТРЕТ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО»

В связи с угрозой муниципальному бюджету со стороны губернатора произошло потепление в отношениях Колба и депутатов коалиции. Он продолжил нас ненавидеть, бороться против нас в судах, но двери муниципалитета стали открываться, депутаты могли попасть в здание и работать в зале заседаний муниципального совета. По мнению Колба, это был шаг навстречу.

Однако Ранков как пропал, так и не появлялся. Никто достоверно не знал, где находился глава Смольнинского и чем занимался. На рабочем месте его не видели больше месяца.

После каждого заседания совета Ранков подавал иски в суд с требованием отменить принятые решения, потому что на них нет его, Ранкова, подписи. Журналистам он врал, что болеет и не в состоянии подписывать решения совета. Однако в его ослабленных болезнью рученках хватало сил, чтобы подписывать судебные иски.

18 ноября мы хотели провести заседание Планово-бюджетной комиссии, чтобы обсудить с начальником финансовой службы Константином Васильевым, каким станет бюджет Смольнинского после губернаторской реформы.

Я бежал на заседание комиссии по Суворовскому проспекту. Запиликал телефон: пришло сообщение от депутата Киселевой, которая уже находилась в зале заседаний. Она сообщила, что на стене снова висит портрет Путина. Депутат Балтруков написал: «Портрета Пушкина нет, мы искали, он пропал».

«Ничего святого!» — подумал я и ускорил шаг.

Я влетел в зал, не снимая куртки. Путин смотрел на меня со стены. Пушкина не было.

– На полках смотрели?

– Все обшарили, – сказал депутат Балтруков.

Я пробежал вдоль полок, но Пушкина не нашел.

– В мусорном ведре тоже нет, – добавил Балтруков.

Я прошел вдоль полок еще раз. Безрезультатно.

«Может быть на столе у секретаря?». Я повернулся к ней. Анастасия с ухмылкой смотрела на происходящее. Наша симпатяшка! Если поймать на улице смазливую девушку, отмыть, почистить, кормить одной сметаной, а потом заставить две недели загорать под турецким солнышком, то получится Анастасия, секретарша Ранкова.

– Анастасия, – спросил я, – Пушкин у Вас?

– Нет! У меня ничего нет.

– У вас много бумаг на столе.

– Это свежие бумаги, я их принесла к заседанию.

– В ящиках?

– Там нет бумаг, – подозреваемая содействовала следствию: Анастасия выдвинула ящики. В одном было пусто, в другом лежали какие-то провода.

Пушкин пропал. Украли! Пушкина заменили на Путина.

Я посмотрел на портрет, который висел на стене, сощурил глаза, потянулся к портрету. В этот миг раздался голос Анастасии:

– Никита Андреевич!

Я снял портрет со стены.

– Никита Андреевич!!

Я дошел с портретом до своего стола.

– Никита Андреевич!!! – Анастасия бежала за мной. Она включила телефон и начала снимать происходящее на видео.

Я вынул портрет из рамки: может быть, Пушкин был спрятан за фотографию Путина. Но нет. Последняя надежда растаяла. Пушкина не было, Пушкин пропал безвозвратно. Я напряг нижнюю губу. Она всегда напрягается, когда я бываю зол. Брови нахмурились так, что заболел лоб.

«Порву за Пушкина!» – подумал я.

Секретарь начала догадываться, что сейчас произойдет. Она побелела:

– Никита Андреевич!!! Что вы делаете?!!!

Раздался звук рвущейся бумаги.

Путин был порван на четыре неаккуратных куска. Поскольку эти бумажки имели, судя по всему, некоторую ценность для секретаря, я положил их перед ней на стол. Она бросилась к ним, как бросаются с осколком старинной бабушкиной вазы.

В двух метрах от меня была полка, на которой стояли кубки, выигранные нашим муниципалитетом, грамоты и благодарности. В центре стояла грамота, полученная депутатом Хрщоновичем «за победу над ЛГБТ, либералами и навальнистами». Рядом с ней я поставил пустую рамку.

Анастасия убежала куда-то и вернулась перед самым началом заседания Планово-бюджетной комиссии. Она громко топала каблуками, ходила от депутата к депутату и мерила температуру дистанционным термометром.

Каблуки Анастасии стучали особенно громко, когда она приблизилась ко мне. В этот момент пустая рамка свалилась с полки. Раздался звон битого стекла. Я посмотрел на Анастасию. Анастасия посмотрел на меня. Мы вместе повернулись к рамке. Рядом с полками никого не было – рамка упала сама.

«Не то что портрет – Господь даже рамку не принимает», – подумал я и собрал стекло в мусорную корзину.

Портреты – портретами. А совету надо было принимать решение по бюджету 2021 года. Реформа уже началась. Самым правильным решением нам показалось обратиться к администрации, чтобы они пересчитали бюджет еще раз, с учетом снижения доходов.

Да, сверстать бюджет – это сложнейшая работа, которую надо было сделать во второй раз. Но другого выхода не было. Смольнинское не могло жить по бюджету, который изначально нельзя исполнить. Голосовать за бюджет, который после реформы превратится в простую бумажку с цифрами,

не соответствующими действительности, никто из депутатов не собрался.

Предложение сверстать бюджет заново поддержал руководитель финансовой службы администрации Васильев. В целом, план действий был понятен. В течение часа Планово-бюджетная комиссия обсуждала с Васильевым детали. Начали подходить другие депутаты, не входившие в комиссию. Кворум собрался, мы были готовы плавно начать заседание совета.

Ранков не появлялся, обязанности не исполнял и никто не мог сказать, жив ли он. Мы беспокоились, не заболел ли Ранков коронавирусом.

Депутат Мишкинис попросила зрителей зарегистрироваться для участия в заседании. Она выясняла адрес мужчины, пришедшего на заседание со 2-й Советской улица, когда в дверях появился полицейский, в зимней шапке и маске. Второй полицейский выглядывал из-за спины.

— Здрасьте! — сказали депутаты нестройным хором.

— Семьдесят шестой отдел полиции! — громко сказал полицейский. Это был наш родной отдел полиции, в который Костров сдавал меня во время избирательной кампании, сотрудники которого участвовали в попытке отнять наших детей перед первым конкурсом по выборам главы местной администрации, который не смог оперативно приехать, когда на совет напала банда курток, который отказывался обеспечить депутатам доступ в здание несколько недель назад, когда мы уткнулись в закрытые двери.

— Вы на вызов с прошлого заседания приехали? — спросила депутат Мишкинис.

— Мы вызывали вас две недели назад, — сказала депутат Кузнецова.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал депутат Чеботарь.

— Кто здесь главный? С кем можно пообщаться? — спросил полицейский.

— С нами со всеми! — ответили депутаты, — Но у нас заседание.

– Нам поступило сообщение, – серьезно сказал полицейский и сделал шаг вперед, – Порвали! Фотографию! Главкомандующего!

– Со мной пообщайтесь, – ответил я.

– Но только после заседания совета, – сказала Кузнецова.

– Вас нужно опросить! – сказал полицейский.

– У нас заседание совета, – ответил я, – Обождите.

– Когда оно закончится?

– Сейчас начнется. А потом закончится, – сказала депутат Кузнецова, – Подождите, пока закончится.

Полицейские переглянулись, посмотрели на часы и вышли в коридор.

– Мы теперь знаем... – сказала депутат Кузнецова, – как позвать полицию на заседание муниципального совета.

– Надо иметь дежурный портрет Владимира Владимировича Путина.

Заседание началось. Депутат Мишкинис пересчитала депутатов по головам.

– Тринадцать!

– Могу бутылку поставить, – сказала депутат Кузнецова, – что четырнадцать ни разу не будет, чтобы мы нового главу не выбрали.

Самый главный вопрос – что делать с бюджетом на 2021 год. Ситуация была необычная, мы повторили, к какому решению пришла Планово-бюджетная комиссия. Депутаты обсудили детали, чтобы при принятии бюджета действовать согласованно – мы не могли позволить себе тормозить непосредственно во время принятия бюджета, потому что это длительная, регламентированная процедура, а нам нужно было успеть до конца года.

Все это время полицейские слонялись по коридору, в ожидании, периодически заглядывая в дверной проем. В один из таких моментов, когда голова мента показалась в двери, депутат от «Единой России» Алексей Шавлов пошутил:

– Никита Андреевич, – обратился он ко мне с усмешкой, – Это не за Вами пришли?

– За мной, – сказал я.

Мне как раз предоставили слово, чтобы доложить об очередном протесте прокуратуры, поступившем в муниципальный совет. С подачи Ранкова прокуратура считала, что депутаты без Ранкова собираться не имеют права, и закидывала нас протестами, которые приходилось рассматривать почти на каждом заседании.

Мы считали, что у нас есть право собираться без разрешения Ранкова. Кто он вообще такой, чтобы нам запретить, он даже выборы проиграл.

– Прокурор Бортникова считает, поскольку в федеральном законе у главы муниципалитета есть право созывать заседание, значит у депутатов такого права нет, – сказал я. – Не знаю, в какой юридической школе она училась, но таких выводов делать нельзя. Если у кого-то есть право, это не значит, что больше ни у кого такого же права нет. Позиция прокуратуры, что только глава может собирать заседания, а депутаты не могут – незаконно ограничивает права народных избранников. Если глава единолично будет решать, собирать ему заседания или нет, то он их не будет собирать. Если заседания не проводятся три месяца, то совет можно распустить за бездействие и проводить новые выборы. Ранков пропадет на три месяца и нас распустят. Волеизъявление граждан, которые за нас голосовали, выкинут в помойку. Зачем вообще проводить выборы, если с точки зрения прокуратуры каждый глава (по всей стране) может решать судьбу своего совета? Мы собираться без него не можем, подписывать решения без него не можем, а сам он не ходит и полномочия свои добровольно не слагает.

На тот момент было уже тридцать судебных исков против совета. Ситуация с судами была напряженной. Мы ждали следующую партию исков. Ранков по какой-то причине не мог исполнять обязанности главы и подписывать документы, но в суды

на совет подавал исправно, интервью журналистам тоже раздавал без ограничений.

— Он на совет не ходит, потому что у него времени нет, он иски подает, — предположила депутат Кузнецова.

Юристы, нанятые депутатом Балтруковым, подготовили правовую позицию о том, что депутаты имеют право проводить заседания совета без участия главы. Юристы ожидали, что этот вопрос станет предметом очередной судебной тяжбы, и хотели утвердить текст на заседании совета. Чтобы не Ранков от нашего имени формировал позицию в суде, а был документ, принятый большинством депутатов в ходе голосования, который будет в материалах дела. Тогда судья не сможет проигнорировать мнение депутатов.

Депутат Серая в тот день вредничала и пыталась продемонстрировать некоторую дистанцию от коалиции. Такое с ней иногда случалось. Она не стала голосовать вместе с коалицией за утверждение правовой позиции и присоединилась к команде депутатов Бархатовой и Шавлова. Три депутата не поддержали решение. Но семь депутатов «Яблока» и три депутата Экс-Ц составляли костяк коалиции и дружно проголосовали «за». Совет решил отстаивать свое право собираться без участия главы.

Ранков в суде заявил, что решения совета не действуют, потому что он их не подписал. Документы ждали его на рабочем месте, на котором он не появлялся. Я предложил депутатам официально направить Ранкову стопку документов, чтобы он подписал. Если подпишет, то все иски автоматически снимутся. Поскольку никто не знал, где Ранков, надо было отвезти документы на все адреса, связанные с ним, а если не удастся его найти, то обратиться в полицию с заявлением о поиске пропавшего.

— Вдруг он заразный? — спросил депутат Шавлов.

— Откуда мы знаем, заразный он или нет, — ответил я, — Мы видим, что глава отсутствует. Можно заказать бесконтактную доставку. Мы живем в ковиде уже больше полугода, бесконтактной доставкой пользуются все.

Депутат Серая сказала, что мы не можем писать заявление в полицию с просьбой установить местоположение Ранкова. «Мы же не родственники!» — сказала она.

— Ранков пропал, — ответила председатель Мишкинис, — Где он находится — мы не знаем. От него зависит многое. Он подает иски в суд, о том что мы не имеем права работать без него. Полиция хотя бы даст официальный ответ, что он в порядке. Или не в порядке.

— Наверняка будет справка, что он болеет, — сказала депутат Серая.

— Тогда полиция нам официально сообщит, — сказала депутат Кузнецова, — Мы занимаемся сбором документов для судов.

В этот момент полиция опять показалась в дверях. Было видно, что они изнывают от ожидания. Решение по Ранкову было поставлено на голосование. Воздержались депутаты Шавлов, Бархатова (отрицающая связи с «ЕР») и Серая. Но, чтобы принять решение, хватило голосов депутатов «Яблока» и Экс-Ц.

Больше часа мы дебатировали по судам и бюджету. Наконец, заседание закончилось. Обсуждение было довольно бурным. Я забыл про портрет и про полицию. Мы договорились с депутатом Кузнецовой выйти на улицу и обсудить вопросы на следующее заседание. Я встал, собрал бумаги, надел куртку, когда Кузнецова напомнила:

— Ой, тебя же полиция ждет!

— Точно! — вспомнил я, — Они уже, наверное, не ждут.

Сложно было поверить, что наряд полиции будет ждать час в коридоре, чтобы спасти порванную фотографию.

— Вон они стоят, — показала рукой депутат Кузнецова.

— Проходите сюда! — позвал я полицейских, — Заседание закончилось.

Они не просто не ушли. Их стало больше. Пять человек в форме, в том числе лично начальник местной полиции, зашли в зал:

— Нам нужно всех опросить!

— По какому вопросу? — уточнил я, — Что случилось?

– Сейчас все расскажу, – ответил сотрудник полиции.

Я указал на кресло рядом с собой:

– Садитесь.

Полицейский показал удостоверение и попросил меня предъявить документы. Я достал депутатское удостоверение.

Другие сотрудники полиции приступили к опросу свидетелей страшного преступления. Председатель Мишкинис недолго наблюдала за происходящим и обратилась к полицейским:

– Коллеги, когда нас не пускали в совет, я лично звонила вам раз двадцать. Никто в итоге не приехал. А тут рамка разбилась и сразу приехали, как так?

– Потому что на святое покусились! – крикнул из зала Смоляк (помощник депутата Бархатовой).

– Странная у вас святыня, Павел, – сказала Мишкинис.

– Так и есть, – сказал Смоляк, – У меня два портрета дома: Иисус и Путин.

Присутствие Смоляка всегда превращало серьезное мероприятие в балаган. В этот момент в зал зашел заместитель начальника полиции.

– Никита Андреевич, – обратился он ко мне, – А портрет вы куда дели?

– Не знаю! – ответил я, – Сейчас в ходе допроса установим!

– Кто готов дать объяснение, как рвали портрет? – заместитель начальника полиции обратился к залу, он был очень серьезен, как и полагается заместителю начальника полиции.

– Те, кто тут был в тот момент, – сказала председатель Мишкинис, – А не кто пришел потом.

– Я была!! – откликнулась секретарь Анастасия.

– Она, видимо, заявление подала. Больше никому, – сказала Мишкинис и обратилась к полиции, – Кто, скажите, пожалуйста, вас вызвал? Вы же регистрируете по КУСПу.

– Сообщение было анонимное, – ответил замначальника.

Председатель Мишкинис начала вспоминать, кто присутствовал в момент трагедии: сама Мишкинис, депутаты Юферев, Серая, Балтруков, Киселева, Шавлов и Кузнецова.

– Тогда остальные могут идти! – сказал замначальника.

– Кто не присутствовал – покиньте помещение! – повторил начальник полиции.

Никто не ушел. Все остались на своих местах. Не каждый день можно увидеть пять полицейских и допрос депутатов, «поровавших портрет главнокомандующего».

– В чем обвинение состоит? – спросила депутат Кузнецова.

– Сначала объяснения возьмем, – уклончиво ответил замначальника.

– По какому поводу объяснения?! Что нарушено? – спросила депутат Кузнецова – С этого надо начинать. Насколько я знаю, с этого полиция начинает. Никита, вам объяснили, по какому поводу вас допрашивают?

– Пока не объяснили.

Наконец, полицейский закончил заполнять мои анкетные данные и приступил к допросу:

– Можете пояснить, что произошло? – спросил он и приготовился записывать.

– Начнем с начала, – ответил я, – 16.10.2020 я разместил на стене муниципального образования принадлежащий мне портрет Александра Сергеевича Пушкина...

Я сделал паузу, как делают паузу учителя в школе во время диктанта, чтобы полицейский успел записать мои слова.

– ...великого русского поэта, – продолжил я, – основоположника современного литературного русского языка.

Полицейский водил ручкой по протоколу. Я медленно повторил фразу.

– Дальше! – сказал полицейский.

– Гения, вошедшего в века! – медленно диктовал я.

– Может ближе к делу? – спросил полицейский.

– Я же не просто так это говорю! – ответил я, – 18.11.2020 я пришел в помещение муниципального образования Смольнинское в 17:45, – я сделал паузу, полицейский записал, – И обнаружил, что принадлежащий мне портрет Александра Сергеевича Пушкина пропал. Неустановленные лица дели его в неустанов-

ленное место. Прошу провести проверку по факту пропажи портрета Александра Сергеевича Пушкина...

– Дальше! – сказал полицейский.

– ...и наказать виновных в пропаже принадлежащего мне имущества...

– Дальше!

– ...а также совершивших преступление против великой русской культуры, – продиктовал я.

Зал притих, несколько камер снимали наш диктант. Полицейский снял очки, вытер лоб и продолжил писать. Он старательно выводил от руки каждую букву. Почерк можно было назвать красивым.

– Вместо Александра Сергеевича Пушкина висел портрет неустановленного мужчины... – сказал я, медленно проговаривая каждую букву, – ...похожего на президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

Не знаю, зачем мне пришла в голову эта словесная конструкция про неустановленного мужчину, похожего на президента. На самом деле, он очень походил на президента Путина, только очень молодого, еще не улучшенного пластической хирургией и инъекциями ботокса.

– Этот портрет, – диктовал я, – Был мною демонтирован.

Полицейский перестал писать и удивленно посмотрел на меня.

– Вы порвали его? – спросил полицейский.

– Я порвал портрет, – ответил я.

– Почему?!

– Потому что был зол. Пишите! – сказал я, – Потому что был зол в связи с пропажей принадлежащего мне портрета Александра Сергеевича Пушкина и замены..., – я сделал паузу, заглянул в протокол, чтобы удостовериться, что полицейский успевает записывать мои слова дословно.

– ...и замены портрета великого русского поэта, – я сделал ударение на слово «великого», – на портрет мужчины, похожего на политического деятеля.

Я снова заглянул в протокол, полицейский старательно записывал.

— А куда дели?

— Не помню, — развел я руками.

Кажется, полицейский полностью удовлетворился моими пояснениями. Он протянул ручку, чтобы я подписал протокол. Пока так и не удалось установить местонахождение разорванного портрета Путина. И Пушкина тоже.

Председатель Мишкинис также дала показания. Полицейский, допросивший меня, приступил к допросу депутата Киселевой. Я краем уха слышал, как она диктовала ему текст про «портрет великого русского поэта, основоположника современного литературного русского языка». Все любили Пушкина!

Я сел в одно из кресел, стоявших у стены, в которых обычно сидят зрители, и безучастно наблюдал за происходящим.

Председатель Мишкинис читала свой протокол.

— Почерк у вас красивый, — сказала она полицейскому, — Но непонятный. Меня очень расстраивает, что по реальным делам вы не едете. А как рамка разбилась, то сразу едете!

— Меня тоже расстраивает, — тихо ответил полицейский и вздохнул.

— Я вас понимаю, — сказала председатель Мишкинис, — Это очень грустно.

Депутат Марина Шпринг подключилась к разговору:

— Подскажите, так любой аноним может позвонить, сказать, что порвали портрет, и вы приедете?

— Может, — ответил полицейский и снова вздохнул, — Может.

— Как удобно! — сказала депутат Кузнецова, — А то нас часто внутрь на заседания не пускают. В прошлый раз мы вас вызывали, а вы не ехали.

— Можно звонить и говорить, что кто-то порвал портрет, — продолжила мысль председатель Мишкинис.

— «Я слышу треск разрываемого портрета!»

Начальник полиции и его заместитель ходили по залу, они инспектировали работу подчиненных и, очевидно, размышляли над раскрытием преступления века! На пятидесятой минуте допросов, после тщательного обследования и оперативно-розыскных мероприятий, начальник полиции обнаружил улику: на одной из полок лежал разорванный портрет президента.

Почему-то место преступления не стали огораживать сигнальной лентой. Начальник полиции взял портрет (голыми руками, оставив свои отпечатки) и с гордым видом положил на стол перед оперативником, всей своей статью и выражением лица показывая молодому сотруднику: учись, как надо работать.

В целом пять сотрудников полиции провели с нами два с половиной часа. Преступность в здании муниципалитета была отвержена. Не знаю, чем занималась преступность на остальной территории Смольнинского, но приоритеты полиции были представлены четко: они спасали портрет главнокомандующего.

Вызвать полицию в Петербурге всегда было проблемой. Один мой знакомый так описал ситуацию: «Если во дворе поздно ночью пьянствует шумная кампания и мешает спать, полиция не придет, проверено на практике. Если под окном начали незаконную стройку — полиция не придет. Если магазин торгует ночью спиртным — полицию вы не дождетесь. Но, как только вы порвете фотографию президента, полиция примчится и несколько часов будет документировать и расследовать произошедшее».

К сожалению, полиция занималась охраной правопорядка по остаточному принципу, а главной ее задачей была охрана действующей власти. На это тратились основные ресурсы и время.

Надо отметить, что наши оппоненты умели на пустом месте создавать истории, попадающие в федеральную повестку. Не уверен, что порванный портрет был кому-то интересен до тех пор, пока на спасение фотографии, напечатанной на тонкой бумаге, не прибыли аж пятеро полицейских. Новость имела широкий общественный резонанс.

Я и другие депутаты, видевшие момент страшного преступления, без остановки раздавали интервью. Кажется, это было мое первое появление в прямом эфире телеканала «Дождь».

— Думаете, вас оштрафуют? — спросила ведущая «Дождя» Екатерина Котрикадзе.

— Не знаю, — ответил я, — Посмотрим, могут ли в России в XXI веке наказать человека за то, что он порвал портрет.

— Что вы будете делать со стеной? Повесите обратно Пушкина? Его же можно другого, наверное, найти.

— Конечно! Можно вешать не только Пушкина, можно повесить Циолковского, можно повесить Менделеева. Надо вообще на стенах органов власти вешать портреты великих людей, которые сделали что-то для России. А не политиков. Потому что политики приходят и уходят, а великие люди — они навсегда. Пушкин — в веках! Пушкин — это объединяющая фигура. В отличие от Путина.

Смольнинское ворвалось в федеральные новости. Частица славы досталась Колбу. Он дал интервью Радио Свобода, в котором заявил, что депутат Юферев покусился на государственный символ. Конечно, никаким символом Путин не был. Официальные государственные символы России — это флаг, герб и гимн. Так написано в законе. Но Колб называл себя «юристом» и у него были особые представления о действующем законодательстве.

На мой взгляд, бюджетная реформа и снижение доходов нашего муниципалитета были главными проблемами дня (депутаты потратили два часа, чтобы найти решение). Но городские и федеральные сми написали о порванном портрете. Даже государственное информационное агентство «Интерфакс». Новость вошла в топ поисковиков в интернете на русском языке. Происшествие вышло на международный уровень после публикации на сайте «BBC» и Deutsche Welle.

Если бы не чрезмерная реакция полиции — никто бы не узнал о произошедшем.

Конфликт прокомментировали даже в Кремле.

Корреспондент «Ъ FM» во время пресс-колла спросил, как в Кремле относятся к случившемуся в Санкт-Петербурге, а также к традиции вешать портрет президента в органах власти в целом.

— Это никак не регламентировано, никаких инструкций на этот счет нет и быть не может, — сказал пресс-секретарь президента Дмитрий Песков. — Разумеется, вряд ли мы как-то можем, скажем так, позитивно оценивать факт того, что кто-то порвал фотографию Путина, все-таки это наш президент, и, наверное, это плохо — так себя вести и так поступать. Хочется посоветовать им повесить и Путина, и Пушкина и успокоиться на этом. Столько важных вопросов, которыми надо заниматься, которые, наверное, поважнее будут. Хотелось бы порекомендовать это, — добавил Песков.

Депутат Государственной Думы Виталий Милонов («ЕР»), яркий сторонник ультраконсерватизма, высказался так: «Что касается позора Петербурга, вот этой всей политической перхоти, этих гопников, непонятно откуда понаехавших в Петербург, которые унижают нас своими экзальтированными выходками, то, конечно же, мне очень стыдно, что в результате определенных сговоров и манипуляций в центре Петербурга у жителей нет нормальных муниципальных депутатов. А дурно пахнущее вонью ватника, революционера, отребье, как этот Юферев, пытается заменить подлинную муниципальную работу на политические шоу. Я не понимаю, почему целый муниципалитет был отдан на откуп этой шелупони. Я надеюсь, что жители муниципалитета, узнав, что пробралось к ним в муниципальные советы, будут иметь право выгнать их к чертям собачьим, потому что это не по-петербургски. Они не достойны быть депутатами в Санкт-Петербурге», — сказал Милонов.

Я не считал себя «дурно пахнущим вонью ватником и отребьем». Юристы предложили подать в суд на депутата Милонова. Они считали иск перспективным. Однако Милонов в этот момент проходил через тяжелые внутривнутрипартийные праймериз и скан-

дал, где он в суде защищает честь президента, мог ему очень помочь. Поэтому он так резко высказался, рассчитывая судебным процессом помочь себе на праймериз. Я решил не подавать на Милонова в суд. Я вообще не обидчивый.

В целом, незапланированное уничтожение портрета президента открыло общественную дискуссию о необходимости вешать портреты в общественных местах. Я получил много как позитивных, так и негативных откликов. Больше всего мне понравилось мнение замечательного поэта Дмитрия Быкова, напечатанное в журнале «Собеседник» под заголовком: «Пушкин или Путин? У сегодняшней эпохи лицо последнего».

«Смолянинский муниципальный депутат Никита Юферев порвал портрет Путина, после чего на место выехали пять силовиков», — написал Быков, — «Юфереву хотелось, чтобы на этом месте висел портрет Пушкина. Юферев не прав. Кто виноват во всем происходящем в России, в том числе и в муниципальном собрании Смольнинское, — Пушкин, что ли? Пушкину нечего делать в госучреждениях современной России. Это кощунство, если хотите. А Путина надо поместить (воздержусь от слова „повесить“, а то у меня в квартире негде разместить пятерых силовиков) везде, как главный торговый знак, как истинное лицо эпохи».

«Смотреть со всех сторон, плакатов и портретов должен тот, кто за это все отвечает», — резюмировал Быков.

История ничем не закончилась. Ни штрафа, ни протокола. Мне даже не позвонили из полиции, хотя обещали. Оттепель! В конце 2020 года Путина можно было рвать безнаказанно.

КУДА ПРОПАЛ РАНКОВ?

На следующее заседание мы снова проникли в здание.

Портретов в зале заседаний стало значительно больше. Ярослав не потерял надежды поучаствовать в муниципальной политике и приволок фотографии советских и российских чемпионов мира по шахматам. Он договорился с администрацией, чтобы повесить портреты шахматистов в зале заседаний. Почему-то Ярослав считал, что тем самым противопоставляет себя нам, хотя я был очень рад увидеть портреты людей, которые чего-то добились для нашей страны.

Ярослав повесил портреты не всех чемпионов. Не хватало одного: Гарри Каспарова. В тот момент Каспаров давно уже не жил в России, критиковал Путина и стал известным оппозиционером на Западе, поэтому Ярослав выписал его из чемпионов.

На заседание пришли ребята из «Молодежного Яблока». Они подарили мне оригинальную футболку, на которой был изображен силуэт разорванного портрета и надпись «Порву за Пушкина!». Я хрюю ее как приятный сувенир.

Художница, проживающая в Центральном районе Санкт-Петербурга, подарила депутатам большой портрет кота. Кот был хорош. И патриот. И демократ. На портрете был написан лозунг «Котэ спасет Россию». Снизу была приписка «Без кота Россия не та. Улучшаем муниципальные советы с 2020 года».

Колб приобрел новый портрет Путина, огромный, значительно больше предыдущего, и повесил его на самый верх. Депутат Балтруков хотел снять Путина и на это место повесить портрет кота, но столкнулся с трудностями:

– Путин прибит гвоздями! И приклеен на монтажную пену!

Этой емкой фразой можно было охарактеризовать всю политическую систему, сложившуюся в России на тот момент.

– Может, полицию вызвать по факту прибития гвоздями президента? – спросил депутат Балтруков.

– Прибили главнокомандующего!

Настроение у депутатов, как всегда, было хорошее. Мы любили посмеяться даже в самых грустных ситуациях.

Кота повесили под портретом Путина.

В повестке дня был, как всегда, вопрос о выборах главы, но на заседание пришли только депутаты коалиции и депутат Бархатова. Остальные депутаты проигнорировали свои общественные обязательства. Кворума для избрания главы не было, поэтому этот вопрос исключили.

На заседании удалось принять новое положение о публичных слушаниях, расширив права жителей муниципалитета. До этого публичные слушания могли быть предложены инициативной группой численностью не менее четырех тысяч человек. Фактически, это был запретительный порядок назначения публичных слушаний – собрать четыре тысячи подписей надлежащим образом очень сложно.

Мы снизили этот порог в двести раз: до 20 человек.

Слушания назначались решением совета. Если совет отказывал инициативной группе, то депутаты обязаны были изложить мотивированные причины отказа. Если жители были не согласны с отказом, то они могли собрать дополнительно 200 подписей и, в таком случае, слушания обязаны быть проведены, вне зависимости от мнения депутатов. Такой механизм позволял институту публичных слушаний заработать и жители получали право влиять на происходящее в муниципалитете. Решение было принято большинством голосов, только депутат Бархатова воздержалась.

Обсудили также, что муниципальный совет мог сделать для поддержки многодетных семей, а также женщин, имеющих статус Мать-героиня (воспитавших 5 и более детей) и многодетных семей, где детей воспитывает один родитель или опекун. Муниципалитет не имел право выплачивать денежные пособия, но мог выдавать призы по результатам конкурса. Проведение формаль-

ных конкурсов с большим количеством победителей было единственной легальной возможностью поддержать деньгами семьи с детьми. Конкурс как форма социальной поддержки.

Председатель Мишкинис решила уточнить у начальника аппарата, что с Ранковым. Ранее совет поручил Заичкиной подать заявление в полицию, если она не сможет найти главу Смольнинского.

– Вы подали заявление в полицию о пропаже человека? – спросила председатель Мишкинис.

– Нет, не было оснований, – ответила Заичкина.

– Но совет вам поручил, – сказала Мишкинис, – Получается, вы нашли Григория Михайловича?

– Я связалась с родственниками. Они говорят, что он не пропал, – сказала Заичкина.

Совет по прежнему не знал, что происходит с Ранковым, жив ли он на самом деле, здоров ли. Может быть, ему требовалась какая-то помощь? Это очень странно, когда глава муниципалитета не появляется на работе в течение нескольких месяцев и нет ни одного документа, указывающего по какой причине.

– Мы сами обратимся в полицию, – сказал я.

– Хочу еще раз подчеркнуть, что аппарат не исполняет решения совета, – сказала председатель Мишкинис.

– Ранков у нас когда-нибудь материализуется? – спросила депутат Шпринг.

– Я была на заседании суда, – сказала Мишкинис, – Ранков – истец, но не пришел, вместо него пришел представитель. Риторика была такая: Ранков болеет, непонятно, когда выздоровеет. Никаких документов суду предоставлено не было, никаких справок. Я специально спросила, есть ли документы – документов нет. Когда Ранков будет, тоже никто не знает. Суд был перенесен из-за этого.

– Прошла реформа и теперь больничный выписывается не после выздоровления, а в течение пяти или десяти дней с момента обращения, – сказала депутат Кузнецова, – Электронный

больничный заносится в систему медицинского страхования, а бумажный выдается сразу.

Всем было понятно, что аппарат коллективно врал, выгораживая желание своего шефа сорвать работу муниципального совета.

Депутат Балтруков рассказал о текущих делах в суде:

– В суде от имени Ранкова озвучивают такую правовую позицию: решение, которое им не подписано – не действует, и никто, кроме него, подписывать решения не имеет право. Хотя и в Уставе, и в регламенте есть право у других лиц подписывать решения.

– Кто не в курсе, – продолжила председатель Мишкинис, – Григорий Михайлович очень любит с больничного раздавать интервью. Три или четыре уже читала.

– Мне звонили журналисты, – сказала депутат Кузнецова, – Сказали, что перед этим разговаривали с Ранковым. Он вполне в состоянии разговаривать по телефону. Как сказали журналисты, голос бодрый веселый, интервью было длинным. Я попросила поделиться способом связи, потому что на звонки депутатов Ранков не отвечает.

– Вся суть судебных споров в отсутствии подписи Ранкова, – сказала председатель Мишкинис, – В суде даже судья задавалась вопросом, что же мешает Ранкову подписывать решения. Его юрист сказала, что не обладает такой информацией и без Ранкова не может ответить.

Поскольку полиция не раз демонстрировала интерес к происходящему в муниципалитете Смольнинское, мы решили обратиться к ним за помощью. Несколько депутатов, в том числе я, подали заявления в полицию с просьбой найти главу муниципалитета. Ранков не появлялся на рабочем месте уже семь недель, не организовывал и не проводил заседания совета, не подписывал принятые решения. Он не отвечал на телефон, не открывал дверь своей квартиры и, если, как утверждала Заичкина, он болел, не предоставлял в муниципалитет больничного листа. Мы отправили к Ранкову по домашнему адресу курьера с комплек-

том документов для подписания. Курьер сообщил, что Ранкова дома не оказалось.

«Человек пропал» — констатировал я в заявлении в полицию.

Однако в каком-то месте Ранков все же находился. Он, слава Богу, был жив. Журналисты могли с ним связаться. Журналистам Ранков говорил, что депутаты звонят ему на личный номер и он сам вправе решать, отвечать или нет. «Это моя личная трубка и мой личный номер. С кем-то приятно разговаривать, а с остальными — не совсем приятно. Это мой личный номер, и я не обязан отвечать лицам, которые лишили меня зарплаты..» — заявил Ранков, — «Сколько платишь, столько спросишь!»

Ранкова надо было менять. 12 голосов у коалиции было. Нужно было найти еще двух депутатов, которые могли бы принять участие в голосовании. При этом не важно как они проголосуют — за или против — важно, чтобы они просто проголосовали.

Попытки вызвать депутатов на переговоры ни к чему не приводили. Депутат Кузнецова на каждом заседании предлагала поспорить на деньги (иногда, на бутылку), что больше 13 депутатов одновременно мы никогда не увидим. Никто с ней, конечно, не спорил. Все понимали, что администрация района и «Единая Россия» сделают все возможное, чтобы депутаты, которых они контролировали, не вступили в соглашение с нами.

Посовещавшись с Балтруковым, я решил применить небольшую военную хитрость.

КАК ЗАМАНИТЬ ДЕПУТАТОВ НА ЗАСЕДАНИЕ

Мне пришла идея, чем можно заинтриговать депутатов. Подразнить их любопытство. Я заранее внес в повестку следующего заседания вопрос «О прекращении полномочий депутата муниципального совета Смольнинского». Сам проект решения я не разослал, а пообещал представить непосредственно на заседании.

Посыпались звонки и сообщения с главным вопросом: кого из депутатов я предлагаю лишить полномочий. Но я только улыбался в ответ или, если вопрос задавался через мессенджер, отвечал смайликом. Интригу надо было держать! По аппарату и администрации пошли слухи, радостные надежды, что депутат Юферев хочет сам сложить полномочия. Потом пошли слухи, что я планирую лишить мандата депутата Бархатову, Гудкова или Важенина.

Мне казалось, что такая интрига может заманить на заседание 14 депутатов. Тогда мы попробуем выбрать нового главу. Шансы конечно были низки, потому что для этого 14 депутатов должны не просто присутствовать, а расписаться в получении бюллетеня.

Но была еще одна возможность: поменять Устав муниципалитета, убрав оттуда норму о необходимости 14 депутатов при выборах главы. Для изменений в Устав тоже нужны были 14 депутатов, но в этом случае надо, чтобы они просто присутствовали в зале заседаний.

Депутат Балтруков подготовил с юристами проект изменения Устава, но никому его не показывал и все держал в тайне, чтобы прямо на заседании с голоса внести в повестку дня (наш демократичный регламент позволял это).

Удивительно, но приманка сработала. Помимо двенадцати депутатов коалиции, которые посещали заседания, пришли два самых любопытных депутата — Бархатова (отрицающая связь с «ЕР») и Хрщонович. Нас оказалось четырнадцать.

Депутат Балтруков озвучил предложение внести в повестку дня вопрос о приведении Устава в соответствие действующему законодательству. Новые законы принимаются и депутаты давно не отражали эти изменения в Уставе. В случае отсутствия главы кто-то должен исполнять его обязанности. Кто — может решить сам глава. А может не решить.

— В случае, если глава не в состоянии сам решить, потому что, например, тяжело болеет, или находится в следственном изоляторе, или по другой причине, надо чтобы совет решил, кто исполняет обязанности главы, — сказал Балтруков. Для этого нужно было поправить Устав, чтобы совет получил право решать, кто из депутатов замещает главу в таких экстренных ситуациях.

Рекомендации федерального министерства юстиции помогли сформулировать проект решения. Минюст утверждал, что существует проблема, когда главу муниципалитета сажают в следственный изолятор. В этом случае он не мог физически назначить исполняющего обязанности вместо себя. Муниципалитет не мог нормально функционировать, когда у главы не было заместителя или заместитель сидел с главой в одном следственном изоляторе (эта ситуация прописана как типовая в рекомендациях Минюста! Ох уж эти будни местного самоуправления!). Минюст предлагал муниципалитетам привести свои уставы в соответствие законодательству, где такая ситуация была учтена.

Депутаты Бархатова и Хрщонович не сразу поняли, что мы хотели убрать из Устава блок-пакет при выборе главы, а когда поняли, схватились за телефоны и начали бурную переписку с кем-то.

Депутат Бархатова работала учителем математики и умела считать. Как минимум, до 14. Ей нужен был предлог, чтобы уйти

с заседания, чтобы осталось только 13 депутатов. Она не долго думала. Закончив бурную переписку по телефону, депутат Бархатова поставила ультиматум:

– Я уйду, если вы не проголосуете за то, чтобы рассмотреть шестой вопрос первым!

Что за шестой вопрос и что в нем такого важного, чтобы решить его первым делом? Мы начали рыться в бумагах. Выборы главы, бюджет на следующий год, изменения в Устав... Ага! Я нашел, что это за вопрос.

– Если мы перенесем на первое место, вы уйдете после его рассмотрения или останетесь на другие вопросы? – уточнила председатель Мишкинис.

– Я не буду сейчас обсуждать, что и где! – сорвалась в истерике депутат Бархатова, – Этот вопрос первостепенный, самый важный, важнее всех остальных и я требую рассмотреть его первым!

Чтобы вы понимали, какой вопрос депутат Бархатова считала принципиально важным: это был депутатский запрос, который я подготовил в правоохранительные органы. Я конечно был очень польщен, что мое письмо депутат Бархатова считает самым важным для рассмотрения, но, объективно, у совета были первостепенные вопросы, намного важнее запроса в правоохранительные органы, которые мы принимали почти на каждом заседании.

– Вы хотите уйти после этого пункта? – еще раз уточнила председатель Мишкинис.

– Я не буду комментировать ваш вопрос! – ответила депутат Бархатова.

Слово предоставили мне:

– Елена Николаевна умеет считать до 14. Она видит, что нас тут 14. Ей нужен повод, чтобы свалить. Поэтому я предлагаю поддержать предложение Елены Николаевны. Давайте первым пунктом это решим. И посмотрим как Елена Николаевна сбегает. Сбегает от принятия решения по бюджету, по выборам главы, по выборам заместителя и по Уставу.

– Примерно то же самое хотела сказать, – сказала депутат Серая, – Сначала можно провести выборы главы, бюджет принять. Почему мы должны первым делом рассмотреть депутатский запрос? Мне не понятно. Чтобы вы ушли? Нас как раз 14, чтобы все важные вопросы рассмотреть.

– Предлагаю первым вопросом поставить внесение изменений в Устав, – сказал депутат Балтруков, обращаясь к депутату Бархатовой, – Это небольшой вопрос, мы быстро управимся, а потом можно и 6-й вопрос.

– Нет! – отрезала Бархатова.

Мы все понимали, что она сбежит. Ей просто нужен красивый предлог.

– Ваша задача – не провести выборы, – сказала депутат Шпринг, – Мы это давным давно уже поняли. И депутат Бархатова, и депутат Хрщонович все равно не возьмут бюллетень. Закончится это тем, что совет распустят, останется та же замечательная администрация. Которая будет так же пилить бюджет, как они делали все эти годы. Я считаю, сейчас не нужны все эти игры с перестановкой вопросов в повестке. Она все равно не будет участвовать. Всем понятно. Первым ли мы вопросом поставим или последним.

– Если вы так долго обсуждаете, тогда мне тут нечего делать! – крикнула депутат Бархатова и начала собирать свои вещи со стола.

– Прошу зафиксировать, что депутат Бархатова сбегает с заседания, – обратилась председатель Мишкинис к секретарю.

– Я одна тут работаю! – крикнула депутат Бархатова, она стояла, размахивая руками, – Вы только заседаете!

– Вы предали своих избирателей, – сказал я. Депутат Бархатова избралась как демократ, но быстро переметнулась на сторону Колба и «Единой России», связь с которыми всячески отрицала. Ее безумно бесило, когда ей об этом говорили, – Сдайте мандат! Люди за вас голосовали, вы убегаете из зала заседания, боитесь руку поднимать, когда вам не дали указания. Что вы за депутат!

Мне всегда нравилось злить депутата Бархатову.

Она покраснела, замахала руками, начала складывать вещи в сумку еще быстрее, она буквально швыряла бумаги в сумку и мяла, запихивая их без разбора внутрь.

– Сдавайте мандат, – повторил я, – Вас его все равно скоро лишат по суду, когда совет распустят.

– Никогда я свой мандат не сдам! – крикнула Бархатова.

– Зачем он вам? – спросила депутат Шпринг.

– Зачем он вам? – повторила председатель Мишкинис, – Если вы ничего не делаете, на заседания не ходите, не голосуете.

– Я хожу на заседания! – прокричала депутат Бархатова.

– Вы сейчас сбегаете, – развел руками депутат Балтруков.

– Вы предали своих избирателей! – продолжил я.

– Я каждый раз хожу на заседания! – депутат Бархатова буквально орала.

– Вы предали всех людей, кто за вас голосовал, и предали демократию.

– Вы сейчас, Никита Андреевич, популистски работаете на публику, – сказала депутат Бархатова.

– Да, я популистски работаю на публику, – ответил я.

– А вы работаете на администрацию, – сказала председатель Мишкинис депутату Бархатовой.

– ЭТО ВЫ довели совет до такой ситуации! – прокричала Бархатова в ответ, – Это ваша команда устраивает травлю, это ваша команда давила на людей. Серая не скажет, что вы ее давили? Вы на нее давили! И додавили!

Депутат Серая округлила глаза и развела руками. Мы действительно давили на депутата Серую. Но помимо давления коалиция предложила ей стать председателем комиссии по культуре и обещала должность заместителя главы муниципалитета – после того как депутат Серая поможет избавиться от Ранкова. Уверен, что одним давлением мы бы не переманили ее на свою сторону.

– Серая сейчас в зале и голосует с нами, – сказал я.

– Потому что вы ее додали! – закричала депутат Бархатова, – Травили ее! ГОВНОМ облили! – наша любимая учительница математики перешла к непарламентским выражениям, – И она согласилась! Пошла вам на уступку!..

– Серая не предает своих избирателей, – сказал я.

– А я никогда не пойду вам на уступку! – заорала Бархатова, – НИКОГДА!!! Я поддержала ваш запрос! А вам плевать на людей! Вам лишь бы популистски... Вам плевать на работу!

– Давайте поставим первым пунктом, как она просит, – предложила депутат Киселева.

– Поддерживаю! – сказал я, – Давайте сделаем все, как просит депутат Бархатова.

– ВСЕ! Мне уже не надо! – закричала Бархатова, – Вам на все наплевать!

– Вы продали своих избирателей администрации, – сказал ей депутат Балтруков.

– Продали! – депутат Киселева ударила рукой по столу.

– Всему совету это очевидно: Вы просто продали, – сказал депутат Балтруков, – И все время врете.

Депутат Бархатова очень хотела уйти. Она собиралась уйти. Но дискуссия была увлекательная и это ее останавливало.

– Вы меня сейчас обвиняете! – крикнула она, – Говорите эти слова публично! Вся ваша аудитория кричит! Вы не умеете прилично разговаривать!

– Елена Николаевна, не кричите, пожалуйста! – обратилась председатель Мишкинис, – Ставлю на голосование предложение Елены Николаевны о переносе шестого вопроса на первое место, – председатель Мишкинис пыталась вести заседание и перекричать депутата Бархатову.

– Можете не ставить! – театрально крикнула депутат Бархатова, – Я ухожу!

– Уходите, – ответила Мишкинис, – Кто голосует за?

Депутаты подняли руки.

– Я ухожу! – еще раз сообщила депутат Бархатова и побежала к выходу.

Депутат Хрщонович тоже вскочил с места и побежал за ней. Два депутата сбежали с заседания. Зал встретил этот маневр дружными аплодисментами.

Председатель Мишкинис решила подвести черту:

– Коллеги, хочу прояснить, что депутат Бархатова и Хрщонович поняли, что вносится вопрос об изменении Устава, в котором сейчас написано, что нужно 14 голосов для голосования. Они узнали, что этот вопрос внесен, появится возможность убрать Григория Михайловича, они сразу под надуманным предлогом сбежали. Вот что сейчас произошло.

Мы не стали менять порядок повестки дня, посчитав, что депутат Бархатова спринтерским маневром сняла свое предложение с рассмотрения.

– Никита подразнил Бархатову, чтобы посмотреть что произойдет, – сказала депутат Шпринг, – Хотя мы и так прекрасно знали, что произойдет.

– А Хрщонович почему ушел? – спросила депутат Серая.

– Наверное им написали: «Бегите! Бегите отсюда, глупцы!» – пошутила председатель Мишкинис, намекая на несамостоятельность части депутатов совета и их зависимости от команд из другого места, – Есть еще предложения по изменению в повестке?

– Предлагаю вычеркнуть вопросы о выборах главы и заместителя, потому что теперь нет 14 депутатов, – предложила депутат Кузнецова. Все согласились.

– Как они не хотят, чтобы Ранков ушел, – сказала председатель Мишкинис, вычеркивая два пункта из повестки, – Смотрите, как стараются.

После ухода Бархатовой и Хрщоновича я снял вопрос о досрочном прекращении полномочий депутата. Маневр выполнил свое дело: благодаря интриге, удалось заманить на заседание двух дополнительных депутатов. После того, как они сбежали, держать интригу смысла не было. Я не планировал лишать депутатов полномочий.

На каждое заседание мы дежурно вносили вопрос о выборах главы, но все понимали, что выборы не состоятся. Нужно

было менять тактику. Через несколько месяцев мы осуществили новую попытку сменить Ранкова. Попытка была дерзкой, привела к трем уголовным делам и обыскам в квартире депутата Мишкинис. Но об этом позже.

Марина Шпринг:

Сколько стоит депутат?

Я не знаю, что и кому из депутатов МО Смольнинское пообещали за их противостояние оппозиции и здравому смыслу, и что из обещанного уже выполнили. Но сомнения, что зависимые и «независимые» депутаты «стараются» ПРОСТО ТАК (на безвозмездной основе) развеиваются с каждым заседанием совета!

Пишу и посвящаю этот текст тем, кому пообещали.

Про себя. После выборов ко мне решили приставить для «работки» депутата-единоросса Шавлова. Он – милый усатый дядя, я – стареющая мать одиночка, работник культуры с малыми доходами. Все должно было срастись...

На первой же встрече Шавлов предложил мне должность в администрации Центрального района в отделе образования. Второе предложение: уберем Зидан, и вы станете директором МБУ «Зеленый Слон». Вы же работник культуры! Понятно, что оба предложения абсурдны и неисполнимы. Но расчет был на тупость и жадность. И если бы я повелась, то сбегала бы сейчас с заседаний совета МО Смольнинское вместе с депутатами Хрещоновичем и Бархатовой, в надежде это все заполучить. Но ведь обещать – не значит жениться!

Депутат Шавлов и еще один депутат Важенин пытались меня, бедолагу, все же пристроить на «работу». Я даже туда съездила. И очень удивилась, что за неплохие деньги я буду заниматься по сути ничем, так как функции были не ясны. Поняв всю эту схему, я отказалась, но правда наверх – главе Центрального района Мейксину М. С. эти товарищи доложили, что я УЖЕ там работаю.

«Покупка» меня как депутата, такая очевидная, нелепая и даже дебильная не удалась!!!!

Не знаю, доволен ли Шавлов вознаграждением за свою «работу», не знаю, что предлагают другим депутатам, но, боюсь, с исполнением обещаний будет очень неочевидно...

Почему? Потому, что вся борьба двух администраций (администрации МО Смольнинское и администрации Центрального района) с «плохими» депутатами – на неимоверно низком и некачественном уровне.

Вот все, от начала и до конца: и провалившиеся «Маски шоу», с фальшивыми местными жителями, и нанятые комментаторы с их глупыми однообразными комментариями, бесконечные нелепые, неграмотно составленные иски в суд! Провальны и письма депутатам от фальшивых местных жителей, и доносы в прокуратуру, короче, все ну СОВСЕМ плохо!

Так называемые блогеры и защитницы администрации, не уважаемые даже своими работодателями, ничего не могут придумать, кроме оскорблений и коверканья моей фамилии. Либо им совсем мало платят, либо им тоже пока только обещают. И тут провал.

Так что, боюсь, с выполнением «обещаний» будет так же.

А текст этот не про то, какая я хорошая и честная, текст про то, что, продавшись, можно ничего не получить, а доверие жителей, коллег и, самое главное, самоуважение, уже никогда не вернется!

БЮДЖЕТ 2021

Несмотря на то, что губернатор отобрал у Смольнинского собственные доходы, Колб сверстал проект бюджета без серьезного сокращения расходов. Он предложил утвердить бюджет с дефицитом в размере 160 млн. рублей. Финансовая дыра составляла 60% от бюджета! Колб предложил закрыть ее за счет остатков, которые мы накопили на счетах, благодаря тому, что в прошлом году отказались принимать бюджет и ушли на финансирование по схеме 1/12. Мы – депутаты – смогли накопить кубышку и Колб жаждал ее распотрошить.

Принимать бюджет с такой дырой и проедать все остатки было безответственно. К тому же, Колб предложил потратить эти деньги не на развитие муниципалитета, а на содержание раздутого штата чиновников, и даже не планировал получить дотации из бюджета Санкт-Петербурга на выравнивание доходов после реформы.

Комитет финансов указал норматив в качестве одного из условий для получения дотаций. Чтобы город рассмотрел заявку Смольнинского, нужно было сократить расходы на чиновников в 2,5 раза, что Колб не хотел делать категорически. Он предложил проесть накопления.

Вторым условием для получения субсидии было принятие бюджета до начала года: т.е. бюджет на 2021 год должен пройти все процедуры согласования и утверждения в 2020 году. Из-за этого условия депутаты в первом чтении согласились утвердить дефицитный бюджет, предложенный Колбом. Если бы мы проголосовали против, то пришлось бы создавать согласительную комиссию, проходить через процедуру согласования и Смольнинское не успело бы вовремя принять бюджет и лишилось возможности претендовать на субсидии. Поэтому депутатам коалиции пришлось зажмуриться и в первом

чении проголосовать за бюджет с дефицитом 160 млн. рублей.

Мы договорились, что в ходе второго чтения, используя депутатские поправки, мы снизим дефицит и приведем бюджет в приемлемый вид. Правила это позволяли. Времени до конца года оставалось мало. Второе и третье чтение пришлось провести в один день. Заседание было жарким!

Второе чтение началось с обсуждения результатов публичных слушаний. Председатель Планово-бюджетной комиссии депутат Захаров рассказал, с какими пожеланиями выступили граждане: 1) они были обеспокоены судьбой «Зеленого слона»; 2) поступило предложение вести учет дорогостоящих экскурсий и выдавать их только раз в три-пять лет; 3) граждане предложили уменьшить расходы на культурные мероприятия до окончания ковида и снятия запретов.

Первым делом приступили к рассмотрению так называемой «поправки трех депутатов». Ее внесли депутаты Кузнецова, Балтруков и я. Поправка предусматривала общее сокращение расходов на 149 млн. рублей и сбалансированный бюджет.

«Актив» и любители дорогостоящих экскурсий подняли вой, что депутаты все хотят срезать, лишить жителей экскурсий и благоустройства. Но, объективно говоря, в этом надо было обвинять губернатора и «Единую Россию», которые отобрали у Смольнинского доходы.

Наша поправка позволяла муниципалитету уложиться в доходы, которые оставил губернатор, плюс субсидия на опеку. Эта субсидия была гарантирована, она не зависела от проводимой реформы.

— Хочу отметить, — сказала депутат Кузнецова, — Что Ранков в суде пытается оспорить решение, которое мы ранее приняли, о дополнительном финансировании бюджета за счет процента от налога на доход физических лиц. Т.е. этих денег у нас может не быть, если суд встанет на сторону Ранкова.

– Хочу пояснить для присутствующих жителей, – сказала председатель Мишкинис, – что Григорий Михайлович пытается в суде лишить Смольнинское 35 млн. рублей дополнительного финансирования от города.

Поправка трех депутатов также серьезно сокращала финансирования «Зеленого слона». Губернатор не оставил денег на шикарную жизнь и сокращать приходилось все статьи расходов. Депутаты Захаров и Серая сказали, что не готовы поддерживать сокращение детских секций и кружков. Проблема была в том, что внесена была одна большая поправка, а не несколько маленьких. Депутаты могли ее либо полностью принять, либо полностью отклонить. Альтернативных поправок Захаров и Серая, заботящиеся о досуге детей, к сожалению, не представили. Диспозиция была такая: если совет отклонит поправку трех депутатов, то Колб получит все деньги, которые просил – в пять раз больше, чем собственные доходы муниципалитета.

Депутатов Захарова и Серую важно было убедить.

– В рамках принятия бюджета, администрация обязана высылать нам проекты муниципальных программ, – напомнил депутат Балтруков, – По «Зеленому слону» Колб не предоставил вообще ни одного документа. Руководство «Зеленого слона» решило не исполнять свою обязанность и не внесло в совет программу, которой можно хоть как-то обосновать выделение денег. У нас нет правовых оснований. В положении о бюджетном процессе написано, что получатели бюджетных средств присылают в совет проект муниципальной программы. В данном бюджете у нас ни по одной статье муниципальная программа не представлена.

– «Зеленый слон» – замечательное учреждение! – сказал я, обращаясь, в первую очередь к депутатам Захарову и Серой, – На комиссии по культуре присутствовала Ольга Зидан, руководитель «Зеленого слона». Мы ее спрашивали, в том числе, попросили предоставить два простых документа: штатное расписание с расходами и смету-ведомость на следующий год. Она просит 22 миллиона, мы хотели увидеть, куда эти деньги пойдут,

по каким направлениям, на какие кружки. Прислали? Нет, не прислали. Сейчас нас просят: дайте 22 миллиона. А на что? Покажите, хотя бы, куда вы потратите эти деньги. А в ответ — тишина. Вопрос, на каком основании вообще что-то выделять? Только из жалости. На доверии. Я хочу, чтобы «Зеленый слон» сохранился. Прикольное учреждение, таких мало в Санкт-Петербурге...

— Нужное, полезное! — поддержала председатель Мишкинис.

— Его нужно развивать, — продолжил я, — Но не забывайте, сейчас ковид. Мы сидим в масках. Массовые мероприятия запрещены, люди умирают, в больницах нет свободных коек, а мы будем проводить кружки и спортивные занятия? Давайте, поставим на паузу! Если мы увидим, что «Слон» в период пандемии пользуется бешеной популярностью, дети ломаются в двери, в группах не хватает мест, то весной проведем корректировку бюджета. Когда пандемия закончится, мы добавим «Слону» денег. Но сейчас мы не можем отправить деньги просто в пустоту, не имея сметы.

Чтобы успокоить присутствующих жителей и депутатов ШН председатель Мишкинис пояснила, что депутаты не срезают бюджет «Зеленого слона» в ноль.

— Да, только в половину, — сказала депутат Кузнецова. — Губернатор срезал нам в пять раз, мы побеспокоились о «Слоне» и нашли способ срезать его финансирование не в пять раз, а только в половину.

— Мы уже год пытаемся приучить администрацию Смольнинского и руководство «Зеленого слона» к тому, чтобы они отчитывались перед советом. Это их прямая обязанность, предусмотренная законом, — сказала председатель Мишкинис, — Они упорно не хотят отчитываться. О каких денежных средствах может идти речь? Они, говорят, что не предоставляют нам информацию, потому что не доверяют нам. Так и мы им не доверяем! Это должна быть дорога со встречным движением. Пока мы слышим только «Дай-дай-дай!» — без каких-то обоснований.

У фракции «Яблоко» было семь голосов, у Экс-Ц – три. Для утверждения бюджета нужно минимум одиннадцать. Не хватало одного голоса, поэтому важно было убедить депутатов Серую и Захарова поддержать сбалансированный бюджет. Они внимательно слушали, но молчали.

Выступили жители. Одна девушка обвинила депутатов в желании уничтожить детские кружки, чтобы «дети пошли на улицу, начали пить, курить и закончили свою жизнь как наркоманы». Кто-то наоборот, потребовал навести порядок в финансах. Один пенсионер выступил с небольшим, но очень эмоциональным докладом про коррупцию в «Зеленом слоне». Он утверждал, что документы от депутатов скрывают не просто так, что в «Слоне» трудоустроено большое количество людей, которые там не работают, а только получают зарплату, и до преподавателей кружков и секций деньги почти не доходят. «Там есть, что сокращать без ущерба занятиям!», – сказал мужчина в конце своего выступления.

– Мы провели заседание комиссии по культуре, – сказала депутат Шпринг, – Все депутаты были за увеличение финансирования «Зеленого слона», за увеличение финансирования кружков. Не было ни одного депутата, который бы сказал, что, давайте, зарежем этого слона. Ни одного! Мы хотим понять, как сделать лучше. Не для того, чтобы отобрать и обидеть бедных детей и пенсионеров – у нас нет такой задачи. Задача: чтобы «Зеленый слон» работал эффективно! Но для этого нужна прозрачность. Дайте документы! Дайте разобраться! Посмотрим и, может быть, сделаем «Зеленый слон» еще лучше, чем есть. Не надо из депутатов делать каких-то монстров. Наша задача сделать так, чтобы администрация не пилила ваши деньги, жители! – обратилась депутат Шпринг к залу, – Это ваши деньги! Это ваш бюджет! Администрация закупает подарки по 1300 рублей, когда они стоят по 600 рублей. Это явный распил. Только слепому не понятно, что эти деньги ушли налево. А все выворачивается так, что депутаты-злодеи хотят в своих политических интересах все зарубить, слона закрыть, подарки детям не да-

вать. Не воруйте, блин! Дайте документы! – депутат Шпринг очень эмоционально закончила свою речь и сорвала аплодисменты зала.

Я следил за реакцией депутатов Захарова и Серой. Когда аплодисменты стихли, депутат Серая, наконец, высказалась:

– Это единственный документ, который у нас есть по «Сло-ну», – сказала депутат Серая и подняла вверх несколько листов бумаги, – Он без печати, без подписи, без выходных данных. Я не знаю, реальный ли это документ или нет. В этом документе указано, что администрация «Слона» – это 15 ставок. И организация досуга (тренеры и специалисты) – тоже 15 ставок. У них 15 человек администрируют другие 15 человек, которые тренируют. Это не нормальная ситуация.

– Пропорция неверная, – поддержал я.

– У нас замечательные педагоги, – сказала депутат Шпринг, – Лучше бы им больше заплатить.

– Нужно больше педагогов и меньше руководителей, – сказала депутат Серая. Мне понравилась слова, которые она говорила. На душе отлегло, стало понятно, что поправка трех депутатов и бюджет в целом наберет достаточное количество голосов.

– Мы отвечаем за бюджет, – сказала председатель Мишкинис, – Нам люди это доверили. Мы не можем миллионы раздавать вслепую.

– Административные расходы очень большие и их нужно снижать, – сказал депутат Балтруков, – Но вообще, на обсуждении бюджета должен присутствовать представитель администрации и представитель «Зеленого Слона». Хотя бы один из трех бухгалтеров или руководитель, или заместитель (на выбор), представитель финансового отдела администрации, Колб, представитель отдела культуры. Они могли бы пояснить и защищать свою позицию.

– Где они все? – развела руками председатель Мишкинис. Вопрос был риторическим. Ответ мы знали: Колб запретил подчиненным помогать депутатам с принятием бюджета.

– Хотелось бы получить хоть какой-нибудь план, – депутат Балтруков через видеотрансляцию обратился к чиновникам, которые отсутствовали на заседании: – Ребята, у нас доходы падают! Что мы с этим будем делать? Да, у нас есть остатки на счетах. Да, мы можем за год их полностью прожрать. А дальше что? Что муниципалитет собирается делать с падением доходов?

– Поправка, которую мы сегодня обсуждаем направлена на приведение бюджета в сбалансированное состояние, – сказала депутат Киселева, она обращалась к жителям, сидящим в зале. – Чтобы наши расходы были равны нашим доходам.

Было много аргументов, чтобы проголосовать за поправку трех депутатов и сократить бюджет. Во-первых у муниципалитета снижались доходы. Во-вторых, Колб не подготовил внятную программу благоустройства. В третьих, чиновники отказывались отчитываться о расходах. Они были явно неспособны обосновать технические задания на благоустройство, обосновать формирование закупочных цен, не желали предоставлять депутатам закрывающую документацию по контрактам.

– Нет программы по озеленению, – депутат Киселева пролистывала бюджетные документы, которые предоставил Колб, – Нет программы по детским площадкам, нет по спортивным площадкам – ничего нет!

– На прошлый год какая-никакая программа благоустройства была, – вспомнил депутат Полуиков, – Что мешало просто распечатать, актуализировать – не понятно. Конкретный саботаж работы!

Председатель Мишкинис решила подвести дискуссию к концу:

– У кого-то есть еще мнения или вопросы? Давайте голосовать?

Поправка трех депутатов о сокращении расходов на 149 млн. рублей была принята почти единогласно. Только депутат Захаров воздержался.

Совет взял вынужденную паузу. Я сидел за ноутбуком и сводил бюджет на 2021 год, с учетом принятой поправки. Нужно

было подготовить расчеты со всеми приложениями к голосованию во втором чтении. Это заняло много времени.

– Никита Андреевич делает работу администрации, – сказала председатель Мишкинис.

– Бюджет делаем сами, – депутат Кузнецова начала перечислять, – Газету делаем сами, суды ведем сами, заседание проводим сами. Чиновники только требуют от нас 250 млн. на это, а по факту, мы все делаем сами и бесплатно.

– Для протокола хочу отметить, что наибольший вклад вносит депутат Балтруков, – сказал я, – Мы все делаем работу бесплатно. А Балтруков, чтобы делать работу, еще и платит.

Я имел ввиду несколько десятков судов, в которых депутат Балтруков от имени совета организовывал и оплачивал работу юристов.

– У нас настоящее местное самоуправление! – сказала депутат Серая.

– Кабинеты пока не сами убираем, – сказала председатель Мишкинис.

К сожалению, на тот момент уже стало понятно, что все институты местного самоуправления в Смольнинском были разрушены Ранковым, Колбом и другими чиновниками, которым личное обогащение было важнее интересов жителей муниципалитета.

– Зачем мы им 30 млн. на зарплаты оставили? – задалась вопросом депутат Кузнецова.

Пока верстался бюджет, председатель Мишкинис прессовала Заичкину по поводу отсутствия Ранкова. Заичкина долго сопротивлялась, но в итоге призналась, что Ранков предоставил в аппарат больничный лист. Эта информация была очень нужна Балтрукову для судов, поэтому будем считать, что техническая пауза в заседании прошла не зря.

Депутат Балтруков был уверен, что Колб и Ранков оспорят бюджет 2021 года в суде, как они уже сделали с бюджетом предыдущего года. Они не смогут спокойно пережить снижение

расходов на зарплаты чиновников до норматива. Кроме того, по схеме 1/12 они могли потратить больше денег, чем по новому бюджету.

– Коллеги! – обратился я к депутатам Серой и Захарову, – Важно принять минимум 11 голосами, потому что это нормативно-правовой акт. Когда Балтруков будет защищать бюджет в суде, важно продемонстрировать, что бюджет принят голосами абсолютного большинства депутатов.

Бюджет 2021 был принят единогласно во втором и в третьем чтениях. Несмотря на желание депутатов полностью сбалансировать бюджет, дефицит оставался около 10 миллионов. Но это выглядело намного лучше, чем дефицит 160 млн., который предлагал Колб. Считаю, депутаты хорошо поработали.

ЗАСЕДАНИЕ ЗА РЕШЕТКОЙ

Ранков и Колб понимали, что принятый депутатами бюджет ставит крест на их прежней жизни. Они попытались закрыть здание муниципалитета, чтобы депутаты не могли проникнуть внутрь.

По закону, если заседания не проводятся в течение трех месяцев, совет можно распустить и назначить новые выборы. При этом Колб и Ранков останутся на своих должностях. Закрыв доступ в здание, они хотели избавиться от нас. Надежда была на то, что подконтрольная избирательная комиссия муниципалитета в этот раз сможет отсеять неправильных кандидатов и обеспечить нужный результат голосования.

30 декабря должно было состояться последнее заседание совета в 2020 году. Двери муниципалитета были закрыты. Мы зафиксировали факт недопуска депутатов на рабочие места, направили заявления в прокуратуру и отправились встречать новый 2021 год со своими семьями.

Поскольку мы изменили регламент, чтобы проводить заседания каждую среду, то уже через неделю 6 января депутаты пришли к муниципалитету. Ранков заранее прислал депутатам официальный созыв заседания и повестку дня. Никаких важных вопросов в повестке не было. Но мы пришли, потому что важно было продемонстрировать нашим оппонентам, что у них ничего не получится, что мы не расплакались и не разбежались, а намерены продолжить работу на благо жителей — в любых условиях.

Здание было закрыто. На звонки никто не отвечал. В окнах темно — и в зале заседаний, и в кабинете Ранкова света не было. Были новогодние каникулы. Позже в суде, пытаясь оправдать бездействие, юрист Ранкова заявил, что якобы Ранков находил-

ся внутри здания вместе с депутатами Важениным и Антоновичем и они ждали нас.

На вопрос, почему же Ранков не открыл дверь другим депутатам, последовал ответ, что здание находится в ведении администрации и у Ранкова нет полномочий открывать или закрывать двери. Получается, что Ранков, Важенин и Антонович втроем сидели в здании муниципалитета, запертые Колбом, в новогодние каникулы в полной темноте. Смольнинский районный суд притворился, что поверил в эту историю.

Дешевое вранье. Оно было ожидаемо от Ранкова и Важенина, но участие полковника Антоновича меня лично очень разочаровало. Честь мундира пала смертью храбрых в муниципальном бою.

Через неделю 13 января история повторилась. Муниципалитет был закрыт.

Мы считали, что работа в округе не должна встать из-за попыток Колба и Ранкова подвести совет под роспуск. Жители не должны быть заложниками политических разборок. К тому дню накопилось немало вопросов, которые должны быть рассмотрены депутатами. Депутаты решили не подчиняться обстоятельствам и провести заседание муниципального совета где угодно – хоть под открытым небом.

Депутат Мишкинис поднялась на крыльцо и нажала на звонок. Не открывают. Заичкина – руководитель аппарата муниципального совета, чья должность создана и существует только для того, чтобы помогать депутатам проводить заседания – не отвечала на телефонные звонки.

– Депутаты пришли, а внутрь не пускают, – возмутился депутат Полуйков, – Холодно!

В листе регистрации на крыльце расписалось 11 депутатов – полноценный кворум. Присутствовал 12-й депутат – Серая, но она отказалась ставить подпись в листе регистрации. По моему мнению, депутат Серая была самым слабым звеном в коалиции и периодически пыталась отвалиться. В этот раз

она стояла в стороне, курила и наблюдала, что же мы будем делать.

Поскольку крыльцо было частью здания муниципалитета, мы решили провести заседание прямо на крыльце. Депутаты поднялись на крыльцо, встали на лестнице. Первым делом выбрали председателя – депутат Мишкинис была поддержана единогласно.

На улице было темно, слабый свет фонаря освещал лица народных избранников, с неба падал снежок. Депутат Балтруков не влез на крыльцо, но одной ногой смог встать на ступеньку, схватившись руками за перила. Депутат повис как виноград.

Депутат Серая, долго думала, что же ей делать. И решила пойти домой. Остальные молча посмотрели ей в след.

В повестке традиционно стоял вопрос о выборах нового главы, но не было 14 депутатов. Вопрос сняли.

Было прохладно. Депутаты быстро, без лишних споров поднимали руки. Решения принимались единогласно. Проекты решений были разосланы всем на почту и депутаты уставились в смартфоны. Стопок с бумагами не было. У уличных заседаний был определенный плюс: мы сэкономили целую гору бумаги. Еще четыре вопроса были рассмотрены за 9 минут. На морозе демократия работала быстрее. Мы приняли все необходимые решения. Мелкие бытовые проблемы – например, отсутствие крыши над головой – не могли нас остановить. Будни парламентаризма в Санкт-Петербурге.

Ранков очень любил внимание средств массовой информации. Когда ему позвонили журналисты, чтобы взять комментарий по поводу заседания совета на крыльце, Ранков поставил под сомнение, что депутаты в тот день находились на крыльце:

– Я видел в социальных сетях их фотографию. Здание действительно похоже. Но, может быть, это декорация «Ленфильма»? – сказал Ранков.

Поскольку он не появлялся в муниципалитете, ссылаясь

на болезнь, Ранкову пришлось пояснить, почему он не смог вылечиться за три прошедших месяца:

– Они меня лишили зарплаты, и я вынужден экономить на лекарствах, – сказал Ранков журналистам. Возможно, он думал, что его комментарии покажутся кому-то остроумными, но было печально наблюдать как политик сам себя превращает в клоуна. Я заранее прошу прощение у всех клоунов за сравнение с Ранковым.

20 января 2021 года депутаты смогли проникнуть в здание муниципалитета через черный ход, ведущий в муниципальное учреждение «Зеленый слон». Депутаты столпились в холле. Дверь в коридор, ведущий к залу заседаний, была заперта. У нас был выбор: 1) сдать и разойтись (никогда!), 2) провести заседание внутри в холле 3) покинуть здание и провести очередное заседание на крыльце.

На улице был январь. Холодно. Депутаты решили провести заседание внутри. Это наше здание, это наш муниципалитет, жители выбрали нас, чтобы мы представляли их интересы, и мы были настроены делать это.

Присутствовали двенадцать депутатов: 11 членов коалиции и депутат Бархатова.

Я уверен, что у наших оппонентов шли дискуссии и торг. Периодически депутаты из противоположного лагеря появлялись на заседаниях, чтобы продемонстрировать своим хозяевам, что они могут быть независимыми, и выторговать очередной бонус. Я был приятно удивлен, когда в помещении появился 13-й депутат: Алексей Шавлов от «Единой России».

Депутат Шавлов встал в глубине коридора, скрывшись за спинами присутствующих.

– Надо зарегистрироваться! – сказала ему председатель Мишкинис.

– Куда регистрироваться? – депутат Шавлов прикинул слангом.

– Вот лист регистрации на заседании!

Шавлов отказался. Нерешительно. Но отказался.

– Чего же вы пришли тогда? – спросила председатель Мишкинис.

– Оставьте его в покое, – сказала депутат Бархатова, – В прошлый раз Серая тоже пришла, не зарегистрировалась и ушла.

Мишкинис начала заседание. После первого голосования депутат Шавлов возмущился, почему не засчитали его голос.

– Вы определитесь, вы пришли как депутат или просто постоять тут, – ответила председатель Мишкинис, – Если вы как депутат пришли, то зарегистрируйтесь!

Шавлов сдался и понуро побрел к листу регистрации.

– Теперь на заседании 13 депутатов. Кворум имеется! – сказала председатель Мишкинис, – Хочу отметить для протокола, что на заседании отсутствует аппарат совета, – председатель Мишкинис на каждом заседании проговаривала эти слова, чтобы зрители интернет-трансляции понимали, что происходит (все заседания Смольнинского записывались и транслировались в интернете). – Аппарат не подготовил рабочую документацию, ничего не распечатал. Администрация заблокировала зал заседаний, поэтому мы проводим заседание по тому же адресу – Суворовский 60, но в другом помещении муниципалитета Смольнинское. Куда есть доступ – там и проводим.

Коридор был красиво украшен. Вокруг дверей и вдоль стен висели пушистые еловые лапки, на них – блестящие гирлянды и елочные игрушки, золотые шарики и сердечки. Новогоднее убранство поднимало настроение. Я стоял между депутатом Бархатовой и дверью, ведущей на улицу.

Депутат Балтруков сделал доклад о привлечении представителей общественных объединений инвалидов к формированию муниципальных программ. Мы хотели сделать все возможное, чтобы муниципальные услуги, экскурсии и поездки были доступны для участия людей с ограниченными возможностями. Нужно было, чтобы представители объединений инвалидов могли подавать свои предложения и официально участвовать

в обсуждении проектов и программ муниципалитета. Совет принял решение наладить связь с организациями, защищающими права инвалидов. (Позже Ранков подал в суд с требованием отменить это решение, посчитав, что оно каким-то образом нарушает его права).

Неожиданно вошел депутат Захаров, член Коалиции. В помещении присутствовало уже четырнадцать депутатов. Захаров, не снимая куртки, направился к листу регистрации.

«Надо было спорить с Кузнецовой на деньги», — подумал я. Вопрос о выборах главы муниципалитета, как всегда, стоял в повестке дня.

Я посмотрел на депутата Бархатову. Было интересно, в какой момент она сбежит, чтобы сорвать выборы главы. Депутат Бархатова стояла, сжав руки. Лицо закрыто антиковидной маской, шапка натянута на глаза. Мне не удалось увидеть ее выражение лица.

Депутат Бархатова вынула телефон и начала переписку. Через несколько минут она мелкими шажками, стараясь не издавать звуков, прошла мимо меня и направилась к выходу. Председатель Мишкинис контролировала ситуацию на заседании и поинтересовалась, куда депутат Бархатова собралась.

— Я сейчас вернусь! — сказала Бархатова и покинула здание. Депутаты решили перенести пункт о выборах главы на конец заседания, хотя никто не верил в возвращение Бархатовой.

— Я думаю, она с концами ушла, — сказал депутат Чеботарь.

В середине заседания в помещение зашел полицейский. Он был одет по погоде: зимняя куртка, теплая шапка. Лицо вместо маски было закрыто шарфом. Он встал между мной и депутатом Безумовым.

Наш совет привык к вниманию полиции, поэтому депутаты продолжили работу, голосовали и обсуждали. Я чувствовал, как председатель Мишкинис нервничала, но как настоящий лидер, она ни голосом, ни поведением не выдала волнения и продолжала вести заседание. Полицейский поднес телефон к уху и сказал: «Подгоняйте прямо ко входу!»

Голосование по выборам главы проводить смысла не было, поскольку депутат Бархатова сбежала и не вернулась. Когда повестка дня была исчерпана, мы направились к выходу.

— Ни в коем случае не трогайте полицейских! Ни рукой, ни плечом, ни спиной — ничем, — предупредила депутат Кузнецова, — Пришьют нападение на сотрудника полиции.

Мы вышли из здания и оказались в тоннеле: слева стоял строй полицейских, справа стоял строй полицейских. Мы могли идти только прямо — в открытые двери автозака, который был любезно подогнан к выходу из здания.

Несмотря на предупреждения Кузнецовой, депутаты навалились и прорвали строй полицейских справа. Но на свободу не попали. Полтора десятка сотрудников полиции всячески отсекали нас от попытки уйти домой. Видимо, полиции понравилось общественное внимание после того случая, когда они впятером прибежали спасать портрет Путина. В этот раз их было в три раза больше.

К каждому депутату был приставлен персональный сотрудник полиции. Один из них ходил рядом со мной и преграждал путь всякий раз, когда я пытался отойти от автозака.

— Пожалуйста, не трогайте меня, — сказал я, когда полицейский своим телом в очередной раз перекрыл мне выход.

— Я вас не трогаю! — сказал полицейский, — Не трогаю!

— Вот и не трогайте.

Сложность ситуации была в том, что полицейские не могли увезти нас в отделение. По закону, чтобы задержать депутатов, нужно получить разрешение от прокурора города. Городской прокурор был тот еще злодей (других у нас не держали) и мы не сомневались, что разрешение будет получено. Полицейские ждали, зажав нас у входа в здание, и делали все возможное, чтобы мы не разошлись.

На прямые вопросы, задержаны ли мы и почему мы не можем пойти домой, полиция отвечала, что мы не задержаны и можем идти куда угодно. Когда мы пытались выйти из оцепления, мы упирались в цепь из сотрудников полиции. Стоило попытать-

ся протиснуться между ними, как они начинали говорить, что мы их толкаем, а применение силы к сотруднику полиции грозило серьезными последствиями.

Начальник местной полиции был безразличен к муниципалитету Смольнинское и на месте руководил операцией. Все ждали.

Когда санкция прокурора была получена, депутатов быстро заперли в автозаки. Депутата Балтрукова, который не очень хотел идти в автозак, полицейские схватили под руки и буквально занесли внутрь. Задержали тринадцать депутатов, включая единоросса Шавлова.

Сначала ушла одна машина, потом другая. Мне и депутату Киселевой не хватило места в автозаке, поэтому нас посадили в патрульную машину. Всю дорогу до отделения мы звонили юристам и одновременно пытались отвечать на звонки журналистов. В машине было тепло, мои заледеневшие ноги оттаяли.

Задержание 13 депутатов стало событием дня не только для нас. Отделение полиции долго готовилось к приему такой внушительной делегации, дополнительных сотрудников вызывали из дома и свозили из других отделений.

Пока все готовилось, мы вынуждены были сидеть в машинах перед входом. Я и депутат Киселева — на мягком сиденье полицейского седана. Другие наши коллеги — на холодных лавках в автозаке. Ждали долго. У депутатов Смольнинского были очевидные проблемы с попаданием в любое административное здание. Наконец, все было готово и нас начали заводить внутрь.

Депутатов разместили в комнате на втором этаже, которая походила на небольшой актовый зал. Большую часть помещения занимали ряды стульев. У окна стоял стол — своеобразный президиум, за которым сидел мент и тупил в телефон. Мент был нужен, чтобы надзирать за нами, но никакого смысла в этом не было, поскольку мы не могли покинуть помещение. Нас заперли вместе с этим ментом. Протоколы не оформляли, мы опять чего-то ждали.

На стене на самом видном месте висел портрет Путина. Депутат Шавлов начал подмигивать мне и указывать на портрет пальцем:

– Никита Андреевич, – сказал Шавлов, – Для вас тут есть работа!

Шутка была смешной, но мне показалось, что это будет выглядеть несколько провокационно, если я, будучи задержанным, порву портрет Путина прямо в отделении полиции.

Настроение у депутатов было хорошее. Мы привыкли ко всякой ерунде, которую нам периодически устраивали действующие власти, и к задержанию относились стоически. Депутат Кузнецова окинула помещение взглядом и пересчитала присутствующих:

– Тринадцать депутатов! – сказала она, – Кворум имеется! Мы можем провести заседание муниципального совета прямо в катажке! Первое в истории города.

– Жаль Бархатова сбежала! – сказала депутат Киселева, – Было бы четырнадцать депутатов...

– Выбрали бы главу! Прямо тут!

– Тут лучше, чем на крыльце. Тут хотя бы тепло.

Под портретом Путина висела карта России. Депутат Чеботарь долго ее разглядывал, а потом засмеялся и начал приставать к менту с вопросом, как так получилось, что карта висит под портретом Путина, но на карте Крым указан как украинский. Мент оторвался от телефона и удивленно уставился на карту.

– Очевидно, что в 76-ом отделении полиции не признают суверенитет России над этой территорией, – сказал депутат Балтруков. Мы всегда старались подбодрить друг друга шутками, даже в самых непростых ситуациях.

Прошел час и, наконец, полиция была готова оформлять депутатов. Шаблон протокола был написан и согласован со всем начальством. Нас начали выводить из помещения и распределять по кабинетам. Я попросился пойти одним из первых.

Меня завели в небольшой кабинет. Полицейский сообщил, что составляет протокол за нарушение антиковидных ограниче-

ний. Статья 8.6.1. Якобы мы нарушили антиковидные нормы, проводя массовое мероприятие в стенах муниципалитета.

Ничего умнее они сочинить не смогли. За несколько дней до этого в соседнем здании прошло заседание Правительства Санкт-Петербурга, но почему-то полиция не задержала все городское руководство на выходе из Смольного, который находится на территории, подконтрольной тому же 76-му отделению полиции.

Я молчу про заседания Законодательного собрания Санкт-Петербурга, депутаты которого нарушают антиковидные ограничения серьезней, чем мы. В Смольнинском задержали 13 депутатов, а в Законодательном собрании могли задержать сразу 50, плюс помощников, советников и аппарат.

Согласно антиковидным ограничениям, действительно, нельзя было собирать большое количество людей в одном помещении. Но в правилах была специальная оговорка, что эти ограничения не распространяются на работу органов власти. Поэтому городское правительство и законодательное собрание могли спокойно работать.

Так же как и мы. У нас было легитимное заседание органа власти — муниципального совета, созванное и проведенное в соответствии с Федеральным законом 131-ФЗ, Уставом и действующим регламентом.

Я написал в протоколе, что с протоколом не согласен и никаких правонарушений не совершал. В нашем случае антиковидные ограничения были использованы как инструмент политического давления.

Сотрудник полиции повел меня в кабинет к заместителю начальника, чтобы отдать мой паспорт. По какой-то причине все паспорта лежали там. В коридорах царил суматоха. Полицейские бегали между кабинетами. Оказывается, пока я был на допросе, пропал один депутат.

В здание завели тринадцать депутатов, а в наличии имелось только двенадцать. Отделение полиции было поставлено на уши, но пропавшего депутата так и не смогли найти. Был объ-

явлен план «Крепость». По тревоге приехали росгвардейцы в бронезелетах, с автоматами и перекрыли вход. Никого не впускали, никого не выпускали.

– А как я выйду? – спросил я полицейского, – Меня выпустят?

– Давай сначала паспорт заберем, – сказал полицейский и повел в кабинет к заместителю начальника местной полиции.

Посетителей встречал огромный портрет Путина. Самый большой, что я видел за всю короткую историю моих отношений с портретами. Замначальника полиции утер нос папаше Колбу, который был слишком жадный, чтобы купить по-настоящему большой портрет.

– Опять вы, Никита Андреевич? – вздохнул замначальника.

– Опять я, – ответил я.

Мне выдали паспорт. Полицейский повел на выход.

Чтобы выйти, надо было преодолеть две двери. Полицейский постучал в стеклянное окошко возле первой двери.

– Надо выпустить депутата, – сказал он.

– Дальше все равно закрыто, – сказал дежурный и открыл дверь.

– Как закрыто?!

– Крепость же! – пояснил дежурный.

– Да блядь, – грустно сказал полицейский и посмотрел на меня, – Все равно попробуем!

Мы направились к главной двери. Я толкнул. Дверь немного подалась, но тут же снаружи кто-то навалился на нее всем телом и захлопнул. Полицейский раскрыл свое удостоверение и попытался просунуть его в дверь.

– Че ты тычешь?! – раздался голос снаружи, – У меня приказ: никого не впускать, никого не выпускать.

В приоткрытую дверь я увидел несколько вооруженных людей с автоматами, охранявшими вход в здание. Дверь снова захлопнулась.

– Да блядь! – полицейский выругался еще раз, – Какая нахуй крепость!?

Он повел меня коридорами и лестницами, мы поднялись наверх, потом снова коридорами и лестницами, я заплутал и уже не понимал, в какой части здания мы находимся. По дороге я посочувствовал ему, что из-за нас приходится работать по ночам. Он поделился, что начальство срочно вызвало его из дома и что он хотел бы поскорее закончить, но теперь не понятно, когда он сам сможет уйти. Тем временем, мы вышли на улицу с другой стороны здания. Какой смысл в том, чтобы объявить план «Крепость», поставить на главном входе вооруженных людей и при этом забыть про существование второго выхода? Непонятно.

Я пожелал полицейскому хорошего вечера и обогнул здание. У главного входа ждала толпа сочувствующих. К отделению полиции пришли избиратели, чтобы поддержать своих депутатов. Я увидел ребят, которые помогали с наблюдением на выборах. Приятно чувствовать поддержку. Приехали журналисты, депутаты из других муниципалитетов. Приехал глава Муниципалитета №72 Павел Швец.

Депутат Законодательного собрания Республики Карелия Эмилия Слабунова написала сообщение со словами поддержки. Свой текст она закончила шуткой: «В Карелии сегодня было заседание Заксобрания – 29 депутатов присутствовали и ни одного задержанного».

Крепость сняли. Из здания начали выходить мои коллеги. Все с протоколами по антиковидной статье. Полиция выпускала депутатов партиями. Наконец, двенадцать депутатов покинули здание полиции.

Не хватало только депутата Полуйкова. Как оказалось, он покинул полицейский участок первым и уже пил горячий чай у себя дома, без обвинений и без протокола. Обладая достаточной наглостью и удачей, можно сбежать из цепких лап 76-го отделения полиции.

Я попросил депутата Полуйкова написать небольшой текст о побеге:

«Попытка провести заседание совета в помещении обернулась задержанием тринадцати депутатов. Остальных, к слову не было, потому что единороссовская чуйка посоветовала им улизнуть вовремя, а некоторым – просто не прийти.

Абсурд происходящего зашкаливал. По мнению полиции, мы были виноваты в несоблюдении ковидных ограничений, проводя заседание совета депутатов не в помещении заседания, а в коридоре у этого помещения. В реальности, администрация и вся районная власть просто пользовались положением и не давали работать избранным депутатам. Для этого подвезли очень удобные ковидные ограничения.

После того, как нас отвезли в участок и начали составлять протоколы, меня не покидало желание сбежать из этого абсурда. Было довоенное, еще, можно сказать, спокойное время внутренних разборок, поэтому полиция в участке без особого желания составляла протоколы и не следила за нами как за «врагами народа». Мне удалось сбежать из отделения полиции и вскоре я уже пил чай дома.

Сбегал я спокойно, был уверен, что насилия над депутатами не будет. Пока другим депутатам составляли протоколы, я не сдавал паспорт и ждал своей очереди, поглядывая в коридор, который ведет к выходу. Серьезного контроля я не заметил.

Мы сидели на втором этаже, путь к свободе не был коротким. Я периодически вставал, подходил к выходу из комнаты, где составляли протоколы, делая вид, что страдаю от безделья. Думаю, полицейские не подозревали, что я собираюсь сбежать.

Я подловил удачный момент, когда в коридоре будет пусто, вышел из комнаты, прошел по коридору и начал спускаться вниз на первый этаж, где увидел железную дверь, которую мог открыть нажатием кнопки только полицейский, дежуривший в окошке. В этот момент я разочаровался в своем плане и подумал, что побег сорвался. Но подняться обратно было еще хуже, поэтому я постучал в окно дежурному и уверенным голосом сказал: «Открывай двери!»

И что вы думаете? Дежурный открыл дверь. Я, не поверив счастью, вышел в коридор, где встретил журналистов, муниципальных депутатов, сочувствующих жителей, которые набросились на меня с вопросами. Но стоять в коридоре для меня было катастрофой. Я понимал, что нужно быстрее уходить из здания полиции, поэтому сказал, что я сбежал и тихо ухожу. Собравшиеся все поняли и не стали меня задерживать. Я быстро покинул здание.

Позже стало известно, что меня искали по всему полицейскому участку и на улицах района, а также объявили план «Крепость».

На следующий день сотрудники полиции пришли ко мне на работу, чтобы составить протокол. С ними был сотрудник Центра Э (Главное управление по противодействию экстремизму – прим. Н.Ю.). Во время визита Центр Э снимал меня на видеокамеру. Я недоумевал, откуда такое внимание к подозреваемому в нарушении ковидных ограничений. Центр борьбы с экстремизмом и ковидные нарушения разве стояли рядом? Но понятно, что ковидные ограничения использовались как инструмент для защиты действующей власти от любого посягательства со стороны оппозиционных сил».

Рассмотрение дел по антиковидным ограничениям не было в полномочиях Смольнинского районного суда. Родные наши судьи Осипова и Бондарь остались не у дел. Решение должен был принять Мировой суд.

1 апреля я встретился в суде с нашим защитником Виктором Воробьевым. Виктор не только талантливый юрист, он сам впоследствии стал политиком. Довольно оригинальным. Будучи либертарианцем, он умудрился возглавить фракцию коммунистов в Государственном совете Республики Коми. Он стал первым депутатом, которого Министерство юстиции признало иностранным агентом. По мнению государства, Виктор подвергся иностранному влиянию, когда во время поездки по Англии сделал возврат железнодорожного билета и получил на свой счет ино-

странное финансирование — около двадцати фунтов стерлингов от английских железных дорог.

Виктор подготовил хорошо аргументированную позицию и в ходе судебного заседания разнес в клочья полицейские протоколы. Мировой суд постановил, что состав преступления отсутствует. Депутаты были оправданы. Это была хорошая новость.

Плохой новостью было то, что Колб и Ранков, по-прежнему, руководили муниципалитетом и вместе с восемью подконтрольными депутатами саботировали работу совета. На переговоры эти депутаты не шли. На заседаниях тоже, если и появлялись, то в недостаточном количестве.

Каждый пост в социальных сетях, каждое публичное выступление мы заканчивали призывом к депутатам совета проголосовать. Выбрать, наконец, нового главу муниципалитета, и избавиться от Ранкова.

НАВАЛЬНЫЙ

20 августа 2020 года лидер российской оппозиции и основатель Фонда борьбы с коррупцией Алексей Навальный был отравлен в Томске. Он почувствовал себя плохо в самолете, когда возвращался в Москву. Самолет совершил экстренную посадку в аэропорту Омска. В бессознательном состоянии Навального привезли в городскую больницу, где ввели в искусственную кому и подключили к аппарату искусственной вентиляции легких.

Происходящее вызывало вопросы. Молодой здоровый мужчина, главный оппонент президента Путина неожиданно оказался на грани смерти. Государственная пропаганда начала мусолить различные версии, уводящие в сторону: Навальный напился подозрительного самогона, у Навального резко упал сахар, потому что вовремя не съел сладкую конфетку, Навальный сам себя отравил, чтобы привлечь к себе внимание. Это излюбленный прием пропаганды: вбросить много версий, чтобы посеять чувство, что в обсуждаемой истории не все так однозначно.

Главный врач государственной больницы, в которой оказался Навальный, по совместительству депутат городского совета и член «Единой России», всячески пытался запутать общественность, озвучивая несуществующие диагнозы.

Президент Франции Макрон и канцлер Германии Меркель совместно заявили о готовности принять Навального на лечение в свои страны. Президент Финляндии Ниинестре, согласовав с Меркель, провел с Путиным телефонные переговоры и попросил выпустить Навального из России на лечение. Его вывезли в Германию. 24 дня он провел в реанимации.

По результатам анализов федеральное правительство Германии сообщило, что Навальный был отравлен нервно-паралитическим ядом группы «Новичок». Диагноз был подтвержден ла-

бораториями Франции и Швеции. Организация по запрещению биологического оружия провела собственное исследование биологических проб и подтвердила отравление «Новичком».

Для нас, людей оппозиционных взглядов, это было шоком: главный критик президента Путина был отравлен. В каком веке мы живем? В шестнадцатом? Происходящее в Смольнинском было детскими шалостями по сравнению с тем, что случилось с Навальным.

В декабре, когда мы вели с Колбом и Ранковым битву за бюджет и за доступ в здание муниципалитета, вышло журналистское расследование, согласно которому Навального отравили сотрудники Федеральной службы безопасности. Журналисты отследили передвижение целой группы сотрудников ФСБ, которые следили за Навальным во время его поездок по стране.

Сам Навальный позвонил одному из своих убийц Константину Кудрявцеву, военному химику Института криминалистики ФСБ. Представившись помощником Секретаря Совета безопасности Патрушева, Навальный выведal у Кудрявцева детали своего отравления. Запись телефонного разговора была опубликована.

Кудрявцев подробно рассказал о задании, которое ему поручили. Он тщательно обработал одежду, снятую с Навального в больнице, чтобы скрыть следы яда. Много внимания Кудрявцев уделил обработке отравленных трусов Навального и поручился, что они в хорошем состоянии, чистые после двукратного замывания. Кудрявцев отчитался, что особо тщательно он обработал трусы в районе гульфика, где, по видимому, и был нанесен яд.

Когда Навального отравили, казалось, что это дно. Ниже пасть некуда. Но затем вскрылись подробности, что это дело рук государства. На государственном уровне в России существовали эскадроны смерти! Они были трудоустроены в структуры Федеральной службы безопасности и преследовали в поездках политических противников президента Путина.

Более того, эти люди, организовали отравление при помощи запрещенного химического оружия. Яд «Новичок» опасен

не только для жертвы, но и для всех людей, которые случайно могли оказаться рядом. Федеральная служба безопасности – государственная организация, в чьи задачи входило противодействие терроризму – сама занималась организацией террористических атак на граждан России.

Уровень тревожности в обществе заметно повысился. Стали вспоминаться истории с необъяснимыми смертями или госпитализациями оппозиционных деятелей.

Дважды был отравлен Владимир Кара-Мурза младший, поэт Дмитрий Быков и другие. Эскадроны смерти ФСБ могли организовать отравление не только оппозиционных политиков, но и системных. Запугивать и карать химическим оружием тех, кто был недостаточно лоялен режиму и пытался соскочить.

Мы планировали принять участие в общественном давлении на правоохранительные органы, чтобы затруднить им возможность тихо сделать вид, что ничего не произошло. Мною был подготовлен запрос в Следственный комитет от имени муниципального совета, как органа власти. Люди со всей России направляли заявления о преступлении и мы поддержали это движение. Запрос был единогласно утвержден на заседании Смольнинского.

Запрос пересылался из одной структуры в составе Следственного комитета в другую. Нам регулярно приходили отписки о пересылке запроса по цепочке дальше, но никто из следователей не отвечал по существу. В итоге, через три месяца, Следственный комитет прислал окончательный ответ: «Данных для проведения проверки недостаточно».

Чуть позже пришел ответ из полиции Томска, на территории которого Навальный был отравлен. Полиция Томска сообщила, что в возбуждении уголовного дела отказано из-за «отсутствия состава преступления». Правоохранительные органы не занимались своими обязанностями – раскрытием преступления, когда дело касалось нападения на оппозицию. Все занимались выгораживанием и заметанием следов.

17 января самолет авиакомпании «Победа» с Навальным и его женой Юлией вылетел из Германии в Москву. Встречать Навального в аэропорту Внуково собралась толпа людей. Не только москвичи. Я лично знаю с десятков людей, которые в последний момент купили билеты из Петербурга в Москву, чтобы оказаться в аэропорту, когда Навальный прилетит. Задержания начались заранее: за несколько часов.

Самолет должен был приземлиться в аэропорту Внуково, однако при подлете взлетную полосу закрыли «по техническим причинам». Самолет был вынужден полететь на север – в аэропорт Шереметьево, и сесть там. Толпа желающих встретить Навального не успела добраться из одного аэропорта в другой.

Навальный был задержан на паспортном контроле.

В знак протеста люди выходили на улицы с одиночными пикетами. Большие акции протеста были назначены на 23 января. Депутаты Смольнинского как раз отошли от увлекательного вечера в 76-ом отделении полиции, куда нас доставили за проведение заседания, и были готовы принять участие в протестах.

Мы встретились на территории Смольнинского и пошли по обледенелым тротуарам в сторону Гостинного двора. Делегацию муниципального совета Смольнинского представляли депутаты Балтруков, Киселева, я, Мишкинис, Шпринг, Безумов и Захаров. Все семеро – члены Коалиции.

У акции протеста не было четкого плана. Толпы протестующих перемещались по городу от одной точки сбора к другой. Нам было важно показать власти и самим себе, что нас много.

От Гостинного двора пошли на Сенатскую площадь. Перемещаться по городу было, как всегда, трудно. Тротуары были завалены снегом и льдом (это никак не связано с протестами, а связано с неспособностью городской власти организовать уборку улиц). Толпа, шедшая от Гостинки, растянулась, старалась уместиться на тротуары, но людей было так много, что пришлось идти по проезжей части.

На Сенатской мы покричали антипутинские лозунги, «Свободу Навальному!», «Свободу политическим заключенным!». Россия — наша страна, а Путин превращал ее в какое-то средневековое бандитское княжество, мы были против. Я не умею считать людей, но вся площадь вокруг Медного всадника и парк были заполнены.

Затем протестующие двинулись в сторону Невского проспекта.

Полиция отличилась. Задержания были грубыми. Масштабы оказались беспрецедентными. В Петербурге в тот день, по данным ОВД-инфо, полиция задержала 489 человек.

Следующая акция протестов состоялась 31 января. В тот день полиция Петербурга задержала 1336 участников.

Депутат МО Остров Декабристов Татьяна Муковникова придумала координировать действия оппозиционных депутатов, чтобы помочь задержанным — передавать еду, воду, наладить коммуникацию с задержанными в отделении, объяснять им как себя вести, какие права у них есть. Для многих людей это было первое задержание в жизни и они терялись, оказавшись в полицейском участке. Надо было сделать так, чтобы полицейские не могли воспользоваться стрессом, в котором находились задержанные.

2 февраля состоялся суд над Навальным, условный срок ему заменили на реальный. Было понятно, что люди выйдут на улицы. И что полиция продолжит винтить протестующих. Мы, как депутаты, были готовы. Распределились на дежурства по отделам полиции. Мне достался наш родной 76-й отдел. Я заранее распечатал памятки задержанным.

В тот день в 76-й отдел полиции привезли 26 задержанных. Я не заглядывал им в паспорт, но все очень молодые, лет 20—25. Внутри меня не пустили, но удалось связаться с одной задержанной через Телеграмм. Был создан чат задержанных. Информацию о них я передавал депутату Муковниковой, она передавала ее дальше по цепочке и координировала поиск юридического защитника.

Моей задачей было дать полиции понять, что снаружи знают, что внутри есть задержанные, знают их по фамилиям, что общественное внимание привлечено, что не получится по-тихому попрессовать ребят и заставить подписать согласие с протоколом.

Для задержанных, особенно в первый раз, эмоционально важно осознавать, что снаружи кто-то есть и интересуется, что с ними происходит, чтобы люди не чувствовали себя брошенными, не паниковали и не сделали вредных для себя действий.

Вышел замначальника отдела. Наши пути часто пересекались. Я начал перечислять список задержанных и спросил замначальника, может ли он подтвердить, что с ребятами все в порядке. Он с каменным лицом ответил, что никого внутри нет, и ушел.

Но я то знал, что внутри есть люди! Более того, у входа стояла машина скорой помощи. Молодого человека при задержании ударили электрошокером. Через чат ребята сообщили мне, что пострадавший уже пришел в порядок, но скорая действительно приехала к нему.

В фойе полицейского участка была стеклянная перегородка, похожая на окно между двумя помещениями, за которой круглосуточно сидел дежурный. Я начал приставать к нему, требовал подтвердить наличие задержанных. Стал зачитывать фамилии. На каждую фамилию дежурный отвечал: «Нет такого».

Нет такого, нет такого, нет такого...

— Да как нет?! — я начал орать на дежурного, так он меня выбесил, — Я знаю, что они внутри! В актовом зале сидят!

— В дежурной части нет, — пояснил дежурный. — А в актовом зале — не моя зона ответственности. Я там не работаю.

Он широко заулыбался, ему понравилось собственное остроумие. Фамилия дежурного была Рубцов.

Я вышел из фойе на улицу. В дверях встретил начальника 76-го отделения, мы поговорили.

— Воду можно передать задержанным? — спросил я.

— Можно! — ответил начальник.

- Что им вменяют?
- Пока не понятно.
- Статья арестная? — я задал последний вопрос.

Начальник ничего не ответил, только пожал плечами и ушел.

Приехал юридический защитник Никита Сорокин. Дежурный Рубцов не пустил его внутрь. Волонтеры принесли пакеты с едой. Несмотря на то, что дежурный продолжал утверждать, что «никого задержанных в отделе нет», воду и еду им все же отнесли.

Всем оформили статью 20.2.2.1 «Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка». Под утро начали отпускать с обязательством явиться в суд.

Через четыре дня после того, как состоялся суд над Навальным, вышла статья основателя и лидера партии «Яблоко» Григория Явлинского. Статья называлась «Без путинизма и популизма. О смыслах текущей политики».

Лидер моей партии обвинил Навального в популизме и вождизме, связях и зависимостях во власти. Явлинский заявил, что фильмы Навального, разоблачающие коррупцию в высших эшелонах власти, оказывается, разжигали «примитивную социальную роль».

Кстати, Навальный — бывший член «Яблока». Большинство российских демократических политиков состояли в этой партии, но были исключены или сами ушли. Бессменным в партии был Григорий Явлинский.

Из всех политических партий, которым Путин разрешил легально работать в России, партия «Яблоко» была самая либеральная и демократическая. Я состоял в ней с 2016 года. Я с большим разочарованием прочитал эту дурацкую статью и покрутил у виска. Есть тексты, которые лучше не писать.

Возможно, с политической точки зрения Явлинский смог бы найти объяснение своему поступку. Но не с человеческой. На-

вального отравили, он был на волоске от смерти, три недели провел в коме, несмотря на опасность, вернулся в Россию, чтобы продолжить политическую деятельность из тюрьмы (будем откровенны, все знали, что его посадят). В такой момент Явлинский попытался политически пнуть Навального. Вышло так себе.

Один из лидеров и старейшина партии Виктор Шейнис (ныне, увы, покойный) заявил, что в тот момент публичное осуждение Навального было неуместно по этическим соображениям. Яблочная молодежь и большинство яблочных муниципальных депутатов в Санкт-Петербурге также публично осудили статью, написанную лидером партии.

Все избиратели, с которыми я общался на эту тему, были недовольны. Я был с ними согласен.

— Голосуйте за «Яблоко» назло Явлинскому! — отшучивался я.

И.О. ГЛАВЫ

После того, как полиция задержала муниципальный совет, кризис в Смольнинском усилился. Депутаты делали свою работу: мы ходили на заседания, искали пути улучшить жизнь в округе. Решения принимались большинством голосов и официально направлялись на подпись главе муниципалитета. Ранков не просто не подписывал решения: он обращался в суд с требованием их отменить.

Ранков, фактически, узурпировал власть при поддержке прокуратуры, полиции, администрации Центрального района, Комитета территориального развития, судьи Осиповой и судьи Бондарь.

Государственные институты провалились, никто даже не пытался делать вид, что стоит на страже закона и демократии. Вертикаль всеми силами боролась против депутатов, которых поддерживали избиратели, в пользу человека, который проиграл выборы, но не захотел расстаться с властью.

Депутаты поручили председательствующему на заседаниях подписывать решения вместо Ранкова (такая возможность была предусмотрена Уставом). Начиная с осени 2020 года, все решения муниципального совета Смольнинского подписывала председатель Мишкинис.

Депутаты проголосовали за то, чтобы Балтруков от имени совета подал иск против Ранкова. Мы хотели через суд заставить Ранкова подписывать решения.

Однако в суде интересы совета мог представлять не только депутат Балтруков. Согласно Уставу Ранков как глава муниципалитета, также мог представлять интересы совета. Чем он и воспользовался: Ранков от имени депутатов отозвал иск депутатов против Ранкова. Суд не увидел в этом конфликта интересов.

Борьба против депутатов Смольнинского еще не вышла с муниципального на государственный уровень. На тот момент мы испытывали проблемы только в районном суде, а потом могли надеяться на справедливость в вышестоящем городском суде, подавая апелляции. Судьи городского суда еще не получили команду на особое правосудие в отношении Смольнинского.

Городская судья Сухарева отменила ограничительные действия, которые наложил Смольнинский районный суд на депутата Мишкинис: Мишкинис снова получила право организовывать заседания совета и подписывать решения в качестве председателя, когда Ранков отсутствовал.

У депутатов не было предубеждений против заседаний на крыльце: мы были готовы работать в любых условиях, но на заседании 3 февраля нужна была офисная техника, потому что мы задумали реализовать очередную попытку смену власти. Юристы нашли две лазейки, чтобы подвинуть и Колба, и Ранкова.

Когда в очередной раз не удалось попасть в здание муниципалитета, мы проголосовали, чтобы перенести заседание в офис партии «Яблоко», располагавшийся неподалеку.

Присутствовали 11 депутатов – большинство.

– Кворум имеется! – сказала председатель Мишкинис.

На тот момент глава администрации Смольнинского отбывала условный срок за взяточничество, поэтому ее обязанности исполнял заместитель – Колб. Никто не понимал, почему именно он, ведь у нас числилось два заместителя. Заместитель Королев как раз судился против совета за право стать главой администрации по результатам конкурса. Кто из двух заместителей главный?

В соответствии с практикой, сложившейся в городских муниципалитетах, депутаты могли возложить обязанности временно-го руководителя на любого сотрудника администрации.

– Один из двух заместителей, по каким-то непонятным причинам, без всяких решений совета считает себя и.о. главы

администрации, — сказала депутат Кузнецова, — Я предлагаю провести выборы. При отсутствии определенности, кто из двух заместителей главнее — решение за советом.

— Внесем определенность, — поддержала председатель Мишкинис.

Счетная комиссия внесла в бюллетень фамилии Колба и Королева.

— Боже мой, — сказал я, — За кого придется голосовать.

— Тяжелый выбор, — согласился депутат Чеботарь.

Остальные сочувственно посмеялись. Пока счетная комиссия распечатывала бюллетени, депутат Балтруков рассказал, что суд запросил у Ранкова больничный.

— О-о-о! — удивились депутаты, — Первый больничный!

Ранков не исполнял обязанности главы, ссылаясь на болезнь. Мы судились несколько месяцев. Судьи Осипова и Бондарь все это время отказывались затребовать больничный лист, чтобы убедиться, действительно ли Ранков так долго болеет, как утверждали его представители.

Счетная комиссия начала выдавать бюллетени.

— Коллеги, напомним, — сказал депутат Балтруков, — Чтобы не создавать лишних проблем в суде, лучше выбрать и.о. главы администрации большинством голосов, желательно одиннадцатью голосами.

— Балтруков топит за Королева! — пошутил я.

Оба кандидата были плохими. Ни Колб, ни Королев меня не устраивали как руководители исполнительного органа, но принцип сменяемости власти лучше принципа несменяемости. Я проголосовал за Королева.

Председатель счетной комиссии депутат Кузнецова вынула бюллетени из урны.

— Королев, Королев... — демонстрировала она бюллетени, — Королев... Одиннадцать бюллетеней за Королева!

— Решение принято, — сказала председатель Мишкинис.

— Ура!! — аплодировали депутаты.

— Поздравляем Королева! — крикнул депутат Чеботарь.

– Будем надеяться, что он лучше Колба, – сказал депутат Палюга.

Мечта Королева сбылась. Он уже почти год судился против депутатов за право возглавить местную администрацию. Мы ему такое право, наконец, дали. Имея на руках решение совета, Королев мог отобрать у Колба муниципальную печать и электронно-цифровую подпись и стать и.о. главы администрации.

Забегу дальше. Как вы уже наверное догадались, Королев струсил. Он не воспользовался решением муниципального совета, чтобы возглавить администрацию, но продолжил судиться против депутатов, чтобы мы назначили его руководителем по результатам первого конкурса.

Новый руководитель требовался не только в администрации. Ранкова тоже надо было менять. Депутат Кузнецова предложила провести еще одни выборы и вместо полноценного главы муниципалитета избрать исполняющего обязанности.

Докладывал депутат Балтруков, который в результате многочисленных судов, стал большим экспертом в муниципальном законодательстве. Совместно с юристами он подготовил проект решения.

Согласно Уставу, Ранков исполнял обязанности главы до момента избрания нового главы. Депутат Балтруков предложил рассматривать Ранкова не как полноценного главу, а как исполняющего обязанности.

Это было интересное предложение, но неоднозначное: Ранкова можно было назвать исполняющим обязанности, анализируя нормы Устава в совокупности, но конкретного пункта, в котором это было прописано прямо, – не было.

– Требования по выборам и.о. главы в Уставе облегчены по сравнению с выборами полноценного главы, – сказал депутат Балтруков, – Для замены исполняющего обязанности достаточно обычного решения, принятого тайным голосованием.

Должность и. о. главы была предусмотрена в Уставе. Ее мог занять депутат, набравший по результатам тайного голосования самое большое количество голосов.

Мы включили в бюллетень фамилии всех двадцати депутатов, чтобы никто не мог сказать, что его права были нарушены.

– Я рекомендую голосовать за Елену Мишкинис, – сказал депутат Балтруков.

Никто не думал, что после избрания и.о. главы двери муниципалитета откроются, Ранков проведет Мишкинис в свой кабинет и вручит ключи от города. Депутаты понимали, что предстоит долгий судебный процесс. В тех самых судах, которые были на стороне единороссов.

– Если бы у нас сейчас за столом сидели четырнадцать депутатов, готовых взять бюллетени, – сказал депутат Балтруков, – то, я вас уверяю, что главу, избранного даже таким полноценным голосованием, точно так же никуда бы не пустили и точно так же мы пошли бы в суды.

– Да, это все в суд пойдет, – сказала депутат Кузнецова, – Сможет ли там устоять – не знаю. Но надо делать! Надо шевелиться!

– Попытка не пытка, – сказала депутат Мишкинис.

– Лучше попробовать, чем не пробовать, – сказал я.

– Наши юристы это рекомендовали, – сказал Балтруков.

Ранков подавал иски как глава муниципалитета, и, если все удастся, Мишкинис могла заявлять в судах, что Ранков больше не является главой, а обязанности главы исполняет она, и отозвать иски против совета, а также отобрать доверенности, которые Ранков выдал от нашего имени своим юристам.

Счетная комиссия подготовила бюллетени. Депутат Кузнецова вручила мне огромный ящик для голосования: 1,5 метра высотой, полностью прозрачный.

Я любил быть поближе к демократическим процедурам и поставил ящик для голосования на стол рядом с собой. Депутаты подходили и пытались бросить бюллетени в урну. Поскольку ящик был высокий, да еще стоял на столе, депутаты

с трудом дотягивались до прорези в крышке. Но политика не бывает легкой прогулкой, это всегда преодоление трудностей.

Я поставил галочку напротив фамилии Мишкинис и бросил бюллетень в урну.

– Лена! – обратился я к Мишкинис, – Где мои печенки?

Депутат Мишкинис, работавшая на молочном заводе, вместо печенек пообещала кефир.

– С тебя творог! – сказала ей депутат Шпринг, засовывая бюллетень в урну.

После ходили слухи, что депутаты обменяли голоса на коробки с молочной продукцией. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию.

– Бывшие Ц-шники берут власть в совете! – пошутил депутат Полуйков, – Как хотели изначально. Мы к этому пришли. За чем мы полтора года обсуждали?..

– Тогда мы бы не стали командой, – сказала депутат Мишкинис, – У нас притирка произошла.

– Мы должны быть благодарны Ранкову, – сказал я, – На одном из судебных заседаний я подошел к нему. Он жмет мне руку и говорит: «Здравствуйте, Никита Андреевич! Ну как дела?». А я ему говорю: «Григорий Михайлович, вы такой молодец, вы так нас всех сплотили!». Он удивился. Но это так и есть: Ранков своими действиями продолжает делать из нас крепкую команду.

– Поэтому он не может уйти! – подхватил депутат Полуйков, – Он невыполнил свою функцию до конца, он продолжает нас сплавивать.

– Тимбилдинг проводит.

– Мы дружим против него, – сказала депутат Мишкинис.

– А я считаю, что Ранков недостаточно хорошо отыгрывает свою роль, – сказала депутат Киселева, – Потому что, видите, тут с нами нет Виктории Сергеевны Фадеевой и Константина Вадимовича Хрщоновича.

Мы все еще надеялись, что эти два депутата примкнут к нам и мы сможем сформировать большую коалицию из четырнадцати депутатов.

– Григорию Михайловичу нужно стараться еще! – сказала депутат Киселева.

– Глубже? – спросила депутат Мишкинис.

– Да! Чтобы даже Важенин сюда пришел.

– Сплотить нас еще плотнее! – сказал депутат Полуйков.

Депутаты даже не догадывались, как далеко готов зайти Ранков, чтобы удержаться у власти.

Счетная комиссия приступила к подсчету бюллетеней. Поскольку выборы и.о. главы были не запланированы, голосование анонимное и мы не договаривались о кандидатуре заранее, было интересно, сможет ли депутат Мишкинис набрать достаточное количество голосов. Коалиция оформилась на практике, но до сих пор не существовало подписанного коалиционного соглашения, мы состояли из разных фракций, еще недавно конфликтовали.

На заседании присутствовали одиннадцать депутатов. Депутат Елена Мишкинис набрала одиннадцать голосов.

Коалиция не подвела. Согласно решению, со следующего дня Ранков переставал исполнять обязанности главы, а к исполнению этих обязанностей приступала Елена Мишкинис.

– Решение принято! – сказала новая и.о. главы.

– Исторический момент, – сказал депутат Чеботарь.

Теперь о смене власти нужно было сообщить в Налоговую инспекцию, в Смольнинский районный суд, в Городской суд и в Казначейство. Для внесения изменений в ЕГРЮЛ о смене руководителя был подготовлен комплект документов: решение муниципального совета и протокол счетной комиссии, утверждавшей результаты выборов.

Заседание на этом не закончилось. Мы приняли много важных решений, улучшающих жизнь в Смольнинском.

– Спасибо, коллеги! – сказала новая и.о. главы муниципалитета, – Это было очень продуктивное заседание.

— Когда кто-нибудь из нас напишет книгу, — сказал я, — Это-
му будет посвящена целая глава.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЕЧАТИ

10 марта депутаты собрались на крыльце муниципалитета. Пришла депутат Бархатова. Здание не открывали, внутрь попасть не удалось, поэтому снова переместились в офис «Яблока» на Шпалерной.

Когда депутаты выбрали Елену Мишкинис в качестве и.о. главы муниципалитета, Ранков подал новый судебный иск и попросил приостановить решение до окончания судебного разбирательства. Судья Осипова быстро согласилась. Депутаты принимали решения – судьи их приостанавливали. Депутаты принимали аналогичные решения повторно – судьи их снова приостанавливали. И так по кругу.

Без действующего решения Мишкинис не могла зарегистрировать смену власти в Налоговой инспекции. Кроме того, нужна была печать муниципального совета, а Ранков спрятал ее и никому не отдавал.

Депутаты были настроены решить обе проблемы.

Кворум был, в офисе «Яблока» сидели двенадцать депутатов, включая скептически настроенную Бархатову.

Первым делом хотели решить вопрос с печатью. Она нужна была для выдачи доверенности в суд. И.о. главы Мишкинис не могла судиться с и.о. главы Ранковым только потому, что у Ранкова была в кармане печать муниципалитета, а у Мишкинис – не было.

Поскольку все заседания совета транслировались в интернете, сформировался круг постоянных зрителей. Их, признаться, было не много. Голосования и заседания – скучная штука, на шоу не тянет. Но мы могли видеть, кто конкретно смотрит трансляцию.

Ранков был постоянным зрителем. Во время перерыва раз-

говор зашел об этом интересном факте и депутаты приветственно замахали в камеру.

– Григорий Михайлович, привет! – помахала рукой председатель Мишкинис. – Выздоровливайте!

Шел пятый месяц «болезни» Ранкова.

– Григорию Михайловичу пора инвалидность оформлять, – сказал я.

– Сможет пенсию оформить, – подсказала депутат Киселева.

В зал вернулась счетная комиссия с готовыми бюллетенями.

– Выборы кого сейчас будут? – спросила депутат Бархатова.

Депутаты сообщили, что в повестке дня стоит вопрос о выборах и.о. главы. Поскольку судья Осипова приостановила решение, мы хотели избрать депутата Мишкинис повторно.

– Елена Николаевна, будете брать бюллетень? – спросила председатель Мишкинис депутата Бархатова.

– Я подумаю!

– Да берите же! – сказал депутат Полуйков и протянул Бархатовой ручку и подписной лист о выдаче бюллетеней.

– Проголосуйте против! – посоветовала Мишкинис.

– Или испортите бюллетень! – сказал депутат Палюга.

– Или за кого-нибудь другого! – сказала Мишкинис.

Депутат Бархатова расписалась за получение бюллетеня.

– Зачеркните всех и напишите на бюллетене: «Свободу Навальному!» – сказала председатель Мишкинис.

– Наша цель все та же! – напомнила присутствующим депутат Кузнецова, – Нужно одиннадцать голосов, чтобы решение устояло в суде. Мы делаем это сейчас для суда.

Депутаты кидали бюллетени в урну.

– Исторический момент! – сказал депутат Чеботарь.

– В который раз! – сказала депутат Киселева.

– Мы уже натренировались!

Во время подсчета бюллетеней состоялся занятный диалог. Пока счетная комиссия сортировала бюллетени, вынутые из ур-

ны, депутаты Бархатова и Мишкинис вслух рефлексировали над важностью демократических процедур.

– Каждый может голосовать как хочет, – сказала Мишкинис.

– Вы все думаете под одну гребенку! – заявила собравшимся депутат Бархатова, – Поэтому я против вас голосую, голосовала и буду голосовать!

– Имеете право, – ответила Мишкинис.

– Голосовать – это очень важно, – сказала депутат Киселева.

По результатам подсчета бюллетеней победила Елена Мишкинис. Одиннадцать голосов «За», один бюллетень оказался пустой. Совет повторно избрал Мишкинис и. о. главы муниципалитета.

Депутат Балтруков рассказал совету о ходе судебных процессов. Наши оппоненты прекрасно понимали, что в большинстве случаев должны проиграть, потому что закон был не на их стороне.

– Поэтому они используют тактику мелких гадостей, – сказал Балтруков, – Мы подаем частную жалобу – Ранков от нашего имени ее отзывает. Мы подаем иск к администрации о том, что администрация должна исполнять решения совета – Ранков понимает, что они проиграют, и как председатель совета отзывает иск...

– Этого человека вы хотите оставить главой, – сказала депутат Мишкинис, строго глядя на Бархатова.

– Сегодня было заседание суда по Контрольно-счетной комиссии, Ранков от нашего имени признал иск администрации против нас, – продолжил депутат Балтруков. – Они понимали, что юридическая позиция у них слабая, поэтому Ранков пытался изменить в суде нашу позицию. Надо сказать, что городской суд критически отнесся к его ходатайству...

– В отличие от Смольнинского районного суда, – добавила депутат Кузнецова.

– Да, Смольнинский суд аналогичное ходатайство принял, а городской сказал, что по материалам дела видно, что боль-

шинство совета голосовало за иск и считает его законным, поэтому городской суд будет рассматривать дело как положено, по полной.

Перешли к рассмотрению вопроса о печати муниципалитета. Ранков ее прятал. Юристы посоветовали муниципальному совету утвердить новую печать. Был подготовлен проект решения, согласно которому старая печать, которую захватил Ранков, признавалась недействующей, и утверждался новый оттиск печати – отличающийся от старой. Также одним из пунктов решения было поручение и.о. главы Мишкинис изготовить и хранить новую печать.

– А можно вопрос? – сказала депутат Бархатова, – У нас будут две печати? Одна у Ранкова и одна новая?

– Будет одна печать, – ответил депутат Балтруков, – Старая станет недействительна.

– В судах лежат документы, которые заверены старой печатью, – сказала Бархатова, – Вы отменяете старую печать, а с сегодняшнего дня новая печать пошла. Я считаю, это нарушение!

– Любое наше решение не имеет обратной силы, – пояснил депутат Балтруков, – Когда была старая печать, естественно ставилась она. Теперь у совета будет другая печать. Сложилась ситуация, когда аппарат совета под руководством Ранкова отказывает нам в законных требованиях поставить печать на решения и доверенности.

– Погодите! – сказала депутат Бархатова, – Отказывают в печати – это одна проблема. Но то, что мы сейчас делаем – это сам собрался и сам себе разрешил сделать печать. Какие у нас юридические обоснования сделать это?

– Мы и есть совет, – сказала депутат Кузнецова.

Важно было утвердить решение одиннадцатью голосами. Депутат Серая была тем самым одиннадцатым голосом, который Бархатова пыталась отколоть. Я внимательно смотрел на депутата Серую, пытаясь отследить, как она реагирует на аргументы сторон. Она смотрела на депутата Бархатову.

– Я посмотрел аналогичные решения у других муниципальных советов, – сказал депутат Балтруков, – Проект решения я не с нуля написал. Совет утверждает оттиск печати и поручает кому-то сделать саму печать.

– Нормальная ситуация, – сказала депутат Кузнецова.

– Если бы не было той ситуации, в которой мы сейчас находимся! – возразила депутат Бархатова.

Шла борьба за голос депутата Серой и, похоже, Бархатова смогла перетянуть ее на свою сторону.

– Когда подаешь в какую-то организацию, ты обязан предоставить печать и вообще расписать ее, – сказала депутат Серая, – У меня большие вопросы!

– В приложении к решению есть образец оттиска, – депутат Балтруков показал подготовленные документы.

– Я сомневаюсь, – сказала депутат Серая. Депутат Бархатова молчала, ей уже не было смысла включаться в дискуссию, свою задачу она выполнила.

– А как по-твоему это должно быть? – спросила Мишкинис.

– Я не очень разбираюсь в печатях, – сказала Серая, – Но я знаю, когда регистрируют какие-нибудь НКО, организации, у которых печать – это серьезная тема, на самом деле.

– И у нас – все серьезно! – сказала Мишкинис.

– Это документооборот... – продолжила Серая, – Когда ты что-то регистрируешь, в Минюсте, где угодно – ты пишешь про эту печать, как она выглядит... Если ты что-то меняешь, то эти изменения, наверняка, нужно где-то регистрировать.

Нестабильного члена коалиции надо было убеждать.

– Как нам дальше депутатствовать? – спросила Серую депутат Киселева, – Нас Ранков и Заичкина шантажируют. Говорят: «Мы вам не поставим печать».

– Они захватили печать, – сказал я.

– В этой ситуации я не уверена, – сказала депутат Серая, – Я сегодня только об этом решении узнала. У меня не было возможности посоветоваться с юристами.

– Завтра суд, Диана! – напомнила депутат Кузнецова, – Завтра в суд надо принести доверенность с печатью. Иначе нашего юриста не допустят на заседание суда.

– Вопрос с печатью не сегодня возник! – сказала Бархатова.

– Сегодня! В суде! Нашего юриста без этой печати не допустили в дело.

– В суде по КАС, – пояснил депутат Балтруков, – Если по другим делам на доверенности ставится подпись, то в судах по КАС ставится печать.

– Это решение нам еще аукнется! – сказала депутат Бархатова.

Конечно аукнется. В России интересно быть оппозиционным политиком – любое решение может аукнуться. Что ж теперь, расплакаться и убежать? Или попросить время на «консультацию с юристом» и тем самым гарантированно проиграть еще один суд, который запланирован на следующий день?

– Вы понимаете, что вы берете на себя ответственность за документы совета? – спросила депутат Бархатова.

– Да! – хором сказали депутаты.

– Мы – совет, – сказал депутат Полуйков, – Мы имеем право.

– Нас не просто так избрали, а для принятия решений, – сказал я, – Мы доверенности можем в суд выдать. А уж свою печать (это наш собственный атрибут) почему мы не можем утвердить?!

– Да, почему надо с себя ответственность снимать? – сказала депутат Мишкинис, – Ответственность надо на себя брать. Я поддерживаю Никиту Андреевича. Пока аппарат и Григорий Михайлович не стали нам вставлять палки в колеса, никто про печать даже не заикался. Пока они выдавали нормально документы, пока они ставили печати на доверенности – не было вопросов. Но они перестали это делать. Нам надо как-то продолжать работу и бороться с этой ситуацией. Мы идем на вынужденные меры. Мы имеем на это право? Имеем!

Председатель Мишкинис подвела черту:

– Вроде все высказались. Давайте голосовать!

– Погодите! – сказал я, – За такой важный документ надо голосовать одиннадцатью голосами.

Я сказал это, глядя в стол, но слова были обращены к одному конкретному депутату.

– Я за многие решения голосую, – сказала депутат Серая, – Но здесь я не готова.

– Диана, а как нам быть завтра в суде? – спросила депутат Мишкинис.

– Ну... я не знаю как! – депутат Серая развела руками.

– Диана, в чем твой риск? – спросил депутат Палюга.

– Мне кажется, что это решение очень серьезное, – ответила депутат Серая.

– А остальное все не серьезное?

Стоит ли идти в депутаты, если не готов принимать «серьезные» решения? Это не компьютерная игра и не посты в соцсетях. Люди выбрали нас, чтобы мы брали на себя ответственность за принятие решений, а не разводили руками, что эти решения слишком серьезные, они для взрослых дяденек и тетенок, а я ничего не знаю. Ты – депутат. Ты тут взрослый дяденька или тетенька. Ты принимаешь решение.

– Что будет-то? – спросил депутат Палюга, – Осудят? Посадят? Что случится?

Депутат Бархатова почувствовала, что надо вмешаться.

– Я вам скажу, что будет, – сказала она, – Это вопрос с документами определенного уровня. И в этом конкретном случае вы занимаетесь.. самоуправством!

– Бланки мы утверждаем решением совета, – продолжила аргументировать депутат Кузнецова, – В том числе, бланки доверенности. Мы утверждаем структуру аппарата совета, мы утверждаем бюджет – как деньги тратить. Бюджет – это серьезный документ! – депутат Кузнецова обращалась персонально к депутату Серой, – Мы – коллективный орган, который руководит муниципалитетом. Совет принимает положение об оплате, порядок оказания муниципальных услуг, правила найма и уволь-

нения сотрудников... ЭТО ВСЕ ПРИНИМАЕМ МЫ! Не понимаю, почему решение про печать – это вдруг какой-то сакральный документ?

– Я не знаю, – ответила депутат Серая, – Мне так кажется!

– Я вижу в этом желание Елены Николаевны, чтобы завтра мы в суде проиграли! – сказала депутат Кузнецова.

– Почему мое-то желание?! – возмутилась депутат Бархатова.

– Потому что Ваше!

– Ну хотите, я сейчас уйду?! – депутат Бархатова вскочила со стула, – Все! Я пошла!

Депутат Бархатова начала одеваться.

– Можно я продолжу? – спросила депутат Кузнецова, – Без печати наших юристов не допустят в суде. С печатью – наших юристов допустят. Вид печати и оттиск печати принимаем мы. Мы принимаем всю символику. Мы принимаем герб. Мы принимаем название муниципалитета. Мы же его меняем. Это делает совет. Это не делает Ранков.

Бархатова замоталась в шаль и уже застегивала шубу. Депутат Серая молчала. К убеждению подключилась депутат Марина Шпринг:

– Диана, все, что сейчас делает Ранков, все, что сейчас делает администрация – в том числе, что они не дают нам печать – это все делается в надежде на то, что нас распустят. Понимаешь?

– Я понимаю, – ответила депутат Серая, – Я все понимаю. Но ведь без моего голоса решение совета все равно будет принято.

– Давайте голосовать! Я проголосую и пойду! – сказала депутат Бархатова. Она стояла, застегнутая в шубу, в меховой шапке. Боже, какая шикарная у нее была шапка!

– Любое решение желательно принимать одиннадцатую голосами, – напомнил я.

– Ну, это же желательно, – развела руками депутат Серая, – Не обязательно.

Она сидела, сложив руки на груди. Я видел, что Мишкинис была страшно недовольна подходом депутата Серой. Мишкинис на пару с Балтруковым больше всех вложила времени, сил и ресурсов в отстаивание права совета на существование и имела полное право злиться. Депутат Серая не готовила проекты решений, не участвовала в заседаниях суда, не оплачивала работу юристов, не готовила заседания совета. Она выбрала интересную позицию, что ее работа — это только решать будет ли у коалиции одиннадцатый голос или не будет.

— Мы проиграем суд, — сказала депутат Шпринг.

— Нас распустят, — сказала председатель Мишкинис.

— Я не понимаю, почему вы говорите, что желательны одиннадцать голосов, я говорю, что сомневаюсь, а вы говорите: нет, ты должна и все! — депутат Серая почти кричала, — У вас есть десять голосов!

— Но это не большинство от совета! — ответила Мишкинис.

Депутат Бархатова не уходила и с интересом наблюдала за происходящим. Я обратил внимание, какой восторг заиграл на ее лице, когда депутат Серая начала повышать голос.

— Ты ничего нам не должна, — сказал депутат Палюга, — Но мы пытаемся тебя убедить.

— Судья каждый раз смотрит в протоколе заседания, сколько депутатов проголосовали за то или иное решение, — сказала депутат Кузнецова. — Сегодня Ранков в суде хотел от нашего имени отказаться от иска. Судья с этим не согласилась только потому, что решение об иске мы приняли одиннадцатью голосами — это явное большинство совета. Судья посмотрела в протоколе и увидела одиннадцать голосов из двадцати.

— Прямо в определении суда так написано, — пояснил депутат Балтруков и процитировал: «Поскольку большинство совета явно считает иск законным и обоснованным».

— Ранкову отказали, — сказала депутат Кузнецова, — потому что за решение в протоколе было одиннадцать голосов.

– Диана, – сказал я, – Скажи, кто этот человек, повелитель печати, который может нам разрешить выпустить печать? Где он сидит? Может быть, мы к нему сможем обратиться?

Депутат Серая задумалась. За ней, как тень отца Гамлета, стояла депутат Бархатова в шубе.

– Почему вы знали про ситуацию с печатью и никому ничего не рассказали? – спросила депутат Бархатова.

– Мы об этом узнали сегодня в суде! – ответила депутат Мишкинис.

– Я пришел из суда домой в 15 часов, – сказал депутат Балтруков, – Решения, которые мы сегодня рассматриваем, были готовы в 18:15. После этого я сел в машину и поехал на совет.

– Завтра суд! Завтра! – напомнила председатель Мишкинис

– Это вынужденная мера, – сказал депутат Полуйков, повернувшись к депутату Серой, – Мы вынуждены оперативно реагировать.

Депутат Бархатова в очередной раз прокричала свои аргументы, махнула рукой и пошла на выход.

– Елена Николаевна! – крикнул я ей в вдогонку, – Я переживаю, что вы одна пойдете. Шпалерная улица – опасное место, шапки снимают...

Было девять часов вечера, на улице темно и немногочленно. Депутат Бархатова вернулась и начала кричать, что голосует против решения о новой печати.

– Ставлю вопрос на голосование! – объявила председатель Мишкинис, – Кто голосует за?

Депутаты подняли руки. Все увидели, в том числе, поднятую руку депутата Серой.

– Я против! – крикнула Бархатова.

– Бархатова против! – сказала председатель Мишкинис, – Занесите в протокол.

– Бархатова покинула заседание!!! – крикнула Бархатова и дела ее не разошлись со словами.

– Решение принято! – подвела итог председатель Мишкинис, – Печать будет изготовлена.

Главное, что «за» проголосовали одиннадцать депутатов. Коалиция была спасена. Но зрители трансляции, включая Ранкова, увидели трещину.

Когда депутат Бархатова покинула здание, споры прекратились. Мы заново утвердили решения, которые принимали раньше, но которые Смольнинский районный суд успел снести. Голосовали быстро. К сожалению, не могу сказать, что единогласно. Один депутат демонстрировал на камеру свою обособленность от коалиции.

УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА

У нас было решение о выборах Мишкинис, действующая печать и копия Устава муниципалитета, заверенная надлежащим образом, которую мы заранее заказали в Министерстве юстиции. Все было готово для официальной смены власти. Нужно было найти нотариуса, который согласится заверить документы для внесения изменений в ЕГРЮЛ.

У открытых трансляций заседаний муниципального совета есть один минус: наши оппоненты заранее узнали, что мы собираемся делать, и подготовились.

И.о. главы Мишкинис моталась по району от одного нотариуса к другому и везде получала отказ. Одна нотариус даже прочла ей лекцию про врагов России, случайных людей, которые каким-то образом пролезли в депутаты и пытались захватить власть, и что, по-хорошему, муниципальный совет Смольнинского нужно разогнать. Кто-то предупредил нотариусов о визите Мишкинис и дал рекомендацию не заверять подпись. Мы начали искать по знакомым, кто из нотариусов согласится помочь.

Отказы были незаконны и, безусловно, надо было обращаться в нотариальную палату и добиваться, чтобы таких нотариусов лишили права заниматься нотариатом. Но это могло занять многие месяцы и не факт, что в итоге удалось бы заставить их заверить подпись на документах. Мы не раз столкнулись с правовыми аномалиями в отношении депутатов Смольнинского.

Важно было как можно скорее зарегистрировать Мишкинис руководителем, пока судья Осипова в очередной раз не успела аннулировать решение о выборах.

Мы сосредоточились на поиске честного нотариуса. Это мог быть любой нотариус, который, желательно, еще не слышал о тяжелой политической обстановке в Смольнинском. Не могли же они обзвонить и предупредить всех нотариусов России!

После нескольких безуспешных попыток Мишкинис попросила о помощи. На нее давила ситуация с отказами и она пригласила депутатов поехать к нотариусу в качестве группы поддержки. Я и депутат Балтруков составили ей компанию.

Мы нашли нотариуса на ул. генерала Хрулева – на другом конце города в Приморском районе. Нотариус была готова «рассмотреть» документы. Не четкий отказ – уже достижение.

Мы втроем – Мишкинис, Балтруков и я – сидели на диване в приемной и, пока подошла наша очередь, разговорились. Точнее, разговорилась Мишкинис.

Мы не знали друг друга по-настоящему, коалиция базировалась на прагматических соображениях, а не на личной симпатии. Предыдущий клиент провел в кабинете больше часа. За это время Мишкинис рассказала свою биографию – практически от рождения до текущего дня. Где жила, когда переезжала, где училась и работала. Рассказала про сына, повспоминала сценки из студенческой жизни, поругала Ярослава (владельца движения Ц).

Мы сидели на диване и смеялись, потягивая теплую воду из одноразовых стаканчиков. Впервые я посмотрел на Мишкинис не как на коллегу-депутата, а как на живого человека. Этот человек мне понравился. Человеческие связи очень важны. Жаль, что мы не смогли так хорошо поговорить и узнать друг друга 1,5 года назад, когда только стали депутатами.

Нотариус отказалась заверять подпись.

Мы нашли еще один вариант. Знакомый юрист поговорил с новым нотариусом и объяснил всю сложность ситуации. Нотариус оказалась порядочной, четко следовала правилам. Она согласилась.

11 марта 2021 года Мишкинис и я пришли в нотариальную контору, заранее зная, что нотариус будет рассматривать наши документы не из политических соображений, а как положено – по закону. Документы были в порядке – команда юристов вычитала их до идеального блеска.

Нотариус заверила подпись и предложила помочь с регистрацией смены руководителя муниципалитета в ЕГРЮЛ. Она сама без нашего участия могла сдать документы в Налоговую инспекцию. Это дополнительная платная услуга, грех было не воспользоваться. Мишкинис согласилась и отдала документы нотариусу.

Никакого обмана. Нотариус честно исполнила свою работу и подала документы в Налоговую инспекцию для регистрации депутата Мишкинис в качестве руководителя муниципалитета Смольнинское.

У Налоговой инспекции не было оснований отказать в регистрации. Законных оснований.

19 марта 2021 года Ранков узнал, что в налоговую поступили документы о перерегистрации руководителя в Смольнинском. Это была пятница – последний рабочий день недели. У Ранкова были целые выходные, чтобы придумать способ, каким образом изъять документы из налоговой инспекции и помешать регистрации Мишкинис в качестве руководителя муниципалитета.

Естественно, Ранков ничего придумать не смог. В понедельник в бой бросили тяжелую артиллерию.

Против депутата Мишкинис выступил глава Центрального района, наместник губернатора – Максим Семенович Мейксин. Его план был такой: завести уголовное дело и изъять документы из налоговой в качестве вещественных доказательств.

Для надежности написали два заявления.

Одно написал Ранков. Он обвинил Мишкинис в подделке печати и потребовал привлечь к ответственности по ст. 327 УК РФ (Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков) и 303 УК РФ (Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности).

Второе заявление в Следственный комитет написал лично глава района Мейксин. Его текст – документ эпохи, достоин

опубликования. Особенно та часть, где Мейксин заканчивает излагать факты и начинает давать оценки Мишкинис и другим депутатам Смольнинского.

Мейксин был не последним человеком в городе. После руководства Центральным районом он был повышен до вице-губернатора, а потом возглавил городскую избирательную комиссию Санкт-Петербурга. Я хочу, чтобы читатель прочитал заявление Мейксина и понял, какая развесистая клюква росла в головах у людей, которые руководили в тот период культурной столицей России. Орфография и пунктуация сохранены.

*«Администрация Центрального района Санкт-Петербурга
№01-12-1084/21-0-0 от 22.03.2021*

Руководителю следственного отдела по Центральному району Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербурга

Бобкову О. В.

Уважаемый Олег Валерьевич!

Администрация Центрального района Санкт-Петербурга (далее – администрация) просит провести проверку сведений, поступивших от главы муниципального образования Смольнинское, исполняющего полномочия председателя Муниципального Совета Г. М.Ранкова.

19.03.2021 в адрес Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России №15 по Санкт-Петербургу поступило заявление о государственной регистрации изменений, внесенных в учредительные документы юридического лица или о внесении изменений в сведения о Муниципальном Совете Муниципального образования Смольнинское (далее МС МО Смольнинское), ОГРН 1067847030195, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, по форме Р13014. Заявление зарегистрировано за входящим номером 52892А.

Данное заявление и документы направлены Нотариусом Санкт-Петербурга Андреевой Викторией Александровной – Лицензия №360, выданная Управлением юстиции Санкт-Петербур-

за 10 октября 1997 года, приказ №2863-к, выдан Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области 15.11.2001 (далее – нотариус).

По нашему мнению, легитимное совершение подобных действий является сомнительным, так как по информации, полученной от исполняющего полномочия Председателя Муниципального Совета муниципального образования Смольнинское Г. М.Ранкова, оригиналы учредительных документов МС МО Смольнинское находятся в сейфе по адресу: Санкт-Петербург, Суворовский пр., д. 60, копии документов никому не предоставлялись, а кроме того, какие-либо обращения МС МО Смольнинское в адрес нотариуса о свершении юридических действий в целях внесения изменений в учредительные документы не предпринимались.

Более того, в настоящее время в производстве Смольнинского районного суда Санкт-Петербурга находятся административные дела (дела №№2–6499/20, 2–1961/21, 2а-1471/21 (2а-6499/20), 2–808/21) об оспаривании решений МС МО Смольнинское. Следует отметить, что данные решения подписывались председательствующим на внеочередном заседании МС МО Смольнинское депутатом Е. Ю. Мишкинис.

Однако в силу требований пункта 10 статьи 18 Устава муниципального образования муниципальный округ Смольнинское, нормативный правовой акт, принятый Муниципальным Советом, подписывается Главой муниципального образования Смольнинское или заместителем главы, в случае отсутствия на заседании Муниципального Совета Главы муниципального образования, и обнародуется.

Более того, в нарушение требования Устава МС МО Смольнинское, оспариваемые решения не были официально опубликованы, следовательно они не вступили в силу и не имели юридической силы.

Подобного рода деяния свидетельствуют о противоправных действиях, направленных на незаконный захват власти в МС МО Смольнинское.

(Н.Ю.: Соглашусь, что одной из наших задач был захват власти в муниципалитете. Люди идут в политику, чтобы поменять власть, которая их не устраивает. Мы действовали полностью законно, мы не прятали печать, не запирались в здании и, самое главное, мы не проиграли выборы, в отличие от команды Колба и Ранкова. Избиратели дали нам мандат на изменения).

Кроме того, по нашему мнению, есть все основания полагать, что данные действия совершены с использованием поддельной печати, так как оттиск печати на документах МС МО Смольнинское, представленных на регистрацию в Межрайонную инспекцию Федеральной налоговой службы России №15 по Санкт-Петербургу, отличается от оттиска печати на оригинальных документах МС МО Смольнинское.

(Н.Ю.: очевидно, федеральная налоговая инспекция – это проходной двор, если туда могут свободно зайти Ранков и Мейксин, чтобы сличать оттиски печати на поданных документах. Печать была не поддельная, а новая. Мы специально сделали, чтобы она заметно отличалась от старой печати, чтобы все видели, что она другая).

В целях пресечения противоправных деяний со стороны депутатов МС МО Смольнинское Смольнинским районным судом Санкт-Петербурга применены меры предварительной защиты в виде приостановления действия незаконных решений МС МО Смольнинское.

(Н.Ю.: опять таки, Мейксин врет и вводит Следственный комитет в заблуждение. Все решения, поданные в налоговую инспекцию, были действующими, не отмененными и не приостановленными судом).

Однако требования судебных органов депутатом МС МО Смольнинское Е. Ю.Мишкинис не исполняются и умышленно игнорируются.

Кроме того, количество оспариваемых решений свидетельствует о наличии реальной угрозы стабильности муниципальной власти на территории МС МО Смольнинское, препятствующей эффективному осуществлению возложенных на них конституци-

онных функций, а также свидетельствует об угрозе хищения денежных средств и муниципального имущества со стороны неустановленной группы лиц.

Негативная обстановка, сложившаяся на территории МС МО Смольнинское не позволяет в полной мере осуществлять взаимодействие по вопросам, находящимся в компетенции администрации и органов местного самоуправления.

По имеющейся информации, целью внесения изменений в учредительные документы является отказ от исковых требований от имени МС МО Смольнинское в части оспаривания незаконных решений МС МО Смольнинское (Н.Ю.: вдумайтесь в этот абзац, по мнению Мейксина, совет принимает решения, потом считает их незаконными, поэтому совет подает иски на совет с целью отмены решений совета, а потом вносит изменения в учредительные документы, чтобы отозвать иски совета против совета), что в свою очередь приведет к подрыву нравственных устоев муниципальной власти в Санкт-Петербурге (Н.Ю.: Мейксин так никогда и не объяснил, что такое нравственные устои муниципальной власти).

В целях предотвращения негативных последствий Главой муниципального образования Смольнинское, исполняющим полномочия Председателя Муниципального Совета Г. М.Ранковым, неоднократно направлялись письма о нарушении Устава муниципального образования муниципальный округ Смольнинское и действующего законодательства в правоохранительные органы.

Например, в 76 отделе полиции УМВД России по Центральному району Санкт-Петербурга принято заявление от главы муниципального образования Смольнинское, исполняющего полномочия Председателя Муниципального Совета Г. М.Ранкова, о проверке подлинности печати МС МО Смольнинское (КУСП-6647).

Совокупность действий со стороны не установленной группы лиц, по нашему мнению, содержат признаки уголовных деяний, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом Российской Федерации, а также могут в конечном итоге

привести к росту социальной напряженности, дискредитирующей деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления.

На основании изложенного, просим провести проверку фактов, изложенных в настоящем обращении и в случае их подтверждения привлечь виновных лиц к ответственности, предусмотренной действующим законодательством.

С уважением,

Глава администрации Центрального района Санкт-Петербурга М. С.Мейксин (подпись)».

Это важный документ с политической точки зрения. Не каждый день глава района лично писал заявление в Следственный комитет. Только в исключительных случаях. Глава района сообщил руководителю следствия, кого из участников конфликта государственная власть считала правым, а кого виноватым.

Следственный комитет начал проверку по статье 170.1 УК РФ (Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц). По этой статье «организованной группе лиц», которой депутаты, с точки зрения Мейксина, безусловно были, грозило до 7 лет тюрьмы.

Кроме того, полиция возбудила уголовное дело по заявлению Ранкова, который требовал наказания по двум статьям Уголовного кодекса. Одна из них предусматривала лишение свободы до 2 лет, вторая – до 4 месяцев.

Итого, «организованной группе лиц» грозило сразу три уголовных дела. В первую очередь, в опасности была депутат Мишкинис, как лидер коалиции.

Для наших оппонентов важно было не допустить внесения изменений в ЕГРЮЛ и уголовные дела были отчаянной попыткой это предотвратить. Документы Мишкинис были изъяты из налоговой в качестве вещественных доказательств.

Мы посоветовались с юристами и адвокатами. Если рассматривать ситуацию с точки зрения закона, перспектив у уголовных дел не было. Но существовал риск, что на закон забьют и след-

стве будет политически мотивированным. К тому времени Навальный два месяца сидел в тюрьме, потому что, по официальной версии, «украл весь лес и всю почту», а на самом деле за то, что занимался оппозиционной деятельностью. Учитывая правовые аномалии, с которыми мы в Смольнинском уже столкнулись, риск негативного развития событий был не нулевой.

На Мишкинис начали давить.

Сотрудники 76-го отделения полиции проявили небывалую активность. Участковый Крылов обрывал телефон Мишкинис, уговаривал встретиться. Он готов был приехать хоть на край света, чтобы пообщаться.

Надо помнить, что муниципальный депутат — это волонтерская должность. Все депутатские приключения проходят в свободное от основной работы время. Мишкинис была на работе, но не могла сосредоточиться из-за настойчивых звонков полиции.

Против Мишкинис была организована медийная кампания. В государственных сми и телеграмм-каналах рассказывали, как быстро Мишкинис посадят в тюрьму, и делали предположения, что Мишкинис — обладательница литовской фамилии (по мужу) — «уже наверняка сбежала в Литву».

Мы были на связи. Депутат Кузнецова посоветовала Мишкинис очистить квартиру от компьютеров, телефонов. Спрятать их у знакомых. В ходе обыска вся техника обычно изымается и, чтобы ее вернуть, может понадобиться около года.

Мишкинис сохранила самообладание и все делала правильно: она обзавелась адвокатом, подготовилась к обыску, предупредила членов семьи — мужа и сына, что скоро могут прийти гости.

Полиция нагрязнула в квартиру семьи Мишкинис вечером, когда на улице было темно. Кроме того, по телефону с ней побеседовал и.о.начальника 76-го отдела полиции Шамхалов. Мишкинис дали понять, что «такая оперативность неспроста и у всего есть причины».

Поскольку лучшая защита от преследования со стороны власти — это публичность, депутат Мишкинис сделала публичное

заявление, где подробно описала свои действия, подчеркнула, что строго соблюдала закон, ничего не нарушала, исполняла волю муниципального совета, действовала в интересах жителей муниципалитета.

«Всю эту ситуацию я расцениваю как давление на меня и на весь муниципальный совет из-за нашей профессиональной деятельности! Осуществляются помехи нашим законным действиям, происходит вмешательство в работу органа муниципальной власти!» – закончила свое выступление депутат Мишкинис.

Следственный комитет помимо депутата Мишкинис допросил двух соучастников: депутата Балтрукова и меня. Мы вместе ходили по нотариусам и «склоняли их к совершению противоправных действий», надо было четко донести до следствия нашу позицию.

Я рассказал под протокол, что заседание было созвано в соответствии с Уставом и регламентом, присутствовали 12 депутатов из 20, достаточно для кворума. Были изготовлены бюллетени, Мишкинис была избрана и.о. главы муниципалитета тайным голосованием, получив одиннадцать голосов. Решение по печати тоже относилось к нашим полномочиям и принято большинством голосов. Все действия депутатов полностью соответствовали закону, Уставу и регламенту.

Мои показания и показания депутата Балтрукова совпадали. Показания депутата Мишкинис были более развернуты, она (вместе с адвокатом) обосновала каждую фразу, ссылаясь на официальные документы.

Через несколько месяцев следствие пришло к выводу, что депутаты сделали все законно. Никто никаких преступлений не совершал. Уголовные дела закрыли.

Но документы были изъяты из налоговой. Зарегистрировать Мишкинис в качестве и.о. главы муниципалитета не удалось.

НА КРЫЛЬЦЕ

Двери муниципалитета закрылись окончательно.

Депутатов не пускали в здание ни под какими предлогами. Колб и Ранков заперлись изнутри. Среда (день заседаний муниципального совета) стала нерабочим днем, сотрудников отпускали по домам, переводили на удаленку. В здании объявлялся карантин и санитарная обработка. Дезинфекция помещений совпадала по времени с заседанием муниципального совета (и не проводилась).

Фактически «Единая Россия» совершила уставный переворот. Как иначе назвать ситуацию, когда исполнительная власть не признает результаты выборов и пытается саботировать работу парламента, чиня не только юридические, но и физические препятствия?

Мы, конечно, писали жалобы в прокуратуру и правоохранительные органы, но эти службы работали на стороне «Единой России». В одной связке.

Депутаты планировали делать свою работу в любых условиях. Нас задерживала полиция, на совет было организовано нападение проплаченных байкеров, опека угрожала отнять у меня детей, над депутатом Мишкинис висели три уголовных дела. Оппоненты организовали нам кучу приключений. Поэтому маленькие бытовые трудности никого не смущали.

Если единственное место в городе, где депутаты могут провести заседание — это крыльцо, то мы будем заседать на крыльце!

Заседания на крыльце превратились в городскую легенду. Мы показывали, что не намерены сдаваться и будем до конца исполнять обязанности депутатов, которые возложили на нас избиратели.

15 марта 2021 года, по счастливой случайности, нам удалось провести заседание в здании муниципалитета в последний раз. После этого ни разу в здание муниципалитета – нашего собственного муниципалитета – депутатам попасть не удалось. С того момента в общей сложности муниципальный совет Смольнинское провел на крыльце 32 заседания.

Депутаты приходили в установленное регламентом время, дежурно звонили в звонок, стучали в дверь, стучали в окна. Трансляцию каждого заседания потом демонстрировали в судах, поэтому мы под видеозапись звонили Ранкову и руководителю аппарата Заичкиной, которые, согласно Уставу, были ответственны за организацию заседаний. Они не отвечали на звонки. Дверь не открывалась.

Один раз депутату Киселевой удалось поговорить с вахтером по домофону. Вахтер сказала, что она внутри совершенно одна и ей не разрешили никого пускать.

После совершения всех дежурных процедур депутаты открывали заседание и приступали к работе.

Все тридцать два заседания на крыльце проводились в правомочном составе, присутствовало достаточно депутатов для наличия кворума. Иногда заседания созывал Ранков (но появился около крыльца только один раз – это эпатазирующее явление главы народу я опишу ниже), но большая часть заседаний созывалась по инициативе депутатов. Такая возможность была предусмотрена в регламенте.

Процедура была нудная, многоступенчатая и предполагала огромное количество переписки, но мы исполняли ее до последней запятой. В отличие от Ранкова, на нашей стороне не было местной прокуратуры и судьи Осиповой. Любая процедурная ошибка могла быть причиной для признания заседания и принятых на нем решений незаконными. Нам важно было соблюдать Устав и регламент.

Участвовали в заседании только члены коалиции. На три

из 32 заседаний приходила депутат Бархатова, но не регистрировалась, а стояла в сторонке рядом со Смоляком, наблюдая, как мы, ее коллеги, исполняем свои обязанности.

В любом случае, Бархатову надо похвалить. Она, в отличие от единокороссов, хоть изредка, но появлялась. Остальные потеряли интерес к депутатской работе.

Единокороссы не умели работать в оппозиции. Мы стали забывать, как выглядят депутаты Антонович, Важенин, Гудков, Шавлов, Хрщонович и Фадеева. Депутат Воронина настолько пропала с радаров, что почти на каждом заседании во время подведения кворума и оглашения фамилий отсутствующих мы с первого раза не могли правильно вспомнить ее фамилию. Я до сих пор путаюсь, Воронова она или Воронина – приходится рыться в бумагах, чтобы найти список депутатов и убедиться, что она все-таки Воронина.

Эти люди много обещали избирателям: бороться и работать, а в итоге, потеряли интерес через год после выборов. Четыре года до конца полномочий они не исполняли депутатских обязанностей. Пропали, испарились, забыли предвыборные обещания.

У Смольнинского был должок перед Законодательным собранием. Депутаты ЗакСа напринимали большое количество законов, касающихся муниципалитетов. Устав Смольнинского уже не соответствовал новым законам. На одном из заседаний, стоя на крыльце, я зачитал предложение Контрольно-счетной комиссии.

– Контрольно-счетная комиссия подготовила проект изменений в Устав, – сказал я, – Эти изменения приводят Устав в соответствие новым законам. Для этого нужно 14 депутатов. Ждем 14 депутатов. Стыдно! Два года не меняли Устав!

– Помогите нам! Нужны два депутата, чтобы привести Устав в соответствие закону, – обратилась Мишкинис к депутатам-прогульщикам, глядя в видеокамеру, – Вы не хотите голосовать за главу, но придите исполните хотя бы ваши базовые обязанности.

Несколько отсутствующих депутатов смотрели трансляцию. Но на следующее заседание не пришли.

Заседания на крыльце плохо действовали на Ранкова. Он смотрел каждую трансляцию и, видимо, наше нежелание сдаваться отражалось на состоянии его кукухи.

5 мая 2021 года шел дождь, депутаты и зрители пришли на крыльцо, кворум имелся, но поскольку все не умещались под навесом, решили подождать, пока дождь ослабнет. Пять депутатов остались на крыльце под навесом, остальные спрятались от дождя в своих автомобилях, припаркованных рядом.

Ровно в 19–00 напротив крыльца резко затормозил черный тонированный фургон. Распахнулась боковая дверь, оттуда высунулось небритое лицо Ранкова:

– Раз, два, три, четыре, пять! – быстро проорал он, – Кворума нет!

Водитель дал по газам, Ранков на ходу захлопнул дверь и скрылся. Сцена заняла секунд пять. Все-таки алкоголь не лечит душевные переживания, он их усиливает и толкает людей на глупые поступки.

Пока мы проводили заседание совета, Ранков названивал журналистам, чтобы сообщить, что он исполняет свои обязанности, приходит на заседание, но депутаты не могут собрать кворум, например, сегодня он насчитал только пять из необходимых для кворума десяти и поэтому не смог провести заседание.

В следующий раз, прежде чем начать заседание, пришлось уговорить покинуть крыльцо компанию неопрятных граждан, которые распивали на крыльце спиртные напитки и грязно матерились. Они ушли только после угрозы вызова полиции. На байкеров денег уже не было, наняли бомжей.

На следующем заседании вход на крыльцо был закрыт красной лентой. За час до нашего прихода крыльцо покрасили зеленой краской и огородили. Это, конечно, не могло помешать депутатам, но нужно было не прислониться к перилам и не запачкаться краской.

Мелко действуете, Григорий Михайлович! Красная ленточка нас не остановила. Под ней можно пролезть или перешагнуть, но мы были склонны к торжественности.

Депутаты и местные жители обступили крыльцо. Депутат Кузнецова подала председателю Мишкинис ножницы. Под аплодисменты присутствующих состоялось торжественное перерезание красной ленточки.

– Программа «Открытый муниципалитет»! – крикнул я.

– Ура!!! – подхватили присутствующие.

Председатель Мишкинис передала мне на память кусочек красной ленты.

– Всех прошу заходить на крыльцо! – пригласила председатель, – Кто будет кошкой?

Есть традиция, согласно которой, первой запускают кошку. Депутат Киселева стала кошкой и поднялась по ступеням.

Интересно, что весь ремонт заключался в нанесении на перила толстого слоя краски. Само крыльцо выглядело ужасно: гранитная облицовка отваливалась. (Позже я больше года переписывался с надзорными органами, чтобы заставить крепких хозяйственников Колба и Королева привести в порядок крыльцо муниципалитета).

После завершения заседания депутаты привязали ленточку обратно. Депутат Шпринг пошутила, что, наверняка, на эту ленту потрачено из бюджета очень много денег.

– Ждем уголовное дело на меня о порче ленточки! – пошутила председатель Мишкинис.

Заседания депутатов Смольнинского на крыльце стали визитной карточкой, политическим феноменом и одновременно позором Санкт-Петербурга. Единороссы и полковник ФСБ не пускали в здание законно избранный парламент. Депутаты были вынуждены работать на улице. Это, конечно, диагноз политической системе, сложившейся в Санкт-Петербурге. И в стране.

После одного из таких заседаний мы с депутатом Балтруковым пили малиновый пунш в соседнем кафе. Я признался, что считаю заседания на крыльце не такими уж ужасными: мы при-

нимали решения, городские службы на них реагировали, дождь, снег, жара и мороз на практике не мешали депутатам работать.

В ответ депутат Балтруков сказал, что недавно был в Греции и сфотографировал в Афинах то самое место, где древние греки собирались, чтобы обсудить и решить проблемы общины.

– В этом самом месте зародилась греческая демократия, – сказал депутат Балтруков, – Само понятие демократии.

Балтруков достал смартфон и показал фотографию. Я улыбнулся. Древние греки собирались на каменном крыльце.

СОВЕТ РАБОТАЕТ

Борьба за власть в Смольнинском была интересной, привлекала внимание, о ней много писали.

В ходе заседаний половину времени приходилось уделять судебным тяжбам. Ранков и Колб тратили муниципальные деньги на оплату юристов, боровшихся против депутатов в судах. Мы не хотели без боя отдать округ на разграбление единокороссам, поэтому на каждом заседании совета приходилось выдавать очередную доверенность или утверждать юридическую позицию совета в очередной суд, или заново голосовать за решения, которые судья Осипова приостановила за день до этого. Юридические вопросы отнимали много сил и времени (особенно у депутата Балтрукова, который взвалил на себя судебную защиту совета в судах).

Вторую (самую ценную) половину времени совет тратил на работу по обращениям жителей. Избиратели воспринимали депутатов как своих представителей не только по вопросам местного значения, но вообще по всем возможным вопросам. К нам обращались с различными проблемами и мы старались помочь.

Команда Ранкова проиграла выборы, в том числе потому, что на большинство просьб отвечала жителям: спасибо за обращение, но это не наши полномочия, желаем всего хорошего. Они не пытались помочь в решении проблемы, если она не относилась напрямую к вопросам местного значения, прописанным в законе. Ни один из депутатов его команды не смог переизбраться.

Мы – всегда старались помочь. Либо депутаты по отдельности писали депутатские запросы в органы, которые могли решить проблему. Либо, если проблема носила системный характер, выносили на заседание совета и направляли запрос,

придав ему более весомый статус — от имени всего муниципалитета.

Эта часть работы была намного важнее, чем судебные тяжбы, организованные Ранковым.

Депутаты получали жалобы на плохо закрепленные светофоры. Проблема была по четырем адресам. Жители обращались в городские службы, светофоры поправляли, но не закрепляли должным образом, и они снова накренились.

Все четыре проблемных адреса находились около школ. Плохо, если бы светофор упал на взрослого человека, но еще хуже, если бы светофор упал на ребенка. Совет направил депутатский запрос в городские службы с требованием срочно закрепить светофоры. Проблема была решена через несколько дней.

Рядом со школой №167 автомобили парковались вторым рядом. Марина Шпринг в ходе депутатской инспекции обнаружила десять таких автомобилей, которые создавали угрозу. Если школьники хотели перейти дорогу, водитель движущегося автомобиля просто их не видел. Кроме того, жители близлежащих домов жаловались, что нарушители парковки перегораживали выезд из дворов, и требовали от депутатов Смольнинского решить проблему.

У муниципалитета не было нужных полномочий, но депутаты нашли способ отреагировать на запрос жителей. В ходе голосования мы утвердили запрос от имени муниципального совета в ГИБДД. Мы потребовали включить школу №167 в маршрут патрулирования и установить комплекс для фотофиксации нарушений парковки. ГИБДД отреагировала на запрос и организовала патрулирование на этом участке.

На 4-й Советской улице власти города угрожали снести балконы. Проблема была системной. В городе произошло несколько случаев обрушения балконов. Вместо ремонта, власти решили просто от них избавиться.

На 3-й Советской балконы уже снесли. Собрание собственников жилья не проводилось, никаких документов о согласовании КГА и КГИОП не было (а оно требовалось, потому что речь шла об исторических зданиях). Просто в один прекрасный день приходили рабочие, и кирками и болгарками сносили балкон.

Жители обратились к депутатам с просьбой направить депутатский запрос. Большинство голосов совет утвердил проект, подготовленный депутатом Кузнецовой. Жалобы на незаконный снос балконов направили в прокуратуру, Жилищный комитет, КГА, КГИОП и администрацию Центрального района. Мы были уверены, что спил балконов на 3-ей и 4-ой Советской – это не последний случай. Надо было шевелить городских чиновников, чтобы решали проблему, находящуюся в их непосредственной зоне ответственности.

Балконы на исторических зданиях нужно ремонтировать, а не сносить.

Одной из болевых точек муниципалитета были Аракчеевские казармы. Бизнес-структуры хотели застроить эту территорию. Местные жители несколько лет боролись за сохранение казарм, в том числе в судах. Екатерина Кузнецова была одним из лидеров этой борьбы, задолго до того как стала депутатом.

Застройщику запретили сносить два одноэтажных корпуса, которые выходят на Кавалергардскую и Ставропольскую улицы. Проект стал финансово неинтересным. Участок продавался несколько лет и, в итоге, отошел бизнес-структурам, связанным с депутатом Законодательного собрания Рассудовым (КПРФ). И как-то так получилось, что Законодательное собрание Санкт-Петербурга специально ради этого участка изменило 820-й закон.

Раньше в законе было требование: если по краям участка есть исторические здания, новая застройка внутри участка должна быть не видна с улицы. Законодательное собрание внесло исключение, что такое правило не должно применяться, если по краям участка стоят одноэтажные корпуса. Аракчеевские ка-

зармы были единственным таким местом в Санкт-Петербурге. Стройка депутата Рассудова стала абсолютно законной.

По периметру участка стояли одноэтажные Аракчеевские казармы, а на заднем плане планировалось возвести пять зданий высотой двадцать семь метров. Памятник архитектуры девятнадцатого века был бы потерян. Сам процесс строительства мог негативно отразиться на состоянии соседних жилых домов – грунты в Санкт-Петербурге сложные и, как правило, выкопка котлована под новое строительство, забивание в почву свай заканчивалось появлением трещин на соседних зданиях.

Жители обратились в муниципальный совет с просьбой воспрепятствовать застройке. Таких полномочий у нас, конечно, не было, но мы считали важным сформулировать и заявить позицию совета. В конце концов, жители муниципалитета выбрали нас в качестве своих представителей.

Я подготовил проект решения. Муниципальный совет проголосовал и направил губернатору письмо с требованием защитить Аракчеевские казармы и весь центр города от уплотнительной застройки.

У муниципального совета было право направить проект закона Санкт-Петербурга в городской парламент. Депутат Балтруков подготовил законодательную инициативу о шлагбаумах.

Балтруков предложил внести изменение в закон Санкт-Петербурга о местном самоуправлении, чтобы добавить всем муниципалитетам «полномочия по согласованию установки устройств по ограничению въезда на придомовую территорию». Иными словами, чтобы муниципалитеты, ответственные за содержание дворов, были ответственны также за согласование шлагбаумов на въезде в эти дворы.

В Центральном районе после введения платной парковки на улицах, посторонние автомобили заполнили дворы. Шлагбаумы могли решить эту проблему. Эта замечательная инициатива была единогласно принята советом, но не попала на рассмотрение Законодательного собрания из-за противодействия Ранкова.

Меня интересовали детские площадки, улучшение которых я сделал одним из пунктов предвыборной программы. Помимо плохого состояния игрового оборудования, была еще проблема с освещением. Зимой в Санкт-Петербурге рано темнеет. Я бы даже задался вопросом, бывает ли в Санкт-Петербурге зимой светло?

Непосредственно на детских площадках фонарей, в большинстве случаев, не было. Дети играли в потемках, освещаемые светом от фонарей, расположенных в стороне, у парадных или вдоль улицы. Такого света недостаточно. Поэтому я начал кампанию за освещение детских площадок муниципалитета. (Для протокола отмечу, что я требовал освещения детских площадок, а не освящения).

Установка наружного освещения детских площадок (и спортивных тоже) входила в перечень вопросов местного значения, обязательных для исполнения администрацией муниципалитета. Я требовал от Колба установить фонари.

Казалось бы, хорошее дело! Но инициатива исходила от противного депутата Юферева, поэтому Колб всячески сопротивлялся. Он даже не постеснялся написать официальное письмо, в котором категорически отказался разместить фонари на детской площадке на Таврической улице, сославшись на отсутствие полномочий.

Полномочия у Колба были, они прописаны в законе Санкт-Петербурга. Но, как я уже писал, Колб был опытным юристом с довольно оригинальным подходом к законодательству: Колб игнорировал закон, который ему не нравился.

Я попросил поддержки у коллег. Муниципальный совет проголосовал и потребовал от прокуратуры заставить Колба поставить детям фонари.

Прокуратура была очень увлечена борьбой против депутатов Смольнинского и ничего не сделала. Колб и прокуроры оставили детей без нормального освещения.

Депутат Шпринг любила гулять по залитым водой подвалам и разрушенным чердакам. Ей удалось увлечь этим депутата

Балтрукова. Вдвоем они реагировали на жалобы жителей о некачественном капитальном ремонте или его отсутствии. Некоторые вопросы не удавалось решать в частном порядке, путем встреч и обращений к ответственным чиновникам. Такие сложные темы выносили на обсуждение муниципального совета.

Например, на Херсонской улице располагался объект культурного наследия Доходный дом М. П. Шадрина. Жители дома столкнулись с очень плохим «ремонтом» крыши, проведенным 8 лет назад. В верхних жилых комнатах были сильные протечки, потолок набух и был готов обрушиться в любой момент.

Депутаты Шпринг и Балтруков залезли на чердак и обнаружили, что «отремонтированная» кровля находится в аварийном состоянии. Все было сырым, в плесени, деревянные элементы кровли покрыты грибком и местами сгнили в труху. Фактически, у людей не было крыши. Вода текла в жилые помещения. Прогнившие конструкции могли рухнуть в любой момент, представляли опасность для жителей. Капитальный ремонт был запланирован только через 8 лет. Здание бы столько не протянуло.

Муниципальный совет потребовал от служб, ответственных за капитальный ремонт и сохранение архитектурно-культурного наследия, срочно провести ремонт.

Жилищно-коммунальные проблемы возглавляли топ жалоб, которые поступали депутатам. Состояние жилищного фонда в центре, если это не элитная недвижимость, было удручающим. Ужасное недофинансирование!

Например, жители дома на Синопской улице обратились к депутатам с просьбой помочь и направить депутатский запрос в службы, ответственные за капитальный ремонт зданий. Более года назад была проведена экспертиза, которая выявила аварийность состояния несущего перекрытия, прогнившие деревянные лаги.

Квартира была коммунальной. С 1946 года в двух комнатах проживал ветеран труда. Хозяйка еще одной комнаты с дочерью инвалидом не могли использовать комнату для проживания из-

за аварийного состояния. Жители дома более двенадцати лет добивались проведения капитального ремонта.

Депутаты Шпринг и Мишкинис ходили в высокие кабинеты, где требовали начать ремонт. Чиновники обещали предпринять меры. Но спустя год ничего сделано не было. Жители дома продолжали жить с аварийными перекрытиями.

Все ответственные службы, видимо, ждали, когда в доме произойдет обрушение. Муниципальный совет направил официальный запрос во все контролирующие и исполнительные органы с требованием выполнить свои функции и отремонтировать, наконец, перекрытия.

В муниципалитете появилась платная парковка. В отдельных местах были поставлены знаки, под которыми предполагалась бесплатная парковка для инвалидов. В первую же зиму коммунальные службы начали сваливать туда снег. Чистили места для платной парковки и складывали огромные сугробы на парковки для инвалидов.

Инвалиды были вынуждены парковаться на платных местах и потом получали штраф. Около трех тысяч рублей — существенная сумма для людей, которые, зачастую, не могли работать.

Депутат Балтруков подготовил проект решения. Муниципальный совет утвердил депутатский запрос в правительство Санкт-Петербурга с требованием освободить места для инвалидов от сугробов. Если городское правительство не в состоянии справиться с сугробами, муниципальный совет предложил разрешить инвалидам парковаться на любом свободном месте бесплатно.

Наверное, нет нужды перечислять все проблемы, в решении которых принимали участие депутаты и муниципальный совет, заседающий на крыльце. Конечно, грызня с единокороссами привлекала внимание и этим наш совет стал известен далеко за пределами муниципалитета. Но важно отметить: несмотря на противодействие прокуратуры, судов и единокороссов, депута-

ты помнили о своей ответственности перед избирателями и продолжали работать над улучшением жизни в муниципалитете.

Депутатам коалиции важно было не оставлять жителей муниципалитета без бюджета. После бюджетной реформы, чтобы претендовать на субсидии от правительства Санкт-Петербурга, нужно было выполнить два важных условия: 1) принять бюджет 2) принять его вовремя — до начала финансового года.

Бюджет 2022 разработала администрация Смольнинского и внесла на рассмотрение муниципального совета. Колб, надо отметить, ответственно относился к срокам внесения бюджета. Ранков как глава муниципалитета обязан был разослать депутатам проект бюджета.

Ранков его разослал, но при этом не удержался и мелко нагадил. Депутаты получили бюджет по почте, отскерокопированный на самом плохом принтере, который нашли в муниципалитете, с полосами и разводами. Стопка бумаги была увесистая. На каждой странице, размером А4, Ранков напечатал сразу четыре страницы бюджета. Шрифт был настолько мелкий, что депутаты не могли разобрать, какой объем финансирования и на какие цели планируется выделить при принятии бюджета. Буквы и цифры сливались, мы не могли прочитать бюджет даже с использованием лупы.

Говорят, масштаб поступков определяет масштаб личности. Личность у Ранкова была как бумажки с бюджетом, которые он прислал: мелкая, неразборчивая и расплывчатая.

— Маленькая гадость, а им радость! — сказал депутат Чеботарь.

Чтобы понять, за что голосовать, пришлось обратиться к компьютерным специалистам, которые расшифровали присланный Ранковым бюджет и оформили его в читаемом виде.

Сначала проект бюджета рассматривала Планово-бюджетная комиссия под председательством депутата Захарова. Комиссия единогласно рекомендовала совету принять бюджет в первом чтении, несмотря на дефицит. Субсидия была очень нужна

Смольнинскому. Бюджет в первом чтении был утвержден одиннадцатую голосами.

Председатель Мишкинис официально передала Ранкову решение муниципального совета об утверждении бюджета, протокол заседания и лист регистрации депутатов и жителей, присутствующих на заседании. Ранков обязан был подписать и опубликовать бюджет, чтобы жители муниципалитета ознакомились с бюджетом и смогли высказать свое мнение в ходе публичных слушаний. Закон был категоричен: глава ОБЯЗАН подписать и опубликовать. Права вето у Ранкова не было.

Ранков не подписал бюджет, ничего не опубликовал, тем самым сорвал принятие бюджета на 2022 год, оставив муниципалитет без городских субсидий.

Пока первое чтение бюджета не было подписано, депутаты по закону не имели права проводить второе и третье чтение.

Напомню, депутаты уже принимали бюджеты на 2020 и 2021 годы. Эти решения слетели в суде. Единственной причиной, по которой бюджеты не устояли в суде, было то, что на них отсутствовала подпись Ранкова. Он не подписывал бюджет, а потом шел в суд и требовал отменить бюджет, поскольку там нет его подписи. Затем Ранков шел к журналистам и начал врать, что плохие депутаты не приняли бюджет, оставили жителей Смольнинского без нормального благоустройства и поставили под риск закрытия детские праздники и кружки.

Ранков поступал так каждый год. Находились люди, которые верили этому проходимцу.

ВЗРЫВ

Это был первый ковид в нашей семье. Татьяна Сергеевна переболела быстро. Хотя ее тесты все еще были положительны, она свободно перемещалась по квартире, готовила, занималась детьми и заваривала мне травяной чай. Она в целом чувствовала себя выздоравливающей.

Со мной было сложнее. Несколько дней я лежал пластом. Подняться с кровати не было ни сил, ни желания. В один день температура резко пошла вверх. Разболелась голова. Жаропонижающие и обезболивающие лекарства перестали действовать. Было очень холодно, я не мог согреться. Каждые полчаса температура росла на один градус.

Татьяна Сергеевна, вся в слезах, начала собирать вещи, которые пригодятся мне в больнице. Когда у меня начались провалы в сознании, она положила руку мне на плечо и сказала: «Похоже, тебе все же придется поехать в больницу». Помню, я увидел, как она потянулась за телефоном, чтобы вызвать скорую помощь.

В этот момент случилось странное.

Я резко вспотел. Одежда, подушка, кровать – все стало мокрым. Я поднялся с кровати, чтобы переодеться. Потом дошел до компьютера. Лаврентий показал мне новую постройку в Майнкрафте, которой давно пытался похвастаться, но у меня не хватало сил посмотреть. На полу Коля собирал замок из кубиков. Я оценил архитектурную задумку и внес некоторые улучшения. Видимо, мой организм был так сильно напуган историей о том, что происходит с людьми в ковидных больницах, что при одной мысли об этом он решил выздороветь.

С каждым днем становилось все лучше и скоро я вспомнил, что я депутат, и было бы неплохо залезть в депутатский чат, чтобы почитать новости и разобраться, что вообще происходит

в Смольнинском. Я полностью выпал из муниципальной повестки на несколько дней.

Оказалось, что 4 августа 2021 года должно состояться заседание муниципального совета. По средам, как по расписанию, депутаты коалиции выползали из своих квартир и шли в сторону муниципалитета, чтобы обсуждать, голосовать и принимать решения в интересах избирателей. Это заседание я пропустил (а выходить из дома мне разрешили только через две недели, когда пришли отрицательные результаты теста).

Обычно я много времени тратил на подготовку к заседанию. Готовил свои проекты решений. Внимательно изучал проекты, внесенные моими коллегами, соответствуют ли они регламенту, Уставу и федеральному закону о местном самоуправлении — это мои прямые обязанности как председателя Контрольно-счетной комиссии. В тот день у меня не было представления даже о том, какие вопросы внесены в повестку дня.

Я открыл депутатский чат, чтобы посмотреть, закончилось ли заседание. Первым сообщением, которое я увидел, был вопрос, отправленный одним из депутатов: «Коллеги, а вам не кажется, что это уже слишком?». «Да вообще пиздец» — написал в ответ другой депутат.

Что случилось? Никто из депутатов не отвечал на мои сообщения. Я разволновался. Мы видели много всяких провокаций со стороны оппонентов. Кто знал, как далеко они готовы зайти. Я пытался дозвониться хоть кому-то из депутатов, но безрезультатно. Волнение нарастало.

Наконец, мне пришло сообщение: «Нас взорвали, все живы».

Я начал вспоминать, где посмотреть интернет-трансляцию.

4 августа 2021 года депутаты Смольнинского собрались на заседание. По традиции — на крыльце. Мы настолько наловчились работать в полевых условиях, что сейчас я уже не представляю себе, каково это — часами сидеть в душном кабинете и спорить об очередной поправке в Положение о чем-нибудь

очень важном и муниципальном. Заседания на крыльце, особенно в дождь или в мороз, проходили бодро. В тот день дверь муниципалитета, как обычно, была забаррикадирована изнутри.

В 19:18 депутат Мишкинис открыла заседание приветственным словом. Присутствовало десять депутатов (Мишкинис, Балтруков, Чеботарь, Кузнецова, Серая, Безумов, Киселева, Полуйков, Палюга, Захаров) кворум для принятия легитимных решений имелся. Восемь провластных депутатов традиционно проигнорировали заседание – на тот момент они не исполняли депутатские обязанности уже 1,5 года и мы начали забывать, как они выглядят.

Единственным представителем наших политических оппонентов был помощник депутата Бархатовой – Павел Смоляк. Все заседание он держал телефон у уха и что-то передавал абоненту на другом конце. Это обычная практика: через Смоляка и видеотрансляцию наши оппоненты внимательно следили за тем, чем занимаются депутаты.

Из членов коалиции не было меня и депутата Марины Шпринг.

В связи с тем, что Ранков, который обязан председательствовать на заседании, не явился, нужно было выбрать председателя. Депутаты единогласно проголосовали за Елену Мишкинис.

Начали обсуждать повестку дня.

Ранков пытался заполучить себе надбавку к зарплате и на каждое заседание вносил вопрос о присвоении себе нового классного чина (это позволило бы ему получать дополнительные 10% от оклада). Но поскольку мы решили, что никто из нас не будет получать зарплату, в том числе Ранков, то принятие решения о надбавке не имело смысла. К тому же Ранков не явился на заседание, чтобы обосновать свое требование. Депутаты проголосовали, чтобы не рассматривать этот вопрос, пока сам Ранков не придет на совет и не сделает доклад на эту тему.

Далее депутат Балтруков предложил два проекта для включения в повестку дня.

В этот момент из-под решетки, на которой стояли депутат Палюга и депутат Захаров, повалил красный дым. Балтруков замолк, коллеги начали спрашивать что происходит.

— Мы не горим, все в порядке! — сказал депутат Палюга, — Заседание со спецэффектами!

Дым валил все сильнее и гуще, заволок крыльцо, депутаты оказались полностью в дыму.

— Давайте вызовем пожарных! — предложила депутат Кузнецова.

Смоляк ухмылялся и снимал происходящее на телефон. Депутаты стали покидать крыльцо и отходить подальше, чтобы не дышать едким дымом. Председатель Мишкинис вела трансляцию и обратилась к жителям округа с предложением посмотреть, какими методами ведется политическая борьба в Смольнинском и как народных представителей «пытаются выкурить».

Трансляцию снимал депутат Безумов, он отлично разобрался в технике и снятые им трансляции были высокого качества. Все произошедшее было записано на видео.

Когда дым рассеялся, депутаты подошли к металлической решетке, из-под которой шел дым, чтобы посмотреть, что же стало причиной. Любопытство взяло верх над самосохранением. На мой взгляд, не самое разумное решение: мало ли что могло быть заложено под решетку.

В любом случае, заседание пришлось прервать на некоторое время. Председатель Мишкинис предположила, что устройство было подложено заранее. Депутат Палюга пытался понять, радиоуправляемое оно или просто сработал таймер. Он наклонился над решеткой и хотел руками поднять ее, но раздался громкий голос депутата Кузнецовой:

— Не трогайте! Ни в коем случае не трогайте!

Как оказалось, совет был правильным.

Депутат Полуйков указал на стену здания и сказал:

— Тут есть камера, мы потом сможем посмотреть, кто заложил устройство. Правда, записи наверняка исчезнут.

Депутаты поднялись на крыльцо, чтобы продолжить заседание. Встать у решетки никто не рискнул. Председатель Мишкинис отметила «новый уровень подготовки наших театралов к заседанию».

– Даже спецэффекты появились! – отметила она, – Люди без определенного места жительства у нас уже были, байкеры-налетчики были, краска на перилах была – теперь дымовая шашка.

Депутат Балтруков вернулся к тому, что было прервано – озвучил предложения в повестку дня. Заседание продолжилось. Совет проголосовал «за» предложения Балтрукова.

Повестка была исчерпана и началась самая интересная часть заседания: вопрос «разное». Обычно депутаты или жители брали микрофон и по очереди озвучивали проблемы, которые их беспокоили. Свободный микрофон и политическая трибуна для всех желающих. В тот день первым до микрофона добрался депутат Чеботарь.

– Уважаемые жители Смольнинского! – сказал он, – Каждое заседание наши оппоненты придумывают что-нибудь новое. Елена Мишкинис уже перечислила, какие постановления происходили во время предыдущих...

В этот момент прогремел взрыв.

Кто-то из депутатов вскрикнул. Стало очень тихо. Было слышно, как в небе закричали птицы. А потом – снова тишина.

– Что они выкинут в следующий раз? – раздался голос депутата Чеботаря.

Председатель Мишкинис держалась за ухо.

– Я ничего не слышу, коллеги, – сказала она.

– Меня тоже оглушило, но это пройдет, – успокаивал ее депутат Палюга. Он стоял на крыльце и смотрел, в порядке ли окружающие, – Скоро это пройдет...

Смоляк, стоявший на некотором расстоянии, с ухмылкой передавал происходящее по телефону.

Крови не было. Все оказались живы. Депутаты сошли с крыльца, только Мишкинис и Палюга стояли рядом и не двигались с места. Они оказались ближе всех к месту взрыва и их сильно оглушило.

Взрывное устройство было заложено под металлической решеткой, лежавшей у крыльца. Если бы минеры не рассчитали, будь заряд чуть мощнее или решетка менее прочной и ее разорвало на куски — осколки могли стать поражающими элементами. Физическими последствиями взрыва стало то, что четыре депутата были вынуждены обратиться в больницу с контузиями и пройти дорогостоящее лечение.

Институту муниципальной власти был нанесен огромный вред. Впервые в истории страны муниципальных депутатов взорвали прямо во время заседания. Среди белого дня. В 500 метрах от офиса губернатора и 500 метрах от главного управления полиции Санкт-Петербурга. Это опасный прецедент.

Депутат Балтруков вызвал полицию:

— Сработало взрывное устройство, — сказал он по телефону.

Депутат Кузнецова рассматривала место взрыва:

— Если бы кто-то на этом месте стоял.. — сказала она и не закончила мысль, потому что председатель Мишкинис вышла из оцепенения. Она была в ярости. Микрофон по-прежнему висел у нее в петличке, велась прямая трансляция. Все зрители увидели, как Мишкинис спрыгнула с крыльца и подлетела к Смоляку, который ухмылялся в телефон.

— А ты, толстый мальчик, — прокричала Мишкинис, — Передай своему начальству, что если бы со мной или с моими коллегами что-то случилось...

— Что вы от меня хотите? — спросил Смоляк и попятился.

— Все знают, что ты тут делаешь! Покажи, с кем ты разговариваешь! — Мишкинис потянулась к телефону Смоляка. Он увернулся со словами: «Не хочу вам показывать».

— Все знают, с кем он разговаривает, стоит тут, отчитывается! — сказала председатель Мишкинис и вернулась к депутатам, которые разглядывали крыльцо. — Это уже перебор, я считаю! —

сказала она, осмотрев место взрыва, — Хорошо, что не полезли руками.

— Я же вам правильно сказала: «Все отойдите» — сказала депутат Кузнецова.

— Ой, у нас еще идет трансляция, — обнаружила председатель Мишкинис, — Коллеги, не материтесь! Дмитрий Николаевич, ты вызвал полицию?

— Взрыв произошел, как не вызвать? Конечно вызвал полицию, — ответил депутат Балтруков.

Председатель Мишкинис обратилась к зрителям трансляции: «Это полный беспредел! Правоохранительные органы должны этим заняться. Это преступление. Все мы прекрасно понимаем, что это было направлено против депутатов, которые здесь заседают. Здесь было заранее заложено взрывное устройство. А что дальше нас ждет? По нам стрелять начнут?»

— Коллеги, — обратилась Мишкинис к депутатам, — все живы? Отойдем подальше, вдруг тут еще что-нибудь заложено.

Депутат Елена Мишкинис специально для этой книги написала текст с воспоминаниями о событии:

«Когда случился взрыв, я в первые секунды ничего не поняла, но почувствовала боль и давление в левом ухе (этой стороной стояла к взрыву). Слух возвращался долго. Через несколько секунд я осознала, что произошло, и сразу поняла, что нас намеренно хотели напугать этим взрывом.

Коллеги быстро ушли с крыльца, а мы с депутатом Палюгой еще стояли. Трансляция не прерывалась, у меня был микрофон и я продолжала комментировать все это в прямом эфире. Переглядывая видео, понимаю, что надо было уйти оттуда сразу, но в ту секунду, наверное, был шок. Я осталась стоять на месте и говорила. Я назвала это преднамеренным взрывом и преступлением.

Сразу стало понятно, кто это сделал.

В какой-то момент пришло осознание, что все могло закончиться более серьезно. Я подошла к Смоляку, который, как мне

кажется, мог координировать по телефону, и начала просить его показать, с кем он разговаривает. Он что-то блеял в ответ, лицо у него было испуганное. Возможно, они сами не ожидали, что взрыв будет такой сильный и нас заденет взрывной волной. Хотя, зная этих недолюдей, я не удивлюсь, если бы они обрадовались, что у кого-то из нас был бы ожог или разрыв барабанной перепонки.

Конечно, я была зла и возмущена такой наглостью: в самом центре города у Смольного устроить взрыв, направленный на живых людей. А если бы рядом были дети? Такое не укладывается в голове.

После заседания я была у врача и мне был официально поставлен диагноз: «контузия легкой степени». Врач, который меня смотрел, в свое время оказывал помощь во время боевых действий. Он сказал, что такие последствия от взрывов ему знакомы и нам еще повезло, что обошлось без более тяжелых увечий».

Через несколько дней депутат Безумов раскопал интересные записи в Instagram на странице Ранкова.

19 июля 2021 года Ранков ездил на стрельбы «в Белгородскую область». Видеозапись выложил у себя в Instagram. На ней бородатый Ранков, в черных очках изображает из себя Рэмбо, стреляя из автомата Калашникова. Под видео текст: «Короткой очередью, сразу 12 единиц можно снять, и мандатом не закроешься! АК наше все!».

Напомню, что все проблемы Ранкова начались, когда на выборах выиграли двенадцать непослушных депутатов.

В комментариях под видео отметился сотрудник администрации Смольнинского – Кувайцев.

Он написал: «И где-то обос..ся либерал)))».

«Не успеют, – ответил Ранков, – так будем утилизировать».

Этот милый диалог состоялся за две недели до взрыва.

Когда депутат Безумов опубликовал информацию об этом, Ранков удалил видео с автоматом и комментарии к нему. Но у нас все сохранено.

На место взрыва прибыли оперативные службы – МЧС, полиция и взрывотехники. Крыльцо оцепили. Под решеткой был найден корпус из пластика с проводами и антенной. Из муниципалитета изъяли записи с видеокамер наблюдения.

Что произошло дальше, мы знаем только из средств массовой информации.

По информации журналистов «Фонтанки», полученной от полицейского Центра по борьбе с экстремизмом, в тот же день был задержан завхоз администрации Смольнинского Георгий Складнев. Он сознался, что нажал на кнопку взрывного устройства, которое заложил около полуночи вдвоем со своим помощником. Но самая главная часть его показаний – то, что взрыв он устроил не по своей инициативе, а по просьбе главы Смольнинского Григория Ранкова.

По сведениям «Фонтанки», полученным из Центра Э, Ранков дал Складневу взрывное устройство, попросил заложить, а потом следил за запуском через камеры видеонаблюдения.

В беседе с журналистами Ранков прокомментировал происходящее: «Я от полиции узнал, что произошло задымление на крыльце муниципалитета. В этот момент там что-то делали депутаты. Я полиции предоставил записи с камер видеонаблюдения, мы обратили внимание на то, что группа депутатов стоит на крыльце и смотрит на то место, откуда через несколько секунд начинает валить дым. Со слов сотрудников полиции, была активирована дымовая шашка». На вопрос, с какой целью это делалось, Ранков ответил: «Депутаты МО Смольнинское любят привлечь к себе внимание».

Однако к журналистам попали не только итоги расследования Центра Э, но и видеозаписи с городских камер наблюдения. Они тоже были опубликованы.

На первом видео запечатлен мужчина, внешне неотличимый от Георгия Складнева, идущий ночью по улице. На записи со второй камеры можно увидеть второго мужчину, заходящего в арку. Второй мужчина внешне похож на начальника отдела благоустройства администрации Смольнинского Ивана Кувайцева.

Была опубликована запись с видео-камеры, установленной непосредственно над крыльцом.

Ночью в свете фонаря эти двое подходят с пакетами и поднимают металлическую решетку, лежащую у крыльца. Первый садится на корточки и вынимает что-то из своего пакета. Второй в этот момент стоит, наклонившись, в одной руке он держит решетку, в другой — пакет. Когда первый заканчивает со своим пакетом, второй протягивает ему другой пакет. Первый заканчивает закладку, второй отодвигает его, что-то поправляет и устанавливает металлическую решетку на прежнее место. Мимо проезжает автомобиль.

Они отходят на метр, затем первый вспоминает, что надо сфотографировать. Он достает телефон и фотографирует место установки взрывного устройства. Они уходят из зоны действия камеры, висящей над крыльцом.

К сожалению, качество видеокамеры и освещение не позволяют точно идентифицировать минеров. Но, отследив их маршрут и переход из зоны действия одной камеры в зону действия других, можно установить, куда они направились после того, как заминировали крыльцо, и идентифицировать со стопроцентной уверенностью.

Путь первого минера отследили до адреса ул. Захарьевская, д. 11. На следующий день Складнев был задержан сотрудниками полиции и доставлен на допрос, где дал показания на заказчика взрыва — Григория Ранкова.

4 августа 2021 в 00:17:06 видеокамера №18–4489, расположенная по адресу ул. Кировная, д. 45, зафиксировала, как второй заходит в арку дома ул. Таврическая, дом 2. Следующая видеокамера расположена прямо в арке. На записи мы увидели Кувайцева. По данным телефонного справочника Санкт-Петербурга, телефонный номер на имя И. Ф. Кувайцева установлен по адресу Таврическая улица, дом 2, корпус 39.

Удалось составить полную картину преступления.

В ночь с 3 на 4 августа 2021 примерно в 23:50 — 00:05 Георг-

гий Складнев и Иван Кувайцев по просьбе главы Смольнинского Григория Ранкова подошли к муниципалитету и заложили два радиоуправляемых устройства под металлическую решетку около крыльца. Одно устройство – дымовой факел. Второе – взрывное устройство без поражающих элементов. После этого Складнев и Кувайцев разошлись по домам.

Весь следующий день взрывчатка пролежала на входе в муниципалитет. Вечером 4 августа 2021 года в 19:21, во время заседания муниципального совета, было приведено в действие первое устройство – дымовая шашка с красным едким дымом.

Через 8 минут в 19:29 было приведено в действие второе устройство – на этот раз взрывное. Четыре депутата, оказавшиеся в зоне взрыва, получили поражения органов слуха различной степени тяжести.

Центр Э сам вышел на журналистов. Сотрудникам Центра Э срочно нужна была публикация в популярном городском СМИ, потому что дело имело явную политическую подоплеку и следователи опасались, что их заставят скрывать улики и отмазывать от наказания заказчика и исполнителей. Взрыв произошел в самом центре города, рядом с правительственными зданиями, от такой наглости были возмущены даже издававшие виды сотрудники Центра Э. Они организовали «утечку» итогов своей работы, чтобы Ранков, Складнев и Кувайцев не ушли от ответственности.

После публикации дело было передано из Центра Э в другой департамент: следователям полиции Центрального района Санкт-Петербурга. И началось то, чего опасались сотрудники Центра Э.

Показания Складнева потеряли. Дознатель, которой было поручено вести расследование, сразу после получения дела ушла в отпуск на две недели. А пресс-служба полиции сделала заявление, что депутаты взорвали сами себя. Такой поворот в расследовании произошел за один день.

РАССЛЕДОВАНИЕ ВЗРЫВА

Если Путину можно отравить Навального, то почему Ранкову нельзя взорвать своих депутатов? Если кто-то один не соблюдает законы, то другие задаются вопросом, а зачем их соблюдать. Так начинается сыпаться вся правовая система страны.

– По-моему даже в 90-е такого п..здеца не было! – прокомментировал популярный блогер Илья Варламов взрыв в Смольнинском.

Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге Александр Шишлов обратился в полицию с требованием активизировать расследование всех обстоятельств произошедшего и привлечь виновных к ответственности.

Сто семь муниципальных депутатов Санкт-Петербурга, Москвы и других городов обратились к министру МВД с открытым письмом. Депутаты подчеркнули, что дознаватели полиции пытаются замять дело, и потребовали взять следствие под личный контроль министра.

«Взрыв произошел в 500 метрах от здания Главка МВД по СПб и ЛО», – написали депутаты, – «Однако это громкое дело пытаются замять, потерять показания пойманного центром Э подрывника Складнева. Более того, дознаватель, которая ведет дело, через три дня после взрыва ушла в отпуск. Все это свидетельствует о нежелании подконтрольной Вам службы официально назвать фамилии виновных, которые уже всем известны. Просим Вас взять расследование взрыва в МО Смольнинское под личный контроль и защитить результаты следствия от постороннего влияния».

На следующем заседании депутат Марина Шпринг взяла микрофон и высказала очень важную мысль: «Взрывное устройство пролежало здесь весь день. Они заложили его ночью. Здесь ходили дети. По взрывному устройству ходили люди! Кто-то мог

полезть под решетку. Всякое случается. Это могло бы рвануть. У них нет права закладывать сюда такие штуки!»

Через неделю после взрыва пострадавшие депутаты ходили на допрос в отдел дознания полиции Центрального района. Как позже рассказала депутат Мишкинис, из разговора с дознавателями было ясно, что у дознания нет сомнений насчет того, кто устроил взрыв: «Как сказала дознаватель, которая нас допрашивала: о чем говорить, есть камеры наблюдения, все зафиксировано — это ее цитата». Нужно отметить, что допросом депутатов занимались несколько замещающих сотрудников. Дознаватель, которой непосредственно было поручено вести дело о взрыве, все еще находилась в отпуске.

И хотя виновные были пойманы, во всем сознались, дали показания на Ранкова в качестве заказчика, местная полиция заставляла официальное расследование.

Уголовное дело было возбуждено по статье 213 УК РФ «Хулиганство». Но по самому легкому варианту. Статья 213 состоит из трех частей: 1. просто хулиганство, 2. хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, 3. хулиганство, совершенное с использованием взрывчатых веществ.

Полиция возбудилась по первой части — по простому хулиганству. По какой-то причине полиция не увидела ни группу лиц, действующую по предварительному сговору, ни использование взрывчатых веществ.

В муниципалитете Смольнинское случались не только правовые аномалии, когда переставали действовать российские законы. В Смольнинском перестали действовать законы физики. По мнению полиции, при взрыве не использовались взрывчатые вещества. Мы все же считали, что такое случилось только один раз — при сотворении мира, но потом для взрывов всегда применяли взрывчатые вещества. Проблемы с расследованием начались еще на этапе возбуждения уголовного дела.

Я обожаю писать письма и могу вынести мозг любому чиновнику, годами методично отправляя обращения и жалобы.

Иногда это давало результаты. В случае со взрывом я решил не оставлять это и регулярно требовал от правоохранительных органов отчета о ходе следствия.

Спустя два месяца после взрыва полиция ответила на мой запрос, что окончательного решения по уголовному делу и о привлечении к уголовной ответственности конкретного лица пока не принято. Полиция ссылаясь на то, что следственные действия пока не завершены и им требуется время для «установления значимых обстоятельств».

Что ж, два месяца – действительно небольшой срок. Хотя Центр Э поймал Кувайцева и Складнева в течение первых суток по горячим следам и установил имя Ранкова в качестве заказчика, нужно какое-то время, чтобы подготовить обвинительные документы.

Обращение о взрыве поступило в полицию 4 августа 2021. В 76-ом отделе полиции Центрального района зарегистрировали КУСП-23455. На следующий день старший дознаватель отдела дознания УМВД России по Центральному району Санкт-Петербурга майор полиции Е. А. Антонова возбудила уголовное дело по статье 213 ч.1. п.а) УК РФ. Делу присвоили номер №12101400013002344. Решение о возбуждении уголовного дела было согласовано в прокуратуре Центрального района.

06 сентября 2021, через месяц после взрыва, начальник отдела дознания УМВД по Центральному району майор полиции Е.А.Степанова поручила старшему дознавателю майору полиции В.А.Антчак провести по уголовному делу предварительное расследование в форме дознания. Через два месяца после взрыва прокуратура Центрального района продлила срок дознания еще на один месяц.

Я продолжил писать запросы. Но на них мне по какой-то причине не отвечали. Через несколько месяцев я пожаловался Министру МВД на волокиту и еще раз попросил его взять дело о взрыве в центре Петербурга под личный контроль. Из Москвы мою жалобу переслали на рассмотрение в полицию Петербурга.

Через 7 месяцев после взрыва заместитель прокурора Центрального района изъял уголовное дело из дознания и передал для дальнейшего расследования в Следственное управление полиции по Центральному району.

«Отлично!», – подумал я, – «Может быть, следователи полиции будут порасторопнее дознавателей и Ранков, Кувайцев и Складнев займут свое законное место на скамье подсудимых».

Руководство петербургской полиции прислало мне официальный ответ, где признало наличие проблем. Начальник Управления организации дознания А.В.Лабанов сообщил, что все указанные в моей жалобе факты нашли подтверждение. В полицию Центрального района, допустившую волокиту, было направлено предписание организовать служебную проверку, как же так получилось и кто виноват в том, что взрыв не расследуется, а преступники разгуливают на свободе. По странному стечению обстоятельств, проверять волокиту в полиции Центрального района назначили полицию Центрального района. Такой ответ меня не устроил и я снова написал жалобу министру.

И снова.

И снова.

Следователи не торопились.

Ровно через год после взрыва (Да! Расследование уголовного дела и переписка с полицией длились уже год) руководство петербургской полиции ответило на мои жалобы.

«В ходе проверки ненадлежащее расследование по уголовному делу объективно подтвердилось», – написал мне заместитель начальника Главного следственного управления полиции Санкт-Петербурга А. В.Ханьшев. Оказывается, следователи официально приостановили предварительное следствие по взрыву 16 февраля 2022, издали соответствующее постановление, и шесть месяцев – полгода! – никакого следствия не велось.

Кто постарался, чтобы таким неприкрытым образом выгораживать Ранкова, Складнева и Кувайцева, мне не сообщили. Но в результате моих жалоб постановление о приостановке

следствия было отменено и, как сообщило руководство Петербургской полиции, «были даны указания о проведении дополнительных следственных и процессуальных действий». Расследование по уголовному делу продолжилось.

Или сделало вид, что продолжилось.

В отношении следователей, допустивших нарушение, была назначена проверка. А ход и результаты расследования были поставлены на контроль руководства Главного следственного управления городской полиции. Спустя год после взрыва ход следствия был поставлен хоть на чей-то контроль! Официальных обвинений никому пока не вынесли.

Я продолжил писать руководству полиции и требовать результатов.

Спустя еще три месяца – прошло 15 месяцев с момента взрыва – полиция отчиталась, что следствие идет. Вот это достижение! О результатах, к сожалению, не сообщили. Ранков, Кувайцев и Скляднев продолжили свою деятельность в муниципалитете Смольнинское. Как будто ничего не произошло. Подумаешь, организовали взрыв в центре Петербурга, с кем не бывает.

Я продолжил писать руководству полиции и требовать результатов расследования.

Прошло 19 месяцев с момента взрыва. Мне ответил начальник Главного следственного управления петербургской полиции Е.В.Негрозов. Ничего нового он не сообщил. Полиция продолжала «расследовать» взрыв. Проверка в отношении следователей Центрального района тянулась уже четыре месяца.

Я продолжил писать руководству полиции и требовать результатов расследования.

Еще через два месяца прокуратура Центрального района изъяла уголовное дело у следователей полиции и передала для дальнейшего расследования следователям Следственного комитета по Центральному району. За 21 месяц дознаватели и следователи полиции не справились с расследованием. Ни видеозаписей камер наружного наблюдения, ни задержания минеров

по горячим следам, ни признательных показаний не хватило, чтобы предъявить обвинения Ранкову, Складневу и Кувайцеву. Полиция их даже не оштрафовала. Не помогли ни контроль со стороны городской полиции, ни служебные проверки — полиция Центрального района стояла насмерть, защищая Ранкова и его подручных.

Теперь мне надо было начинать все с начала — писать в новую структуру — Следственный комитет, которому было передано расследование уголовного дела. Я написал обращение в Москву в центральный аппарат Следственного комитета, где объяснил трудности, с которыми уголовное дело столкнулось в ходе расследования, про нежелание полиции искать тех, кто организовал взрыв, и попросил взять следствие под контроль.

Москва переслала мое обращение на рассмотрение в Главное следственное управление Следственного комитета по Санкт-Петербургу. Петербургский следственный комитет переслал обращение следователям Центрального района. А те просто взяли и не ответили. Ни через месяц, ни через два.

Тем временем, с момента взрыва прошло ровно два года.

Я снова написал в Москву. Их подчиненные из Центрального района видимо настолько сильно были заняты расследованием взрыва, что не отвечали на депутатские запросы (что само по себе нарушение федерального законодательства). Москва переслала мою жалобу в Следственный комитет Санкт-Петербурга. Те снова переслали следователям Центрального района, которые снова решили не отвечать.

Я написал снова. И снова в ответ тишина.

Сейчас, когда я пишу эти строки, прошло почти три года с момента взрыва, но результаты следствия по-прежнему отсутствуют. Я продолжаю закидывать жалобы в правоохранительные органы.

Как думаете, сколько времени потребуется, чтобы посадить виновных, если какой-нибудь оппозиционер взорвет бомбу под ногами единоросса?

РОСПУСК

Если попытаться сформулировать основные проблемы, с которыми столкнулись депутаты, то получится такой список:

- Ранков и Колб, проигравшие выборы, захватили муниципалитет и не пускали депутатов внутрь (при одобрении со стороны правоохранительных органов);

- Ранков перестал созывать и проводить заседания совета;

- Ранков не подписывал решения совета, принятые без его участия;

- Депутаты от «Единой России» и сочувствующие (Важенин, Антоновоч, Воронина, Шавлов, Гудков, Хрщонович, Фадеева, Бархатова) перестали ходить на заседания и исполнять свои обязанности.

Я уже писал, что план единороссов в отношении совета был такой: Ранков исчезает, решения не подписывает, заседания совета не собирает, а потом появляется и требует распустить муниципальный совет за бездействие. Этот план они реализовывали.

Ранков не признавал заседания без его участия настоящими легитимными заседаниями и подал кучу исков с требованием отменить принятые решения. Если решения отменены – значит их не было. А если не было решений – значит не было заседаний.

По закону, если муниципальный совет не проводил заседание в течение трех месяцев, суд мог признать это бездействием и запустить процедуру роспуска муниципального совета.

Единороссы долго угрожали роспуском. Ранков раздавал интервью о том, что депутаты в нынешнем созыве оказались неработоспособны и их нужно разогнать. Бюджетные и пригожинские сми толкали этот месседж.

И вот в конце июля 2021 года Пресс-служба городских судов Санкт-Петербурга опубликовала радостную новость: наконец-то подан иск о бездействии совета Смольнинского! Ранков гордо заявил, что процедура роспуска запущена. Иск был подан самим Ранковым. Это событие было подано как историческое. Эпохальное! Наконец-то правда восторжествует и муниципальные единороссы вздохнут спокойно!

Через неделю выяснились неприятные для Ранкова подробности. Он не имел права подавать такой иск, потому что жил в другом муниципалитете, и даже Смольнинский районный суд ничего с этим сделать не мог и вернул иск без рассмотрения. Не понятно, за что получали деньги юристы, которых Ранков и Колб наняли для противодействия депутатам.

Пришлось правде восторжествовать во второй раз! Помощник прокурора Центрального района Елисеев постарался, и иск о роспуске Смольнинского подала прокуратура. По странному стечению обстоятельств, иск почти слово в слово повторял тот, который подавал Ранков. Чуть позже, на заседании суда, наш юрист пожурил прокурора за списывание, а прокурор не постеснялся признаться, что текст иска ему принес Ранков. Удобно иметь карманную прокуратуру.

Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге Александр Шишлов посчитал иск необоснованным и официально обратился в прокуратуру с просьбой отозвать иск. В противном случае, по мнению Шишлова, роспуск совета приведет де-факто к нарушению прав избирателей и нарушению права на осуществление местного самоуправления. По мнению Уполномоченного, если кто-то и заслуживал иска, то это были лица, препятствующие деятельности законно избранных депутатов.

Руководитель аппарата Уполномоченного кратко сформулировала всю абсурдность ситуации: «Вот уже почти два года провалившийся на выборах в Смольнинское глава муниципалитета от „ЕР“ препятствует работе Совета. Но почему-то прокуратура Центрального района ополчилась против законно избранных депутатов».

Выборы – это самый интересный этап депутатства. Во всяком случае, для меня. В Смольнинском жили прекрасные люди, общаться с ними было сплошное удовольствие (кроме одной старушки с 7-й Советской улицы!). Я был бы рад повторить этот опыт. Ранкову, видимо, тоже так понравилось проигрывать выборы, что он хотел повторить еще раз.

У внеочередных выборов были как плюсы, так и минусы. Минус был в том, что избирательная комиссия была по-прежнему под контролем Ранкова и его ставленника – Пушкарева, который способен найти миллион причин, чтобы не включить оппозиционных кандидатов в бюллетень. К тому же, прокуроры, судьи, городские чиновники и единороссы из городской избирательной комиссии – все помогали бы Ранкову избавиться от нашей команды.

С другой стороны, внеочередные выборы – это повышенное внимание горожан к муниципалитету Смольнинское. Обычно выборы проходили одновременно в сотне муниципалитетов города, в двух-трех из них единороссы устраивали настоящий правовой ад и беспредел, все общество обсуждало только их. А в остальных муниципалитетах нарушения были не такие громкие и оставались почти незамеченными, но достаточными, чтобы обеспечить победу нужным людям.

В случае досрочных выборов, к одному Смольнинскому будет привлечено внимание всего пятимиллионного города. Найдутся яркие кандидаты, не будет проблем с поиском идейных агитаторов, все, кто жертвует на избирательные кампании демократических кандидатов, сделают пожертвование на агитацию в Смольнинском, наблюдатели будут висеть гроздьями на избирательных участках. Наша команда всячески помогала бы другим энергичным людям стать депутатами. У жуликов не было бы шанса. С этой точки зрения, мне лично нравилась идея внеочередных выборов.

Результат мог получиться любой. Смотря кто кого переборет: жулики с административным ресурсом или разозленные идейные горожане.

Перевыборы, которые хотели устроить единороссы, стоили порядка 20 млн. рублей из муниципального бюджета. Мы считали, что был более простой и дешевый способ сделать так, чтобы муниципалитет, наконец, заработал. Колб и Ранков должны лишь открыть дверь и перестать вредить.

Я не верил, что совет Смольнинского распустят.

Во-первых, для этого не было оснований. Мы не бездействовали. Мы провели десятки заседаний и приняли сотни решений. Любая собака в городе знала, что слово «Смольнинское» ассоциируется с депутатами, безостановочно заседающими на крыльце.

Во-вторых, никогда еще в истории города муниципальный совет не распускался. Если единороссам пришла идея вписать нас в историю города – то это глупая идея, а там были умные прагматичные люди.

В-третьих, сама процедура роспуска была очень сложная и громоздкая. Сначала состоятся многочисленные заседания суда, с участием двадцати депутатов. Не уверен, что этим бы занимались 8 депутатов, контролируемых Ранковым, но депутаты коалиции завалили бы суд ходатайствами, жалобами, отсрочками и всячески затягивали бы принятие решения. Потом в апелляции было бы то же самое. Решение суда не вступает в силу до конца рассмотрения в апелляции. Когда решение устоит в апелляции, губернатор должен разработать проект закона о роспуске и внести его в Законодательное собрание. Законодательное собрание должно рассмотреть проект закона. И проголосовать за него. В трех чтениях. Губернатор подписать и опубликовать. Каждый из этих этапов мы бы оспаривали в суде. Безуспешно конечно, но время бы шло. Процесс роспуска длился бы года два, а то и больше. Как раз до конца наших полномочий. В общем, распустить совет Смольнинского не такая уж простая задачка.

С политической точки зрения, у роспуска тоже были минусы. Пока Ранков издевался над демократией – это проблема одного из сотни муниципалитетов города. В случае роспуска, злодея-

ми становились лично губернатор и депутаты Законодательного собрания. Издевательства над законом и здравым смыслом творилось бы уже на государственном уровне. Мараться ради какого-то глупого Ранкова, который не справился с двенадцатью депутатами-самоучками, никто из государственных деятелей на тот момент не хотел.

В общем, судебный процесс о роспуске стартовал и длился в фоновом режиме. Разумеется, депутат Балтруков и его юристы много сил вкладывали в это судебное противостояние, защищая совет, но никто на самом деле не верил, что роспуск может состояться. Как по юридическим, так и по политическим причинам.

Однако, процедура была запущена.

В своем иске прокуратур Центрального района просил Смольнинский районный суд признать, что в период с 5 января по 5 апреля 2021 года депутаты не проводили заседаний. Это те самые заседания, когда нас в полном составе задерживала полиция, когда Мишкинис была избрана и.о. главы, когда мы изменили форму печати.

— Это все планомерное давление на совет, — сказала депутат Мишкинис, — Проиграли выборы, теперь пытаются распустить нас.

Мы действительно не бездействовали. Мы созывали и проводили заседания в соответствии с Уставом и регламентом. На каждом заседании велась видеотрансляция и запись, которую можно в любой момент посмотреть. Составлялись протоколы, принимались решения, на эти решения реагировали органы государственной власти. Жители приходили на заседания совета и могли свидетельствовать в суде, что присутствовали на заседаниях муниципального совета, своими глазами видели, как депутаты работают.

Первое заседание суда о роспуске состоялось через неделю после взрыва. Наши юристы представили возражения, в том числе видео и протоколы восьми заседаний, прошедших за период,

указанный прокуратурой. Также было подано ходатайство о приостановке дела до момента рассмотрения иска депутатов к Ранкову, поскольку если имело место что-то бездействие, так это бездействие Ранкова.

Рассмотрение дела было отложено на 1,5 месяца, в том числе из-за состояния здоровья депутатов, пострадавших во время взрыва.

На следующем заседании у судьи возникла идея посмотреть видеозаписи заседаний муниципального совета. Мы с радостью взяли это организовать. Нам дали время на техническую подготовку до следующего заседания суда. Судье предстояло просмотреть восемь записей и определить правильно ли проводились заседания: присутствовало ли на них необходимое количество депутатов, какие вопросы рассматривали, как осуществлялось голосование и посещали ли их местные жители.

Конечно, все было в порядке — при организации и проведении заседаний депутаты соблюдали до запятой все положения закона, Устава и регламента.

В суде прокурор наигранно беспокоился, что плохие депутаты ничего не сделали, чтобы заседать не на крыльце, никуда не обращались, губернатору не писали, помещений не просили. «Даже в этом бездействуют!» — сказал прокурор. Хотя депутаты регулярно, после каждого заседания на крыльце писали жалобу этому прокурору, что в здание нас не пускали и депутатской деятельности препятствовали.

Если прокурор хотел, чтобы мы написали губернатору — мы напишем губернатору. Я направил ему обращение, с просьбой разрешить депутатам Смольнинского раз в месяц заседать в помещениях городской ратуши. Два часа, максимум три. Подойдет любое помещение — даже коридор. К тому же, ратуша располагалась на территории Смольнинского, недалеко от забаррикадированного здания муниципалитета.

На обращение ответил глава Комитета территориального развития, который отвечал за взаимодействие городского пра-

вительства с муниципалитетами, Андрей Чапуров. Он написал, что заседать в помещениях ратуши депутатам Смольнинского не дадут.

Чуть позже аналогичный ответ пришел от Максима Мейксина, который к тому моменту перешел с должности главы Центрального района на должность вице-губернатора Санкт-Петербурга. Вице-губернатор Мейксин отказал бездомному муниципальному совету Смольнинского в праве проводить заседания в помещениях ратуши.

Примерно в это же время члены коалиции подали иск против Ранкова. Все, кроме депутата Серой, которая, к сожалению, к нам не присоединилась. Одиннадцать депутатов потребовали от суда признать бездействие главы.

Суд решил, что за помещения муниципалитета отвечал не Ранков, а Колб, и поэтому Ранков не мог организовать допуск депутатов в здание. Факт того, что Ранков не посещал заседания, его представители прикрыли больничными листами, которые Ранков где-то раздобыл. Болеющий Ранков не обязан ходить на заседания. Хотел – ходил. Не хотел – не ходил. Такая была совместная позиция Ранкова и Смольнинского районного суда.

«Болел» Ранков почти полгода.

Прокуратура подала еще один иск, ведущий к роспуску совета. В законе было два основания для роспуска. Первое, за непроведение заседаний. Второе – за неисполнение решения городского суда.

Во втором иске прокурор указал, что причиной обращения в суд стали жалобы Ранкова и Колба. В пяти решениях городского суда по Смольнинскому было указано, что муниципальный совет должен опубликовать эти решения в муниципальной газете и на официальном сайте.

Решения на сайте были опубликованы. Но прокурор не умел пользоваться интернетом и не нашел решения на сай-

те. Прокурор считал, что раз он не нашел – значит их там нет. Мы же считали, что решение горсуда в части опубликования на сайте выполнены. Мы не обязаны публиковать на главной странице, такого требования не было.

Что касается опубликования в муниципальной газете, то, как вы, наверное, помните, Колб разорвал контракт на печать газеты и, поскольку кроме него никто не имел права заключить новый, с тех пор официальная газета не выходила. В Кодексе административного судопроизводства четко сказано, что опубликовать решение суда нужно в течение месяца или в ближайшем номере газеты. Поскольку Колб саботировал выпуск газеты – ближайшего номера пока не было.

На заседании суда неожиданно появились депутат Шавлов (член «Единой России») и депутат Бархатова (отрицающая связи с «Единой Россией»). Они заявили, что согласны с исковыми требованиями прокуратуры.

Вокруг процедуры роспуска начали появляться городские сумасшедшие. Партия социальной защиты выпустила заявление с требованием распустить совет Смольнинского. «Главная миссия этих депутатов» – указано в заявлении партии, – «Это организация несанкционированного гей-парада в Центральном районе Санкт-Петербурга, замена государственного флага России на радужный флаг ЛГБТ на правительственных зданиях, а также вовлечение граждан России в ЛГБТ-сообщество с целью увеличения электоральной поддержки».

Членов Партии социальной защиты очень увлекала ЛГБТ-тематика и большинство инициатив, с которыми они выступали в Смольнинском, было связано с этой темой.

Роспуск тянулся в фоновом режиме.

В скором времени стало понятно, что это не самая главная проблема, стоящая перед нами. В стране начались страшные процессы, способные перевернуть с ног на голову не только муниципалитет Смольнинское, но и весь европейский континент.

Часть четвертая. Война

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

В том, что война начнется, я стал уверен 21 февраля 2022 года. До этого была надежда, что крупницы здравого смысла все же остались в голове нашего президента. В тот день надежды улетучились.

По телевизору показали видеозапись заседания Совета безопасности России. Путин сидел за столом, как строгий учитель, и спрашивал членов своей элиты, нужно ли признать независимость Донецкой и Луганской народных республик. К доске вызывали по одному. Глава правительства, ключевые министры, мэр Москвы, председатели верхней и нижней палаты российского парламента, силовики. Кто-то был готов и произносил уверенные речи в поддержку. Для кого-то, как, например, для директора Службы внешней разведки, вопрос был неожиданным, и он юлил, как школьник, который не сделал домашнюю работу, пытаясь угадать правильный ответ, который от него ждут.

Никогда заседания Совета безопасности, закрытые от прессы мероприятия, не показывали по телевизору. Только в этот раз. С политической точки зрения Путин поступил разумно: за три дня до начала войны он публично, театрально, на всю страну вытянул поддержку своего решения от ключевых фигур в российской власти. Чтобы разделить с ними бремя принятого решения. Чтобы никто не смог потом соскочить, притворившись, что ничего не знал, никак не участвовал и вообще во всем виноват один Путин, а они ни при чем. Теперь они были причем. Путин замазал всех.

Я смотрел это видео и чувствовал как внутри нарастает тревожность. Какая нафиг война между Россией и Украиной, они в своем уме? Как надо ненавидеть свой народ и свою страну, чтобы бросить их в войну!

Нужно было что-то делать! Но что? За два с половиной года мы — депутаты Смольнинского — не смогли, надо признать, вы-

курить из муниципалитета проворовавшихся единороссов. Ты не справился даже с какими-то мелкими жуликами, Никита, как ты собрался останавливать войну?

Было понятно, что петербуржцы выйдут на улицы. На несанкционированные протесты. Полиция будет их жестоко задерживать, как это было, когда Навальный вернулся в Россию.

Как депутат я мог попытаться организовать согласованную акцию. Многие люди не выходили на несогласованные акции протеста, потому что боялись последствий, но с удовольствием пришли бы на официальное легальное мероприятие, чтобы высказать свое мнение. Понятно, что шансы добиться согласования оппозиционного митинга были не велики, тем более, антивоенного, но надо было попробовать. Я связался с депутатом Балтруковым, он поддержал идею. Я никогда не занимался организацией митингов, пришлось экстренно провести консультации с юристами и другими активистами, у которых был такой опыт.

По закону уведомление о проведении митинга нужно сдать не ранее, чем за 15 дней до мероприятия и не позднее, чем за 10 дней. Поэтому самая близкая дата для проведения официально согласованного митинга была 7 марта. Да, не близко. Но была надежда, что война не начнется завтра и у нас есть время. Может быть, президенту понравилось выступать с ежедневными экстренными телеобращениями к нации и он позанимается этим какое-то время, прежде чем отправить в Украину танки. К тому же, если не подать заявку, то даже шанса на митинг у нас не будет. Нужно было попытаться.

Я подумал о команде: было бы неплохо сделать большое количество соорганизаторов от разных политических сил. Я был членом партии «Яблоко». Помимо депутата Балтрукова, который тоже член «Яблока», я пригласил депутата из муниципалитета Литейный округ Филиппа Погорелова, депутата муниципалитета №72 Владимира Волохонского, который был избран по спискам Партии Роста, заместителя главы муниципалитета Гавань Сергея Кузина. От Либертарианской партии я пригласил Рину Мацапулину, которая хоть и не смогла избраться в Зако-

нодательное собрание Санкт-Петербурга, но провела яркую кампанию. Она попросила включить также в список своего однопартийца Ярослава Слепухина.

Получилась отличная команда. Представители различных демократических организаций Петербурга, постоянно конкурировавших между собой, объединились ради общего дела: за мир.

Мы договорились, что подадим заявку на ближайшую дату: на 7 марта в 14:00. Митинг должен состояться на площади Ленина (у фонтана). В качестве официальной цели мероприятия мы указали: «свободное и публичное выражение общественного мнения по вопросам безопасности, экономической стабильности, использования вооруженных сил Российской Федерации за рубежом, ЗА МИР И ПРОТИВ ВОЙНЫ».

Согласно процедуре организаторы митинга должны лично с паспортами присутствовать в канцелярии губернатора при подаче уведомления. Команда была сформирована, роли распределены, ребята прислали мне копии паспортов и я заполнил многостраничное уведомление о митинге. Чтобы власти не смогли к чему-нибудь придраться и отказать по формальным основаниям, надо было сделать уведомление идеальным. Вечером 23 февраля оно было проверено юристами. Можно было подавать.

Мы договорились, что встретимся у Смольного, чтобы сдать в канцелярию губернатора уведомление о митинге «За мир и против войны», на следующий день: утром 24 февраля 2022 года.

Было морозно. Солнце ярко светило. Я стоял и смотрел на Смольный собор, рядом с которым расположена канцелярия губернатора. Шок прошел, к тому времени я перестал бездумно скролить ленту и читать все новости подряд. Просто стоял и смотрел, как солнце светит на Смольный собор. Красиво.

Рано утром мы с детьми собирали конструктор, когда позвонил мой друг и сказал: «Дед сошел с ума, смотри его выступление.

Сейчас!». Я нашел запись. Владимир Путин долго и эмоционально объявлял о начале военных действий на территории Украины. Мы с женой с ужасом слушали его геополитические фантазии. Когда он закончил, жена отправила меня сделать то, что многие в нашей стране делают, когда глава государства в очередной раз решает вписать свое имя в учебник истории: я поехал купить запас еды. Сразу после магазина, на машине, багажник которой был забит гречей, печеньем, банками с консервированной фасолью и растительным маслом, я приехал к канцелярии губернатора.

Приехал Волохонский. Мы помолчали. Сказать друг другу было нечего. Депутат Балтруков привез распечатанные бланки уведомления, которые мы должны были подписать и сдать. Появился Кузин. Подошел Погорелов из Литейного округа. Все стояли мрачные.

— Никита! — сказал Погорелов, — Скажи, пожалуйста, что ты не знал, что все начнется сегодня, и то, что мы подаем уведомление в этот день, просто совпадение.

— Я не знал, это совпадение, — ответил я.

Либертарианцы опаздывали, мы впятером ждали около входа в канцелярию. Из двери выглянул охранник и оценил обстановку: пятеро мрачных мужиков стояли под дверью. В глазах охранника читался вопрос, не представляет ли наша банда угрозы для охраняемого объекта. В тот день уровень тревожности поднялся у всей страны.

— Чего вы тут толпитесь?! — спросил охранник.

— Документы принесли, — ответил я, — Сейчас всехждемся и придем сдавать.

Охранник еще раз посмотрел на нас с подозрением и скрылся внутри.

Приехали либертарианцы, мы зашли в здание. Каждый расписался на документах и вместе с паспортами мы сдали их сотруднице канцелярии. Милая женщина тщательно сличала наши паспортные данные и образцы подписей.

Через двадцать минут мы вышли на улицу. В руках у меня был экземпляр уведомления о проведении митинга с отметкой

о дате и времени подачи. Так получилось, что это была первая заявка на митинг против войны, поданная в Санкт-Петербурге.

Пока мы толпились на крыльце канцелярии, депутат Муниципального округа Раменки (Москва) Николай Бобринский написал первую депутатскую петицию против войны. Он обратился к гражданам России с призывом не участвовать и не поддерживать эту войну.

Одиннадцать депутатов Смольнинского, включая меня, подписали. За пару дней с депутатом Бобринским связались 276 депутатов из разных концов страны, чтобы оставить подпись. Из Москвы, Тульской области, Московской области, Республики Марий-Эл, Новгородской области, Рязанской области, Санкт-Петербурга, Самарской области, Волгоградской области, Новосибирской области, Псковской области, Свердловской области, Краснодарского края, Тверской области, Республики Саха (Якутия), Республики Карелия, Ямало-Ненецкого автономного округа, Томской области, Ярославской области, Саратовской области, Кемеровской области, Ленинградской области, Нижегородской области.

*«Обращение российских депутатов к гражданам России
Против войны»*

Сограждане! Мы – избранные народом депутаты – безоговорочно осуждаем нападение российской армии на Украину. Это беспримерное злодеяние, которому нет и не может быть оправдания.

Решение о нападении принял лично президент РФ Владимир Путин. Мы убеждены, что граждане России не давали ему такого мандата.

Война с Украиной приведет к катастрофическим последствиям. Погибнут, будут ранены и покалечены тысячи людей, разрушены города дорогой многим россиянам земли. Нашу страну ждет осуждение мирового сообщества, изоляция, рост цен и бедность. Надежды на хорошую жизнь в России рушатся на наших глазах.

Мы призываем вас не участвовать в агрессии и не одобрять ее. Пожалуйста, не молчите: войну может остановить только массовое народное осуждение».

В тот день военная цензура еще не началась. Официальные лица могли себе позволить использовать антивоенную риторику, не опасаясь уголовного преследования. Я держу перед собой список подписантов первой петиции и понимаю, что сейчас публиковать его не стоит. Это список из 276 депутатов-патриотов, которые с первого дня войны громко выступили против путинской военной агрессии. Мне бы не хотелось подвергать их опасности. Большинство из подписавших продолжает работу в России.

С первого дня петербуржцы вышли на улицы. Протестовать против войны. Люди стояли с нарисованными от руки плакатами «Нет войне!», скандировали антивоенные лозунги.

Естественно, все акции были несогласованны с властями. Полиция действовала жестко. За первый день 24 февраля на улицах Петербурга были задержаны 493 человека. Правозащитники сообщали о чрезмерном применении силы к задержанным, неоказании медицинской помощи, не допуске адвокатов.

Власти не публиковали количество задержанных. Мы располагаем статистикой, которую собрали правозащитники. В нее вошли только те задержанные, о которых стало известно. Реальные цифры должны быть больше.

На следующий день 25 февраля задержали 253 петербуржца. Люди продолжали выходить на улицы.

26 февраля стало известно о 126 задержанных.

27 февраля в полицейские участки доставили 1056 протестующих. Их было так много, что в полицейских участках не осталось мест. В центре Петербурга полиция набивала протестующими автозаки и автобусы, и они кружили по городу — от отделения к отделению — в поисках свободных мест. Часами люди находились в транспорте, без еды, воды, и без возможности сходить в туалет.

Из соображений безопасности я не могу подробно рассказать, кто из депутатов Смольнинского и членов нашей команды помощников участвовал в несанкционированных акциях.

Однако есть официальная информация. Ее нет смысла скрывать: 27 февраля за участие в протестах на Невском проспекте были задержаны депутаты Смольнинского Радислав Полуйков, Диана Серая и Елена Мишкинис вместе со своим помощником Алексеем Воробьевым. Их доставили в 36-й отдел полиции Выборгского района Санкт-Петербурга. В ту ночь только в этом отделе оказалось, как минимум, 94 задержанных.

Депутатский статус в таких ситуациях ничего не менял. С ними, как со всеми остальными, не церемонились. Полиция решила снять отпечатки пальцев. У всех — такая поступила команда.

По какой-то причине, первой для прохождения этой процедуры они хотели видеть депутата Серую. У нее были с собой документы, поэтому ее личность не надо было идентифицировать дополнительными процедурами. Законность принудительного снятия отпечатков пальцев была под вопросом, поэтому депутат Серая отказалась добровольно сдавать отпечатки. Депутаты Смольнинского довольно нагловаты и любят отстаивать свои права.

В присутствии десятков свидетелей двое полицейских схватили депутата Серую и потащили по лестнице, выкручивая руки и заламывая пальцы. Не смотря на то, что Серая — мастер спорта по фехтованию, она все же хрупкая девушка, и я даже боюсь представить, через какое эмоциональное потрясение она прошла, столкнувшись с насилием в отделе полиции.

Начальник 36-го отделения лично вырвал у депутата Серой телефон, чтобы оставить без связи с внешним миром. Ее завели в помещение без окон и начали убеждать сдать отпечатки пальцев. Серая отказывалась. Полицейские были очень настойчивы, орали на нее и для убеждения использовали не самые литературные слова. Серая не сдалась и ее заперли в отдельном помещении, где без воды и элементарных удобств, она провела несколько часов.

Другие задержанные снимали происходящее и отправляли во внешний мир. Видео, как депутату Серой заламывают руки и уводят, как она кричит от боли, разлетелось по интернету. Депутат Балтруков в тот день дежурил около этого отдела полиции (мы несли вахту не только в Смольнинском, а рассредоточившись по всему городу, в разных районах). Балтруков нашел адвоката, который немедленно выехал на место.

Попытки полицейских применить силу к хрупкой девушке, которая к тому же не оказывала физического сопротивления, а просто словами защищала свои гражданские права, попало в хроники протеста, которые в прямом эфире вели многие оппозиционные медиа. Выглядело это плохо. В это время в отделение зашел адвокат. Депутата Серую перевели из отдельного помещения в общий зал, к остальным задержанным. Начальник полиции лично извинился перед ней.

Первой отпустили 80-летнюю пожилую даму, которая вместе с внучкой вышла протестовать против войны. Внучку тоже отпустили. На прощание полицейские поворчали, что внучка использует свою бабушку в американских целях!

Депутатов Смольнинского отпустили после составления протокола о нарушении. При этом полиция проявила некоторую галантность. Сначала оформили и выпустили девушек, потом — мужчин.

Адвокат, найденный Балтруковым, помогал не только депутатам. После того, как мои коллеги были отпущены на свободу, адвокат остался в отделении полиции и помогал всем другим задержанным.

Хочу отдельно отметить способность петербуржцев к самоорганизации. Стихийно стали возникать чаты помощи задержанным, чаты для поисков адвокатов. Многие адвокаты в эти дни работали без сна и отдыха. Бесплатно!

По разным причинам, не у всех, кто был против войны, была возможность выйти на улицы. Но многие хотели внести свой вклад.

Вернемся в 36-е отделение полиции, когда задержали трех депутатов Смольнинского. На четвертый день протестов петербуржцы знали, что задержанных много, что условия в отделениях полиции не самые лучшие, что требуется питьевая вода и еда.

Узнав, что в полицию поступила очередная партия задержанных, люди бросились им помогать. К 36-му отделению привозили упаковки с водой, сумки с едой, коробки с пиццей, пакеты с картошкой и гамбургерами из МакДоналдса.

Первые несколько часов полиция не признавала наличие внутри задержанных и не принимала передачи с едой. Депутат Балтруков, дежуривший снаружи, складировал провиант в своем автомобиле, где вскоре почти не осталось места. Багажник, заднее и переднее сиденья были под завязку забиты пакетами с едой. Когда ближе к полуночи полиция признала наличие задержанных и разрешила сделать передачи, Балтрукову пришлось поработать грузчиком и хорошо вспотеть, перетаскивая еду в отделение.

У одного молодого человека во время задержания разорвали брюки. Чтобы он не остался голым, в чат помощи задержанным разместили объявление, что в 36-ом отделении полиции человеку нужны сменные брюки. Петербуржцы откликнулись моментально! Разные люди, не сговариваясь, привезли семь пар брюк нужного размера.

Вы – великолепны, мои дорогие петербуржцы!

Ночами мы продолжали нести депутатскую вахту у отделения полиции. Фиксировали количество доставляемых, пытались узнать их имена и выйти с ними на связь, передать еду и воду. Петербуржцы продолжали изо дня в день выходить на улицы и протестовать против войны, несмотря на задержания.

Если раньше фраза «Пошли паковать» означала шутовое приглашение к участию в несанкционированном мероприятии, то с 24 февраля ничего шутового в этой фразе не осталось. Протестующие в буквальном смысле выходили на улицы пако-

ваться. С началом войны полиция неистовствовала и задерживала всех, до кого могла дотянуться.

Запрос на антивоенное действие был большой. Как частные лица, мы несли ответственность только за себя и могли участвовать в любых формах протеста. Однако задача депутатов, как официальных лиц, была в том, чтобы обеспечить возможность для людей высказать свое мнение легально, без опасения быть «запакованными» полицией. По крайней мере, свести эту опасность к минимуму.

Власти сильно ограничили возможность легального выражения несогласия. Поэтому приходилось изобретать.

Депутат Смольнинского Дмитрий Палюга предложил визуализировать настроение общества для власти. Он подготовил проект письма, подробную инструкцию и запустил флэшмоб «Напиши депутату Госдумы». Конечно, Госдума — это марионеточный орган, но мы видели, что не все депутаты окончательно потеряли связь с реальностью. Депутаты Госдумы Смолин, Мархаев, Матвеев, Тарбаев, Гартунг публично осудили войну в Украине (и на тот момент еще не отказались от своих слов). В Думе были те, кто сомневался, но не выступил публично. Не все из них пользовались соцсетями и вообще понимали, что происходит в обществе. Нужно было использовать любую возможность повлиять на их картину мира.

Обращение депутату мог отправить любой гражданин. По закону у депутата было 30 дней, за которые он должен рассмотреть обращение и дать ответ. Палюга не ставил целью через обращение пристыдить депутатов или потребовать невозможного. Они давно по команде нажимали на нужные кнопки — вряд ли получилось бы унижить их еще сильнее. Поэтому Палюга составил уважительный текст, но в то же время ясно дающий понять: мы хотим немедленного прекращения войны:

«Уважаемый депутат!

24 февраля президент России Владимир Путин объявил о начале так называемой «военной спецоперации на Украине». В тот же день российские войска пересекли границу Украины и нанесли первые удары по украинской территории. Я обращаюсь к Вам как к представителю народа России, способному донести волю народа до главы государства и других представителей власти.

Сотни тысяч россиян уже высказались за прекращение военной операции в Украине. Посвященная этому петиция на данный момент набрала более миллиона подписей. С тем же посылом выступили более 260 муниципальных депутатов, профессиональные сообщества врачей, учителей, ученых, архитекторов, IT-специалистов и многие другие.

Сейчас в ходе боевых действий гибнут и страдают российские и украинские граждане. Санкции, примененные к России, могут стать губительными для экономики и будущего граждан.

Как гражданин Российской Федерации я тоже выступаю за прекращение военной операции на территории Украины.

В связи с этим прошу Вас:

- 1) В ответе на обращение дать личную оценку военной операции на территории Украины;*
- 2) Инициировать обращение от депутатов Госдумы к президенту России о прекращении военной операции на территории Украины».*

Акция, которую начал депутат Дмитрий Палюга, была не единственной в своем роде. Людям важно было выразить свое мнение. Граждане завалили Госдуму обращениями. За 1,5 месяца с начала войны в Госдуму поступило в 2,6 раза больше обращений, чем обычно поступало в мирное время.

28 февраля я получил письмо из Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга. Они рассмотрели наше уведомление о митинге, ко-

торый мы запланировали на 7 марта. В письме содержался отказ в согласовании митинга.

Комитет ссылался на федеральное законодательство, согласно которому митинги можно проводить только если они не создают угрозу безопасности участников. Однако в то время, по мнению правительства города, ухудшилась ситуация с коронавирусной инфекцией. По какой-то причине ковид свирепствовал во время оппозиционных митингов и пикетов. Ковид был предлогом, который использовали городские власти, чтобы затормозить оппозиционную активность и запретить митинги. Наша попытка добиться возможности для петербуржцев выразить свое мнение легально — провалилась. Люди продолжили выходить на улицы под дубинки полицейских.

Отказ в согласовании митинга Комитет направил всем семи организаторам. Помимо нас в списке адресатов были еще 16 высокопоставленных чиновников, включая Прокурора Санкт-Петербурга, шефа городской полиции, начальника Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, начальника Росгвардии Санкт-Петербурга, руководителя ФСО, других силовиков и членов правительства города. Сделано это было для того, чтобы все были в курсе, что мы планируем антивоенный митинг, и даже не вздумали его проводить, поскольку в согласовании отказано.

Помимо отказа организаторы получили приглашение явиться на беседу в прокуратуру. Я пришел в прокуратуру в назначенное время. Сотрудник ждал меня в кабинете, больше похожем на коридор. Он сидел в самом конце этого коридора, за столом. Сзади — единственное окно. Сотрудник был в штатском. «Мог бы и форму надеть по такому случаю», — подумал я, она у прокуроров представительная с блестящими пуговицами, возможно на кого-то форма могла произвести впечатление. А так, ну сидит какой-то мужик в свитере. Не бритый. Что я людей в свитере не видел?

Сотрудник сообщил, что в прокуратуру поступили сведения, что я планирую нарушить сразу два федеральных закона: о про-

тивоедействию экстремизму и о собраниях, митингах и демонстрациях. В добавок, я якобы задумал нарушить антиковидное постановление городского правительства.

— От кого поступила эта информация? — спросил я.

Мужик в свитере стушевался. Повисла пауза.

— Вообще, формат нашей встречи не предполагает, что вы будете задавать вопросы, — наконец, ответил он, — От кого надо — от того поступила.

Он начал перечислять, когда я планирую нарушать законы. Я удивился, когда он назвал две даты. 7 марта на площади Ленина, митинг который мы планировали. А также за день до этого — 6 марта в 16:00 у станции метро Гостиный двор.

— Первый раз слышу про 6 марта, — сказал я, — Что я там планирую?

Мужик в свитере достал из папки три листочка.

— Читайте, — протянул он мне.

«Предостережение о недопустимости нарушения законодательства». Оказывается, я, в том числе, готовил «массовое несогласованное публичное мероприятие» 6 марта у Гостиного двора «с целью выражения общественного мнения относительно военных и политических событий, происходящих на Украине». Прокуратура на трех листах перечисляла нормы законов, которые я планирую нарушить, и предостерегала этого не делать.

— Прочитали? — спросил прокурор, — Предостережение в двух экземплярах, один ваш. Во втором — распишитесь. Три раза.

— А большой митинг я у Гостинки планирую? — спросил я.

— Видимо большой, раз нам сообщили.

— Хорошо, что прокуратура рассказывает, когда и где будут митинги, — сказал я, — Если бы не вы, я бы ничего не знал про 6 марта.

Прокурор поморщился, взял бумажки, которые я подписал, и молча указал мне на дверь.

— До свидания! — сказал я, — Спасибо за информацию!

— Ага, — ответил он и на прощание махнул рукой.

Все организаторы посетили такую беседу и получили официальное предостережение. Однако в отношении Рины Мацапулиной и депутата Волохонского власти пошли дальше. Был составлен список самых назойливых оппозиционеров и сфабриковано уголовное дело в отношении людей, попавших в этот список, включая Мацапулину и Волохонского. Якобы они планировали заняться телефонным терроризмом. У ребят прошли обыски и они в срочном порядке вынуждены были покинуть Россию. Позже Волохонского внесли в список экстремистов и террористов.

На этом попытка вывести уличные протесты в легальное русло закончилась. Однако люди каждый день продолжали протестовать против войны, полиция их паковала. Нужно было проявить изобретательность, чтобы в условиях тотального подавления оппозиционной активности найти лазейку и провести официальное мероприятие, где люди могли бы в относительной безопасности высказаться против войны.

Помощь пришла, откуда не ждали: от Ранкова.

2 МАРТА 2022 – ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА «НЕТ ВОЙНЕ!»

Ранкову периодически прилетало, что он даже не делал вид, что работал. Закон обязывал его раз в три месяца созывать заседания муниципального совета. Иногда, чтобы соблюсти формальности, ему приходилось направлять депутатам повестку дня на очередное заседание, чтобы в суде, когда мы попрекали его, что он срывает работу совета, его защитники могли заявить: «Как срывает? Он даже заседание созвал, не врете суду». Подавляющее большинство заседаний Смольнинского созывали сами депутаты. Регламент позволял это делать, когда глава бездействовал.

Когда Ранков созывал заседания, он их, естественно, не посещал. И блокировал доступ в здание муниципалитета, чтобы депутаты заседали на крыльце.

Но в тот момент эта возня была уже не важной. Важно, что Ранков официально созвал заседание муниципального совета на 2 марта 2022 года. Прислал депутатам повестку дня и проекты решений.

По регламенту, который депутат Кузнецова продавала в самом начале наших депутатских полномочий, заседания муниципального совета объявлялись открытыми. Любой человек имел право прийти на заседание совета Смольнинского и посмотреть, как работают депутаты.

Петербург был взволнован антивоенными протестами и мы подумали, почему бы не пригласить всех желающих на заседание. Совет Смольнинского мог стать легальной площадкой, где люди могли собраться и выразить свое несогласие.

Нам запретили проводить митинг – тогда мы проведем антивоенное заседание совета!

Депутат Балтруков и я внесли в повестку дня вопрос об обращении муниципального совета к президенту. Проект решения и текст обращения были официально направлены депутатам. Мы предложили, чтобы совет Смольнинского обратился к Путину с требованием остановить войну и уйти в отставку.

Когда вопрос был внесен в повестку, можно было звать людей. Мы разместили в социальных сетях объявление, что 1) глава муниципалитета Смольнинское Ранков созвал очередное заседание совета, 2) на рассмотрение депутатов официально внесен вопрос об антивоенном заявлении, 3) в соответствии с регламентом, любой желающий имеет право присутствовать на заседании и, если люди опасаются участвовать в несанкционированных акциях протеста, они могут прийти в Смольнинское, чтобы поддержать депутатов в ходе официального мероприятия.

Координатор штаба Навального в Санкт-Петербурге Ирма Фатьянова публично призвала сторонников прийти в Смольнинское, чтобы поддержать антивоенную позицию депутатов. Фактически единокорос Ранков стал соорганизатором массового антивоенного мероприятия вместе со штабом Навального.

За два часа до заседания депутаты получили электронное письмо от Ранкова. Он написал не с официальной почты муниципалитета, а со своей личной: «Уважаемые депутаты! по техническим причинам заседание Муниципального Совета, запланированное на 02.03.2022, не состоится. О дате следующего заседания вы будете проинформированы позже. С уважением, Григорий Михайлович Ранков». Он хотел отменить мероприятие, но у него было право только созывать заседания, а правом отменять или переносить закон его не наделял.

В Петербурге на антивоенных акциях задерживали либо участников, либо организаторов, либо всех сразу. Мы были уверены, что несмотря на легальность мероприятия в Смольнинском, риск упаковать все равно был очень велик. Полиция не станет разбираться, кто тут депутат и что за мероприятие происходит на крыльце.

Когда я шел к муниципалитету, мимо пронеслось несколько автозаков, постоянно слышался вой сирены. После окончания рабочего дня петербуржцы снова вышли на улицы. На Невском проспекте уже начались задержания. Было темно. За углом от муниципалитета на Суворовском проспекте я увидел машину ОМОНа и два автозака.

«Заседание будет интересным», — подумал я.

Обычно депутаты встречались за двадцать минут до заседания в соседней пиццерии: в «Додохе» на Суворовском. Съедали по куску пиццы, запивали кофе или малиновым пуншем и шли на заседание. В этот раз я пришел сильно заранее и почти зашел внутрь, как увидел через стеклянную дверь двух омоновцев. Черные каски, бронезилеты. Я прошел вдоль окон и увидел внутри еще несколько касок. Омоновцы прогуливались по залу, наполненному посетителями. «Нас ждут. В Додохе омон», — написал я депутатам и мы решили встретиться в пекарне на пересечении Тверской и Ставропольской — подальше от «Додохи».

Мы выпили кофе. Депутаты подходили и вскоре в пекарне собрался кворум. Обсуждали, что мы не делаем ничего незаконного и что говорить полиции в случае задержания. Конечно, как в любой уважающей себя коалиции, построенной на принципах демократии, у нас возникли разногласия. Депутат Серая переживала, что мы используем в тексте слишком жесткие формулировки.

В те дни власти рефлексировали над необходимостью военной цензуры и слово «война» вскоре должно стать под запретом, чтобы все называли войну не войной, а «специальной военной операцией». Закон о военной цензуре еще не был принят. Мы с Балтруковым как авторы текста, настаивали, что не надо заниматься самоцензурой, надо называть вещи своими именами.

Возможно, депутат Серая была все еще под впечатлением от общения с полицией, когда ей заламывали руки и прессовали после задержания, и она не хотела играть с огнем. Серая написала свой проект обращения, не к президенту, а в Государствен-

ную Думу в довольно мягких формулировках. Что ж, чем больше обращений против войны и «специальной военной операции» – тем лучше!

Пришло время выдвигаться к крыльцу. Мы с депутатом Серой сидели рядом на диване и посмотрели друг на друга. Обреченно. И одновременно произнесли: «Надо идти».

– Надо идти, – повторил Балтруков.

Мы шли по Тверской улице в сторону здания муниципалитета. Депутаты пытались шутить, переговаривались о чем-то, но было заметно, что голоса дрожали. На улице было темно, снег лежал по краям тротуара. Выли сирены машин экстренных служб. Тускло светили фонари. Мы вышли на пересечение Тверской и Одесской улицы, на которую выходило крыльцо муниципалитета.

– Ого!! Народу нормально собралось! – сказала депутат Серая.

– Жим-жим! – выразил свое отношение к происходящему депутат Чеботарь. Тревожно было не только ему, мы все нервничали. Колонна депутатов свернула на Одесскую, до крыльца осталось пятьдесят метров.

– Держим строй! – крикнула депутат Мишкинис.

– Бодрее! Веселее! – подбадривал всех и сам себя депутат Балтруков.

– Куда уж бодрее, – сказала депутат Киселева.

Тротуар перед крыльцом был заполнен. Петербуржцы пришли на заседание муниципального совета. В толпе присутствовали несколько человек в салатовых жилетах: пресса. Мы пробрались к крыльцу, поднялись на ступени.

– Добрый вечер! – приветствовал собравшихся депутат Балтруков.

Депутат Киселева для порядка позвонила в звонок муниципалитета. Несколько раз. Дверь, как всегда, не открылась. Жители стали обступать крыльцо. Те, кто стоял на противоположной стороне улицы, переходили через дорогу, чтобы слышать, о чем мы говорим. Никакой звукоусиливающей аппаратуры мы реши-

ли не применять, чтобы заседание внешне имело как можно меньше признаков митинга и не провоцировало полицию.

Депутат Марина Шпринг пояснила собравшимся, почему заседание проводится на крыльце:

— По традиции господин Ранков и администрация муниципалитета не обеспечили доступ в здание. Мы собрались в конце рабочего дня, чтобы провести заседание совета.

— Друзья, я вас попрошу не кричать, — обратился депутат Полуйков к зрителям, — Мы будем проводить наше заседание, а вы, пожалуйста, ведите себя спокойно.

Люди понимающе кивали. В толпе я видел знакомые лица: наблюдателей, которые помогали отстаивать результаты голосования, и избирателей, с которыми познакомился во время квартирной агитации. ОМОН начал окружать толпу. Они выстроились на противоположной стороне улицы, крутили дубинками, отсвечивали касками.

— Глава муниципалитета направил созыв, — начал депутат Балтруков, — На сегодня, 19:00. Это сейчас. Глава Ранков не явился. Поэтому по регламенту мы выбираем депутата, председательствующего на заседании. Предлагаю свою кандидатуру.

Мы заранее решили, что не нужно подставлять под огонь депутата Мишкинис. В этот раз председательствовать мог депутат Балтруков.

— Кто за? — спросил он.

Все депутаты единогласно подняли руки. Большинство зрителей никогда до этого момента не были на наших заседаниях и не знали процедуры, поэтому во время голосования тоже подняли руки. Балтруков был избран председательствующим не только депутатами, но и зрителями!

— Замечательно! — сказал председательствующий, — Приступаем к повестке дня. Глава прислал повестку дня из 21 вопроса. Также в повестку дня поступило два проекта дополнительно. Первое, об обращении муниципального совета к президенту Российской Федерации. И второе... — депутат Балтруков посмотрел на автора второго обращения — депутата Серую.

– Об обращении к Государственной думе, – назвала депутат Серая название своего проекта решения.

– Предлагаю 21 вопрос, который направил глава, с повестки снять, – предложил Балтруков. Ранков внес проекты решений о депутатских отчетах. Поскольку он не ходил на заседания, то, видимо, не знал, что мы эти проекты решений уже рассматривали на одном из предыдущих заседаний.

Один вопрос был по изменению Устава.

– Сейчас не лучшее время, чтобы менять Устав, – сказал я, глядя на омонцовцев, которые делали какие-то приготовления на противоположной стороне улицы. – Мы сегодня не для этого собрались.

– Ставлю на голосование снятие лишних вопросов из повестки дня, – сказал Балтруков. Депутаты проголосовали единогласно.

– Кто за то, чтобы включить в повестку дня вопрос об обращении к президенту? – спросил Балтруков.

– Можно погромче? – закричали зрители.

– Постараемся! – ответил Балтруков.

За включение вопроса об обращении к президенту депутаты проголосовали единогласно.

– Кто за включение в повестку второго запроса от Муниципального совета к Государственной Думе? – спросил Балтруков. Депутаты проголосовали единогласно, затем так же единогласно утвердили повестку из двух вопросов в целом. Демократия – это процедуры. Наш совет полностью следовал всем нормам Устава и регламента.

Наконец, закончив необходимые процедурные голосования, мы приступили к рассмотрению вопросов по существу.

– Приступаем к первому вопросу: об обращении к президенту, – объявил депутат Балтруков, – Предлагается утвердить обращение муниципального совета Смольнинского к президенту Российской Федерации согласно приложению к настоящему решению, направить, разместить на сайте – тут как обычно во всех решениях. И собственно само обращение... – депутат

Балтруков вынул бумагу и громко, чтобы все присутствующие могли слышать, зачитал требование муниципального совета к президенту вывести войска из Украины и уйти в отставку.

Вот текст первого антивоенного заявления депутатов Смольнинского:

«Президенту Российской Федерации

Путину В. В.

от Муниципального совета МО Смольнинское (Санкт-Петербург)

Утром 24 февраля 2022 года Вы объявили о начале военной спецоперации на Украине, которая по факту оказалась внезапной и ничем не мотивированной агрессией против соседнего государства. Формальным поводом к агрессии была заявлена «защита жителей ДНР и ЛНР», но вот уже 7 дней военные действия ведутся по всей территории Украины. Атакам подвергнуты крупные украинские города – Киев, Львов, Харьков, Одесса и многие другие.

Из-за Ваших исторических фантазий под удар поставлены судьбы тысяч российских военных и миллионов граждан Украины. Уже сейчас международному авторитету Российской Федерации нанесен невосполнимый урон. Мир, без преувеличения, оказался на пороге третьей мировой войны!

Муниципальный совет МО Смольнинское призывает Вас остановить кровопролитие, немедленно вывести российские войска с территории Украины и уйти в отставку!

Нет войне!

Депутаты МО Смольнинское»

Балтруков хотел поставить вопрос на голосование, но депутат Серая попросила слово.

– У нас два текста, – сказала она, – Мы долго обсуждали, как правильно сформулировать. Я хотела бы проголосовать за оба этих текста, но сегодня буду голосовать только за свой, второй текст. Потому что коллеги не дали мне внести поправки.

Но это их решение, я его уважаю, поэтому внесла в повестку второй запрос.

– Хорошо, – сказал депутат Балтруков, – Больше выступающих нет, ставлю на голосование запрос к президенту. Кто за?

Все депутаты, кроме одного, подняли руки.

– Кто против?

Никого.

– Кто воздержался?

Никто. Все посмотрели на Диану.

– Я не буду вообще участвовать в этом голосовании, – сказала депутат Серая.

– Диана не участвовала в голосовании. Решение принято большинством, – объявил депутат Балтруков.

Дальше депутат Серая зачитала свой проект решения, тоже про мир, обращенный к депутатам Государственной думы.

– Мои формулировки, может быть, менее категоричные. Но я тоже не хочу молчать, хочу выступить по этому вопросу, – сказала депутат Серая после того как закончила читать текст.

– Диана Алексеевна использовала довольно мягкие формулировки, – прокомментировал я, – Конечно, я проголосую за ее проект. Но неправильно называть это «специальной операцией». Это настоящая вооруженная агрессия. Это война.

– Ставлю на голосование, – сказал депутат Балтруков, – Кто за?

Второй запрос был утвержден единогласно.

– Решение принято, – объявил Балтруков, – Мы рассмотрели оба вопроса. Направим соответствующие обращения буквально завтра.

– Если будете свободны! – выкрикнули из толпы.

Зрители начали спрашивать, как они могут помочь, можно ли поставить дополнительные подписи под депутатским обращением. Балтруков пояснил, что регламент и жанр депутатских обращений не предполагал сбора подписей. Но любой желающий мог направить аналогичное обращение от себя лич-

но. Присутствующие приступили к бурному обсуждению. Полиция на заднем плане зашевелилась.

– Уважаемые! – крикнул Балтруков, все замолчали, – У нас сегодня заседание совета, это не митинг. Мы прекрасно понимаем, что многие хотят высказаться, но давайте не будем подставлять всех присутствующих.

Депутат Шпринг сказала, что собралось много людей и, наверняка, присутствует несколько провокаторов и эшников. С Невского проспекта продолжали приходиться сообщения о массовых задержаниях. Все, кто хотел запаковаться – были на Невском. Мы свою задачу видели в том, чтобы обеспечить легальный способ собраться вместе, озвучить антивоенную позицию и снизить риски задержания для присутствующих.

Если честно, было очень стремно! Мы не спали ночами, нервы были на пределе. Полицейские каски отсвечивали на заднем плане и добавляли тревожности.

– Спасибо! – сказал депутат Балтруков, – На этом заседание закрыто!

Присутствующие начали аплодировать.

– Спокойно расходимся! – сказал депутат Чеботарь.

Под звуки аплодисментов мы спустились с крыльца, прошли мимо стоявших омоновцев, мимо автозаков и обнаружили себя на Суворовском проспекте. Гости тоже быстро отошли от крыльца. На заседании Смольнинского никого не задержали. Ни депутатов, ни зрителей. Мы зачитали и приняли два антивоенных обращения и при этом никто не пострадал. Удивительно. Оттепель!

Можно было ехать на ночное дежурство к отделению полиции.

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА

Люди выходили протестовать против войны. Все понимали, за что их задерживает полиция. Но формально им оформляли либо нарушение законодательства о митингах, либо нарушение антиковидных мер. Многие знаменитости публично высказывались против войны. Политики, музыканты, писатели, ученые. Люди писали посты в социальных сетях, записывали и распространяли видео с одним простым посылом: «Нет войне!».

Спустя неделю после начала вторжения, российские власти ввели военную цензуру. Для этого провели «специальную законодательную операцию». 4 марта 2022 года в течение одного дня законопроект был принят Государственной Думой (принят единогласно), после этого немедленно рассмотрен верхней палатой – Советом Федерации, и сразу же подписан президентом Путиным. Военная цензура была введена за один день. В «Единой России» закон назвали реакцией на «информационную войну» против России и «беспрецедентный поток лжи», связанный с украинским кризисом.

Было введено пять новых статей: две административные и три уголовные.

Согласно статье 20.3.3 КоАП РФ публичные действия, направленные на дискредитацию армии России, наказывались штрафом для граждан от 30000 до 50000 рублей, для должностных лиц от 100000 до 200000 рублей, для юридических лиц от 300000 до 500000 рублей. В статье также прописывались случаи, когда штраф мог быть увеличен до 1 млн. рублей. (по официальным данным Росстата, средняя зарплата в России на тот момент составляла 60101 рубль).

Статья 280.3 УК РФ установила уголовное наказание за дискредитацию действий российской армии. Штраф мог составить до 1 млн. рублей, а тюремный срок – до 7 лет. При этом не бы-

ло четко определено, в каких случаях дискредитация тянет только на административку, а в каких – уже на уголовное преступление. Поэтому дела возбуждались хаотично. Важно было иметь ввиду, что повторное административное нарушение по статье о дискредитации открывало возможность для предъявления уголовных обвинений.

Статья 207.3 УК РФ ввела уголовное наказание для тех, кто под видом достоверной информации распространял заведомо ложные сведения (так называемые фейки) о действиях армии России или работе государственных органов России за пределами страны. Штраф мог составить до 1,5 млн. рублей, а тюремный срок – до 15 лет.

Статья 20.3.4 КоАП РФ устанавливала штраф за призывы к введению антироссийских санкций. Для граждан от 30000 до 50000 рублей, для должностных лиц от 100000 до 200000 рублей, для юридических лиц от 300000 до 500000 рублей.

Статья 284.2 УК РФ вводила ответственность за «призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц». Это тоже статья за призывы к введению антироссийских санкций, но уже уголовная. Штраф мог составить до 500 тысяч рублей, тюремный срок – до 3 лет.

Формулировки закона о военной цензуре были очень размыты. Это сделали специально, чтобы правоохранительные органы имели возможность привлекать к ответственности за любой антивоенный лозунг или высказывание. Получился идеальный инструмент для борьбы с несогласными. Полицейские и следователи могли сами определять, какие действия и слова попадают под слово «дискредитация», какую информацию считать «заведомо ложной», в каких высказываниях содержится «призыв».

Показательным примером размытости формулировок стал штраф, который получил музыкант и лидер группы ДДТ Юрий Шевчук. Во время концерта он сказал со сцены, что «Родина – это не жопа президента, чтобы ее мусолить, целовать... Роди-

на — это бабушка нищая на вокзале, продающая картошку». Шевчука признали виновным в дискредитации российской армии и оштрафовали на 50 тыс. рублей. В мотивировочной части решения судья Юлия Егорова объяснила приговор тем, что «Шевчук призывает зрителей давать оценку событиям, происходящим на Украине, побуждает сомневаться относительно целей нахождения Вооруженных сил РФ при осуществлении СВО, подменяя и компрометируя цели и задачи использования ВС. При этом необязательно озвучивать слова «вооруженные силы», «армия».

В России официально запретили называть войну войной. Фраза «Нет войне!» тоже оказалась под запретом. Стало нельзя говорить, что российская армия напала на соседнее государство, кого-то убивала, разрушала жилые дома. Единственным источником достоверной информации о происходящем в Украине было объявлено Министерство обороны. Сведения из других источников, по мнению российских властей, фактически стали фейком и дискредитацией.

В результате принятия закона независимая журналистика в России была уничтожена. Независимые издания были либо закрыты, либо заблокированы на территории России. Полностью остановили работу радиостанция «Эхо Москвы» и телеканал «Дождь», закрылась «Новая газета», прекратили работу в России CNN, Bloomberg, CBS, ABS, испанское EFE. Перевезли свои редакции за границу Deutsche Welle, Радио Свобода, русская служба BBC и многие другие сми. Под военную цензуру попали более пяти тысяч сайтов. Российские власти заблокировали доступ к сайтам Медузы, Троицкий вариант, Голос Кубани, Псковская губерния и тысяч других. Также был нанесен удар по социальным сетям — россияне потеряли доступ к Facebook, Twitter и Instagram.

Но самое главное, был посеян страх. Осуждение войны с Украиной, высказанное вслух, могло привести к тюремному сроку — до 15 лет.

Алексей Горинов – мой коллега. Он родился в 1961 году. В 2017 году был избран муниципальным депутатом округа Красносельский (Москва). Мы не были лично знакомы, но его история произвела впечатление на всех в Смольнинском. Алексей Горинов стал первым в России, кто получил реальный тюремный срок по закону о военной цензуре.

15 марта 2022 года депутаты Красносельского округа собрались на заседание. Председательствовала глава муниципалитета – Елена Котеночкина. Депутаты перешли к обсуждению вопроса «О согласовании сводного календарного плана о досуговой, социально-воспитательной, физкультурно-оздоровительной и спортивной работе с населением по месту жительства в Красносельском районе на второй квартал 2022 года». Докладчиком был депутат Горинов.

Я публикую текст его речи полностью, чтобы читатель понимал, за какие слова в России в 2022 году можно было получить семь лет тюрьмы.

– Уважаемые коллеги, – сказал депутат Горинов, – В совет поступил план досуговой работы на второй квартал. Мы на комиссии его не рассматривали, я посмотрел, желающие могут с ним ознакомиться. Я считаю, что принимать этот план не нужно. О каком досуге и развлечении может идти речь, когда мы все перешли сейчас к качественно иному укладу жизни, когда на территории соседнего суверенного государства ведутся боевые действия, осуществляется агрессия нашей страны? О каком конкурсе детского рисунка может идти речь или об организации танцевальных программ, приуроченных ко Дню победы, когда у нас каждый день гибнут дети (для информации скажу, около 100 детей погибли в Украине), дети становятся сиротами, и внуки и правнуки участников Второй мировой войны сейчас брошены в пекло этих боевых действий на территории Украины. Я считаю, что все усилия гражданского общества должны быть направлены только на то, чтобы остановить войну и вывести войска России с территории Украины. Если бы пункты плана были посвящены этим вопросам, я бы с удовольствием проголосовал.

В таком виде я лично голосовать не буду, а дальше на ваше усмотрение.

Депутат Елена Котеночкина предложила изменить название конкурса детского рисунка.

– Давайте с формулировкой «Дети против войны в Украине»? – предложила Котеночкина.

– За это я проголосую, – сказал Горинов.

– Вы уже, по-моему, зациклились, – усмехнулась депутат Базеева («Единая Россия»).

– Идет война, мы зациклились, – серьезно сказала Котеночкина.

– Действительно зациклились, вы правы. Мы зациклились, – в разговор вступил депутат Илья Яшин, он обратился к депутату Базеевой, – Очень плохо, что вы не зациклились.

– Я считаю, это главный вопрос гражданского общества, – сказал Горинов.

– Какой главный вопрос? – спросила Базеева.

– Остановить войну, – ответил Горинов, – Вывести войска с территории соседнего государства, остановить агрессивные действия.

Как обычно происходит в тех муниципалитетах, где оппозиционных депутатов большинство, видеозапись этого заседания была опубликована. Внимание правоохранительных органов к описанному выше диалогу было привлечено депутатами Госдумы Хинштейном и Леоновым. Они написали заявления в прокуратуру с требованием возбудить уголовное дело.

Елена Котеночкина успела покинуть Россию, ее заочно судили и заочно арестовали за антивоенные высказывания. Слава Богу, она в безопасности.

Алексея Горинова задержали. Обыски прошли у него дома, а также в совете депутатов. Расследование уголовного дела заняло пять дней (Следствие проводилось значительно быстрее, чем расследование взрыва в Смольнинском). На Горинова завели уголовное дело по статье 207.3 УК РФ (распространение заведомо ложной информации о действиях Вооруженных сил РФ

с отягчающими обстоятельствами). По версии следствия, преступление было совершено по предварительному сговору (с Котеночкиной), с использованием служебного положения и по мотивам ненависти или вражды. Судья Мещанского суда Олеся Менделеева приговорила Горинова к семи годам тюрьмы.

Через несколько месяцев состоялась апелляция. Суд смягчил приговор: вместо первоначальных семи лет Горинов проведет в тюрьме шесть лет и одиннадцать месяцев. Издевательское милосердие! Безусловно, дело Горинова — показательное. Российские власти послали ясный сигнал, что официальными лицами лучше ничего не говорить против войны.

Депутат Илья Яшин, принимавший участие в обсуждении плана мероприятий, тоже оказался в тюрьме. Но в рамках другого дела. Депутат Яшин вел заметный политический видео-блог и во время одного из стримов пытался разобраться в случившемся в Буче. По мнению следователя, Яшин распространял «заведомо ложные сведения о совершении Вооруженными силами Российской Федерации расправы над местным населением в украинском городе Буча». В декабре 2022 года Яшин был приговорен к восьми годам и шести месяцам.

Получилось, что среди депутатов округа Красносельский — трое осуждены по уголовным статьям за антивоенные высказывания. Двое находятся в тюрьме. При этом, Горинов — в пыточных условиях. Отнятые годы жизни и потерянное здоровье к ним не вернуться и мои слова — слабое утешение, но я обязан их написать: депутаты Красносельского — самые достойные муниципальные депутаты в России.

В Петербурге начались аресты по уголовным статьям о военной цензуре. Родственники задержанных и группы поддержки начали обращаться к общественным деятелям с просьбой помочь. Как правило, со мной связывались и просили на депутатском бланке подписать и направить в суд положительную характеристику задержанного. Или личное поручительство в порядке 103 УПК. Никого из задержанных я не знал лично,

но, конечно же, подписывал все необходимые бумаги. Выдумывал характеристики. Так же поступали другие депутаты. Не уверен, что депутатские письма сильно помогали в суде, но важно было использовать любую возможность, даже самую маленькую, чтобы вытащить задержанных из сизо. Хотя бы под домашний арест.

Первой, за кого меня попросили подписаться, была журналистка Мария Пономаренко. По версии следствия, 17 апреля 2022 года Мария опубликовала в своем телеграм-канале (1600 подписчиков) информацию, что российская армия нанесла удар по драматическому театру в Мариуполе. Следствие считало, что эта информация — ложна, поскольку «официальными источниками, в том числе и министерством обороны РФ, данная информация была опровергнута, о чем вышеуказанная гражданка знала». Ее обвинили по статье 207.3 УК РФ о распространении фейков.

Суд рассматривал вопрос об аресте Марии Пономаренко на два месяца, пока уголовное дело рассматривается. Меня попросили направить в суд письмо с положительной характеристикой Марии и ходатайством о домашнем аресте, о том, что она будет являться по вызову к следователю и в суд и никуда не убежит.

У Марии двое несовершеннолетних дочерей и, пока идет разбирательство, было бы гуманно оставить ее рядом с ними, а не помещать в сизо. Конечно же я все подписал и направил. Несколько десятков муниципальных депутатов со всего города сделали это.

Ничего не помогло. Сначала суд оставил Марию Пономаренко под арестом, а потом приговорил к шести годам тюрьмы. За пост в интернете, у которого на момент, когда Пономаренко задержали, было меньше 300 просмотров.

Единственный человек, в чью поддержку я ставил свою подпись и который смог уйти из лап российского «правосудия», был Борис Романов. Он как житель муниципалитета Светлановский пришел на заседание муниципального совета и сделал несколь-

ко антивоенных высказываний. Депутаты Светлановского существенно отличались от депутатов Смольнинского по составу и политическим взглядам. Романова быстро задержали, в его квартире провели обыски. Его обвинили в распространении фейков о российской армии по уголовной статье 207.3 УК РФ.

Пока шел судебный процесс, Романов провел несколько месяцев в следственном изоляторе. Однако в какой-то момент суд смягчился и Романова отпустили из сизо с обязательством являться в суд по повестке. Романов прилежно посещал судебные заседания, но потом принял решение бежать из страны. Он вместе с женой и маленькой дочкой сумел перебраться из России в Киргизию, там в посольстве ФРГ получил эрзац-паспорт. В итоге Романов с семьей смог перебраться в Германию.

Насколько я знаю, Борис Романов – единственный петербуржец, который будучи сначала арестованным по закону о военной цензуре, смог избежать тюремного срока. Остальным повезло меньше.

Простых россиян наказывали большими сроками за то, что называли войну войной, но путинские чиновники тоже это делали. Никогда не думал, что займусь таким, но я начал писать доносы. Я жаловался в полицию и прокуратуру, когда путинские чиновники нарушали свои собственные законы.

Например, бывший президент и действующий заместитель председателя Совета безопасности Дмитрий Медведев, после обсуждения Евросоюзом очередного пакета санкций, опубликовал такой пост: «Европейские начальники достали своим русофобским кудахтаньем про шенгенские визы гражданам нашей страны. Пусть уж быстрее введут полный запрет на их выдачу». Это был явный и недвусмысленный призыв к введению мер ограничительного характера против граждан России. Я написал заявление в Генеральную прокуратуру с требованием привлечь Медведева к ответственности за призывы к введению антироссийских санкций.

Заместитель главы администрации президента и бывший премьер-министр Сергей Кириенко, выступая на Всероссийском форуме классных руководителей, назвал войну войной. Обсуждая ситуацию в Украине, он сказал: «Мы обязательно выиграем эту войну». Однако с официальной точки зрения никакой войны Россия не вела, а проводила «специальную военную операцию». Кириенко публично с использованием должностного положения распространял под видом достоверных сведений заведомо ложную информацию об использовании российской армии. Я направил заявление генеральному прокурору и министру МВД с требованием привлечь Кириенко за распространение фейков об армии.

На официальном сайте Министерства обороны России была опубликована брошюра «Живу, сражаюсь, побеждаю. Правила жизни на войне». В главе 1 указанной брошюры «1. Что такое специальная военная операция» сообщалось: «Политики назвали действия нашей армии на Украине специальной военной операцией. С точки зрения международного права – это действительно так. А для ее участников это настоящая война». Однако закон запрещал называть войну в Украине войной. Министерство обороны, разместив указанную брошюру на своем официальном сайте, распространяло под видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию об использовании российской армии. Я написал заявление в прокуратуру и полицию с требованием привлечь Министерство обороны к ответственности за распространение фейков о российской армии.

В мои сети попался также депутат Государственной Думы и лидер пропутинской партии «Справедливая Россия», бывший председатель Совета Федерации, Сергей Миронов. Он опубликовал в твиттере такое заявление: «Россия не просто начала войну с империалистами-колонизаторами, Россия вернула русским надежду!». Вместе с тем, согласно официальной информации, Российская Федерация не начинала никаких войн, а проводила специальную военную операцию. Депутат Миронов, распространяя сведения о том, что Россия начала войну, распространял под

видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию, содержащую данные об использовании армии. Я официально потребовал привлечь Миронова по статье о распространении фейков.

Но депутат Миронов не унимался и продолжил грубо нарушать законы о военной цензуре, за которые сам голосовал в качестве депутата. Опять же в твиттере (запрещенном на территории России) Миронов опубликовал текст следующего содержания: «Специальная военная операция давно закончилась! Идет война». Также под указанным текстом было опубликовано видео, на котором депутат Миронов гордо произносит следующие слова: «Сегодня страна воюет! Давайте назовем вещи своими именами: война идет, давным давно, никакая не специальная военная операция». Я снова потребовал от Генерального прокурора и министра МВД привлечь Миронова к ответственности за распространение фейков о действиях армии.

В конце концов, и президент Путин назвал свою войну – войной. Во время пресс-конференции он заявил: «Наша цель – не раскручивать маховик военного конфликта, а, наоборот, закончить эту войну». Однако по закону, который сам Путин подписал и требовал от нас соблюдать, события в Украине нельзя было называть словами «военный конфликт» и «война». Я официально потребовал привлечь Путина к ответственности за распространение фейков об армии.

Разумеется никого из них не посадили и даже не оштрафовали. Полиция присылала отписки. Только по Кириенко полиция заморочилась и даже прислала мне лингвистическую экспертизу. По мнению эксперта, Кириенко действительно назвал войну войной, но не имел ввиду ничего плохого, поэтому наказывать его не за что.

Нельзя говорить, что любого россиянина, кто называл войну войной, ждало наказание. Я нашел минимум четырех человек – Медведева, Кириенко, Миронова и Путина, которые смогли уйти от ответственности и военной цензуры.

Я публиковал свои жалобы, а также поступающие ответы. Мне казалось важным фиксировать лицемерие российской репрессивной машины: люди, которые принимали законы, публично их нарушали и избегали последствий. При этом тысячи россиян были оштрафованы за слово «война». А сотни — получили серьезные уголовные сроки, на многие годы отправились в тюрьму.

ПРИЗРАКИ ДОВОЕННОЙ ЖИЗНИ

В апреле 2022 года меня исключили из партии «Яблоко». Война – войной, а партийные чистки по расписанию!

Федеральное руководство как следует проредило Петербургское отделение партии. После перерегистрации количество членов партии в городе было снижено с почти 600 до 200. Масштабная чистка с юридической точки зрения была оформлена не как исключение, а как перевод в сторонники партии. Мы потеряли право голоса при принятии внутрипартийных решений, на выработку политической позиции.

Юридическое словоблудие прочно вошло в обиход российского политического класса: Путин проводил не войну, а «специальную военную операцию», а оппозиционная партия «Яблоко» проводила не партийные чистки, а «перевод в сторонники».

«Мы никого не исключали!» – заявило партийное руководство.

В число исключенных попало большинство муниципальных депутатов, избранных от партии. В Смольнинском осталось только два депутата, состоящих в «Яблоке»: Балтруков и Полуйков. Поскольку членов партии исключали целыми списками, то официально причины не сообщали. Однако могу назвать три свои вины, о которых мне сообщили в кулуарах.

Во-первых, критика бессменного лидера «Яблока» Григория Явлинского. В разгар избирательной кампании в Государственную Думу в 2021 году он призвал сторонников Алексея Навального не голосовать за нашу – за свою! – партию. Пришел на телевидение и сказал: «Те, кто хочет голосовать за Навального – за нас голосовать не надо!». В первый раз на моей памяти политик потребовал от избирателей не голосовать за него.

Власти не давали Навальному зарегистрировать свою партию. Единственная либеральная партия, которой Путин разре-

шил существовать и которая могла действовать в легальном поле — это партия «Яблоко», принадлежащая Григорию Явлинскому. Странники Навального могли добавить партии голосов. На выборах каждый голос важен, я лично знаком с кандидатом, которому не хватило одного единственного голоса, чтобы стать депутатом. Поэтому агитировать избирателей против себя — это, мягко говоря, неумно. Группа практикующих политиков, основу которой составили муниципальные депутаты от «Яблока», выступила с заявлением, что это частное мнение Явлинского, а не позиция партии. Я в очередной раз пошутил, что за «Яблоко» надо голосовать назло Явлинскому.

Вторая причина вытекала из первой. Я симпатизировал Алексею Навальному, уважал его антикоррупционные расследования. Партия, напротив, считала, что поиск незадекларированных яхт, дворцов и люксовых квартир у политиков — это популизм и сеяние социальной розни. Последний раз такую глупость я слышал в суде, в котором дочка Колб пыталась доказать незаконность «Умного голосования».

В третьих, я занял жесткую позицию против харасмента. Журнал «Холод» опубликовал расследование, в котором обвинил высокопоставленного члена «Яблока» в том, что будучи преподавателем, он неуместно вел себя по отношению к девушкам. Это расследование наделало много шума. Профессор был депутатом Законодательного собрания от «Яблока», входил в состав Федерального бюро партии, был организатором Летней школы русского языка и вообще был, что называется, уважаемым членом общества. И тут шквал обвинений. После расследования другие девушки стали вспоминать истории своих отношений с профессором. В том числе, с жалобой обратилась член партии «Яблоко». Партия не придумала ничего лучше, чем заявить, что это истории из частной жизни и дело не касается партии, и всячески пыталась защитить имя своего уважаемого члена, в том числе обвиняя девушек и журналистов в продажности.

Чем сильнее партия уходила в отказ, тем больше эта история привлекала внимание. Можно было выдохнуть, спокойно разо-

брать факты, сделать выводы и выпустить заявление, что харасменту не место в нашем обществе. Такое заявление партия уже сделала, когда в неподобающем поведении по отношению к девушкам был обвинен лидер другой партии: Леонид Слуцкий из ЛДПР. Но когда дело коснулось своего, отношение к ситуации диаметрально изменилось.

Я считал, что подобные обвинения требуют ответственной реакции. Мужчина, имеющий власть, не должен пользоваться этой властью для удовлетворения сексуальных желаний. Доктор не может делать намеков и склонять к сексу свою пациентку, руководитель – подчиненную, священник – прихожанку, а преподаватель – студентку. Я был среди создателей рабочей группы и разработчиком положения о противодействии харасменту в партии. «Яблоко» должно было выработать защитный механизм от возникновения подобных ситуаций. К сожалению, партия не оценила наши усилия.

Эти три причины были названы мне в качестве оснований для исключения из «Яблока». Я не стал опротестовывать. На фоне событий, развернувшихся в Украине, вопрос членства в партии меня не очень беспокоил.

Однако я продолжаю поддерживать партию по многим вопросам. Представьте, что ваш любимый дедушка стал очень старым, иногда теряет разум и начинает делать что-нибудь неудобное. Например, в разгар вечеринки он выходит на середину комнаты, снимает штаны и публично мочится на ковер. В его голове даже не возникает мысль, что он делает что-то не так. Конечно, всем присутствующим становится стыдно и неловко. Но это ваш дедушка, вы его продолжаете любить, пытаетесь помочь и желаете ему только хорошего. Примерно так я отношусь к партии «Яблоко».

Шесть лет, проведенных в «Яблоке», не прошли даром. Я познакомился с сотнями замечательных людей, светлых и искренних. Уверен, мы вместе еще поработаем над Прекрасной Россией Будущего!

Война поднимает градус насилия в обществе. То, что казалось немислимым, становится допустимым. Из прошлой доверенной жизни неожиданно возник Ярослав Костров – лидер движения Центральный район за комфортную среду обитания, который смог провести в муниципальный совет фракцию из 6 депутатов.

Через некоторое время после выборов фракция Ц рассыпалась, когда депутат Гудков эмансипировался, а три депутата – Мишкинис, Шпринг и Безумов – решили порвать с Ярославом и создать коалицию с нами – фракцией «Яблоко».

– Наши пути разошлись из-за того, что два других депутата Ц по наказу Ярослава отказались выбирать нового главу округа, – вспоминал депутат Безумов историю отношений с Ярославом. Депутат Мишкинис обвинила Ярослава в том, что у него были договоренности с администрацией района по поводу Смольнинского и он склонял своих депутатов голосовать на пользу власти.

29 апреля 2022 около 17:00 депутат Безумов возвращался из магазина с продуктами. Возле Детской художественной школы №6 на Полтавской улице они встретились с Ярославом. Тот ехал навстречу. На самокате. Поравнявшись, депутат Безумов спокойно сказал старому знакомому: «Привет!».

– Привет, чмо! – ответил Ярослав и проехал мимо. Потом неожиданно вернулся и сильно ударил Безумова в лицо.

Ярослав бил самой ненужной и бесполезной частью своего тела – головой. Для депутата Безумова нападение стало полной неожиданностью, он никак не провоцировал Ярослава, не сделал ничего, что могло бы вызвать агрессию. Нападение произошло на глазах у прохожих, автомобилистов, мам с колясками. На улице было еще светло.

Было бы неправильно спускать такие выходки. Сегодня хунвейбин Центрального района бьет политических оппонентов головой, а завтра, глядишь, и ножичком пырнет. Депутат Безумов обратился в травматологическое отделение. Врачи засвидетельствовали ушиб, отек и гематому. В тот же вечер было написано заявление в полицию.

Ярослава никак не наказали за эту выходку. Он правильно выбрал свою жертву. Боюсь представить, что бы с ним было, напади он на единоросса, а не на оппозиционного политика. Но Ярослав не напал на единороссов.

Григорий Ранков отметился в этой истории. Он так прокомментировал нападение на депутата: «Исключаю вариант, что просто без слов дали в морду. Не верю, без провокации не обошлось. Безумный (*Наверное, Ранков считал, что коверкать фамилии – это остроумно – Н.Ю.*) известен своими гнилыми выходками, не удивлен».

Со своей стороны скажу, что Павел Безумов – самый спокойный и интеллигентный депутат из нашего созыва.

У КОЛБА ВСЕ ХОРОШО

Если большинство депутатов Смольнинского выступало против войны, то мнение Ранкова и Колба было неизвестно. Конечно, мы могли догадываться, но мне захотелось узнать официальную позицию. Я направил им депутатское письмо с простым вопросом: поддерживаете ли вы проведение специальной военной операции и действия российской армии на территории Украины?

Ранков всегда был довольно скользким. Он прислал письмо, где сообщил, что информировать депутатов об отношении к СВО не входит в обязанности главы муниципалитета. Своего отношения к войне он не раскрыл. Я был очень рад, что он открыто не зиганул. Многие городские единороссы, как по команде, поддерживали войну, но глава Смольнинского этого не сделал. По крайней мере, не сделал письменно и под подпись.

А вот Колб не подвел. Он не просто поддержал СВО. «Зиганул так зиганул!», — подумал я, прочитав ответ Колба. Нет нужды публиковать текст полностью. Мне кажется, диагноз можно выставить на основе последних двух абзацев:

«В сложившейся в настоящее время международной обстановке», — пишет Колб, — «безусловно многократно выросли угрозы безопасности нашего государства, вследствие чего Президент Российской Федерации был вынужден предпринять превентивные меры военного характера для устранения угроз нашему существованию».

«Коллектив администрации муниципального образования Смольнинское...», — Колб решил высказаться не только от себя лично, но и от имени десятков подчиненных, многие из которых, я это знаю из разговоров с ними, были против военных действий, — «.. как и все наши сограждане, ожидает скорейшего успешного завершения демилитаризации и денацификации на-

ших соседей, переформатированных Западом в агрессивный русофобский режим с нацистской идеологией».

Заместитель Колба Владимир Королев, которого губернаторские представители проталкивали на место главы администрации во время конкурса, и который бесконечно судился с советом, высказался против войны. В первый день войны 24 февраля он написал в социальных сетях, что боится за своих детей, которые могут превратиться в радиоактивный пепел. Свое эмоциональное высказывание Королев закончил фразой: «НЕТ ВОЙНЕ!».

Пепел – пеплом, а муниципальный бюджет сам себя не освоит. Пока петербуржцы протестовали против войны, администрация тратила бюджетные деньги.

Колб и Королев закупили 170 билетов на концерт группы BOVA ЧЕМОРАЛЕ & SWEET HOT JAZZ BAND. Обошлось удовольствие по 4500 рублей за штуку. Точно такие же билеты можно было купить по 1500 рублей. Но зачем покупать дешевле?

Колб не просто тратил бюджетные деньги на широкую ногу. Он не совсем верно понимал смысл своей работы. Просто покупка билетов – это путь в никуда. За те же деньги можно было провести досуговые мероприятия для гораздо большего количества жителей. Например, провести небольшие дворовые праздники, вовлекая музыкантов и исполнителей, которые живут в нашем муниципалитете, местные театральные или хорошие коллективы, танцоров.

Депутаты задолго до войны, когда все жили обычной жизнью, разработали совместно со специалистами концепции дворовых праздников практически для каждого двора в муниципалитете. Мероприятия были увязаны с историей и известными жителями (а в Смольнинском история была на каждом углу, как и известные жители). Но идеи, исходящие от депутатов, были у Колба в не в почете. Проще было покупать билеты в три цены на сторонние концерты.

Колб и Королев внедрили в администрации новаторские схемы. Они смогли осуществлять закупки досуговых мероприятий по любой, какой им захотелось, цене.

Муниципалитет мог покупать билеты в цирк, в театр и на различные фестивали в кассе — по обычной цене. Но разве это интересно? Чиновники придумали нанимать компании для организации мероприятий специально под Смольнинское и покупать все билеты по той цене, которую захочется назначить.

Глупые депутаты из Контрольно-счетной комиссии не могли сказать, что администрация закупила билеты слишком дорого, потому что сравнимых билетов на это мероприятие в свободную продажу не поступало. Депутаты, конечно, делали для сравнения свою смету для проведения таких мероприятий, включая аренду зала и расценки приглашенных артистов. И оказывалось, что цены для закупки из бюджета Смольнинского были завышены практически в два раза. Отношение Колба к муниципальным деньгам все больше напоминало мародерство.

Глава округа Ранков и депутат Бархатова (отрицающая связи с «Единой Россией»), присутствовали на этих мероприятиях и обращались к жителям со сцены с напутственным словом. Депутаты в своих расчетах не учитывали стоимость выступления этих двух артистов. Возможно, выступление Ранкова и Бархатовой обошлось слишком дорого, и поэтому закупочная стоимость концертов казалась завышенной.

Особого цинизма добавлял тот факт, что Колб обкатал эту схему на мероприятиях в День снятия блокады Ленинграда и в годовщину Дня Победы. И только потом схема была распространена на празднование Нового года и другие концерты.

Депутаты прошлого созыва активно пользовались муниципальным бюджетом для организации своего досуга. Счетная палата Санкт-Петербурга выявила в ходе проверки, что депутаты ездили на экскурсии за счет муниципалитета. Мы надеялись, что среди депутатов нашего созыва такого не будет. Однако экскурсии, организуемые Колбом, похоже, были настолько интересные, что кое-кто не сдержался.

В один прекрасный день администрация опубликовала в социальных сетях отчет об успешно проведенной экскурсии для жителей Смольнинского. Счастливики абсолютно бесплатно (за счет муниципального бюджета) съездили на экскурсию в Беларусь. Администрация опубликовала фотографии: четыре дня счастья, Беловежская пуца, зубры, аисты и прочее.

В тот же день депутат Бархатова выложила пост о своей поездке в Беларусь. С фотографиями! Беловежская пуца, зубры, аисты и прочее. Настоящий депутат всегда рядом со своими избирателями, даже во время дорогостоящей экскурсии.

Самые большие деньги крутились в благоустройстве. Иногда казалось, что чиновники даже не пытались сделать вид, что какие-то работы сделаны: лишь бы деньги были переведены с бюджетного счета на счет подрядчика, а выполнен ли подрядчиком контракт – это чиновников не очень интересовало.

Но это интересовало депутатов, которые были избраны жителями Смольнинского, чтобы контролировать эффективность расходования денег.

Борьба депутатов и чиновников наиболее ярко развернулась вокруг контракта на цветочки.

Администрация Колба заключила контракт на высадку однолетников. На сумму 3,55 млн. рублей. Согласно техническому заданию, общая площадь посадок должна была составить 455 квадратных метров. На каждый квадратный метр подрядчик должен был высадить 50 растений, отвечающих определенным тщательно прописанным в контракте характеристикам.

Депутаты взяли калькуляторы, линейки и измерительные рулетки и отправились посмотреть, насколько количество и качество высаженных цветов соответствовало контракту.

Конечно же, ничего не соответствовало! Количество цветов было на 20% меньше, чем должно быть. На квадратный метр высаживалось не 50, а 40 однолетников. Сами саженцы были хилые. В контракте размер растений был указан 20–30 см. Депутаты мерили саженцы различными способами, но больше 3–

5 сантиметров намерить не удалось. Посаженные цветы не соответствовали условиям контракта.

Депутаты направили результаты инспекции и фотофиксацию в администрацию с требованием не платить подрядчику, пока он не посадит те цветы и в том количестве, о которых договаривались. Чиновники обещали все исправить.

Через некоторое время депутаты смогли получить протокол приемочной комиссии. Чиновники администрации составили бумагу, что цветочки соответствуют контракту, все замечания исправлены, недостатки устранены. Но разве можно верить чиновникам? Депутаты снова взяли калькуляторы, линейки и рулетки, чтобы проверить цветы по всем адресам, указанным в протоколе приемочной комиссии. Если мы хотели, чтобы в округе было красиво и цвели цветы, надо было удостовериться, что деньги были потрачены не зря. Ведь это наш округ, наши цветочки, наши деньги!

На первом адресе рассада не соответствовала требованиям по размеру. По второму адресу рассада также не дотягивала по размерам даже через месяц после посадки. При этом вместо заявленных 80 квадратных метров клумба была площадью 55 квадратных метров (на 30% меньше). По третьему адресу растения также были маленькими. По четвертому — цветы не посажены в землю, а просто кинуты сверху, часть успела засохнуть.

Только по одному адресу (Тверская, 12/15) депутаты обнаружили клумбы, которые были сделаны качественно. Растения, конечно, были меньше, чем заказывались, но работа была выполнена очень хорошо. Как оказалось, жители дома сами подготовили почву, забрали у подрядчика рассаду, сами посадили, а потом ухаживали за клумбами и поливали.

Чем глубже депутаты погружались в сладостный мир муниципальных закупок, тем больше убеждались, что в Смольнинском надо сажать не цветочки, а чиновников, которые неэффективно тратили муниципальные деньги.

ВАШЕ ОБРАЩЕНИЕ РАССМОТРЕНО

Ровно через месяц после приговора депутату Горинову в Смольнинском появилась первая административка. В начале августа 2022 депутат Балтруков сообщил нам, что его вызвали в полицию на составление протокола и обвинили в нарушении статьи 20.3.3 о дискредитации российской армии.

Мы уже столько к тому времени наговорили в публичном пространстве, что первый вопрос, который все задавали Балтрукову, был: а за что конкретно? Полиция, конечно, заранее не уведомила, в чем Балтруков, по их мнению, провинился.

Как оказалось, причиной административки был пост во Вконтакте от 24 февраля. Напомню, в тот день мы подали заявку на антивоенный митинг. Каждый из организаторов опубликовал общую фотографию от канцелярии губернатора и текст о том, когда и где мы планировали протестовать за мир и против войны.

Балтрукова оштрафовали за такой текст: «Подали уведомление о митинге „ЗА МИР, ПРОТИВ ВОЙНЫ“ на 7 марта 2022 в 14:00 на площади Ленина. Члены разных партий и движений подали единое уведомление. Мы вместе за мир! Петербург – против войны!»

В полицейском протоколе было написано: «Тем самым гр. Балтруков Д. Н. публично вызывал (*наверное, зывал, но в протоколе написано через „ы“ – Н.Ю.*) к воспрепятствованию специальной военной операции».

Правоприменение закона о военной цензуре не поддавалось логическому объяснению. Российская армия в тексте не упоминалась, но она была этим текстом дискредитирована. Балтруков разместил пост 24 февраля, а закон о военной цензуре был принят через неделю – 4 марта. Депутат Балтруков вообще был очень опасным типом – он умел нарушать законы, которые на тот момент еще не существовали.

Протокол был составлен полицией на основании информации, поступившей от Центра Э (народное название Главного управления про противодействию экстремизму Министерства внутренних дел России). Депутат Балтруков попал в списки Центра Э и они провели мониторинг его активности в социальных сетях. Все время задаю себе вопрос, как наша страна дошла до того, что люди, выступающие против войны, рассматривались в качестве экстремистов.

– Полиция говорила тебе, проверяют ли они соцсети других депутатов Смольнинского? – спросили мы депутата Балтрукова.

– При составлении протокола это не обсуждали, – ответил он, – Но я бы на месте всех нас исходил из того, что депутаты Смольнинского есть в этих списках и все наши публикации мониторятся.

Мы ожидали, что депутат Балтруков начнет вести себя более аккуратно, поскольку вторая административка по этой статье открывала возможность для уголовного дела. Но Балтруков, конечно же, аккуратнее не стал и продолжил высказываться против войны.

В ночь с 3 на 4 августа у меня была бессонница. Я слонялся по дому и никак не мог уснуть, потому что прочитал доклад ООН о количестве мирных жителей, погибших с начала войны. ООН публиковала такие доклады на постоянной основе. Но тогда я впервые узнал о нем.

Ужасный доклад!! На тот момент эксперты задокументировали смерти больше 300 детей.

В темноте я смотрел, как мирно спят мои сыновья, слушал их сопение. В голову лезли мысли, что чьи-то сыновья так же спали где-нибудь в Харькове, Киеве или в Одессе. А потом прилетела российская ракета – и в один миг дети умерли. Такие же как мои. Непонятно, за что. Непонятно, зачем.

Я включил ноутбук и написал президенту депутатский запрос с предложением остановить войну по гуманитарным соображениям:

«Президенту России

24 февраля 2022 года Вы объявили о начале специальной военной операции. Больше пяти месяцев российская армия ведет боевые действия на территории Украины.

Бомбы падают на города, пули летят по улицам. Обычные люди теряют все: работу, жилье, жизни, близких! По данным ООН с начала боевых действий Украину покинули и не вернулись 6,1 млн беженцев. ООН подтвердила гибель более 5200 мирных жителей Украины, в том числе более 300 детей.

Каждый день войны добавляет новые жертвы. Это нужно остановить!

В соответствии с ч.1 ст. 87 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

В Ваших полномочиях прекратить кровопролитие.

Прошу Вас отдать приказ о завершении специальной военной операции на территории Украины.

Депутат МО Смольнинское Н. А.Юферев»

Конечно, я понимал, что статистика ООН не произведет впечатление на безжалостных людей, принимающих решения от имени нашей страны. Это письмо нужно было мне самому. Разве может нормальный человек прочитать о гибели 5200 мирных жителей и спокойно отправиться спать? Я не знал, как остановить войну. Но мне важно было сделать хоть что-то.

Спустя две недели пришел ответ из Администрации президента. На официальном бланке, с двуглавым орлом: «Ваше предложение рассмотрено».

Мы стояли с депутатом Дмитрием Палюгой около муниципалитета. Очередное заседание закончилось. Другие депутаты разошлись. Депутат Палюга ждал такси, а я решил составить ему компанию.

Мы обсуждали административку Балтрукова и ответ на мое письмо из Администрации президента. Точнее его фактическое отсутствие.

– Бесит, что мы ничего не можем сделать, – сказал я.

– А что ты хочешь сделать? – спросил депутат Палюга.

– Если бы я знал «что» – я бы сделал, – сказал я, – Протесты затрамбованы, никто не выйдет под дубинки. Говорить открыто нельзя. Война идет, а мы никак не можем на это повлиять.

– Есть у меня одна идея.

Я вопросительно посмотрел на депутата Палюгу.

– Но мне еще надо над ней подумать! – сказал он. Подъехало такси, мы попрощались.

– Когда ты нам расскажешь?

– Там есть юридические вопросы, мне нужно время, чтобы их изучить, – ответил депутат Палюга, – Я пришлю заранее, чтобы мы успели вместе доработать к следующему заседанию.

Я кивнул ему на прощание и, заинтригованный, пошел домой. Депутат Палюга захлопнул дверь такси и поехал думать над своей загадочной идеей.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА

Депутат Палюга – надежный человек. Если он обещал подумать, то действительно это делал. К сентябрьскому заседанию совета он предложил депутатам проголосовать за письмо в Государственную Думу с требованием обвинить Путина в государственной измене и отправить в отставку. При этом депутат Палюга предложил в письме перечислить аргументы, почему действия Путина подпадают под государственную измену.

– Мы уже подписали кучу петиций с аргументами и риторикой, понятной нашей, антивоенной аудитории, – сказал Палюга, – Новых аргументов мы не придумаем, наши люди и так против войны. Нужно сыграть на поле противника и перечислить аргументы, которые заставят задуматься сторонников войны.

Депутаты согласились, что важно говорить о происходящем и обращаться к разным аудиториям с разными аргументами, чтобы война закончилась как можно скорее.

Мы придумали четыре причины, по которым можно обвинить Путина в государственной измене и которые будут понятны путинистам.

Они считали, что НАТО – это очень плохо, что это угроза России. Мы написали, что благодаря решению Путина начать войну, сухопутная граница России и НАТО увеличится более чем в два раза, после присоединения к НАТО Финляндии.

Они считали, что Украину надо демилитаризировать, но в результате решения Путина Украина получила вооружений и международной помощи на 38 млрд долларов (на сентябрь 2022 года). Получилось обратное – милитаризация Украины.

Умирали российские солдаты и страдала российская экономика. Все это последствия решения президента. Война, которую

начал Путин, угрожала безопасности России и безопасности российских граждан.

Депутат Палюга подготовил текст письма. Большинство депутатов коалиции его поддержало:

«Муниципальный совет Муниципального образования Смоленское

в Комитет Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции

в Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству

Согласно статье 176 главы 22 раздела IV Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ депутаты Государственной Думы вправе выступить с предложением о выдвигении обвинения против президента Российской Федерации для отрешения его от должности.

По нашему мнению, с начала проведения специальной военной операции на территории Украины в действиях президента Российской Федерации Путина В. В. присутствуют признаки преступления, предусмотренного в статье 93 Конституции Российской Федерации – государственной измены.

Начиная с 24 февраля 2022 и по сей день:

1. В СВО уничтожаются боеспособные подразделения армии РФ, гибнут и становятся инвалидами молодые трудоспособные граждане;

2. Страдает экономика России. Недоступность иностранных комплектующих, уход компаний и инвесторов с рынка, эмиграция образованного населения – все это не может пройти бесследно для экономического благополучия граждан России;

3. Блок НАТО расширяется на восток. Ранее президент РФ неоднократно заявлял о том, что расширение НАТО на восток

угрожает безопасности страны. Однако в результате действий президента РФ принято решение о вступлении в НАТО Финляндии и Швеции. В результате протяженность границы России со странами НАТО увеличилась более чем в два раза;

4. Одной из целей СВО была объявлена демилитаризация Украины. Однако достигнут обратный эффект. За время СВО Украина получила современную военную технику и средства в сумме на 38 миллиардов долларов. Это больше годового военного бюджета Канады или Польши.

Считаем, что решение президента Путина о начале СВО наносит вред безопасности России и ее граждан.

В связи с этим просим вас как депутатов Государственной Думы выступить с предложением о выдвижении обвинения в госизмене против президента Российской Федерации для отрешения его от должности».

Мы прекрасно понимали, что депутаты Госдумы, прочитав наши обращения не прослезятся и не закончат войну. В лучшем случае мы получим от них отписку, а в худшем – приглашение к следователю. Но мы считали важным показать россиянам, что российская пропаганда врет, когда утверждает, что все в России поддерживают Путина и войну. Важно было продемонстрировать, что в России есть люди, которые выступают против. Что нас много, что есть целый орган власти, способный принять заявление против войны. С самого начала войны мы различными петициями пытались продемонстрировать, что такие люди есть, что они не одни, что нас много.

Спрос на такие акции был. Протесты к тому времени были затрамбованы. В сентябре 2022 года нельзя было выйти на Невский с антивоенным плакатом, вас тут же избивали полицейскими дубинками. Нужно было искать другие легальные формы протеста. Людям важно было выражать свою антивоенную позицию и важно видеть, что кто-то другой тоже ее выражает.

7 сентября 2022 года мы собрались на заседание муниципального совета. Оно было созвано в соответствии с регламентом. Кворум имелся.

Присутствовал помощник депутата Бархатовой — Смоляк. Он стоял под фонарем в своей традиционной позе: с телефоном у уха. Как всегда, без шапки.

Доступа в здание не было. Заседание, по традиции, провели на крыльце. Председательствовала депутат Мишкинис. Прежде чем начать, она убедилась, что трансляция в интернете идет исправно, чтобы жители могли посмотреть, как работают их депутаты.

— Мы уже 20 минут пытаемся попасть внутрь, звоним в дверь — никто не открывает, — депутат Мишкинис начала заседание с видеофиксации факта недопуска депутатов в здание, — Кворум есть!

Приступили к обсуждению повестки дня. Как всегда, первый вопрос был о выборах главы. Мы были вынуждены отложить его в сторону. Четырнадцать депутатов собрать не удалось, коалиция состояла только из 12 депутатов, а остальные 8 уже несколько лет не появлялись на заседаниях и фактически бросили муниципалитет и своих избирателей.

Я внес на рассмотрение совета три депутатских запроса. Депутаты проголосовали, чтобы включить их в повестку дня. Депутат Чеботарь с голоса предложил рассмотреть депутатский запрос об улучшении транспортного обслуживания населения. Мы не видели текст заранее, но решили, что ознакомимся в ходе обсуждения и проголосовали за включение в повестку дня.

Депутат Палюга протянул руку.

— В завершение вечера предлагаю рассмотреть запрос депутатам ГосДумы РФ, — сказал депутат Палюга.

— Голосуем за внесение вопроса в повестку, — объявила Мишкинис.

Девять депутатов за. Депутат Серая воздержалась.

— Вопрос внесен!

Поскольку Ранков не участвовал в организации заседания, мы всегда назначали следующее заседание несколькими способами – всеми возможными, какие позволял регламент.

– Давайте в начале назначим дату следующего заседания, – предложила председатель Мишкинис, – Пятого октября все депутаты могут?

Депутаты закивали.

– Пошлет Боженька нам теплую погоду! – мечтательно сказал я, поднимая руку. (Я даже не догадывался, что 5 октября буду находиться в бегах в Дании, где стоял жуткий дубак. Никакой теплой погоды лично мне Боженька не послал). Решение приняли единогласно.

Повестка была утверждена, приступили к рассмотрению вопросов по существу.

Начали с трех депутатских запросов, которые я подготовил совместно с помощником депутата Мишкинис – Алексеем Воробьевым. Жители Смольнинского обращались с просьбой обезопасить пешеходные переходы, мы с Алексеем решили систематизировать эту работу.

На Водопроводном переулке в створе Шпалерной улицы пешеходного перехода вообще не было. Жители не могли перейти на другую сторону, не нарушив правила дорожного движения. Депутаты единогласно утвердили запрос в ответственные службы с просьбой спроектировать и построить современный и безопасный переход, слегка приподнятый, со всей необходимой разметкой и знаками.

Аналогичный вопрос рассмотрели по Мелитопольскому переулку. Жители обратились с просьбой о безопасном пешеходном переходе рядом со школой №183. «Было бы замечательно иметь около школы пешеходный переход», – сказал я. Депутаты проголосовали «за» единогласно.

Третьим проблемным местом была 2-я Советская улица. Городские службы отремонтировали ее, но забыли, что переходить шестиполосную дорогу без светофора и островков безопасности было, мягко говоря, некомфортно. Таких необорудованных пере-

ходов было три. Депутаты единогласно утвердили запрос с требованием установить светофоры и островки безопасности.

Эти три решения были началом большого проекта по совершенствованию пешеходных переходов в Смольнинском. К следующему заседанию мы с Алексеем Воробьевым планировали подготовить еще несколько таких запросов.

– Мы за безопасные переходы во всем округе, – сказал я, – Будем эту работу вести системно и обратим внимание ответственных служб на все проблемные переходы.

Депутат Чеботарь предложил обратиться в транспортные службы с предложением об улучшении работы 33-го троллейбуса. Проблем было несколько. Во-первых, троллейбус работал только по рабочим дням. Во-вторых, троллейбусов на маршруте было недостаточно: всего пять единиц. Интервал движения составлял больше 25 минут.

– Это очень долго! – сказала председатель Мишкинис.

– Это единственная связь метро Чернышевской с Красногвардейским и Невским районами, – пояснил депутат Чеботарь.

Депутат Чеботарь предложил увеличить количество троллейбусов на линии до десяти единиц, тем самым сократив интервал движения, а также организовать работу маршрута не только по рабочим дням, но и в выходные.

– Это возможно осуществить, – сказал депутат Чеботарь, – Сейчас город проводит массовую закупку троллейбусов. Подвижного состава должно хватить.

Депутаты утвердили запрос единогласно.

Мы прошли по повестке дня, остался последний вопрос. Как сказал его автор – депутат Палюга, вопрос был припасен на десерт.

– Переходим к обсуждению депутатского запроса в Государственную Думу России, – сказала председатель Мишкинис, – Докладчик депутат Палюга, пожалуйста!

– Я кратко поясню, не буду зачитывать целиком, – приступил к докладу депутат Палюга, депутаты ознакомились с текстом и участвовали в его корректировке заранее, – Суть запроса

к депутатам Государственной Думы вот в чем. Согласно Регламенту Государственной Думы депутаты Государственной Думы вправе выступить с предложением о выдвижении обвинений против Президента Российской Федерации. Для отрешения его от должности. По моему мнению и по мнению депутатов Смольнинского, которые могут проголосовать «за», с февраля этого года в действиях президента могут присутствовать признаки преступления, которое предусмотрено статьей 93 Конституции РФ. Это государственная измена.

Депутат Чеботарь выпучил глаза. Депутат Серая опустила взгляд и поджала губы. Депутат Киселева посмотрела на небо.

— Далее подробно перечисляется, какие события мы считаем похожими на государственную измену. И в конце предлагаем каждому депутату Госдумы, каждому адресату выступить с предложением о выдвижении обвинения против президента Российской Федерации для отрешения его от должности.

— Коллеги, давайте зададим вопросы, — предложила председатель Мишкинис, — Есть ли правки? Замечания?

Я поднял руку.

— Да, Никита Андреевич! — председатель Мишкинис предоставила мне слово.

— Я прочитал письмо депутата Палюги, — сказал я, — Очень понравилось. Проголосую за него! Давайте добавим адресатов. Письмо надо отправить не только в комитеты, но еще лидерам фракций в Государственной Думе. Пяти парламентским фракциям.

— Окей! — кивнул автор запроса, — Я поддерживаю! Давайте им тоже отправим.

— Есть еще вопросы? — спросила председатель Мишкинис. — Если нет вопросов, давайте голосовать.

— Тогда сразу с поправкой от Никиты Андреевича, что надо расширить список адресатов, — сказал депутат Палюга.

— Хорошо, вопрос ставится на голосование сразу с поправкой от Никиты Андреевича, — объявила председатель, — Предлагаю голосовать. Кто за принятие решения?

– Поименное голосование, – напомнил я. Важно было утвердить этот запрос от имени муниципального совета, соблюдая все нормы Устава и регламента. Чтобы запрос в Госдуму был не очередным письмом от группы депутатов (таких мы написали много), а решением всего органа представительной власти.

– Поименно голосуем, – председатель считала поднятые руки, – Юферев, Чеботарь, Палюга, Балтруков, Киселева, Кузнецова, (фамилия удалена). «За» семь голосов. Кто против? Против нет. Кто воздержался? Воздержались трое: (фамилия удалена), (фамилия удалена), (фамилия удалена). Решение принято большинством голосов!

Нам очень повезло, что депутаты от «Единой России» и им сочувствующие бойкотировали заседание. Если бы они пришли, то семи голосов «за» было бы недостаточно для принятия решения. Письмо про отставку Путина не было бы принято. Единороссы нас поддержали своим бойкотом. Спасибо депутатам-единороссам! Открытым и латентным!

Вопросы для обсуждения были исчерпаны. Председатель Мишкинис завершила трансляцию заседания напутственной речью:

– Большое спасибо всем, кто смотрел трансляцию, всем кто еще посмотрит в записи это заседание совета. Мы работаем для вас, до встречи в октябре!

Никто из нас не догадывался, что это будет последнее очное заседание совета Смольнинского, а видеозапись трансляции посмотрит огромное количество людей. В том числе, сотрудники полиции и прокуратуры. Мы тоже посмотрим видеозапись, сидя рядом со своим адвокатом напротив судьи Смольнинского районного суда.

Депутат Дмитрий Палюга написал текст о своей инициативе специально для этой книги:

Идею о том, что Путин заслужил обвинение в госизмене, мне подкинули наши идеологические противники. С начала войны я периодически заглядывал в каналы Z-патриотов в Телеграме,

чтобы понимать, какие настроения царят в этой прослойке общества. «Спецоперация» сразу пошла не так, как им хотелось. Уже весной 2022 года эти каналы бурлили ненавистью к российским генералам и министру обороны Шойгу, правда, осторожно обходили стороной тему того, кто этого министра назначил. Летом, спустя почти полгода войны, ситуация начала меняться.

Под очередной новостью о неудачах российской армии один из комментаторов выдвинул смелое предположение: «Верховному гному глубоко безразлично реальное состояние армии и экономики страны, т.к. весь функционал его возможностей заключается лишь в балансировке сил грабящих страну и утилизирующих ее население... Наш пРезидент не НАШ!!!» (орфография и пунктуация автора сохранены).

Я обратил внимание на то, что этот комментарий заслужил больше всего лайков от провоенной общественности. Эта простая мысль выглядела как единственная точка соприкосновения во взглядах между условными либералами и турбо-патриотами.

Я подумал, что наш Совет мог бы вывести эту идею в публичное поле и поспособствовать ее распространению, благо, у нас уже был успешный опыт медийной активности.

Конечно, недостаточно было просто заявить на заседании о том, что президент вредит стране, мы с самого начала действовали в рамках законов РФ, и необходимо было использовать какой-то подходящий правовой акт. Нужный пункт довольно быстро нашелся в Регламенте Госдумы, согласно которому депутаты ГД РФ вправе выступить с предложением о выдвигании обвинения против президента Российской Федерации для отрешения его от должности.

Я предложил коллегам обратиться с предложением к Госдуме по этому вопросу на следующем заседании, и они сразу согласились, что было довольно смелым шагом: на тот момент гайки были уже очень плотно закручены, наш коллега из Москвы депутат Горинов получил семь лет колонии за одно только предложение отказаться от проведения конкурса детского рисунка во время военных действий.

Мы довольно быстро обозначили четыре ключевых пункта, которые радикально расходятся с целями, декларируемыми самим Путиным, а значит либо действия президента вредят стране, либо заявленные цели абсолютно не соответствуют действительности.

Заседание и голосование по этому вопросу прошло довольно буднично. Нам удалось принять обращение к Госдуме большинством голосов. После заседания мы привычно отчитались в соцсетях о рассмотренных Советом вопросах.

На следующее утро я проснулся от звонка журналиста одного из российских СМИ в изгнании: «Дмитрий, вы сумасшедшие?» – без прелюдий спросил он. В дальнейшую пару недель на нас обрушился шквал звонков и просьб об интервью. Если бы в 2019 году, когда мы только стали депутатами, кто-то сказал мне, что про МО Смольнинское напишут ведущие СМИ Европы, США и Японии, вряд ли бы я в это поверил!

Но важнее было количество личных сообщений, которое писали в соцсетях обычные незнакомые мне люди. Когда мы голосовали за обращение о госизмене, я был готов получить солидную порцию ненависти от так называемых «патриотов», однако, с обвинениями и угрозами мне написали всего несколько человек, тогда как со словами поддержки и одобрения – несколько сотен. И это несмотря на то, что новость об обращении разлетелась в том числе по «патриотическим» пабликам.

После начала войны государственные СМИ твердили о подавляющей поддержке народом России президента и «специальной военной операции», и, глядя на улицы Петербурга, сложно было в это не поверить. Жизнь шла, как обычно: люди гуляли вдоль каналов, стояли в очереди в пекарню, летним вечером шумно общались на улице перед баром. Если кто-то и обсуждал войну при незнакомцах, то в максимально отвлеченных формулировках: «Скорее бы все это закончилось». Наше обращение открыло для меня огромный пласт людей, которые, на первый взгляд, не были похожи на активных оппонентов, и тем

не менее, были резко несогласны с политикой Путина и развязанной им войной.

Люди писали мне благодарности в личные сообщения, подходили на улице, было заметно, как они рады увидеть в нас единомышленников. В каком-то смысле, это было очень вдохновляющее время. Конечно, никто из нас не рассчитывал, что Госдума отправит Путина в отставку, однако, благодаря всем этим людям, у меня появилась надежда на то, что у России может быть другое, более светлое, будущее.

РЕАКЦИЯ

Депутаты Смольнинского всегда отчитывались о заседании в социальных сетях. Мы опубликовали решения совета. Депутат Палюга разместил в твиттере текст решения о госизмене и отставке Путина. Другие депутаты тоже написали об этом, в том числе я. Также я написал три поста о депутатских запросах, которые утвердил совет, о повышении безопасности пешеходных переходов в Смольнинском. Но, признаться, в тот день переходы никого не интересовали.

Новость о том, что депутаты предложили обвинить Путина в госизмене и отправить в отставку, взорвала интернет. Наши посты и твиты еще никогда не набирали такое количество просмотров и репостов. Текст обращения перепечатывался популярными пабликами и телеграм-каналами. Потребовалось буквально несколько часов, чтобы по стране разлетелись фразы «Путина в отставку», «Путин совершил государственную измену». Избиратели начали присылать мне ссылки на посты про дерзких депутатов Смольнинского со словами: «Это же вы!», «Это же про вас!», «Спасибо!», «депутаты Смольнинского – лучшие!».

Депутаты получили обратную связь. Люди нас благодарили. Мы делились друг с другом самыми теплыми письмами и сообщениями, полученными от россиян.

Шел восьмой месяц войны, власть затрамбовала протесты так, что на улицы уже никто не выходил. Но запрос на любые акции против Путина и против войны был очень силен. Общество было готово к нашему заявлению и ждало его.

Утром начались звонки. Журналисты заинтересовались историей. Мы были счастливы как можно шире распространить наше послание о том, что Путин должен уйти. Депутаты

Смолянинского раздавали интервью направо и налево. Без остановки.

Депутат Палюга жаловался, что ему не дают работать и его работодатель, кажется, начал подозревать, что обязанности на основной работе Палюга отодвинул на второй план. Напомню, что муниципальные депутаты не получали зарплату за свою депутатскую деятельность. Это общественная нагрузка. Помимо депутатства, мы все имели основное место работы.

В первые дни у меня не было никакой системы по работе с журналистами. Но в какой-то момент я понял, что не справляюсь: пока давал одно интервью, приходил запрос на несколько новых. Пришлось завести календарь. Основная нагрузка, конечно, легла на автора обращения в Госдуму – депутата Палюгу.

Мы с коллегами помогали друг другу: когда кто-то из депутатов не мог дать интервью, он передавал эту обязанность другому. Семь депутатов проголосовали за письмо об отставке Путину и каждый вносил вклад в распространение этой идеи. Мы следили за выступлениями друг друга. Если кто-то из депутатов хорошо сформулировал важную мысль – все депутаты начинали ее использовать в своих интервью. Через какое-то время интервью одного депутата Смолянинского стало неотличимо от интервью другого.

Новость про отставку Путина вышла за пределы России, журналисты начали звонить из разных часовых поясов: из Японии, США, Латинской Америки. Через несколько дней жена в резкой форме потребовала от меня, чтобы я оставлял время на сон. Никаких звонков ночью, депутат Юферев обязан спать как минимум с полуночи до семи утра. Пришлось подчиниться.

В один из дней мне не удалось позавтракать. Обед тоже пришлось пропустить. Когда я не присоединился к ужину, жена ворвалась в детскую комнату (которую я временно оккупировал, чтобы работать). Татьяна Сергеевна поставила передо мной тарелку с пюре и тремя котлетами. Она была крайне недовольна, что я перестал есть и намеревалась это исправить. Я был в наушниках и делился с журналистом своими ценными мыслями.

Татьяна Сергеевна сорвала с меня наушники и волевым решением прервала интервью.

Котлеты были очень вкусные.

Дети, обделенные вниманием, запускали ко мне в комнату кота. Иногда — обоих котов сразу. Коты были настроены на игру и царапали мне ноги. Это почти всегда совпадало с прямыми эфирами.

Благодаря тому, что нас было семь депутатов (проголосовавших за), мы справились с этим информационным потоком и не отказали ни в одном интервью. Все, кто хотел получить комментарий, его получили. Мы не вели никакого учета, через какие сми удалось рассказать людям об отставке Путина. Но через пару недель, когда ажиотаж спал, мы составили список журналов, газет, интернет-изданий, телеканалов и проч., которые написали про нашу инициативу, какие смогли найти поиском в гугле. Список занял девять страниц.

Во первых, все российские оппозиционные сми — на тот момент уже работающие из-за границы — Медиазона, Медуза, Новая Газета, The Insider, Republik, Бумага, Настоящее время и другие. Из англоязычных можно выделить Washington Post, The Spectator, Daily Mail, BBC, Fox News, NY Times, Newsweek, CBC. Я рассказал о нашей инициативе в эфире CNN на шоу Эрин Барнетт. О предложении отправить Путина в отставку написали французская Liberation, шведская Svenska Dagbladet, испанская El Mundo. Сюжеты с участием депутатов Смольнинского показали корейские и японские телеканалы.

Особого внимания мы были удостоены со стороны немецких СМИ: ARD, ZDF, Deutsche Welle, NTV, Berliner Zeitung, Bild, Blick, Stern, Spiegel, Welt, SRF. Доктор Йохан Биттнер из газеты Die Zeit предложил мне написать статью, в которой я от первого лица рассказал немецким читателям об инициативе депутатов Смольнинского и о том, что далеко не все в России поддерживают Путина и войну. Эта статья стала одной из трех причин, из-за которых на меня завели уголовное дело о дискредитации российской армии.

Чуть позже правительство Санкт-Петербурга заказало исследование о том, в каких странах и в каком контексте упоминался наш любимый город. Исследование проводилось только в так называемых «дружественных» странах. Оказалось, что в большинстве дружественных стран бывают новости про Санкт-Петербург. Но, что интересно нам, в большинстве из них Санкт-Петербург упоминался в контексте инициативы про отставку Путина.

Боюсь представить, какие результаты получило бы правительство Санкт-Петербурга, если бы заказало аналогичное исследование по недружественным странам. Мы хорошо поработали, в том числе на зарубежную аудиторию, пытаюсь рассказать, что не все в России за Путина и что в России есть антивоенные инициативы.

Но главное, как эту информацию распространяли сами россияне, внутри России. Основным каналом стали социальные сети: Вконтакте, Одноклассники и Телеграмм. Новость о депутатах из Санкт-Петербурга, проголосовавших за отставку Путина, появилась во всех ведущих пабликах. Люди пересылали друг другу информацию. Обсуждали, спорили, поддерживали. Некоторые ругали, но таких было мало. Мысль о том, что Путин совершил госизмену, напав на соседнюю страну, стремительно распространялась. Мы достигли важной цели — отставка Путина обсуждалась в российском обществе.

Незнакомые люди со всей страны находили контакты депутатов Смольнинского, чтобы поблагодарить. Тысячи слов поддержки! Нам предлагали оплатить штрафы, адвокатов. Один человек настойчиво предлагал мне оплатить билеты на другой конец света — до Мексики, для меня, жены, детей и даже наших котов, чтобы мы чувствовали себя в безопасности.

Самое ценное — это поддержка наших избирателей. Безумно приятно, когда на улицах Смольнинского жители муниципалитета останавливали депутатов, жали руку, благодарили, говорили, что поддерживают нас и поддерживают отставку Путина.

Нам важно было как можно шире распространить наше послание: война вредит России, Путин совершил госизмену. По-

этому все работали на износ. Мы прекрасно понимали, что новостной цикл очень короткий и уже через несколько недель про депутатов Смольнинского забудут. Нужно было успеть рассказать как можно большему количеству людей, что Путин должен уйти.

Считаю, мы справились. Новость разошлась широко, ее сложно было игнорировать, поэтому даже провластные СМИ были вынуждены написать об этом. Конечно, про наш поступок они сообщили в самом негативном ключе, но это было не важно. Важно, что их читатели и зрители узнали про предложение депутатов отправить Путина в отставку.

Заседание, на котором было принято решение, состоялось вечером 7 сентября. Прошли сутки и вечером 8 сентября депутаты получили СМС от полиции.

Я получил сообщение следующего содержания:

«Уважаемый Юферев Никита Андреевич! Вам надлежит явиться в 76 отдел полиции УМВД России по Центральному району города Санкт-Петербурга по адресу: город Санкт-Петербург, улица Мытнинская, дом 3, 09.09.2022 к 09 часам 00 минут для составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч.1 ст.20.3.3 КоАП РФ по факту совершения действий, направленных на дискредитацию действующей власти РФ, 07.09.2022 около 19 часов 00 минут по адресу: город Санкт-Петербург, улица Одесская, дом 1».

Все депутаты получили приглашение в полицию на одно время: 9 часов утра следующего дня. У нас была ночь, чтобы решить два вопроса.

Во-первых, нужно было срочно найти адвоката. Нам помогала целая команда юристов, отлично разбирающихся в законодательстве о местном самоуправлении, но у нас не было адвоката, специализирующегося на отбивании от полиции. Я обратился в организацию «Сетевые свободы». В течение нескольких часов они нашли адвоката и сказали, что оплату его работы организация возьмет на себя.

Во-вторых, нужно было определиться, стоит ли в принципе идти в полицию на следующий день. Официальной повестки мы не получали, СМС за нее не считалось. Адвокат посоветовал все же сходить. Полицию не затруднит прислать повестку, но существовала вероятность, что полиция насмотрится наших интервью, которые мы к тому времени уже начали раздавать как горячие пирожки, и вместо административки мы получим уголовку, а вместо повестки к нам в квартиры придут следователи с обыском. Такие случаи уже были, когда к людям, обвиняемым по закону о военной цензуре, вламывались в квартиры без предварительного вызова в полицию.

Адвокат также сказал, что существует риск, что фактом того, что административка сменилась на уголовку, нас могут обрадовать прямо во время визита в полицию. Поэтому общее решение было такое: мы ходим в полицию, но соблюдая меры предосторожности, о которых я напишу дальше.

У депутата Полуйкова были свои отношения с полицией. В прошлый раз, когда депутатов всем составом задержали после заседания и увезли в отделение, депутат Полуйков с уверенным выражением на лице попросил дежурного открыть дверь и скрылся. Мы называли его «сбежавший депутат». В этот раз депутат Полуйков сказал, что никуда не пойдет, потому что месяц назад купил билет в Турцию, где планировал провести отпуск, и в 9 утра он уже будет купаться в море. С очень красивой девушкой, в отношении которой у него были серьезные намерения.

— Желаю вам удачи! — сказал депутат Полуйков.

Утром депутаты Смольнинского встретились в кофейне в паре кварталов от отделения полиции. Депутат Полуйков прислал в чат фотографию, на которой он, сидя по пояс в воде, салютует нам алкогольным коктейлем. Пришел адвокат, мы заказали по стакану кофе и вышли на улицу.

Стратегия была такая.

У всех было назначено на одинаковое время. Адвокат считал, что депутатам нельзя идти вместе: зачем доставлять поли-

ции столько удовольствия и сдаваться всей бандой в полном составе? Нужно идти по одному. Первым в отделение полиции заходит адвокат, оценивает обстановку, насколько негативно настроены сотрудники полиции. Дальше адвокат предлагает полицейским составить график, по которому депутаты будут заходить в отделение. Если полицейские хотят увидеть депутатов сегодня — без повестки, на основании СМС — то депутаты будут заходить в отделение по очереди. Следующий депутат зайдет внутрь только после того, как предыдущий выйдет. Если полиция заартачится и потребует всем явиться одновременно, то это будет явный сигнал, что внутрь заходить нельзя.

Адвокат попросил нас сразу определиться, в каком порядке мы хотим пойти. У первого было больше рисков. Если его не выпустят из полиции, то остальным надо будет разбежаться и подыскивать места, где можно скрываться от уголовного преследования. Но первый депутат будет задержан. Балтруков однозначно не мог пойти первым, потому что у него уже имелась одна административка и он был самым вероятным кандидатом на получение уголовного обвинения.

Депутаты немного подвисли, каждый думал, готов ли он пойти первым. Проблему решил депутат Чеботарь. Он очень ценил свою основную работу и переживал, что он находился с нами, а не на работе, хотя рабочий день уже начался. Депутат Чеботарь профессионально занимался «оптимизацией дебиторской задолженности» или, если перевести на человеческий язык, выбивал долги из неплательщиков. Депутат Чеботарь не хотел сильно опаздывать и вызвался идти первым.

Адвокат ушел в полицию. Примерно через полчаса он позвонил и сообщил, что в отделении его встретили «спокойно», он переговорил с руководством отделения и, похоже, что им важно как можно скорее выписать нам протоколы, поэтому они готовы согласиться с нашими условиями. Полиция была согласна принимать депутатов по одному.

Чеботарь пошел внутрь, остальные сидели в кофейне. Когда он вышел, все расслабились: ареста можно не бояться.

Процедура проходила скучно. Депутаты по очереди заходили, полицейские оформляли протоколы. Наш адвокат давал советы, где и что написать.

Несмотря на то, что в полицию были вызваны все депутаты, присутствующие на заседании, протоколы о дискредитации были составлены только на тех, кто проголосовал за решение об отставке Путина. Воздержавшиеся депутаты были отпущены из полиции без протокола, в качестве меры полицейского реагирования с ними была проведена «беседа».

Обычно, когда гражданин пишет заявление в полицию, полиция реагирует не очень быстро. Если вообще реагирует. В нашем случае полиция отреагировала мгновенно – на следующий день после заседания. Во время составления протокола из материалов дела мы узнали, кто был инициатором преследования депутатов.

Полтора года назад глава Центрального района Максим Мейксин написал заявление в Следственный комитет на депутата Мишкинис, требуя провести проверку по нескольким статьям уголовного кодекса, когда мы пытались зарегистрировать Мишкинис в качестве и.о. главы муниципалитета.

В этот раз заявление тоже было написано главой района: товарищем Федоровой. Она сменила Мейксина на этом ответственном посту и продолжила политику разрушения местного самоуправления на вверенной территории.

8 сентября товарищ Федорова написала донос в правоохранительные органы. Письмо №01-12-3630/22-0-0 было оформлено на официальном бланке Администрации Центрального района Правительства Санкт-Петербурга. Товарищ Федорова обратилась сразу во все инстанции. Адресатами были одновременно прокуратура, Следственный комитет, полиция и даже ФСБ. Федорова сообщила им, что депутаты Смольнинского планируют обратиться в Государственную Думу с инициативой о выдвигении обвинения против Президента для отрешения его от должности.

Федорова написала свой донос не как гражданин, а как глава органа власти, как ставленница губернатора в Центральном районе. Она потребовала «принять меры». Ее заявление стало основанием для наказания депутатов Смольнинского.

Ранков молниеносно заявил, что он не имеет никакого отношения к принятию решения о госизмене и отставке Путина.

«Единая Россия» организовала серию обсуждений поступка депутатов Смольнинского на заседаниях муниципальных советов в других муниципалитетах по всему городу. Главы муниципалитетов толкали речи про «предателей из Смольнинского». По их мнению, главной целью депутатов Смольнинского были хайп и негатив. Утверждалось, что мы бездельники, которые не занимались проблемами муниципалитета, а вместо этого лезли не в свое дело. Эти обвинения звучали во время заседаний муниципальных советов, вместо обсуждения муниципальных вопросов.

По городу прокатилась волна заявлений от муниципальных советов, что они решительно отрешиваются от мнения депутатов Смольнинского и поддерживают политику президента и специальную военную операцию. Инициатором этой акции стал глава МО Большая Охта Николай Паялин. Он активно поддерживал контакты с ДНР и ЛНР, в том числе за счет муниципалитета.

На заседании совета Большая Охта Паялин заявил, что о письме депутатов Смольнинского стало слишком широко известно. «Мне звонит один из министров Донецкой народной республики», — сказал Паялин, — «Присылает мне это обращение, за которое мне становится просто стыдно..».

Паялин написал текст альтернативного заявления и потребовал от депутатов Большой Охты проголосовать: «Депутаты МО „Большая Охта“ выражают полное доверие президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину в его решении о проведении специальной военной операции по освобождению Украины от националистического режима», — говорилось в заявлении.

По примеру Большой Охты с аналогичными заявлениями выступили другие муниципалитеты, где у «Единой России» было большинство.

Общественная дискуссия, которую поднимали единороссы, нам нравилась. Единороссы рассказывали петербуржцам, что Смольнинское утвердило текст письма против Путина и войны. «Единая Россия» очень старалась, сама того не подозревая, рассказать как можно большему количеству людей, что не все поддерживают войну, что в Петербурге есть депутаты, выступающие против войны, и целый орган власти, утвердивший резолюцию с требованием отставки Путина.

Партия ЛДПР обратилась к губернатору Санкт-Петербурга с предложением распустить муниципальный совет Смольнинского. ЛДПР назвала наши действия недопустимыми во время специальной военной операции на территории Украины и отметила, что в такое время нельзя ставить под сомнение решения президента Путина.

Выступил спикер Законодательного собрания Санкт-Петербурга Александр Бельский («ЕР»). Он смог отправить спикера Макарова на пенсию (депутатом в Государственную Думу) и занял его кресло в Законодательном собрании.

— Вы знаете, моя позиция в этом плане достаточно жесткая, — заявил спикер Бельский, — Я никогда ее не скрывал... Скажу так, я всегда все пытаюсь перенести в простую плоскость. Я сам жил в Петербурге, во дворе. Мы, конечно, во дворе за такие вещи ребят могли побить.

Спикер Бельский был второй по влиянию городской чиновник (после губернатора). Его высказывание мы восприняли как угрозу.

В полномочия муниципалитета входила, в том числе, популяризация спорта. Поэтому депутат Палюга в целях популяризации спорта среди населения Санкт-Петербурга пригласил Бельского присоединиться к спортивному мероприятию на территории Смольнинского: «К боксерскому поединку с моим уча-

стием», – написал депутат Палюга в официальном письме на имя спикера.

По закону у спикера Бельского было 30 дней, чтобы ответить. Но он ничего отвечать не стал. Через некоторое время журналисты ЗАКС.ру поинтересовались, почему, сделав довольно воинственное заявление про дворовые драки, он не ответил на приглашение Палюги побоксировать. Спикер Бельский сказал:

– Я не являюсь боксером и не собираюсь повышать узнаваемость какого-то конкретного человека, который обращается ко мне со всякой глупостью!

Таким образом мы узнали, что спикер Бельский силен только языком. Он слился с поединка и не стал физически защищать честь любимого президента.

Ранков не подписал решение совета об утверждении депутатского запроса в Государственную Думу. Не подписала его председательствующая на том заседании депутат Мишкинис. Я прекрасно понимаю ее сомнения на этот счет, учитывая, что обвинение в дискредитации за участие в заседании ей удалось избежать. Но решение надо было как-то подписывать и отправлять адресатам.

Мы собрали внеочередное заседание. Депутаты участвовали лично через видео-конференцсвязь, по ковидному регламенту. Большинство проголосовало за то, чтобы наделить меня, как председателя Контрольно-счетной комиссии, полномочиями подписать решение о депутатском запросе. Я в тот же вечер выполнил поручение совета и отправил депутатский запрос в Госдуму.

Большинство адресатов ответили отписками.

Но пришел один ответ, о котором стоит упомянуть. Депутат Государственной Думы Михаил Романов («ЕР») сообщил, что он переслал заявление депутатов Смольнинского Генеральному прокурору России, председателю Следственного комитета, а также Министру внутренних дел Российской Федерации и попросил их провести проверку. Правда, депутат Ро-

манов просил проверить не президента Путина, а депутатов Смольнинского.

ДЕПУТАТЫ ПРОТИВ ПУТИНА

8 сентября, на следующий день после заявления депутатов Смольнинского, с похожим заявлением выступили депутаты муниципального округа Ломоносовский (Москва). У них было последнее заседание созыва, через несколько дней в этом муниципалитете должны были состояться выборы.

Депутаты Ломоносовского решили напоследок сделать важное политическое заявление. Большинством голосов они приняли решение «Об обращении Совета депутатов муниципального округа Ломоносовский к В. В. Путину о сложении полномочий Президента Российской Федерации».

Депутаты отметили, что для благополучия страны нужна сменяемость власти и что после второго срока Путина «все пошло наперекосяк». Депутаты Ломоносовского попросили Путина уйти в отставку в связи с тем, что его взгляды и его модель управления безнадежно устарели и препятствуют развитию России.

Мы не были знакомы. Московские коллеги поддержали нашу акцию по собственной инициативе. Таким образом, два муниципальных совета высказались за отставку Путина.

Депутат МО Малая Охта (Санкт-Петербург) Василий Кунин тоже поддержал отставку. К сожалению, в его муниципалитете пропутинские депутаты составляли большинство, поэтому депутату Кунину пришлось обратиться в Государственную Думу самостоятельно. Он направил депутатский запрос на официальном бланке с требованием отправить Путина в отставку в связи с совершенным преступлением по статье 353 УК РФ «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны». В своем письме депутат Кунин указал, что «курс Владимира Путина отбрасывает нашу страну на десятилетия назад».

Существовал городской чат, где оппозиционные депутаты из различных муниципалитетов могли обсудить свои проблемы и спросить мнение коллег. Муниципальный депутат (фамилия удалена) из МО Южно-Приморский (Санкт-Петербург) высказал в чате идею, что можно было бы поддержать инициативу Смольнинского и Ломоносовского.

Я связался с депутатом Палюгой. Мы решили, что было бы неплохо подтолкнуть других муниципальных депутатов поддерживать отставку Путина.

– Сейчас очень правильное время для эффекта снежного кома, – сказал депутат Палюга.

Муниципалитетов, где у оппозиции большинство, было не так много. Принять антивоенное заявление в ходе голосования в большинстве муниципалитетов не получится, «Единая Россия» заблокирует эти инициативы. Мы решили собрать подписи отдельных депутатов под коллективным письмом. По аналогии с тем письмом, под которым собирал подписи депутат Бобринский в самом начале войны.

Важно было создать эффект, что все больше официальных лиц присоединялось к требованию отправить Путина в отставку.

– Можно сочинить текст, максимально беззубый, с жидкими формулировками, чтобы подписей собрать побольше, – предложил я, – Лишь бы была фраза: Путина в отставку!

– Да, – согласился депутат Палюга, – Можно не особо напирать на СВО. Страна давно катится в жопу и вот докатилась.

10 сентября депутат Палюга прислал мне такой текст:

«Мы, подписавшиеся ниже муниципальные депутаты, считаем, что действия Путина В. В. на должности Президента Российской Федерации вредят как гражданам РФ, так и будущему России в целом. Мы призываем Путина В. В. досрочно прекратить свои полномочия, уйдя в отставку в соответствии со частью 2 статьи 92 Конституции Российской Федерации».

Текст был хорош. В нем не было упоминания СВО, а значит подписантов сложно было обвинить в дискредитации армии. Не все депутаты готовы подписывать резкие письма. У каждого

своя мера восприятия рисков. Чем безопаснее текст, тем больше подписей соберем.

Читателю этой книги сложно будет поверить, но я люблю сокращать тексты. Я немного сократил текст Палюги:

«Мы, муниципальные депутаты России, считаем, что действия Президента В. В.Путина вредят как гражданам, так и будущему России в целом. Требуем отставки Владимира Путина с поста президента!».

Решили, что депутатам Смольнинского нельзя быть инициаторами и подписантами этого письма, чтобы оно не воспринималось как еще одна наша инициатива. Смольнинское уже выпустило одно заявление и второе, аналогичное по смыслу, не привлекло бы внимания.

– Если там будут наши фамилии, то все решат, что опять эти безумцы развлекаются, – сказал депутат Палюга.

Осталось выбрать депутата, который станет лицом подписной кампании. Нетривиальная задача. Во-первых, это должен быть депутат, которого мы знаем. Отпускать такую важную кампанию в неконтролируемое плавание мы не хотели. Во-вторых, депутат должен согласиться на определенные риски. Несмотря на то, что письмо было безобидным с точки зрения военной цензуры, в нем содержался прямой призыв отправить Путина в отставку, что могло плохо закончиться для организатора сбора. В-третьих, мы рассчитывали, что сбор подписей депутатов станет громкой историей и депутат, который будет лицом кампании, должен уметь связать три слова в одно предложение, чтобы правильно доносить информацию до журналистов. С контактами журналистов у депутатов Смольнинского тогда проблем не было, мы планировали подтолкнуть депутатское письмо в СМИ, когда подписи начнут собираться.

Самым очевидным кандидатом был депутат (фамилия удалена). Он подал идею, заставившую нас с Палюгой сочинять текст и придумывать концепцию общественной кампании. Палюга связался с (фамилия удалена), но оказалось, что у него уже име-

ется одна административка за дискредитацию. Мы решили не рисковать.

Мне всегда нравился депутат Виталий Боварь из Владимирского округа (Санкт-Петербург). Впоследствии он был объявлен иностранным агентом. Но на тот момент у него не было даже административки.

– Боварь чистый! – предложил я новую кандидатуру.

Но Боварь в тот день, наверное, был не в настроении. На мое осторожное предложение собрать подписи у депутатов Земского съезда – организации, объединяющей несколько сотен депутатов из разных концов России, в которой Боварь состоял, он ответил отказом, потому что я – депутат Юферев – отказался в свое время стать участником Земского съезда.

– Да что ж эти депутаты не хотят немного попиариться! – отреагировал Палюга, когда я сообщил, что с Боварем договориться не получилось.

Я связался с Иваном Сорокиным. Сорокин был политический активист демократических взглядов, который участвовал в муниципальных выборах, но ему не хватило одного голоса, чтобы стать депутатом. Он очень шавутной и любил что-нибудь организовывать. Мне казалось, что энергичность Сорокина поможет найти лицо кампании и организовать сбор подписей.

Сорокин предложил сделать лицом кампании депутата из МО Семеновский (Санкт-Петербург) Ксению Торстрем. Мы с Палюгой пришли к выводу, что лучше кандидата быть не может.

Во-первых, Торстрем – девушка. Во-вторых, умеет коммуницировать с людьми. В-третьих, что самое важное, она находилась за границей и могла вести кампанию в СМИ, не опасаясь за свою безопасность.

Сорокин убедил Торстрем присоединиться и она возглавила кампанию «Депутаты требуют отставки Путина». Сам Сорокин занялся сбором подписей. Депутат Боварь все-таки решил поучаствовать. Он собирал подписи депутатов Земского съезда.

Сбор шел тяжело. За сутки мы собрали только 19 подписей. У этой истории был очевидный потенциал, но депутаты осторожничали и не присоединялись. Нужно было продемонстрировать, что поставить подпись за отставку Путина – это одобряемое поведение для депутата, – тогда сбор пойдет легче.

Сорокин посчитал, что 19 депутатов были представителями 17 муниципалитетов. В муниципалитетах мы выглядели намного весомей!

Текст заявления и подписи нужно было публиковать. Ксения Торстрем готовилась выступить с публичным заявлением, что депутаты из 17 муниципалитетов потребовали отставки Путина. Забегая вперед, наша задумка удалась, потому что такие заголовки (дословно) мы увидели в основных оппозиционных СМИ. Депутат Торстрем большая молодец!

Решили, что Торстрем опубликует заявление и подписи 12 сентября в 10:30 по московскому времени. Депутат Палюга заранее договорился с несколькими журналистами, что они подтолкнут эту историю. Также у депутата Палюги был запланирован очередной прямой эфир, где он хотел рассказать, что вслед за депутатами Смольнинского отправить Путина в отставку потребовали депутаты еще 17 муниципалитетов. Общественная кампания была готова к запуску.

В назначенное время депутат Торстрем ее запустила.

На момент публикации были подписи из 18 муниципалитетов.

Все получилось, как мы задумали. Россиянам важно было видеть, что не все официальные лица сошли с ума и поддерживают Путина, поэтому письмо Торстрем разлетелось по стране мгновенно. Общественная дискуссия над отставкой Путина продолжилась.

Депутат Торстрем прекрасно справилась со своей работой. Ее слова про то, что не все в России поддерживают Путина и его политику, прозвучали на весь мир. А муниципальные депутаты стали в сентябре 2022 года новым политическим феноменом. Нас было немного, но мы были громкие. Мы постарались доне-

сти до российского общества простую мысль: Путин вредит России, Путин всем надоел, он должен уйти.

После публикации к сбору подписей присоединился депутат Дворцового округа (Санкт-Петербург) Андрей Моисейкин. Он использовал свои связи, чтобы собрать больше подписей. Петицию подписали 75 депутатов из разных частей России: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Ленинградская область, Самарская область, Новгородская область, Воронежская область, Томская область, Тульская область, республика Марий Эл, республика Саха (Якутия).

СУД

Нас судили по отдельности. Как сказал адвокат, стратегия обвинения заключалась в том, чтобы в начале осудить депутата Палюгу, как зачинщика, а после проштамповать обвинительные решения в отношении других депутатов Смольнинского.

Материалы дела поступили в Смольнинский районный суд утром 12 сентября. Судья Резникова Светлана Валерьевна сразу назначила дату судебного заседания. Она захотела судить депутата Палюгу 13 сентября.

На подготовку была одна ночь. Судья Резникова не оставила защите время на ознакомление с материалами и подготовку правовой позиции. Конечно, адвокат начал писать позицию заранее, сразу после составления протоколов, но всех материалов дела он не видел. Тот факт, что судья спешила как можно скорее провести суд, указывал, что решение по депутатам Смольнинского уже принято. Нужно только оформить. И побыстрее!

Дело депутата Палюги рассматривали в здании суда на 3-й Советской улице. Адвокат попросил отложить рассмотрение на две недели, чтобы получить возможность ознакомиться с материалами. Судья Резникова отказала.

В ходе суда выяснилось, что глава Смольнинского Григорий Ранков активно сотрудничал с полицией. В частности, он передал записи с камер видеонаблюдения со списком присутствующих депутатов. А также изложил свой взгляд на легитимность заседания. По мнению Ранкова, заседания, организованные и проведенные без его участия, не были полноценными заседаниями, в том числе заседание 7 сентября.

Депутату Палюге вменялось в вину, что 7 сентября он обратился к неопределенному кругу лиц с речью, направленной на дискредитацию действующей власти Российской Федерации, изложенной им в обращении к депутатам Государственной Думы

РФ с просьбой применения ст. 93 Конституции РФ в связи с действиями Президента РФ с февраля 2022 года.

Депутат Палюга вину не признал.

– Не усматриваю в данном деянии признаков какого-либо преступления, – сказал он, – Тот факт, что подобное дело завели, является препятствием мне в осуществлении моей депутатской деятельности.

Адвокат в прах разнес протокол, составленный сотрудниками полиции. В протоколе были допущены ошибки и неточности, которые могли стать причиной для отправки материалов дела на доработку или даже для прекращения производства по делу. Например, неправильно был указан адрес совершения правонарушения. Заседание совета проводилось по другому адресу. Также в материалах дела отсутствовало лингвистическое заключение эксперта, который мог бы подтвердить, что в подготовленном Палюгой решении муниципального совета и выступлении содержатся признаки дискредитации.

Судья Резникова назначила депутату Палюге штраф в размере 47 тысяч рублей. Правонарушитель по этому поводу пошутил, что по текущему курсу Центрального Банка штраф составил ровно 777 долларов.

– Выиграл джек-пот, – сказал депутат Палюга.

Мое дело рассматривали на следующий день – 14 сентября.

Если городские власти хотели замять скандал, суд над строптивыми депутатами надо было провести в один день, чтобы через два дня про Смольнинское уже забыли.

Но власти смаковали процесс. Суды привлекали внимание прессы и общественности. Каждый день журналисты писали о новом депутате Смольнинского, вызванном в суд, а также напоминали читателям и зрителям причину, по которой этот депутат будет наказан: за письмо с призывом обвинить Путина в госизмене и отправить в отставку.

Судила меня судья Резникова. По мнению обвинения, я поддержал депутата Палюгу, который публично занимался дискре-

дитацией. Судья Резникова потом так и написала в постановлении суда, что я дискредитировал, поддержав депутата Палюгу, который дискредитировал первым.

На тот момент судебное решение по Палюге еще не вступило в законную силу, его планировалось обжаловать. Судья не имела права ссылаться на не вступившее в силу решение. Но кого это волнует, когда суду дана команда.

Судья Резникова вслух зачитала материалы дела. Я знаю одного мужчину, который посетил почти все судебные заседания против депутатов Смольнинского, чтобы послушать, как судья в течение получаса много раз зачитывает слова: «отрешение президента от должности... отрешение президента от должности... отрешение президента от должности».

– Как бальзам на уши, – сказал тот мужчина, – Слушал бы и слушал, еще и еще...

Адвокат подробно изложил судье недостатки протокола, составленного полицией, и указал причины, по которым действия депутата Юферева нельзя считать дискредитацией.

Судья предоставила слово мне. Я сказал суду, что ничего противозаконного не совершал. Моя прямая обязанность как депутата – участвовать в заседаниях муниципального совета, голосовать, высказывать позицию. Чем я и занимался. Заседание 7 сентября было созвано с полным соблюдением всех процедур, предусмотренных регламентом и Уставом. Было зарегистрировано достаточное количество депутатов, чтобы заседание считалось правомочным для принятия решений с точки зрения Федерального закона о местном самоуправлении. В соответствии с регламентом депутат Палюга внес проект решения, я высказался за то, чтобы муниципальный совет принял предложенное решение, а потом я проголосовал «за».

В соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении депутат не мог быть привлечен к уголовной или административной ответственности за высказанное мнение, позицию, выраженную при голосовании, и другие действия, соответствующие статусу депутата. Но именно за это меня хотели оштрафовать.

Муниципальный совет имел право направить депутатский запрос в любой орган власти, в том числе, в Государственную Думу. Такое право давал закон.

Депутаты Смольнинского не требовали от Госдумы сделать с президентом Путиным что-нибудь противозаконное. Процедура обвинения президента в государственной измене была прописана в федеральном законе. Процедура отрешения президента от должности — прописана в Конституции России. Мы попросили депутатов Госдумы воспользоваться существующими легальными процедурами, прописанными в законодательстве. Все наши требования были законны.

Я вины не признал.

Судья Резникова назначила штраф 46 тысяч рублей.

Сериал под названием «Суд над депутатами Смольнинского» продолжился на следующий день 15 сентября.

В 10:00 судья Котенева Юлия Владимировна рассматривала дело депутата Чеботаря. Через полчаса в 10:30 судья Резникова открыла заседание по делу депутата Балтрукова. В 11:00 судья Котенева, разделившись с депутатом Чеботарем, приступила к суду над депутатом Киселевой.

Все трое были признаны виновными в дискредитации. Каждый приговорен к штрафу в размере 44 тысяч рублей.

На заседании муниципального совета при рассмотрении вопроса об отставке Путина депутаты Чеботарь, Балтруков и Киселева не сказали ни одного слова. Просто проголосовали «за». Смольнинский районный суд решил, что дискредитировать можно молча, при помощи поднятой вверх руки.

Решения суда устояли в апелляционной инстанции.

Итого пять депутатов Смольнинского были оштрафованы. Еще два депутата, которые голосовали за отставку Путина, находились в тот момент за границей и не попали в цепкие лапы российского правосудия.

В сумме депутатов оштрафовали на 225 тысяч рублей.

Мы считали, что это небольшая цена за ту общественную кампанию, которую удалось организовать. Мы сделали отставку Путина темой дискуссии. Российское общество, хоть ненадолго, но взбодрилось. На фоне ужасов войны, непрекращающихся смертей, закручивания политических гаек, это был глоток надежды.

РОСПУСК СМОЛЬНИНСКОГО

13 сентября 2022 года, через неделю после заявления депутатов об отставке Путина, состоялось заседание суда по роспуску. Мы предполагали, что как и раньше, судья будет тянуть время и отложит рассмотрение дела по существу. Но что-то случилось.

Судья неожиданно вышла на вердикт. Она признала, что муниципальный совет Смольнинского бездействовал в период с января по март 2021 года. За это время депутаты провели восемь заседаний, приняли 42 решения, дважды избрали депутата Мишкинис и. о. главы муниципалитета, прокатились всем составом в 76-ое отделение полиции и прочее, о чем вы можете прочитать в начале третьей части книги. Но судья посчитала, что в отсутствие Ранкова депутаты не имели права проводить заседания. Ранков «болел». Не было Ранкова — не было заседаний. А значит, муниципальный совет Смольнинского в полном составе бездействовал на протяжении трех месяцев.

Губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов получил право распустить муниципальный совет Смольнинского.

Вот какие впечатления остались у депутата Балтрукова, который занимался защитой интересов совета в судах:

«Когда Смольнинский районный суд приступил к рассмотрению иска прокуратуры о бездействии муниципального совета Смольнинского, в качестве заинтересованных лиц были привлечены все: двадцать депутатов, Ранков, администрация Смольнинского, губернатор Санкт-Петербурга. Интересы одиннадцати депутатов коалиции отстаивал наш юрист — Евгений. Все, кроме нас, согласились с иском.

Депутаты коалиции не считали себя бездействующими. Наша позиция была очень простой: вот видео всех заседаний, вот решения (да, Ранков их не подписал, но это не значит что их

не было), вот все бумаги с требованием о созыве, вот листы регистрации, свидетельствующие о наличии кворума на каждом заседании.

Поскольку мы приобщили к материалам дела более двенадцати часов видео, рассмотрение иска шло не быстро, растягивалось между заседаниями, откладывалось. Было видно, что судье очевидна абсурдность иска и хочется максимально затянуть процесс.

Все изменилось после того, как совет обратился к депутатам Государственной думы с предложением объявить импичмент президенту Путину.

Суд установил, что решения совета, принятые в период с января по март 2021 года – не законны, потому что на них нет подписи Ранкова, а подписывать он их не обязан, как, впрочем, и созывать заседания совета. Оказалось, что обязанности, которые закон возлагает на главу муниципалитета, глава может не исполнять.

Смоленский районный суд забил самый большой гвоздь в законодательство о муниципальной власти в РФ. Получилось, что глава, проиграв выборы, может вообще не созывать заседания совета или не подписывать решения, а по истечении трех месяцев распустить совет якобы за бездействие. И назначить новые выборы. Повторяя этот процесс, глава, даже проигрывая каждые выборы, теперь может оставаться во власти бесконечно долго, полностью игнорируя волю избирателей.

Получилось, что глава никому ничего не должен. А депутаты – должны все время. Практически все суды начального периода нашей работы крутились вокруг вопроса о том, может ли совет отказать принимать решение, которое его не устраивает. Например, не присваивать классный чин или не выбирать из двух плохих кандидатов на должность. К сожалению, конечный итог этих споров на сегодня гласит, что нет – не может. Депутаты обязаны поднять руки за, даже если они против.

Несмотря на то, что в России не прецедентное право, другие суды по всей стране стали ссылаться на решение Смоленска

ского районного суда. Ранков и его покровители разрушили муниципальный парламентаризм не только в Смольнинском.

Параллельно первому, появился второй иск прокуратуры. Прокурор посчитал, что муниципальный совет Смольнинского не исполнил решение городского суда, который обязал совет опубликовать пять судебных решений на сайте и в муниципальной газете.

Иск был абсурден. По закону неисполнение решения суда могло привести к роспуску, только если совет не исполнил решение суда в рамках своей компетенции. Редактирование сайта и печать газеты явно были не в компетенции всего совета.

Я был главным редактором муниципальной газеты, выпуск которой был заблокирован администрацией Смольнинского. Поскольку газета выходила не периодически (точнее, совсем не выходила), то законодательство позволяло мне опубликовать решения суда в первом по очереди номере. Поскольку Колб саботировал заключение контракта с типографией, то номеров не было ни одного. Я готов был опубликовать решения суда в ближайшем номере, как только появится такая возможность.

Ответственным за наполнение сайта совет сделал председателя КСК (им был депутат Никита Юферев). Все решения суда на сайте были опубликованы. Прокуратура просто их не нашла. Наши юристы аккуратно и правильно заверили у нотариуса содержание интернет-страницы, на которой были опубликованы решения, и продемонстрировали суду.

Даже если допустить, что в ходе опубликования на сайте и в газете мы совершили какие-то нарушения, то их нельзя рассматривать как бездействие целого совета. Максимум, это были нарушения, допущенные конкретными депутатами: Балтруковым и Юферевым.

Как ни странно, Смольнинский районный суд частично прислушался к нашей позиции. После ряда заседаний, где мы с привлечением экспертов объясняли суду особенности работы сай-

тов, суд принял решение признать отсутствие публикаций, но не устанавливать в нем вину муниципального совета.

Таким образом, первая инстанция отказала прокуратуре в праве на роспуск совета Смольнинского. Прокуратура оперативно подала обжалование в вышестоящий Городской суд.

Но произошли некоторые изменения.

После того, как мы потребовали отправить Путина в отставку, наши шансы на честное правосудие, скажем так, несколько снизились. Городской суд очень оперативно пересмотрел решение районного суда и вынес новое решение, признав муниципальный совет Смольнинского виновным в непубликации.

Также городской суд отклонил нашу апелляцию на решение Смольнинского суда о бездействии в период с января по март 2021 года».

Таким образом, губернатор Санкт-Петербурга получил возможность распустить муниципальный совет Смольнинского. Даже две! Основную: за «бездействие» в течение трех месяцев. И контрольную: за «непубликацию» на сайте и в газете. Мы знаем, что на самом деле стало причиной.

Губернатор внес в Законодательное собрание два законопроекта о роспуске.

В конце сентября 2022 года адвокат попросил нас приехать к нему в офис и сообщил, что нужно серьезно поговорить. Он пригласил всех депутатов, кто стоял на крыльце в тот день, когда мы принимали решение о госизмене. Адвокат сообщил, что мы раздали очень много интервью и наговорили разных слов. Он сказал, что в адвокатском сообществе есть консенсус, что власти не останутся на административном наказании депутатов Смольнинского, и попросил «серьезно подумать о минимизации рисков».

В пятницу вечером наша семья ехала на дачу. Я был за рулем, жена сидела рядом. Дети на заднем сиденье колотили друг друга игрушками. Мы с женой обсуждали «минимизацию рис-

ков», когда запиликал телефон. Пришло голосовое сообщение от хорошего человека. Я не мог отвлечься от дороги и попросил жену включить сообщение на громкую связь. Жена и дети услышали, что надо уезжать из России. Срок был поставлен до понедельника.

Жена не смогла сдержать слез. Дети сказали, что никуда не поедут, потому что во всех поездках мы таскаем их на экскурсии в скучные замки и парки, а им это не интересно, поэтому мы можем ехать, куда хотим, а они остаются.

В субботу мы собрали документы, сняли со счетов все деньги, которые были (откровенно говоря, их почти не было), выкопали картошку на даче. Рано утром в воскресенье – это было в годовщину нашей свадьбы 25 сентября – мы посадили полусонных детей в машину и поехали на границу с Финляндией. Вся семья уехала в длительный незапланированный отпуск.

Помимо меня, осенью 2022 года еще пять депутатов Смольнинского вынужденно оказались за границей.

Отъезд никак не повлиял на депутатскую работу.

Жители Смольнинского продолжили мне писать. Они почти никогда не жаловались на проблемы, которые относились к полномочиям муниципального депутата, но я прекрасно понимал, что меня воспринимали как защитника, и старался помочь, направляя депутатские запросы в ответственные службы. Иногда это выливалось в целую серию жалоб, протестов вышестоящему лицу или в правоохранительные органы, пока проблема не решалась. Всего, находясь за границей, я отправил 399 депутатских запросов.

Надо признать, что помогать избирателям – единственное, что могли делать депутаты Смольнинского. Единороссы начали саботировать системные документы задолго до начала войны. С 2020 года Ранков ни разу не подписал бюджет, утвержденный депутатами. Положения и правила, за которые проголосовало большинство – не исполнялись. Против нас воевали суды, губернатор, прокуратура, полиция и государственные пропагандисты.

Следственный комитет России возбудил против меня уголовное дело по статье 280.3 часть 1 за дискредитацию российской армии. Наказание предусматривает лишение свободы до пяти лет.

В материалах уголовного дела только два свидетеля: Ранков и Колб. Помимо свидетельских показаний Ранков, как глава муниципалитета, направил следствию длинную характеристику на депутата Юферева: «Неоднократно публично срывал со стены и рвал портрет Президента РФ Владимира Путина», «Являлся автором провокационных решений Муниципального совета, обращений в адрес Президента РФ и иных органов исполнительной власти, а также был участником различных протестных митингов, демонстраций, пикетов, которые подрывают суверенитет государства и политической стабильности (*орфография и пунктуация сохранены – Н.Ю.*)».

Следствие по уголовному делу вело то же самое подразделение, которое «расследует» взрыв на заседании совета. В моем случае волокиты и затягивания не было.

Судья Смольнинского районного суда Буланая заочно арестовала меня. Я объявлен в международный розыск и в ближайшее время не смогу вернуться в Санкт-Петербург.

Депутаты Законодательного собрания долго тянули. Законопроекты о роспуске Смольнинского рассматривали почти год. Они могли утвердить закон сразу, как только он поступил, но тогда в Смольнинском пришлось бы проводить досрочные выборы. Я уже писал, что власти любили проводить выборы одновременно во всех муниципалитетах. Отдельные выборы могли сконцентрировать внимание всей городской оппозиции на конкретном муниципалитете и доставить действующим властям кучу проблем.

В Законодательном собрании сидела кучка единороссов, которые почему-то называли себя депутатами, хотя ни разу в жизни не проголосовали самостоятельно, без указания сверху. Разве что депутат Юрий Глудунов («ЕР») отличился. Во время выступ-

ления он назвал депутатов Смольнинского «педерастами». Вслух, в микрофон, прямо во время официального заседания парламента, в стенах Мариинского дворца. Мы люди не обидчивые, но безумно стыдно, во что единороссы превращают российский парламентаризм, позволяя себе использовать ненормативную лексику в публичных выступлениях. Петербуржцы так не поступают.

1 апреля 2024 года два закона о роспуске Смольнинского вступили в силу. Впервые в истории города муниципальный совет был распущен. Дважды!

До конца полномочий оставалось пять месяцев. Роспуск не решил ни одной проблемы муниципалитета. Единственным последствием стало то, что бывшие депутаты потеряли право повторно участвовать в выборах. Так говорил закон. Ранкова эта санкция не коснулась, потому что он не был депутатом. Он остался главой Смольнинского.

Никто из депутатов Смольнинского не был профессиональным политиком. Даже в страшном сне мы не могли предположить, чем закончится поход во власть. Мы – обычные граждане, которые хотели добиться изменений. Мы готовились улучшить Смольнинское, бороться с местными жуликами, а фактически оказались перед выбором: предать убеждения или пойти на риски. Если бы в 2019 году мне сказали, что депутатский срок я закончу с уголовным делом, вдали от Родины, я бы не поверил.

«Важно, что мы сохранили человеческое лицо. Мне не стыдно за наши действия», – сказал депутат Балтруков.

Мне тоже. Мы сражались достойно.

И это – еще не конец.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов вручил Ранкову официальную благодарность. Ранков — ценный управленческий кадр. Путинская система держится на таких, как он.

Елена Бархатова сообщила, что живет в центре Санкт-Петербурга в коммунальной квартире. Она учит детей математике в общеобразовательной школе и реализует проекты «Поколение в диалоге» и «Муниципальное управление — дебаты».

26 апреля 2023 года стало известно, что после продолжительной болезни скончался депутат Гудков. Борис Николаевич любил свою собаку, хорошие шутки и содержательные беседы. Он часто рассказывал мне, как проводил отпуск в своем маленьком домике в лесу, на берегу озера. Когда мы обсуждали политику, я часто был не согласен с Гудковым, но уважал его. Очень жаль, что его не стало. Покойтесь с миром, Борис Николаевич!

Другие депутаты Смольнинского живы и здоровы.

Екатерина Кузнецова вышла на пенсию и живет в Болгарии. Дмитрий Палюга живет в Грузии, он завел третьего кота. Дмитрий Балтруков развивает образовательные и IT-проекты в Узбекистане.

Анна Киселева осталась в Петербурге. Елена Мишкинис тоже, она работает и воспитывает сына. Радислав Полуйков, по его словам, ушел в засаду. Павел Безумов улучшает свой дом и свой двор, играет рок-н-ролл на электрогитаре. Иван Чеботарь уволился с работы и ищет новую. Марина Шпринг сообщила, что живет в России и ждет, когда (фамилия удалена) сдохнет.

Моя семья живет в Германии. У нас все хорошо.

Депутатство — это потрясающий опыт! Я благодарен избирателям Смольнинского, что доверили представлять их интересы и следили за работой нашей команды. Пока есть такие люди, как наши избиратели, у России есть шанс на перемены и на счастли-

вое будущее. Пока есть такие люди, как мои дорогие друзья – дерзкие депутаты Смольнинского, я уверен, все у нас получится!

Никита Юферев, 2024 год, Бонн

P.S.: Если вам понравилась эта книга, вы можете поддержать автора. Лучший способ: порекомендуйте книгу друзьям и знакомым. Вы имеете право распространять текст в некоммерческих целях. Если у Вас в руках печатная книга, дайте прочитать другому. Если вы читаете в электронном виде, направьте файл с книгой своим друзьям.